

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 4 (61) 2018

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 24,68 усл. п.л. Заказ № 1256.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Мировая экономика

- 7 Мантуров Д.В. – О промышленной политике России на перспективу 2018-2030 гг.
- 23 Горбанёв В.А., Кочуров Б.И. – Проблемы территориального районирования России: национальные и международные аспекты
- 55 Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. – Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации
- 78 Махмутова Е.В. – Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели
- 92 Олейнов А.Г. – Экономическое будущее глобализации
- 107 Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. – Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье

К годовщинам Эвианской и Бермудской конференций

- 125 Иванов Д.В., Крылов А.В., Морозов В.М., Печатнов В.О., Скляр С.А., Шебалина Е.О. – «Совесь мира» или «заговор молчания»? К годовщинам Эвианской и Бермудской конференций
- 153 Bartrop Paul R. – Australia's Participation and Performance at the Evian Conference: Integrity or Shame?

Политика памяти

- 168 Артизов А.Н. – Российские архивы и публичная дипломатия: актуализация истории советско-чешских отношений

- 178 Пахалюк К.А. – Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого
- 204 Белов С.И. – Образ России и россиян в польских исторических фильмах (на материалах экспертных интервью)

Внешняя политика США

- 219 Tohid Asadi, Marzieh Javadi Arjmand – Presidential-Congressional Relations in US Foreign Policy Decision-Making: a Theoretical Treatise
- 241 Юнгблюд В.Т., Садаков Д. А. – Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного реагирования

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

- 262 Борисова А.Р. – Россия и США: долгосрочная конфронтация или новые правила игры?
- 269 Хенкин С.М. – Ракурсы идентичности

Table of Contents 4 • 2018

RESEARCH ARTICLES

World Economy

- 7 Manturov D.V. – On the Industrial Policy of Russia for 2018-2030
- 23 Gorbanyov V.A., Kochurov B.I. – The Problem of Territorial Zoning of the Russian Federation: Domestic and International Aspects
- 55 Fituni L.L., Abramova I.O. – Muslim Pole of the World Economy and the Genie of Globalization
- 78 Makhmutova E.V. – Central Asia in Search for its Own Way of Integration
- 92 Oleynov A.G. – Economic Future of Globalization
- 107 Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. – Platform Capitalism as a Source of Digital Rentier's Superprofit

Remembering Évian and Bermuda Conferences

- 125 Ivanov D.V., Krylov A.V., Morozov V.M., Pechatnov V.O., Sklyarov S.A., Shebalina E.O. – «Conscience of the World» or «Conspiracy of Silence»? To the Anniversaries of the Évian and Bermuda Conferences
- 153 Bartrop Paul R. – Australia's Participation and Performance at the Evian Conference: Integrity or Shame

Politics of memory

- 168 Artizov A.N. – Russian Archives and Public Diplomacy: The Actualization of the History of The Soviet-Czech Relations

- 178 Pakhaluk K. A. – Russia and Bulgaria: From «Memorial Wars» to the Search for Common Past

- 204 Belov S.I. – Image of Russia and Russians in Polish Historical Films (On Materials of Expert Interviews)

US Foreign Policy

- 219 Tohid Asadi, Marzieh Javadi Arjmand – Presidential-Congressional Relations in US Foreign Policy Decision-Making: a Theoretical Treatise

- 241 Yungblud V., Sadakov D. – Diplomatic Support of US Involvement In The Korean War June 25 – July 6 1950: Crisis Response Experience

BOOK REVIEWS

- 262 Borisova A.R. – Russia and the United States: Long-Term Confrontation or New Rules of the Game?

- 269 Khenkin S.M. – Identity Perspectives

О ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ПЕРСПЕКТИВУ 2018-2030 ГГ.

Д.В. Мантуров

Министерство промышленности и торговли Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы развития промышленной политики в Российской Федерации в ближайшие годы. Предметом рассмотрения являются ключевые вызовы для промышленного развития на горизонте 2018-2030 гг., риски и условия осуществления промышленной политики, возможные стратегические альтернативы и следующие из них цели, задачи и элементы промышленной политики.

Методология исследования основана на структурировании факторов, определяющих государственную промышленную политику, и приведении их в соответствие с действующими или возможными элементами промышленной политики. В последнем случае направления разработки или адаптации формируются с учётом складывающихся подходов в органах государственной власти и экспертном обществе.

Основные результаты исследования сводятся к следующему. Наибольшее внимания при реализации промышленной политики, по нашему мнению, требуют глобальные риски усиления санкций. Из возможных стратегических альтернатив промышленного развития целесообразна реализация промежуточного варианта между альтернативами «основа экономического развития и ключевой источник бюджетных доходов» и «средство диверсификации рисков российской экономики». Ориентация на экспорт предполагает концентрацию на формировании долгосрочных глобальных конкурентных позиций. Достижение установленных целевых ориентиров (объёмов экспорта) требует постоянных высоких темпов роста промышленного производства – на уровне не менее 4,2% ежегодно. Промышленная политика сводится к действиям по нескольким ключевым направлениям при общей экспортной ориентации. Для каждого из направлений уже в ближайшие один-два года потребуются актуализация как документов стратегического планирования, так и набора инструментов промышленной политики. При продолжительности большинства инвестиционных проектов в промышленности порядка три-пять лет, в основу дорожной карты внедрения новой промышленной политики должно лечь обновление ключевых документов стратегического планирования уже до конца 2018 г., что ограничивает разработку и применение инструментов, требующих существенной переработки правового регулирования.

Ключевые слова: Промышленная политика, экспорт, импортозамещение, стратегическое планирование

УДК 338.45, 339.97 JEL L52

Поступила в редакцию 20.07.2018 г.

Принята к публикации 14.08.2018 г.

Необходимость дальнейшего совершенствования механизмов формирования и реализации промышленной политики объясняется складывающейся макроэкономической ситуацией и поставленными стратегическими задачами. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 1 марта 2018 г. было отмечено, что достигнутая стабильная макроэкономическая ситуация открывает новые возможности для прорывного развития, для долгосрочного роста. Для дальнейшего изменения структуры национальной экономики необходимо на принципиально ином уровне задействовать источники роста. Прежде всего – увеличить производительность труда на новой технологической, управленческой и кадровой основе. В течение шести лет необходимо практически удвоить объём несырьевого, неэнергетического экспорта до 250 млрд дол., в том числе довести поставки продукции машиностроения до 50 млрд, а также увеличить инвестиции до 25% ВВП (в дальнейшем – до 27%).

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» эти задачи были дополнительно конкретизированы. Уже на уровне национальных целей развития перед промышленностью поставлены амбициозные целевые ориентиры. Если для экономики в целом предполагается обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, то достичь их необходимо в том числе за счёт создания в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортноориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами. Тем самым, экспортная ориентация промышленной политики оказывается predetermined, так же, как и её технологический характер. Требования и целевые ориентиры в части формируемой национальной программы в сфере повышения производительности труда и поддержки занятости (рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год) и в части национальной программы в сфере развития международной кооперации и экспорта (формирование конкурентоспособных несырьевых секторов с общей долей экспорта товаров (работ, услуг) не менее 20% ВВП и др.) ещё более конкретизируют желаемый образ промышленности на ближайшее будущее.

Современное состояние промышленного производства пока далеко от целевого. Основу экспорта формируют продукты низких переделов – нефть, газ, уголь, металлы. Напротив, внутренний рынок высокотехнологичных товаров характеризуется высокой зависимостью от импорта, достигающего (по высокотехнологичным товарам) в нефтегазовом машиностроении – 47,3%, а в станкостроении - 70-80% (по отдельным типам оборудования).

Промышленная политика сегодня, напротив, уже прочно закрепились в системе государственных приоритетов и инструментов управления. Переосмысление опыта 1990-2000-х гг., как выполненное нами [3], так и другими исследователями, в частности, Ю. Симачёвым [9], и результаты применения мер промышленной политики в 2014-2018 гг. свидетельствуют о возможности и необходимости её перспективного развития.

Перспективная схема реализации промышленной политики должна определить оптимальную траекторию перехода из современного состояния российской промышленности в целевое, при этом обеспечивая устранение структурных дисбалансов, формирование адекватных ответов на основные внешние вызовы и минимизацию влияния ключевых рисков. При этом мы в любом случае остаёмся в пределах вероятностного анализа и формируем поле для исследований, отвечающих идее В. Тамбовцева о наиболее плодотворном направлении исследований промышленной политики [10]: доказательной демонстрации вероятных экономических, социальных и политических последствий фактических действий государства.

Ключевые вызовы для промышленного развития и промышленной политики на горизонте 2018-2030 гг.

Российская промышленность сталкивается с рядом вызовов, успешность парирования которых определит контуры её долгосрочного развития. Во многом эти вызовы уже звучали в том или ином преломлении в значительном числе работ и, так или иначе, связаны с «Четвёртой промышленной революцией». Это уже замечено многими российскими исследователями, в том числе в ходе выполнения специализированных исследовательских проектов, таких как, например, проект РГНФ 15-02-00354 «Промышленная политика в условиях новой индустриализации и становления шестого технологического уклада» [8]; результаты изысканий, выводы о необходимости нового образа промышленной политики с учётом цифровизации уже стали предметом научных докладов и конференций [6]. В дополнение к технологическим и экономическим вызовам, формируемым «индустрией 4.0», вызовами для развития российской промышленности являются и политические решения, принимаемые лидерами мировой экономики, в том числе расширение практики взаимных торговых ограничений и санкций.

В результате действия внешних факторов и глобальных вызовов может сложиться впечатление, что ситуация в целом неблагоприятна для экспортно-ориентированного развития промышленности: экспортной экспансии препятствуют санкции, связанные с ними ограничения доступа к финансовым рынкам, барьеры трансфера технологий, усиление конкуренции в том числе с помощью внеэкономических рычагов, растущее технологическое отставание российской промышленности. Как минимум, это означает необходимость по-

иска оптимальной промышленной политики, опирающейся на преимущества и сильные стороны российской экономики: обширную сырьевую базу, обеспеченность энергоресурсами, сохраняющееся наличие высококвалифицированной рабочей силы, высокую конкурентоспособность по отдельным видам товаров или издержек. Это может позволить реализовать ряд возможностей, таких как переход к новому технологическому укладу и цифровизации экономики, рост производительности, интенсификация сотрудничества с странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки. Применительно к внутренним факторам развития эти возможности в значительной мере уже осознаны и готовятся к реализации в рамках приоритетных проектов: «Производительность труда», «Международная кооперация и экспорт» и др.

Риски и условия осуществления промышленной политики

Реализация промышленной политики осуществляется в условиях воздействия широкого комплекса рисков, в том числе макроэкономических (глобального и национального уровня) и технологических. Фактически любое воздействие, связанное с вероятностным воздействием на рынки промышленной продукции, спрос или предложение, может быть отнесено к рискам. При этом композиция рисков в последние годы так же, как и система вызовов, изменилась достаточно существенно для пересмотра или обновления промышленной политики.

Первую группу рисков, макроэкономические риски, связанные с неблагоприятными изменениями общих параметров экономического развития, можно разделить на глобальные и национальные.

К актуальным рискам глобального масштаба следует отнести:

- сохранение и усиление санкционной политики в отношении России;
- риск девальвации ведущих мировых валют, в том числе национальной валюты Китая;
- риск циклических колебаний мировой экономики.

Если до 2014 г. российская экономика развивалась, ориентируясь на глобальные рынки и интеграцию в мировую экономику, с охлаждением отношений между Российской Федерацией и западными странами произошёл поворот к импортозамещению. В то же время режим санкций не рассматривался на стратегическую перспективу и в любом случае ограничивался достаточно узким перечнем секторальных и персональных санкций. Политика импортозамещения ориентировалась на достижение результатов в краткосрочном (сельское хозяйство) и среднесрочном (промышленность) периоде. Сегодня становится очевидным стремление США и части других стран продолжить санкционное давление. Промышленная политика в этих условиях рассматривается с позиции экономической безопасности [2], а санкции – как значимый фактор формирования

промышленной политики как таковой [1]. Сохранение и усиление санкционной политики в отношении России приведёт к ограничению доступа к финансовому и инвестиционному капиталу из-за рубежа, а также к новейшему иностранному технологическому оборудованию. Усиление санкций может также осложнить доступ продукции обрабатывающих отраслей к иностранным рынкам сбыта. В зависимости от изменений политической ситуации для Российской Федерации могут оказаться недоступными массовые технологии или же направления экспорта, что поставит под угрозу стратегические решения, ориентированные на глобальный рынок и широкую интеграцию в мировую экономику. Для минимизации этого риска потребуется поддерживать определённый уровень ключевых компетенций даже с учётом заведомого проигрыша в конкурентоспособности мировым лидерам на соответствующих рынках. Совокупность действий по минимизации данного риска – это продолжение внутреннего производства средств производства (оборудования, машин, инструмента) в рамках импортозамещения. Планы мероприятий по поддержке импортозамещения были сформированы непосредственно после введения санкций в 2014 г. В настоящее время по основной части направлений критическая зависимость преодолена, но отсутствие собственных технологий и разработок, дефицит высококвалифицированных кадров не позволяют достигнуть установленных показателей по всем импортозависимым позициям. Для более резкого снижения уровня импортозависимости требуются комплексные меры поддержки. Применение таких комплексных мер будет осуществляться в рамках решения задач по увеличению количества «эффективных» производителей в обрабатывающей промышленности, развитию конкурентоспособных технологий. Невозможность формирования партнёрств с иностранными компаниями по политическим мотивам ограничит обмен компетенциями и технологиями с иностранными производителями, что приведёт к повышению импортозависимости высокотехнологичного оборудования. Для минимизации влияния данного риска потребуется реализация мер по усовершенствованию системы научно-исследовательских организаций, системы подготовки кадров, привлечению модернизированных предприятий смежных отраслей с сильными компетенциями в НИОКР.

Риск девальвации ведущих мировых валют хотя и существовал всегда, в настоящее время обостряется в связи с глобальными политическими процессами, среди которых напряжённые отношения США с некоторыми странами мира, выход из ЕС Великобритании, замедление китайской экономики. С учётом участия Российской Федерации в мировой экономике и международных финансовых организациях, резкие колебания курсов ведущих мировых валют могут осложнить возможность проведения активной промышленной политики, в том числе усилия по развитию внешней торговли. Минимизация воздействия валютных рисков определяется способностью экономики к опоре на внутренние ресурсы и национальную валюту. Механизмом снижения воздействия риска является обеспечение сбалансированного развития по отношению к внутреннему и внешним

рынкам, без существенной концентрации на узких экспортных направлениях. Диверсификация рынков сбыта национальной продукции позволит сократить воздействие соответствующих рисков на развитие промышленности.

Риск циклических колебаний мировой экономики связан с наступлением очередного периода спада мировой экономики исходя из эмпирических наблюдений о циклах Жюгляра (7-11 лет) и о предыдущем глобальном экономическом кризисе 2008-2011 гг. Принимая во внимание медленное восстановление мировой экономики после последнего кризиса, наступление очередного спада носит отложенный характер, но в любом случае может произойти в пределах рассматриваемого периода. Механизмы диверсификации рисков предполагают адаптационный характер планирования и реализации промышленной политики, её подстройку под меняющиеся внешние условия.

К макроэкономическим рискам национального масштаба, изменение которых требует рассмотрения, относится риск ухудшения макроэкономической ситуации в стране. Ухудшение макроэкономической ситуации (экономический кризис национальной экономики) может рассматриваться как следствие воздействия глобальных причин. При стабильной политической системе колебания мировой экономики отразятся на российской экономике, что окажет негативное влияние на инвестиционные планы промышленных предприятий и на внутренний спрос на промышленную продукцию. Механизмы минимизации этого риска к настоящему времени в основном отработаны и представляют собой совокупность стабилизационных мероприятий, сглаживающих последствия для экономической активности: стимулирование спроса на продукцию обрабатывающей промышленности, поддержка инвестиционной активности, обеспечение финансовой устойчивости предприятий, доступности оборотного капитала и средств для инвестирования в развитие.

Технологические риски при реализации промышленной политики, связанные с возможным изменением технологий или технологическим шоком, обещающим усилия по развитию отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, также могут оказать существенное влияние на достижение результатов. Снижение влияния технологических рисков обеспечивается за счёт гармонизации промышленной и технологической политики.

Характер влияния рисков характеризуется возможным неполным достижением целей, не обеспечением выхода на целевые индикаторы. Превышение сроков достижения ожидаемых результатов или превышение стоимости достижения ожидаемого результата являются вторичным с позиции реализации промышленной политики в долгосрочном периоде.

Наибольшего внимания при реализации промышленной политики, по нашему мнению, требуют глобальные риски усиления санкций. В случае ограничения доступа российской промышленности к мировым рынкам сырья, технологий, капитала, или к рынкам сбыта, потребуются значительное увеличение ресурсов, осуществление дополнительных затрат на решение поставленных задач.

Выбор стратегической альтернативы промышленной политики

Возможные стратегические альтернативы в промышленном развитии сводятся к одной из следующих ролей обрабатывающей промышленности:

- инструмент решения внутренних задач;
- инструмент поддержки добывающих отраслей;
- основа экономического развития и ключевой источник бюджетных доходов;
- средство диверсификации рисков российской экономики.

Представленный перечень альтернатив (Таблица 1) охватывает все основные направления промышленного развития для Российской Федерации.

Таблица 1. Стратегические альтернативы в промышленном развитии
Table 1. Strategic alternatives in industrial development

Альтернатива	Приоритетные цели	Целевые рынки	Ключевые отрасли
Инструмент решения внутренних задач	Безопасность, социальная стабильность	Внутренние, импортозамещение	Средства производства, системообразующие компании во всех отраслях
Инструмент поддержки добывающих отраслей	Добывающая промышленность как лидирующий сектор	Внутренние, импортозамещение	Средства производства, химическая промышленность
Средство диверсификации рисков	Баланс отраслей экономики	Внешние и импортозамещение	Отсутствуют (широкий перечень направлений)
Основа экономического развития и источник доходов	Обрабатывающая промышленность как лидирующий сектор	Внешние рынки	Несколько отраслей с массовым производством

Источник: сформировано автором

Альтернатива «инструмент решения внутренних задач» предполагает акцент на отрасли обрабатывающей промышленности, обеспечивающие достижение политических целей, безопасности и суверенитета государства, социальной стабильности. В рамках альтернативы развитие получают отрасли, в которых государственное присутствие существенно, есть значимые рычаги воздействия на спрос и технологическое развитие. Выход на мировые рынки рассматривается как желательный, с позиции экономии от масштаба, но не обязательный результат воздействия государства на развитие промышленных производств. Альтернатива, по сути, ориентирована на автаркическое развитие промышленности и обеспечение максимальных возможностей импортозамещения. Отраслевая структура промышленности характеризуется присутствием национальных производителей в большинстве отраслей при опережающем развитии сферы средств производства и системообразующих производств.

Альтернатива «инструмент поддержки добывающих отраслей» предполагает дополнительное развитие промышленности и соответствующих технологий,

ориентированных на максимальное формирование, продление и использование конкурентных преимуществ добывающей промышленности. В рамках альтернативы сложившееся позиционирование Российской Федерации как глобального игрока на рынках энергетических ресурсов, металлов, химических удобрений и другой массовой экспортной продукции получает поддержку со стороны связанных отраслей промышленности; интенсивно развиваются отдельные отрасли машиностроения, а также химической промышленности. Отраслевая структура промышленности характеризуется увеличением доли отраслей и секторов промышленности, связанных с добывающим сектором: нефтегазового машиностроения, энергетического машиностроения, химической промышленности.

Альтернатива «средство диверсификации рисков» напротив исходит из развития промышленности как альтернативы сырьевому экономическому развитию, максимального усложнения экономики и обеспечения её устойчивости к любым внешним воздействиям. Минимизация рисков оценивается в том числе с позиции балансирования ускоренного развития сферы услуг и непродвиженной деятельности, традиционно неустойчивых к экономическим шокам (кризисам). Обеспечивается развитие достаточно широкого перечня направлений, от традиционных до венчурных, независимо от экспортного потенциала. Реализация альтернативы предполагает активное импортозамещение, но в отличие от варианта «решение внутренних задач» не ставит приоритетной целью построение обособленных автономных межотраслевых комплексов или кластеров.

Альтернатива «основа экономического развития и ключевой источник бюджетных доходов» рассматривает обрабатывающую промышленность как основной источник роста валового внутреннего продукта на долгосрочный период, выведение промышленности в лидеры экономического развития и преимущественную ориентацию на внешние рынки. Отраслевая структура промышленности меняется в пользу ограниченного числа ориентированных на массовый экспорт предприятий обрабатывающей промышленности среднего и высокого технологического уровня.

Из представленного набора альтернатив первые две очевидно не соответствуют стратегическим целям развития. Рассмотрение промышленности как инструмента решения внутренних задач не позволяет достичь увеличения экспорта в принципе, и является вариантом действий в экстремальных политических и экономических условиях. Развитие промышленности как обеспечивающей среды для сырьевых отраслей потенциально способно обеспечить достижение многих национальных целей в экономической и социальной сфере, но не позволяет достичь целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта.

Таким образом, фактический выбор осуществляется между двумя оставшимися вариантами. Наиболее предпочтительным является реализация промежуточного варианта между альтернативами «средство диверсификации рисков российской экономики» и «основа экономического развития и ключевой источник бюджетных доходов», с постепенным смещением к последнему. Для ис-

пользования варианта «основа экономического развития и ключевой источник бюджетных доходов» требуются масштабные государственные инвестиции и интенсивная структурная перестройка экономики, на которые, очевидно, может не хватить достаточных ресурсов, а исключительно вариант «средство диверсификации рисков российской экономики» не позволяет решить долгосрочных задач стратегического развития.

Цель и задачи промышленной политики на 2018-2030 гг.

С учётом общих национальных целей до 2024 г. и представленного выше набора альтернатив, целью промышленной политики является создание в обрабатывающей промышленности высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами. Такое понимание цели, соответствующее Указу Президента России от 7 мая 2018 г. №204, предполагает диверсификацию промышленности и изменение роли России на мировых товарных рынках и рынках услуг, определяемые значимыми объёмами выпуска и экспорта промышленной продукции в 2-5 стратегических конкурентных позициях - целевых нишах на глобальных рынках.

Диверсификация должна обеспечить решение задачи по формированию в обрабатывающей промышленности глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20% валового внутреннего продукта страны. Изменение роли промышленности на глобальных рынках должно обеспечить достижение целевых показателей экспорта: 250 млрд долл. США в целом по несырьевым неэнергетическим товарам, 50 млрд долл. США – продукции машиностроения.

Достижение цели означает, что промышленная политика должна обеспечивать опережающие темпы роста промышленного производства по отношению к другим отраслям экономики. Если оценивать несырьевой неэнергетический промышленный экспорт в 2017 г. на уровне 134,2 млрд долл. США, то для достижения целевого значения необходим ежегодный прирост экспорта промышленности не менее, чем на 8-9% (таблица 2).

Таблица 2. Необходимые темпы увеличения несырьевого экспорта
Table 2. Necessary rates of increase in non-commodity exports

	Объем, млрд долл. США			Среднегодовой рост, %
	2017	2018	2024	
Несырьевой неэнергетический экспорт	134,2	152,9	250,0	9,3%
Экспорт промышленности	113,5	129,9	205,0	8,8%
Экспорт АПК	20,7	23,0	45,0	11,7%

Источник: ФТС России, расчёты автора

Это, в свою очередь, означает, что для промышленности, в настоящее время не обладающей достаточным запасом конкурентоспособных свободных мощностей, потребуется активное расширение производства, ориентированного на мировой рынок. Необходимые темпы роста могут быть оценены на основе простой модели.

При общем объёме отгруженных обрабатывающей промышленностью товаров, работ, услуг за 2017 г. в размере 36,3 трлн рублей¹ (порядка 623 млрд долл. США), общая доля экспорта промышленности в объёме выпуска российских обрабатывающих производств составляет около 18%. Рост российского ВВП в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 г. и среднесрочную перспективу 2018-2020 гг. был оценен Минэкономразвития России на уровне порядка 2,2%-3,1% в целевом сценарии развития экономики. Если предположить, что внутренний спрос будет расти ежегодно с темпом, близким к прогнозной динамике ВВП, то есть 3%, то для удовлетворения потребностей внутреннего потребления и выполнения экспортных обязательств потребуется ежегодный прирост промышленного производства на уровне более 4% (таблица 3).

Таблица 3. Необходимые темпы увеличения промышленного производства
Table 3. Necessary rates of increase in industrial production

	Объем, млрд. долл. США		Среднегодовой рост, %
	2017	2024	
Экспорт	113,5	205,0	8,8%
Внутреннее потребление	509,5	626,6	3,0%
Всего производство	623,0	831,6	4,2%

Источник: расчёты автора

Таким образом, ускоренное расширение экспорта должно сопровождаться ростом выпуска, очевидно превышающим планку в 4% в год. Потребность в опережающем характере развития по крайней мере ключевых ориентированных на экспорт отраслей промышленности в данном случае становится очевидной.

Задачи формируются в форме ответов на существующие вызовы и риски и представляют собой направления реализации промышленной политики по всему жизненному циклу продукции: технологическая для создания товаров, инвестиционная для создания производства, инфраструктурная в интересах производства и сбыта, внешнеторговая для формирования и развития глобальных рынков для российской продукции. С учётом необходимости концентрации усилий, к числу задач промышленной политики можно отнести как определение

¹ Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по отдельным видам экономической деятельности Российской Федерации. Данные по ОКВЭД2 (КДЕС Ред. 2). Росстат, официальный интернет-ресурс. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/otgruz_17-18.xlsx (дата обращения 16.08.2018)

возможных ключевых отраслей и направлений, способных обеспечить рост производства и экспортную экспансию, так и подстройку набора мер поддержки под требования отраслей и внешние условия (глобальные тренды и риски).

Особенности перспективной промышленной политики

Для каждого из направлений уже в ближайшие один-два года потребуется актуализация как документов стратегического планирования, так и набора инструментов промышленной политики.

Для технологической политики необходим переход от отраслевых принципов управления к платформенным, как более отвечающим требованиям инновационного технологического развития. Традиционные линейные (иерархические) модели управления не справляются с изменениями в экономике: «Четвёртая промышленная революция» предполагает переход на тотальную цифровизацию технологий, отказ от линейных технологических цепочек в пользу сетевых и многосторонних рынков. Необходимость учёта и увязки технологических платформ и промышленной политики отмечается, в частности, С.В. Ореховой [4; 5]: «форматирование» рынков цифровыми платформами приводит к необходимости изменения промышленной политики, пока что носящей преимущественно отраслевой характер. Контекст развития промышленной политики на платформенных принципах в целом соответствует вызовам Стратегии научно-технологического развития России до 2035 г. и предполагает развитие платформенных технологий управления – распределённых цифровых систем, обеспечивающих на основе единых стандартов проведение всех операций, необходимых для управления производственной деятельностью.

Для инвестиционной промышленной политики необходимы формирование набора допустимых инструментов поддержки, оценки потребности отраслей в получении государственного финансирования, выделение и устранение нефинансовых препятствий для инвестирования, формирование пакета решений, обеспечивающих развитие соответствующей сферы, а также связанных с промышленным производством сервисных процессов.

В инфраструктурной сфере с учётом решения задач развития промышленности потребуется решение задач по согласованию положений документов стратегического развития промышленности, Энергетической стратегии, Транспортной стратегии Российской Федерации, а также развития регионального стратегического планирования развития промышленности (повышение качества, гармонизация и поддержка региональных программ и стратегий развития промышленности). Для оживления процессов взаимодействия между субъектами Российской Федерации в вопросах промышленного развития, согласования разрозненных усилий по промышленному развитию необходимо ориентироваться на активизацию роли федеральных округов, с рассмотрением последних в качестве «промышленных округов».

В силу целевой экспортной экспансии наиболее важным является развитие внешнеторговой составляющей промышленной политики. Внешнеторговая политика должна учитывать не слишком высокие темпы роста глобального спроса и усиление конкуренции, связанное с платформенными решениями. Ускоряющееся развитие глобальных цифровых платформ может привести к монополизации инфраструктуры мировой торговли и смещению сферы получения прибыли из производства в продажи и сервис, как это уже происходит на отдельных потребительских рынках и в сфере услуг населению. При реализации сценария доминирования «цифровой платформенной монополии» усилия по выходу на внешние рынки окажутся безрезультатными даже при существенной государственной поддержке, особенно если речь будет идти о товарной составляющей несырьевого экспорта. Если создаваемые сегодня иностранными государствами препятствия технологического характера в основном связаны со стандартизацией, ограничения которой так или иначе могут преодолеваются, выполнение требований цифровой платформы сохраняет выход на зарубежные рынки, но не позволяет извлекать из мировой торговли прибыль. Внешнеторговая политика, тем самым, будет учитывать вероятность появления доминирующих платформенных решений, или же прямо способствовать их формированию в Российской Федерации и в интересах российской промышленности. Одновременно потребуются смещение акцентов с продажи промышленных товаров в сторону реализации комплексных решений, объединяющих товар и связанные услуги, от продаж в рамках ЕРС (ЕРСМ) контрактов до сервиса и обслуживания.

Усилия по развитию международных связей и поддержке экспорта промышленной продукции будут предприняты в отношении максимально возможного круга стран с учётом возможных политических рисков. Возможность присоединения российских торговых партнёров к числу сторонников антироссийских санкций будет учитываться как риск, но не безусловный отказ от сотрудничества. Активное отстаивание интересов промышленности на межгосударственном уровне, продвижение национальной продукции и, что не менее важно, использование сравнительных преимуществ внутрироссийского производства для производства продукции под запрос иностранных партнёров должны стать основой российской международной деятельности. Государство здесь будет выступать как активный лоббист, действующий через систему торговых правительств и учитывающий экономический эффект от межправительственных соглашений. Особое внимание будет сосредотачиваться на продвижение крупных инвестиционных проектов в сфере строительства транспортной и энергетической инфраструктуры.

Российская Федерация будет действовать как защитник интересов национальной промышленности. Учитывая, что часто препятствиями для экспорта становятся не только недоработки российской экспортной политики, но и действия торговых партнёров, со стороны государства требуется всесторонняя политическая поддержка. Государству необходимо оказывать помощь экспортерам

по вопросам расследований, проводимых зарубежными странами с целью введения защитных мер в отношении продукции российских производителей. Мировые рынки всегда находились и будут находиться под прессингом со стороны политической сферы. В этих условиях политические решения будут увязываться с поставками продукции не только в оборонной сфере, но и в части поддерживаемых государством гражданских отраслей. Объективные условия торгово-экономических отношений с зарубежными странами и участия в международной производственной кооперации таковы, что наиболее перспективными торговыми партнёрами России по крайней мере в среднесрочном периоде станут развивающиеся страны.

Механизмы и направления внешнеторговой, экспортной политики будут формироваться в зависимости от препятствий и проблем, преодолеваемых экспортёрами. В отличие от традиционного способа продвижения продукции через выставки и конференции, акцент будет сделан на обеспечении возможностей массового экспорта через три основных канала: платформенные решения, в том числе национальные, инвестиционные проекты (на основе ЕРС (ЕРСМ) контрактов) и межгосударственные соглашения, поддержанные широким распространением связанного финансирования. Будет продолжено реформирование российских торговых представительств, обеспечено признание иностранными партнёрами отечественных стандартов и сертификатов, активизировано использование механизмов ВТО для отстаивания интересов России.

Дорожная карта новой промышленной политики

Целевые ориентиры Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» сформированы до 2024 г. Это оставляет совсем небольшое окно возможностей для актуализации и обновления промышленной политики. При продолжительности большинства инвестиционных проектов в промышленности порядка трёх-пяти лет на построение сбалансированной и отвечающей поставленным задачам системы инструментов промышленной политики остаётся совсем немного времени. В основу дорожной карты внедрения нового образа промышленной политики должно лечь обновление ключевых документов стратегического планирования уже до конца 2018 г. В 2019 г. новые и обновлённые инструменты промышленной политики должны уже работать в полную силу.

Список литературы:

1. Воробьёва И.Г., Валиева А.Ю. Влияние санкций на промышленную политику и инвестиционный климат России // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2018. Т. 14. № 1-2 (7). С. 38-40.

2. Дёмина Е.С. Государственная промышленная политика. В сборнике: Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты / Курск: Изд-во «Университетская книга», 2017. С. 102-105.
3. Мантуров Д.В. Эволюция подходов к государственному управлению промышленностью в период с 1995 по 2015 год // Экономическое развитие в России. 2017. № 1. С.40-48.
4. Орехова С.В. Новая промышленная политика в условиях развития технологических платформ // Материалы IV всероссийского симпозиума по региональной экономике. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. С. 78-83.
5. Орехова С.В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // Journal Of Economic Regulation. 2007. Т.8. №4. С. 6-19.
6. Полякова В.А. Принципы управления промышленной политикой // Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы труды научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 202-206.
7. Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы // Труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В. Бабкина. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. 699 с.
8. Промышленная политика в эпоху цифровой трансформации экономики: монография / под ред. С.А. Толкачева. 204 с. М.: КНОРУС, 2018. 204 с.
9. Симачев Ю., Кузык М., Кузнецов Б., Погребняк Е. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди мнящих перспектив и фатальных ловушек // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 6-23.
10. Тамбовцев В.Л. Промышленная политика: к новому пониманию // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 55-67.

Об авторе:

Денис Валентинович Мантуров – к.э.н., министр, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, 109074, г. Москва, Китайгородский проезд, д. 7.
E-mail: manturov@minprom.gov.ru.

ON THE INDUSTRIAL POLICY OF RUSSIA FOR 2018-2030

D.V. Manturov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22

Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation

The article deals with the development of industrial policy in the Russian Federation in the coming years. The subject matter is the key challenges for the industrial development of Russia on the time horizon of 2018-2030, the risks and conditions for the Russian industrial policy and for its possible strategic alternatives. The research methodology is based on structuring the factors that shape the state industrial policy and bringing them into line with the existing or prospective elements of the policy. For the prospective industrial policy, I consider the emerging approaches in state authorities and the expert community.

The main results include the following. The global risks of strengthening sanctions are the most important factors to consider during the implementation of industrial policy in Russia. Among the possible strategic policy alternatives, it is expedient to implement an intermediate variant between «the basis of economic development and the key source of budget

revenues» and «the means of diversifying the risks of the Russian economy». It involves concentration of resources on building long-term global competitive positions. Achieving this aim in terms of export volume requires constant high growth rates of industrial production – at least 4.2% per year. The industrial policy should be concentrated on several key directions (technological policy, investment, foreign trade, etc.) with a general export-oriented approach. For each of the directions, updating of both strategic planning documents and a set of industrial policy instruments will be required in the next 1-2 years. With the 3-5 years duration period of most investment projects in industrial sector, the roadmap for implementing a new model of industrial policy should be updated by the end of 2018. This timeframe limits or forbids the development and use of tools that require substantial changes in legal regulation.

Key words: industrial policy, export, import substitution, strategic planning

References

1. Vorobeva I.G., Valieva A.Yu. Vliyanie sanktsiy na promyshlennuyu politiku i investitsionnyy klimat Rossii [The influence of sanctions on industrial policy and the investment climate in Russia]. *Innovatsionnye tekhnologii v mashinostroenii, obrazovanii i ekonomike*, 2018, no. 1-2 (7), pp. 38-40 (in Russian).
2. Demina Ye.S. Gosudarstvennaya promyshlennaya politika [State industrial policy]. *Ekonomicheskaya bezopasnost: pravovye, ekonomicheskie, ekologicheskie aspekty* [Economic security: legal, economic, environmental aspects]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2017, pp. 102-105 (in Russian).
3. Manturov D.V. Evolyutsiya podkhodov k gosudarstvennomu upravleniyu promyshlennostyu v period s 1995 po 2015 god [Evolution of Approaches to the State Administration of Industry in the Period from 1995 to 2015]. *Ekonomicheskoe razvitie v Rossii*, 2017, no. 1, pp. 40-48 (in Russian).
4. Orekhova S.V. Novaya promyshlennaya politika v usloviyakh razvitiya tekhnologicheskikh platform [New industrial policy in the conditions of development of technological platforms]. *Materialy IV vserossiyskogo simpoziuma po regionalnoy ekonomike* [Proc. of the IV All-Russian Symp. on Regional Economics]. Yekaterinburg, Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN Publ., 2017, pp. 78-83 (in Russian).
5. Orekhova S.V. Tekhnologicheskie platformy i novaya promyshlennaya politika v Rossii [Technological platforms and new industrial policy in Russia]. *Journal Of Economic Regulation*, 2007, vol. 8, no. 4, pp. 6-19 (in Russian).
6. Polyakova V.A. Printsipy upravleniya promyshlennoy politikoy [The principles of management of industrial policy]. *Tsifrovaya ekonomika i «Industriya 4.0»: problemy i perspektivy trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Digital Economy and Industry 4.0: Problems and Prospects. Proc. of the Scientific Conference with International Participation], 2017, pp. 202-206 (in Russian).
7. Promyshlennaya politika v tsifrovoy ekonomike: problemy i perspektivy [Industrial policy in the digital economy: problems and prospects]. *Trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Proc. of the Scientific Conference with International Participation]. Ed. by A.V. Babkina. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii universitet Petra Velikogo Publ., 2017. 699 p. (In Russian)
8. *Promyshlennaya politika v epokhu tsifrovoy transformatsii ekonomiki* [The industrial policy of the age of digital transformation of economy]. Ed. by S.A. Tolkachev. Moscow, KNORUS Publ., 2018. 204 p. (In Russian)
9. Simachev Yu., Kuzyk M., Kuznetsov B., Pogrebnyak Ye. Rossiya na puti k novoy tekhnologicheskoy promyshlennoy politike: sredi manyashchikh perspektiv i

fatalnykh lovshek [Russia is on the way to the new technological industrial policy: alluring prospects and fatal traps]. *Forsayt*, 2014, vol. 8, no. 4, pp. 6-23 (in Russian).

10. Tambovtsev V.L. Promyshlennaya poli-

tika: k novomu ponimaniyu [Industrial policy: to the new understanding]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Izvestiya of Ural State University of Economics*, 2017, no. 5 (73), pp. 55-67 (in Russian).

About the author:

Denis V. Manturov – Ph.D. in Economics, Minister of Industry and Trade of the Russian Federation. Kitaygorodsky Pr, 7, Moscow, 109074, Russia.

E-mail: manturov@minprom.gov.ru.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЙОНИРОВАНИЯ РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

В.А. Горбанёв, Б.И. Кочуров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Институт географии РАН

Сегодня в России выделяются экономические районы, разработанные ещё в 20-30-е гг. прошлого столетия советским Государственным плановым комитетом. В своё время они сыграли выдающуюся роль. Однако сегодня они никак не соответствуют российским реалиям в условиях рыночной экономики.

Мы попытались выделить новые районы, учитывая природные, экономические, социальные, геоэкологические условия, поэтому выделенные районы носят комплексный географический характер. Мы выделили десять таких районов: Столичный, Европейский Север, Центральный, Европейский Юг, Урало-Поволжский, Северо-Кавказский, Западно-Сибирский, Северо-Сибирский, Южно-Сибирский и Дальневосточный.

В каждом регионе посчитана площадь, численность населения, плотность населения, показаны физико-географические условия, дана характеристика природных ресурсов и хозяйственной деятельности, доля населения, находящаяся за чертой бедности, рассчитан естественный прирост, валовой региональный продукт (ВРП), структура ВРП, обеспеченность пашней, ранг экологической напряжённости, сальдо прямых иностранных инвестиций и ряд других показателей. Все районы очень разные, и в работе даётся подробная характеристика и анализ особенностей каждого региона. В частности, показано несоответствие площади районов проживающей в них численности населения. Если в европейских районах доля населения намного больше доли площади этих районов, то в азиатских районах ситуация обратная: на огромной площади проживает крайне незначительная доля населения.

В эпоху глобализации важно учитывать трансграничные потоки загрязнителей, в связи с этим в работе анализируется роль сопредельных государств в загрязнении выделенных районов России. Показано, что наибольшую опасность для окружающей среды России представляют Украина, Казахстан, Китай.

Актуальное географическое районирование является необходимым условием совершенствования территориальной экономики, и в конечном счёте обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: географические районы России, население, естественный прирост, загрязнение, ранг геоэкологической напряжённости, валовой региональный продукт (ВРП), бедность, обеспеченность пашней, инвестиции, трансграничные потоки загрязнителей.

УДК 911.6

Поступила в редакцию 25.05.2018 г.

Принята к публикации 23.07.2018 г.

Оптимальное районирование страны и рациональное территориальное управление обеспечивают сбалансированное развитие элементов хозяйства в пределах определённой территории независимо от их ведомственной подчинённости, способствуют развитию межотраслевых и межрайонных связей, рациональному использованию ресурсов районов, решению природоохранных проблем, т.е. способствуют созданию рациональной территориальной организации. Особо важную роль в обеспечении безопасности, международного сотрудничества и организации приграничной торговли играют приграничные районы. Перспективность этих регионов определяется в основном особенностью соседних стран: если нет возможностей для масштабного сотрудничества, эти районы становятся периферийными и, соответственно, отстают от других территорий в экономическом развитии.

При этом негативное влияние на обеспечение национальных интересов Российской Федерации оказывают противоречия между участниками мировой политики; обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности, осложняется мировая демографическая ситуация, усугубляются проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности. Более ощутимыми становятся дефицит пресной воды, последствия изменения климата. Все эти негативные явления и угрозы по-разному проявляются в отдельных районах страны.

Вот почему именно актуальное географическое районирование является необходимым условием оптимизации территориального управления России, совершенствования её территориальной экономики, и в конечном счёте обеспечения национальной безопасности страны.

Районирование России в силу её огромного размера, разных природных условий, разной степени её экономической освоенности всегда имело важное научное и прикладное значение. Поэтому неудивительно, что русские учёные В.Н. Татищев, К.И. Арсеньев, Н.П. Огарёв, П.П. Семёнов-Тянь-Шанский, Д.И. Менделеев и другие занялись проблемой районирования России, начиная с XVIII в.

Исследования, имевшие наиболее глубокий характер, были предприняты К.И. Арсеньевым в начале XIX в. [3]. Он выделил в России, «исходя из чисто географических соображений», десять «пространств» и сгруппировал их по несколько территорий, сходных по некоторым особенностям природы и хозяйственной деятельности. К.И. Арсеньев посетил большинство территорий и оценил их с максимальной объективностью. Будучи руководителем статистической службы, он привлёк к работе видных учёных-статистиков. В работе были изложены рекомендации по описанию «естественной производительности природы». При характеристике районов рекомендовалось оценивать влияние природных условий на состояние здоровья людей, давать оценку использования природных ресурсов, развития сельского хозяйства, промышленности, трудовых ресурсов и населённых пунктов, средств производства. Районирование

России, произведенное К.И. Арсеньевым, завершило важный этап развития географической науки, после которого начинается формирование районной экономической географии. В этот период экономико-географические факторы были охвачены «единым взглядом», и в результате появилась оригинальная карта, на которой страна была разделена на географические районы.

И тем не менее большинство исследований XVIII-XIX вв. учитывали преимущественно особенности населения, сельского хозяйства, промышленности, т.е. природные факторы в этих исследованиях играли второстепенную роль. Пожалуй, только географ Д.И. Рихтер в своей работе уделял не меньшее значение физико-географическим особенностям России.

Следующим важным шагом в вопросе районирования России явились работы П.П. Семёнова-Тян-Шанского [16]. В 60-х гг. XIX в. он начал работу по подготовке уникального исследования – «Географическо-статистического словаря Российской империи», состоявшего из пяти томов. Работа заняла 20 лет: последний том вышел в свет в 1885 г. Можно смело утверждать, что Словарь П.П. Семёнова-Тян-Шанского – апофеоз комплексной географии, в котором автор дал великолепный страноведческий анализ губерний России, где физическая, экономическая и социальная география выступают в тесном единстве. В работе гармонично соединены данные по особенностям истории, природы, населения, экономики, причём не разрозненно, а в их тесном взаимодействии. И, как результат, автор впервые произвёл комплексное географическое районирование России.

Однако к таким выводам П.П. Семёнов-Тян-Шанский пришёл не сразу. В 1871 г. он произвёл районирование, выделив физико-географические районы Европейской территории страны. А уже в 1880 г. он произвёл экономическое районирование России, выделив 12 экономических районов в своём капитальном труде «Статистика поземельной собственности и населённых мест Европейской России». Любопытно, что автор не ограничился выделением крупных экономических районов, а разделил их на более мелкие, согласуя их не с административными губернскими границами, а скорее с особенностями природы: с растительностью и почвами, т.е. опять же проявился комплексный географический подход. Предложенное им районирование России было настолько адекватным и настолько реально отражало географию России, что уже более позднее районирование СССР мало чем отличалось от районирования П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

После Октябрьской революции российская экономика претерпела огромные изменения. В условиях социалистического строительства и индустриализации страны возникла потребность нового экономического районирования. Для осуществления этой задачи были привлечены крупнейшие советские учёные – как экономисты, так и географы.

В 1921 г. Комиссия Госплана, которой руководил Г.М. Кржижановский, разработала основные принципы экономического районирования. На основе этих принципов Комиссия осуществила районирование Советского Союза, в котором выделялось восемь экономических районов [1; 10].

Так как в Комиссию входили выдающиеся советские учёные, то районирование СССР было осуществлено с позиций глубокого научного анализа. Основопологающим фактором была специализация хозяйственной деятельности выделенных районов и их взаимная связь на основе торговых отношений. Позже число районов возросло до 24, но затем сократилось до 19, при этом в РСФСР было выделено 11 районов.

В основе экономического районирования Советского Союза были заложены объективные закономерности — рациональное географическое разделение труда между выделенными районами, их комплексное развитие. Большое внимание уделялось выравниванию уровней экономического развития районов, а также учитывались дальнейшие перспективы развития. Тщательное изучение этих закономерностей позволяло сформулировать основополагающие принципы районирования и размещения производства.

Безусловно, районная школа советской экономической географии, созданная Н.Н. Баранским и Н.Н. Колосовским, — это гордость советской географической науки [5; 10]. Экономические районы, разработанные до Великой Отечественной войны, верой и правдой служили советской экономике вплоть до 1990 г., однако уже в 70-е гг. они постепенно стали не соответствовать потребностям экономики.

В 1991 г. разрушился СССР и вместе с ним единый народнохозяйственный комплекс, в результате чего отрицательные черты экономических районов стали видны наиболее выпукло. Прежде всего, это то, что они почти не претерпевали изменений на протяжении 50-80 лет. За это время изменился географический рисунок экономики в стране. Выделенные районы оказались крайне неравноценны по своему экологическому потенциалу. Многие районы потеряли свою специализацию. В рыночных условиях функционирующие экономические районы уже не могли соответствовать новым задачам географического разделения труда, они не учитывали национальные, социальные и экологические особенности районов при их огромном региональном контрасте. И что крайне важно — районы формировались, как уже было отмечено, исходя в основном из экономических задач, они почти не соответствовали районированию страны по природным признакам. И уж совсем не учитывался международный аспект при анализе геоэкологической ситуации в тех или иных районах. В результате в настоящее время старые экономические районы в России стали неэффективными, они перестали отвечать потребностям времени. А новые экономические районы, в редких случаях предлагаемые учёными, не встречают поддержки во властных структурах.

Теоретические основы

На наш взгляд, сегодня требуется не экономико-географическое, не экономическое, не физико-географическое, не экологическое, а комплексное географическое районирование. Такое районирование учитывало бы широкий спектр

исходных данных: природных, экономических, геоэкологических, социальных, исторических, этнических, демографических особенностей района. Это весьма сложная задача, но учитывая, что география, на наш взгляд, должна быть комплексной, географические районы должны также формироваться на комплексной основе [7; 8].

Разделение географии на физическую и социально-экономическую – это анахронизм, хотя разрыв между двумя направлениями географии по-прежнему велик и, к сожалению, даже усиливается [2; 8]. Известный советский географ академик К.К. Марков подчёркивал: «Отрицательное решение (проблемы единства географии – В.Г. и Б.К.) представляло бы собой акт самоубийства и предредило бы упадок географии как науки и как единства учебных дисциплин» [13, с. 55]. Другой крупный советский географ В.А. Анучин писал: «Единство географической науки определяется единством изучаемого ею предмета – географической (или, как мы сейчас чаще говорим, окружающей – В.Г. и Б.К.) среды... Единство между естествознанием и общественными науками особенно сильно проявляется ... в географии, где резкое разделение естественных и общественных отраслей часто бывает совершенно невозможным» [2, с. 149, 164].

Учитывая вышесказанное, географические районы должны рассматриваться как составная часть окружающей среды; при этом под окружающей средой следует понимать единую геосферу, где взаимодействуют, влияют друг на друга физическая, социальная и экономическая составляющие [9; 17].

Методика

Определённые попытки в направлении комплексного районирования России предпринимались Т.А. Воробьёвой [6], А.В. Антиповой [4], М.Т. Романовым [14], Симаковой [18] и некоторыми другими исследователями.

В Институте географии РАН ещё в 2002 г. была составлена интегральная карта, где было осуществлено районирование нашей страны по экологической и социально-экономической обстановке (М.: 1:8 000 000) [11; 12]. Создание такой карты на территории России по существу является ответом на чётко выраженную современную тенденцию, направленную на всё более широкое географическое осмысление геоэкологических результатов взаимодействия природы и общества и их социально-экономических последствий, рассматриваемых в пространственно-временном аспекте. В результате районирования было выделено 56 экорегионов, различающихся состоянием природной среды, складывающейся в результате хозяйственной деятельности человека.

В качестве исходного материала для построения карты учитывались виды загрязнителей, загрязнение вод суши, воздействие промышленных узлов, уровень урбанизации, наличие охраняемых природных территорий и др. показатели. На основании рассчитанных значений баллов были выделены семь рангов районов, которые различаются по степени геоэкологической напряжённости.

Но эти районы никак не совпадали с административно-территориальными границами внутри России. Поэтому чтобы наложить выделенные геоэкологические ареалы на субъекты Федерации, пришлось произвести довольно простые расчёты. Была использована следующая формула:

$$N_i = \frac{7S_i + 6S_i + 5S_i + 4S_i + 3S_i + 2S_i + 1S_i}{100}$$

где N_i – ранг геоэкологической напряжённости i -того субъекта федерации, S – площадь ареала в процентах, с соответствующим рангом геоэкологической напряжённости в i -том субъекте.

В соответствии с данной формулой значения геоэкологической напряжённости субъекта (N_i) могут изменяться в пределах от 1,0 до 7,0 баллов. Например, если в субъекте федерации будет 30% площади соответствовать геоэкологической напряжённости 7, а 70% площади соответствовать напряжённости 3, то геоэкологическая напряжённость субъекта федерации составит 4,2 балла. Таким путём была рассчитана геоэкологическая напряжённость для всех субъектов страны.

Результаты

Принимая во внимание сказанное, мы попытались выделить новые географические районы России. Таких районов получилось десять [7]. При этом, конечно, мы не забывали старые. Однако мы их довольно существенно изменили, учитывая в первую очередь особенности окружающей среды, т.е. особенности природы, экономической и социальной сфер. Все районы, которые мы выделили, не изменяют сложившееся административно-территориальное деление, хотя, наверное, это не лучший вариант. Исключением является Красноярский край, поскольку в нём очень велика разница между относительно небольшой высокоразвитой южной частью и огромной по площади менее развитой северной. Поэтому Красноярский край мы разделили на южную и северную части.

Для каждого района были просчитаны площадь, численность и плотность населения, валовой региональный продукт (ВРП) в целом и на душу населения (по ППС по состоянию на 2015 г.), естественный прирост населения, структура ВРП и занятости населения, обеспеченность пашней, посевная площадь, доля населения, находящаяся за чертой бедности, и индекс человеческого развития (ИЧР), а также ранг геоэкологической напряжённости.

Полученные значения ранга геоэкологической напряжённости были сгруппированы в три группы: ранг 1-3 – низкая экологическая напряжённость, ранг 4-5 – средняя и ранг 6-7 – высокая геоэкологическая напряжённость.

Рис. 1. Географические районы России
Figure 1. Geographic regions of Russia

1-й район – Столичный

Он наименьший по площади, но роль его огромна – это Москва и Московская область. Площадь района всего 46890 тыс. км², но численность жителей составляет 19 648,7 тыс. чел.; это около 14% населения России.

Столица Русского государства возникла в этом районе не случайно: этому способствовали рельеф, речная сеть, природные зоны. Регион сформировался в центре европейской части России, на Русской равнине, в междуречье Оки и Волги, в зоне смешанных лесов с дерново-подзолистыми почвами.

Рельеф Столичного района в основном равнинный. С юго-запада на северо-восток район пересекает южный край Московского оледенения; к северу от него имеются ледниково-эрозионные формы рельефа с моренными грядами, а к крайнему югу — ледниковые формы исчезают и преобладают эрозионные формы.

Почти весь запад и север Столичного района занимает моренная Смоленско-Московская возвышенность, где хорошо проявляются речные долины. Возвышенность в пределах Клинско-Дмитровской гряды имеет наивысшую точку – 310 м. Севернее раскинулась плоская с многочисленными болотами аллювиальная Верхневолжская низменность.

На юге района наблюдается холмистая моренно-эрозионная Москворецко-Окская равнина с наибольшей высотой в Москве (район Ясенево, Теплостанская возвышенность – 255 м.). На крайнем юге Столичного района, на правом берегу Оки — относительно высокие части Среднерусской возвышенности с овражно-балочным рельефом.

Почти всю восточную половину Столичного района занимает огромная Мещёрская низменность с многочисленными болотами в восточной части. Большинство крупных озёр Мещёрской низменности имеет ледниковое происхождение. Здесь же расположена и самая низкая в Столичном районе высота — это уровень воды реки Оки (около 97 м).

Из полезных ископаемых можно выделить запасы фосфоритов, кварцевых песков, глины, известняков. Довольно крупный Воскресенский бассейн фосфоритов в настоящее время закрыт в связи с загрязнением окружающей среды.

92% населения района – русские, это больше, чем в России в среднем. Здесь самая высокая плотность населения – почти 420 чел./км², в том числе в Московской области она составляет 165 чел./км²; уровень урбанизации района – более 80%.

Столичный район отличается тем, что это один из немногих районов европейской территории России, где естественный прирост положительный (1,0‰, в том числе в Москве – 1,7‰), а вот внутренняя иммиграция достигает высокого уровня (около 8‰), внешняя иммиграция из-за рубежа также высока (около 3‰), поэтому численность населения в Столичном районе растёт быстрыми темпами за счёт механического прироста.

В Столичном районе самая высокая доля сферы услуг в ВРП – 80%. Из них 35% приходится на торговлю и ремонт, 18% – на операции с недвижимостью, аренду, 8% – на транспорт и связь. На обрабатывающую промышленность приходится менее 14%.

Столичный район – крупнейший финансовый и деловой центр. Здесь расположено около 50% банков России. Столичный район среди выделенных районов занимает первое место по сальдо прямых иностранных инвестиций – 11 833 млн долл. Можно сказать, что район вступает в фазу постиндустриального развития. ВРП на душу населения в Столичном районе составляет 852,3 тыс. руб. (в Москве – почти 1100 тыс. руб.). Здесь самый высокий индекс развития человеческого потенциала – 0,906.

Промышленность также играет важнейшую роль для экономики Столичного района. Ведущая роль принадлежит машиностроению: предприятиям ВПК, производству приборов, электронного оборудования, авиакосмической техники, автомобилей, железнодорожного транспорта, сельскохозяйственной техники. Развиты химическая и нефтехимическая промышленность, производство стройматериалов, чёрная металлургия. Старейшая отрасль Столичного района – лёгкая промышленность.

В то же время регион – самый неблагополучный с точки зрения геоэкологической ситуации. Ранг геоэкологической напряжённости здесь достигает

высшего показателя – 7,0. Он стоит в одном ряду с Уралом, Кузбассом, Минусинским районом. Высокая концентрация населения в сочетании с длительным интенсивным хозяйственным развитием и развитием автотранспорта привела к возникновению серьёзных геоэкологических проблем, затрагивающих качество жизни населения.

2-й район – Центральный

Он значительно больше существующего Центрального экономического района: его площадь – 741 400 км², однако численность населения района немалого больше Столичного района – 22 110,3 тыс. чел. (15% населения России). Он протянулся от границы с Беларусью до Волги. Район включает в себя 15 субъектов Российской Федерации: Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Калининградскую, Ярославскую, Тверскую, Костромскую, Смоленскую, Кировскую, Ивановскую, Нижегородскую, Владимирскую, Калужскую области и Республику Марий-Эл.

Центральный район – это старый экономический центр России. Как и Столичный район, он расположен на холмистой Русской равнине. Он полностью находится в умеренном климатическом поясе с преобладанием таёжных и смешанных лесов, где господствуют дерново-подзолистые и серые лесные почвы. Почти везде распространены ледниковые формы рельефа. На западе имеются Валдайская и Смоленско-Московская возвышенности с высотами 200-350 м, на востоке – Мещёрская низменность с многочисленными болотами и с высотами не более 120 м. Почти весь Центральный район расположен в бассейне реки Волги, где протекает её основной правый приток – река Ока.

В районе дефицит природных ресурсов, поэтому большинство полезных ископаемых приходится завозить из других районов. Небольшие запасы бурого угля имеются в Подмосковном бассейне. Однако низкокачественный подмосковный бурый уголь в три раза дороже углей других бассейнов. Экологические условия добычи ведут к повышению себестоимости добываемого угля, поэтому добыча практически не ведётся. В районе имеются большие запасы торфа, в Ленинградской области имеются фосфориты и горючие сланцы, в Калининградской области – янтарь.

Повсеместно наблюдается отрицательный естественный прирост населения (-2,7‰), а в Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Ленинградской он падает до (-8,0) – (-5,0)‰. В большинстве субъектов федерации района наблюдается отъезд населения, за исключением Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Нижегородской, Рязанской, Калужской и Новгородской областей. В то же время во всех субъектах (кроме Санкт-Петербурга и Ленинградской области) наблюдается приток мигрантов из-за рубежа. Район отличается относительно высокой плотностью населения – почти 30 чел./км². Здесь имеются два города-миллионера – Санкт-Петербург и Нижний Новгород.

В Центральном районе, как и в Столичном, мощное развитие получили на- укоёмкие перерабатывающие отрасли, предприятия ВПК, не требующие боль- ших объёмов сырья, и сфера услуг, в которой сосредоточены крупнейшие на- учно-исследовательские, опытно-конструкторские и учебные центры России. В Центральном районе, в первую очередь, наиболее бурно развиваются иннова- ционные отрасли и технологии. Индекс человеческого развития в Центральном районе ниже, чем в Столичном – 0,847. ВВП на душу населения здесь в два раза ниже, чем в Столичном – 364 тыс. руб. За чертой бедности находятся 12% на- селения района. Сфера услуг даёт более 64% ВВП; высокого уровня в регионе достигла обрабатывающая промышленность, дающая 24% ВВП. В то же время доля добывающей промышленности крайне низка: всего 0,3%. Район привлека- телен для иностранных инвестиций. Сальдо прямых иностранных инвестиций в районе составляет 3 659 млн долл., в том числе только в Ленинградской обла- сти оно составляет более 1 000 млн долл.

Ведущая отрасль района — высокоразвитое многоотраслевое машино- строение. Отраслями специализации являются также химическая, нефтепе- рерабатывающая, текстильная промышленность. Причём текстильная про- мышленность – это наиболее старая отрасль, производящая более 85% всех производимых в России тканей.

Агропромышленный комплекс в Центральном районе – один из круп- нейших. Основные культуры, которые здесь выращиваются, – это зерновые и тех- нические. Пригородное сельское хозяйство также занимает довольно большую часть территории. В то же время важно отметить, что в районе быстрыми тем- пами сокращаются сельскохозяйственные угодья, большие площади, особенно в северной половине, забрасываются из-за сокращения населения. Отрицатель- ную роль играет и переориентация на импортную продукцию по демпинговым ценам; значительная доля земель уходит под строительство дачных и усадебных участков. Посевная площадь в районе сегодня составляет 8%, обеспеченность пашней в три раза меньше, чем в среднем по России – 0,3 га/д.н. Животноводство почти везде преобладает над растениеводством. В основном разводят молочно- мясной скот, птицу. В районе большое развитие получила пищевая промышлен- ность, представленная заводами по производству макаронных, кондитерских, хлебобулочных, сыро-молочных, мясных, спиртоводочных и табачных изделий.

Особенность района – огромные контрасты в социально-экономическом развитии и уровне жизни населения. Этим объясняется отток населения из од- них субъектов и, наоборот, въезд населения в другие. Так, например, в Санкт- Петербурге, Ленинградской, Новгородской, Нижегородской областях ВВП на душу населения в 2 – 3,5 раза выше, чем в Ивановской, Псковской, Кировской областях или в Республике Марий-Эл. То же самое касается и населения, нахо- дящегося за чертой бедности. Если в Санкт-Петербурге или в Нижегородской области за чертой бедности находятся менее 10% населения, то в Псковской, Смоленской областях, в Марий-Эл – 17-22%.

Как и в Столичном районе, здесь очень тяжёлая геоэкологическая ситуация. Ранг геоэкологической напряжённости района не отличается от Столичного – 7,0. Из геоэкологических проблем наиболее остро здесь проявляются загрязнение воздуха, почв, воды, водная эрозия, нарушение водного режима территории. В малых и средних городах, как правило, отсутствуют эффективные очистные сооружения.

3-й район – Европейский Север

Это единственный район, состав которого остался прежним. В него входят Вологодская, Архангельская, Мурманская области и две республики – Карелия и Коми. Площадь района – 1 476 600 км², однако в нём проживают всего 4 610,7 тыс. жителей. Европейский Север играет значительную роль во внешнеэкономических отношениях и в обороне страны. Важная особенность района – незамерзающая западная часть Баренцева моря, дающая возможность круглогодичного выхода военных и гражданских судов непосредственно в Мировой океан.

Район расположен на севере Русской равнины, где преобладают моренные возвышенности до 300-450 м высоты и ледниковые озера. В меридиональном направлении в восточной части Европейского Севера протянулась возвышенность – Тиманский кряж. На Кольском полуострове возвышаются невысокие (до 1200 м) горы Хибин. Район пересекают арктический, субарктический и умеренный климатические пояса, на 80% район расположен в зоне Планетарного севера. Здесь господствуют арктическая пустыня (на о. Новая Земля), зоны тайги и тундры. Порядка 15% площади находятся за Полярным кругом. В тундровой зоне сформировались тундрово-глеевые и торфянистые почвы, на остальной территории – подзолистые. В тундре наблюдается вечная мерзлота, причём чем восточнее, тем она дальше спускается на юг. Реки относятся к бассейну Северного ледовитого океана. Здесь имеются крупнейшие озера России – Ладожское и Онежское, а также многочисленные озера Карелии и Кольского полуострова.

Численность населения в районе Европейского Севера падает в виду отрицательного естественного прироста (-0,6‰). Внутренний механический прирост также отрицательный. Особенно быстро падает население Республики Коми (-11,1‰), Мурманской (-8,4‰) и Архангельской областей (-7,8‰). Зато из-за рубежа миграционный поток положительный – более 1‰. Плотность населения крайне низкая – 3,1 чел./км², преобладает русское население – 86%.

ВРП на душу населения в районе – 479,5 тыс. руб. За чертой бедности находятся 14,7% населения. Индекс человеческого развития здесь выше, чем в Центральном районе – 0.858.

Европейский Север – в основном добывающий район: в структуре ВРП доля добывающих отраслей – 19,2%, в районе идёт добыча топливных минеральных ресурсов – каменного угля в Печорском бассейне, нефти и газа – в Баренцево-Печорском, а также добыча руд чёрных и цветных металлов, солей, апатитов, алмазов, рыбы, леса. Печорский каменноугольный бассейн – второй по важ-

ности бассейн добычи угля. Он содержит весь спектр углей, обеспечивающих существование и развития сырьевой базы как коксохимии, так и энергетики. Его доля в добыче российского угля составляет 7%. Весьма перспективен Баренцево-Печорский нефтегазовый бассейн, особенно в связи с развитием освоения шельфа Арктики. Месторождение алмазов им. М.В. Ломоносова в Архангельской области — крупнейшее коренное месторождение алмазов в Европейской части Российской Федерации. На архангельских месторождениях ювелирных алмазов на 20% больше, чем на якутских.

Доля обрабатывающей промышленности в Европейском Севере значительно скромнее, чем в Центральном районе – 18,5%. Здесь представлены в основном чёрная и цветная металлургия, нефте- и газоперерабатывающая, лесоперерабатывающая, текстильная, судостроительная и рыбная промышленность. В Плесецке расположен космодром, в Северодвинске – крупнейший судостроительный завод, выпускающий в том числе атомные надводные и подводные суда. Крупнейшим предприятием района является Череповецкий металлургический комбинат – «Северсталь» – второй по величине сталелитейный комбинат России. Здесь же находятся крупнейшие в России лесопромышленные комбинаты – в Архангельске и Сыктывкаре.

Агропромышленный комплекс развит слабо. В основном – в Вологодской области. В Мурманской области мощное развитие получило рыболовство. Обеспеченность пашней в среднем по району крайне низкая – всего 0,1 га/д.н.

Главные проблемы района – слабая транспортная, социальная инфраструктура, тяжёлые природные условия, отток населения.

Геоэкологическая ситуация в районе в целом более благоприятная, чем в двух предыдущих. Ранг геоэкологической напряжённости здесь равен 4,5. Хотя, например, на западе Кольского полуострова или в районе Печорского бассейна уровень загрязнения очень высокий.

4-й район – Европейский Юг

Как и Европейский Север, Европейский Юг играет значительную роль во внешнеэкономических связях России: он омывается водами Азовского, Чёрного и Каспийского морей. Он состоит из 22-х субъектов федерации: Тульской, Белгородской, Брянской, Орловской, Липецкой, Тамбовской, Воронежской, Курской, Пензенской, Рязанской, Волгоградской, Саратовской, Ульяновской, Астраханской, Ростовской областей, Ставропольского и Краснодарского краев, республик Мордовия, Чувашия, Калмыкия и Крым; также в район входит город федерального значения – Севастополь. Район занимает площадь 1 025 200 км².

Европейский Юг занимает южную часть холмистой Русской равнины, где возвышаются Приволжская, Среднерусская и Ставропольская возвышенности (до 800 м высоты), на юго-западе района поднимаются отроги Кавказских гор (до 3345 м), а на Крымском полуострове вдоль южного берега протянулись невысокие Крымские горы (до 1500 м). В юго-восточной части Европейского Юга находится самая низменная часть российской территории – Прикаспийская низ-

менность (-27 м), где преобладают пустынные и полупустынные территории с бурными полупустынными почвами. На большей части территории района раскинулись степи с каштановыми и чернозёмными почвами. На самом юго-западе вдоль черноморского побережья проходит субтропический климатический пояс. Это единственный район России, где встречаются желтозёмные и краснозёмные почвы. Причём в Крыму и далее на восток до Новороссийска в зоне сухих субтропиков преобладают жестколистные леса и кустарники, а южнее во влажных субтропиках вплоть до границы с Абхазией – широколиственная субтропическая растительность. Особенность Европейского Юга – слабая обеспеченность водными ресурсами, особенно на юге района и на Крымском полуострове.

Из минеральных ресурсов район выделяется наличием крупнейшего в России железорудного бассейна – Курской магнитной аномалии, расположенной в пределах Курской, Белгородской и Орловской областей, а также запасами каменного угля в Донбассе, нефтегазовых месторождений в Поволжье, в Ставропольском и Краснодарском краях, фосфоритов, соли, серы.

На Европейском Юге проживают 37 687,9 тыс. жителей, но численность населения сокращается из-за отрицательного естественного прироста (-2,1‰); а в Тамбовской и Тульской областях естественный прирост падает до почти (-6,5‰). Только в республиках Калмыкия, Чувашия, в Астраханской области, Ставропольском и Краснодарском краях наблюдается незначительный положительный прирост. Во всех субъектах федерации района происходит значительный отток населения за исключением Воронежской области, Краснодарского края и Севастополя. Везде за исключением Астраханской области и Калмыкии наблюдается приток населения из-за рубежа. Плотность населения невысокая – 37 чел./км², в городах проживает относительно немного жителей – 65%, хотя имеются 4 города-миллионера – Волгоград, Воронеж, Ростов-на-Дону и Краснодар.

ВРП на душу населения – 287,3 тыс. руб., особенно низкий ВРП в Калмыкии, Крыму и Севастополе. А самый высокий – в Липецкой, Белгородской областях и Краснодарском крае. Сальдо прямых иностранных инвестиций в районе меньше, чем в Центральном – 2034 млн долл.; из них треть приходится на Липецкую область.

Европейский Юг – это российская житница, где развиты как растениеводство, так и животноводство при этом растениеводство преобладает. Сельское хозяйство даёт более 14% ВРП. Посевная площадь в районе составляет 35% земельного фонда, обеспеченность пашней больше, чем по России в среднем – более 1,0 га/д.н. В районе главным образом выращивают зерновые (пшеницу, кукурузу, рис и др.), технические (сахарную свеклу, подсолнечник и др.), садовые культуры, овощи, бахчевые, виноград, чай, цитрусовые. Европейский Юг – основной поставщик мясо-молочной продукции, шерсти, птицы.

Перерабатывающие отрасли развиты слабее, чем в Центральном районе. Они дают менее 19% ВРП. Здесь получили развитие чёрная металлургия на основе железных руд в районе Курской магнитной аномалии. Развиты также ма-

шиностроение – энергетическое, сельскохозяйственное, транспортное, химическая и пищевая промышленность, топливно-энергетический комплекс.

Кроме того, на юге района расположены основные российские здравницы, частично попадающие в субтропический климатический пояс – это побережье Чёрного моря от Крыма до Сочи, а также район Кавказских минеральных вод.

Геоэкологическая ситуация в районе не самая лучшая. Ранг геоэкологической напряжённости в районе довольно высокий – 5,9. Наиболее тяжёлая ситуация сложилась в чернозёмной зоне России, где длительное нерациональное освоение и повсеместная распашка крупнейшего в мире массива чернозёмных почв привели к их деградации, эрозии и разрушению. Неблагоприятная обстановка сложилась также в Астраханской, Саратовской областях, в Калмыкии, где ранг напряжённости доходит до 7,0. Даже побережье Чёрного и Азовского морей является зоной с неблагоприятной геоэкологической обстановкой, создавшейся в результате бытового, промышленного, сельскохозяйственного загрязнения морского побережья, уменьшения водообеспеченности, загрязнения атмосферы и воды автомобильным и водным транспортом.

5-й район – Северокавказский

Это наименьший по площади район (112 100 тыс. га), не считая Столичного. Он включает в себя все республики Северного Кавказа: Адыгею, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию, Чечню, Ингушетию и Дагестан. Большую часть района занимают Кавказские горы, где расположена высочайшая точка России – гора Эльбрус (5 642 м). В горах наблюдается высотная поясность. К северу горы трансформируются в степную холмистую Русскую равнину, где приподнимается Ставропольская возвышенность, а в Дагестане ближе к Каспийскому морю горы совсем выгораживают и переходят даже в Прикаспийскую полупустынную низменность.

Район не отличается богатством природных ресурсов. Из минеральных ресурсов имеются уже сильно исчерпанные запасы вольфрамо-молибденовых, полиметаллических свинцово-цинковых руд, стройматериалов, нефти и газа. Весьма богаты водные, лесные, гидроэнергетические, агроклиматические, рекреационные ресурсы.

Это в основном мусульманский многонациональный район, где проживают 7 402,4 тыс. чел. Из них русское население составляет менее одного миллиона. Большинство населения – чеченцы и аварцы (18 и 12% соответственно). В Северокавказском районе очень высокий естественный прирост населения – 10,9%, а в Чечне он достигает 18%. В то же время почти во всех республиках (кроме Адыгеи и Ингушетии) выезд населения преобладает над въездом, в особенности в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, однако в целом эмиграция не может перекрыть высокий естественный прирост, в результате чего численность населения в районе растёт высокими темпами. Средняя плотность населения в Северокавказском районе 66 чел./км², но поскольку в горах плотность крайне низкая, то в долинах она подымается до

100 чел./км² и даже выше. Отличительная черта района – крайне низкий уровень урбанизации – 45%.

ВРП, приходящийся на душу населения, в районе самый низкий – около 160 тыс. руб. Здесь же и самый низкий индекс человеческого развития – 0,820.

Сельское хозяйство даёт около 15% ВРП. Население занимается в основном животноводством. Разводят овец, коз, крупный рогатый скот. В растениеводстве преобладают кукуруза, пшеница, кормовые культуры. Обеспеченность пашней невысокая. Доля промышленности очень низка. В то же время велика доля строительства – более 13%. Она в два раза больше, чем в других районах.

Северокавказский район обладает очень слабой инвестиционной привлекательностью в силу низкого ВРП и неустойчивой криминальной обстановки, особенно в Дагестане, Ингушетии и Чечне.

В Северокавказском районе высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума – около 16%. По социально-экономическим показателям район сильно отстаёт от других районов страны и является дотационным; дотации составляют около 20% всех государственных дотаций.

Геоэкологическая ситуация находится на среднем уровне, однако наиболее проблемный регион – Дагестан, где сильно сказывается нехватка воды, в том числе чистой воды. На полупустынных землях главная проблема – деградация пастбищ в результате бессистемного выпаса скота, что приводит к аридизации и опустыниванию территории.

6-й район – Урало-Поволжский

Это район старого освоения, «промышленное сердце» России. Здесь издавна добывали соль, лес, а уже в конце XVII в. по указу Петра I на Урале появились металлургические заводы. Район состоит из четырёх областей: Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Самарской, трёх республик: Татарстана, Башкортостана, Удмуртии и Пермского края. Площадь района – 874 050 км².

Осью Урало-Поволжья являются невысокие старые Уральские горы (до 1600 м высоты). Западный склон пологий и постепенно переходит в Русскую равнину – в долину Волги, а восточный склон резко обрывается к низменной Западно-Сибирской равнине. Весь район находится в умеренном климатическом поясе, но если на севере осадков выпадает довольно много, то на юге осадков мало. На севере и в центре раскинулась тайга, где преобладают подзолистые и дерново-подзолистые почвы, южнее тайга сменяется узкой полосой смешанных лесов, а ещё южнее появляются обширные степи с чернозёмными почвами. Уральские горы представляют собой крупный водораздел: по западным склонам реки стекают в Волгу, а по восточным – в Обь. И только река Урал течёт по межгорным долинам на юг и впадает в Каспийское море.

Район крайне богат минеральными ресурсами. Здесь издревле добывали руды чёрных и цветных металлов, золото, соль, асбест, драгоценные и полудрагоценные камни-самоцветы, уголь, мрамор, гранит; позже стали добывать нефть и газ, горючие сланцы, алмазы, платину, кварц, бокситы. Однако сегодня

многие месторождения минеральных ресурсов истощены, и их приходится дополнительно завозить из других районов. Однако район богат лесными и земельными ресурсами. Посевные площади составляют 19% земельного фонда, обеспеченность пашней высокая – 0,7 га/д.н.

Численность населения района – 25 126,7 тыс. чел. Здесь сосредоточены трудовые ресурсы довольно высокой квалификации. Район многонациональный, здесь проживают русские, татары, башкиры, удмурты, коми-пермяки, казахи и другие народы. Естественный прирост населения в среднем близок к нулю, однако выезд из отдельных субъектов федерации происходит довольно активно – порядка 2%, особенно велик поток эмигрантов из Оренбургской области. Плотность населения в районе 29 чел./км², уровень урбанизации довольно высокий – 71%. В Урало-Поволжье сосредоточена почти половина городов-миллионеров России: Екатеринбург, Челябинск, Казань, Самара, Уфа, Пермь. ВРП на душу населения в районе – 384,5 тыс. руб. За чертой бедности находятся почти 12% населения, что говорит об относительно неплохом социальном уровне населения.

Сальдо прямых иностранных инвестиций в районе довольно высокое – 3 652 млн руб., особенно в Свердловской и Самарской областях.

Район отличается достаточно высоким уровнем развития добывающей и обрабатывающей промышленности, а также сельского хозяйства. По объёму добычи углеводородов район занимает второе место в России после Западной Сибири. Продолжается активная добыча руд чёрных и цветных металлов, солей. Доля добывающих отраслей в ВРП района составляет более 13%, в том числе в Оренбургской области – 37%, в Удмуртии 25%, в Татарстане – 22%.

Обрабатывающая промышленность представлена мощной нефтеперерабатывающей, химической промышленностью, чёрной и цветной металлургией, лесопереработкой, машиностроением. В районе значительная доля предприятий ВПК. Обрабатывающая промышленность составляет почти 26% ВРП. Особо высока доля обрабатывающей промышленности в Челябинской (почти 36%), Свердловской областях, в Башкортостане и в Пермском крае. В разных городах района сосредоточено большое число крупнейших предприятий общероссийского уровня.

Сельское хозяйство также отличается высоким уровнем развития. Развито как растениеводство, так и животноводство, однако последнее преобладает. Выращивают в основном рожь, пшеницу, гречиху, ячмень и другие зерновые культуры, сахарную свёклу, подсолнечник, лён, бахчевые и кормовые культуры. В животноводстве преобладает крупный рогатый скот, овцеводство, свиноводство, птицеводство, пчеловодство. Сельское хозяйство даёт в районе около 7% ВРП, а в Удмуртии и Оренбургской области – около 9%.

Главная проблема района – неблагоприятное состояние окружающей среды. Из-за высокой концентрации населения в городах и промышленного производства, интенсивного сельского хозяйства, слабого развития природо-сбе-

регающих технологий сильно загрязнены атмосферный воздух, воды рек и озёр, почва, разрушаются локальные геосистемы. Ранг района по геоэкологической напряжённости высокий – 6,6.

7-й район – Западная Сибирь

Район расположен на огромной низменной Западно-Сибирской равнине (с высотами 50-150 м) от Карского моря до границы с Казахстаном. На самом крайнем юго-востоке сюда заходят отроги Салаирского кряжа и Алтайских гор, где имеется самая высокая точка Западной Сибири – гора Маяк Шангина (2490 м). Площадь района – 2 336,90 тыс. км².

В район входят Тюменская, Омская, Томская, Курганская и Новосибирская области, а также Алтайский край.

Район пересекают арктический, субарктический и умеренный климатические пояса, климат континентальный. Почти весь район находится в бассейне реки Оби с его основным притоком – Иртышем. Вечная мерзлота занимает половину площади района, а зона Планетарного Севера ещё больше. В субарктическом поясе простирается тундра, южнее она переходит в болотистую тайгу. На самом юге Западной Сибири становится значительно суше и на смену тайги приходят лесостепь и степь с чернозёмными почвами.

Западная Сибирь – главная нефтегазовая база страны. Здесь сосредоточено 78% всех разведанных запасов газа и 73% нефти. Помимо углеводородов на юге района имеются значительные запасы глауберовой соли, а также имеются месторождения полиметаллов, угля, железных руд, стройматериалов. Район богат земельными, лесными, водными, рыбными ресурсами. Пахотные земли составляют почти 16% земельного фонда района.

В Западной Сибири проживают 12 671,6 тыс. чел. Плотность населения низкая – 5,4 чел./км², но очень неравномерная. Так, в Тюменской области она составляет всего 2,5 чел./км², а в Омской, Новосибирской областях, в Алтайском крае возрастает до 14-16 чел./км². Уровень урбанизации в районе довольно велик – 70%, имеются два города-миллионера – Омск и Новосибирск. Естественный прирост в районе небольшой – 2,5‰, и только в Тюменской области он возрастает до 8,3‰. Отъезд населения в другие регионы наблюдается во всех субъектах Федерации, за исключением Новосибирской области. Так, например, в Курганской области механический прирост крайне низок (-7,3‰). Поэтому в целом численность населения, несмотря на положительный естественный прирост, сокращается.

ВРП благодаря очень высокому ВРП в Тюменской области (1 618,3 тыс. руб. на душу населения) получается довольно значительным – 678,2 тыс. руб. Но если ВРП Тюменской области не учитывать, то ВРП на душу населения Западной Сибири сразу падает в 2-3 раза. В районе довольно большая доля населения, находящаяся за чертой бедности – 16,4%.

Западная Сибирь – район нового освоения, где резко преобладает добывающая промышленность; она даёт почти 40% ВРП. В районе добывается 90%

природного газа всей России и 75% нефти. Обрабатывающая промышленность развита намного слабее – она даёт 8,7% ВРП. В Западной Сибири имеются нефтеперерабатывающие, газоперерабатывающие, деревообрабатывающие предприятия, лесопромышленные и химические комбинаты, рыбоперерабатывающие заводы, мощные ГРЭС. В южной части района развито многоотраслевое машиностроение, пищевая, лёгкая, химическая промышленность. Здесь же значительную роль играет сельское хозяйство, дающее 3,5% ВРП. Растениеводство и животноводство здесь развиты в равной степени. Обеспеченность пашней выше, чем в среднем по России – 1,1 га/д.н. Выращивают в основном пшеницу, кукурузу, подсолнечник, сахарную свёклу, лён, кормовые культуры. Животноводство представлено крупным рогатым скотом, тонкорунным овцеводством.

Район отличается высоким сальдо прямых иностранных инвестиций – 9035 млн долл. – это около 25% всех иностранных инвестиций, вкладываемых в российскую экономику.

Западная Сибирь известна своим мощным потенциалом в области науки, техники и образования. Ведущую роль здесь играют Новосибирский научный центр РАН, Омский аграрный университет, Томский университет, Курганский травматологический центр и многие другие научные, учебные и опытно-конструкторские предприятия.

Невыгодное географическое положение – серьёзный фактор, тормозящий развитие района. Это, прежде всего, удалённость от Центрального района, слабо развитая транспортная инфраструктура, тяжёлые природные условия. Отток населения также не способствует развитию района.

Западная Сибирь – один из самых чистых регионов России. Ранг экологической напряжённости здесь падает до 2,5. Только в Курганской области и Алтайском крае ранг поднимается до 5,0, а непосредственно в районе Тюмени до 7,0. Это объясняется низкой плотностью транспортных коммуникаций и промышленных предприятий.

8-й район – Южная Сибирь

В район входят Иркутская и Кемеровская области, республики Бурятия, Хакасия, Тыва, Алтай, Забайкальский край, а также южная часть Красноярского края. Площадь района 2 230 500 км². Через район проходят горы Южной Сибири с высотами 3-4 тыс. м, здесь же – в республике Алтай в Алтайских горах находится самая высокая гора Сибири – Белуха, высотой 4,5 тыс. м. Восточнее, в основном в широтном направлении протянулись горные хребты Западных и Восточных Саян, Яблоновый хребет. Здесь же расположились нагорья и плоскогорья – Кузнецкий Алатау, Ангарский кряж, Витимское плоскогорье, Становое и Патомское нагорья с высотами 1,5-2,5 тыс. м. В горах берут начало реки Енисей, Обь, Лена, Ангара, Витим, Селенга, Шилка, Аргунь, Амур и многие их притоки. Через район проходит водораздел бассейнов рек Северного Ледовитого океана и рек Тихого океана. В Южной Сибири расположено уникальное тектоническое озеро Байкал с максимальными глубинами более 1600 м.

Весь район находится в умеренном климатическом поясе с резко континентальным климатом. Вечная мерзлота занимает в районе более 60% её территории. Практически повсеместно господствует таёжная растительность, где ярко выражена вертикальная поясность. В долинах рек между горными хребтами встречаются довольно значительные степные районы с чернозёмами и каштановыми почвами.

Район богат минеральными ресурсами, однако многие из них не разрабатываются. Прежде всего, в Кузнецкой котловине находится крупнейший в стране и один из крупнейших в мире Кузнецкий каменноугольный бассейн. Чуть восточнее Кузбасса расположен крупнейший в России бурого угольный бассейн – Канско-Ачинский. Имеются и другие месторождения каменного и бурого угля. Кроме угля в районе имеются большие запасы нефти и газа, железных, медных, молибденовых, вольфрамовых, никелевых, оловянных, урановых, ртутных, полиметаллических руд, сурьмы, золота, тантала циркона, германия, ниобия. Имеются запасы фосфоритов, соли, слюды, асбеста, мрамора. Помимо минеральных ресурсов район отличается богатыми лесными, водными ресурсами и гидроэнергоресурсами.

В Южносибирском районе проживают 10 946,2 тыс. чел. Плотность населения здесь несколько выше, чем в Западной или Северной Сибири – 4,9 чел./км², а в Кемеровской области достигает 28 чел./км². Городское население составляет 65%; имеется один город-миллионер – Красноярск. Естественный прирост населения незначительный, только в республиках Тыва и Алтай он поднимается до 13,5 и 7,9‰ соответственно. Отток населения преобладает над въездом, поэтому в целом численность населения не претерпевает больших изменений. ВРП на душу населения в Южной Сибири составляет 272,8 тыс. руб. Уровень развития человеческого потенциала довольно низкий – 0,831.

Южная Сибирь – это наиболее экономически развитый район Сибири. Осью района является Транссибирская железнодорожная магистраль. Южная Сибирь – важнейшая угольно-металлургическая база страны, район электроэнергетики и «алюминиевый цех» страны. Добывающая промышленность даёт почти 18% ВРП. В будущем по мере освоения нефтегазовых месторождений и месторождений руд цветных металлов эта цифра должна значительно вырасти. На Кузбасс приходится 60% добываемого в России каменного угля (в том числе 80% коксующегося угля). В Канско-Ачинском бассейне добывается более 50% российского бурого угля.

Обрабатывающая промышленность играет также важную роль в экономике не только района, но и всей страны и составляет 21,6% ВРП. Важнейшими отраслями района являются чёрная и цветная металлургия. Цветная металлургия, прежде всего, представлена алюминиевой промышленностью, которая ориентируется на мощнейшую гидроэнергетику и тепловую энергетику. Только два самых крупных в России завода – Братский и Красноярский дают около 60% производимого в России алюминия. Кроме того, район даёт значи-

тельную долю целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей продукции в стране.

Роль сельского хозяйства намного скромнее.

Отрицательным моментом, сдерживающим развитие Южной Сибири, является невыгодное географическое положение: большая удалённость от европейских районов при неудовлетворительной транспортной инфраструктуре, тяжёлые природные условия.

Ранг экологической напряжённости в районе средний – 4,2. Однако экологическая ситуация крайне неравномерна. В промышленной зоне Кузбасса ранг экологической напряжённости максимальный – 7,0: здесь велика роль и добывающей, и обрабатывающей промышленности, и интенсивного сельского хозяйства. На юге Красноярского края ситуация не намного лучше. В то же время в республиках Алтае и Тыве ранг экологической напряжённости минимальный – 1,0 и 2,8 соответственно.

9-й район – Северная Сибирь

Это наибольший по площади район (6 844 001 км²) и самый незаселённый (1652,1 тыс. чел.). Плотность населения здесь 0,24 чел./км². Район протянулся от Красноярского края до берегов Тихого океана. Через Берингов пролив он граничит с США. Район включает в себя центральную и северную часть Красноярского края, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданскую область и Республику Якутия. Особенность района – на севере и востоке он омывается водами Северного Ледовитого и Тихого океанов соответственно. Значительная часть морей в течение многих месяцев покрыта тяжёлым паковым льдом, хотя ледовые условия в морях Тихого океана несколько легче. Ещё одна особенность района – огромной ширины континентальный шельф.

Район находится в пределах арктического, субарктического и умеренного климатических поясов. Район отличается резко континентальным климатом; экстремальные температуры воздуха здесь достигают -50° – -70° С, а в верховьях реки Индигирки была зафиксирована температура -78° С. Только вдоль побережья Тихого океана климат ближе к морскому, здесь больше выпадает осадков. Почти 100% района находятся в зоне вечной мерзлоты и Планетарного Севера, исключая юг Камчатки. Тундра и лесотундра с тундрово-глеевыми почвами занимают более половины территории района. Южнее появляется темнохвойная тайга с мерзлотно-таежными почвами; в отдельных местах встречаются подзолистые почвы.

Рельеф в районе высокогорный: в основном здесь наблюдаются плоскогорья, нагорья и горные хребты. На западе – большое Среднесибирское плоскогорье с плато Путорана (1,7 тыс. м), а также нагорья: Алданское, Юкагирское, Чукотское, Анадырское, Колымское, Корякское со средними высотами 1,0-2,0 тыс. м. Наиболее крупные горные хребты – Верхоянский, Черского, Сунтар-Хаято, Момский, а в Камчатском крае проходит сейсмически активный пояс, где находится самая высокая точка района – вулкан Ключевская Сопка в

Срединном хребте на Камчатке (4,7 тыс. м). На севере простираются низменности – Северо-Сибирская, Яно-Индибирская, Колымская.

В Северной Сибири протекают наиболее полноводные реки России, относящиеся к бассейну Северного Ледовитого океана, – Енисей с притоками Подкаменная и Нижняя Тунгуска; Лена с притоками Алдан и Вилюй, а также Индигирка, Яна, Колыма и более мелкие реки, относящиеся к бассейну Тихого океана.

Район богат минеральными ресурсами, но, как и в Южной Сибири, многие из них не разрабатываются. Наибольшую известность имеют Южно-Якутский каменноугольный бассейн и Норильский медно-никелево-кобальтовый бассейн, где также добываются палладий, платина и другие металлы. Общероссийское значение имеет добыча алмазов (82% запасов России) в Якутии. В Северной Сибири имеются огромные запасы сурьмы (82% запасов России), нефти и газа, олова, золота, серебра, поваренной соли. Также имеются значительные запасы, железных, полиметаллических, титано-магниевого урановых руд, вольфрама, молибдена, рутения, осмия, апатитов, фосфоритов, слюды и графита.

Кроме минеральных ресурсов в Северной Сибири имеются богатейшие запасы лесных, морских биологических ресурсов, а также водных и гидроэнергоресурсов.

В районе высокий естественный прирост населения (5,7‰), особенно в Якутии. Однако внутренняя миграция во всех субъектах федерации отрицательная (от -8 до -18‰). Особенно активно население покидает Магаданскую область и Чукотский автономный округ. Поэтому численность населения, несмотря на высокий естественный прирост, быстро убывает. Плотность населения в районе самая низкая в России – 0,25 чел./км², а местами вообще приближается к нулю.

Северная Сибирь отличается высоким ВРП на душу населения – почти 987 тыс. руб., а самый высокий – в Чукотской автономной области и на севере Красноярского края – более 1 млн руб. В Северной Сибири самый высокий уровень развития человеческого потенциала – 0,871 (не считая Столичный район).

В районе очень высока доля добывающей промышленности – 36% ВРП.

Обрабатывающая промышленность района развита намного слабее (8,3% ВРП). Хотя Норильский комбинат даёт 100% российской платины и палладия, 96% никеля, 95% кобальта, 55% меди. Значительную роль в экономике района играет рыбоперерабатывающая промышленность, в особенности переработка лососевой продукции. В Камчатском крае на рыболовство приходится около 20% ВРП. Однако объёмы рыбопереработки резко упали, в два-три раза сократилось количество жителей рыбацких поселений. Выживание людей зависит от уровня браконьерского вылова. Похожая ситуация сложилась с традиционной отраслью народов Севера – оленеводством, отрасль превратилась в убыточную.

Сдерживающими факторами развития района являются неудовлетворительное географическое положение, отсталая транспортная и социальная инфраструктура, тяжёлые природные условия, отток населения.

Геоэкологическая ситуация, как и в Западной Сибири, самая лучшая из всех выделенных районов. Ранг геоэкологической напряжённости здесь равен 2,5. Наихудшая ситуация наблюдается в Норильском промышленном узле (ранг 5,0). Работающий здесь горнометаллургический комбинат только диоксида серы в 1991 г. выбросил в объёме, равном 26% выбросов по всей стране. Однако ареал загрязнения относительно невелик, поэтому он не оказал влияния на геоэкологическую ситуацию всего района.

10-й район – Дальний Восток

Этот район намного меньше ныне существующего Дальнего Востока – 1 437 600 км². В район входят Сахалинская и Амурская области, Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная область. Район широким фронтом обращён к морям Тихого океана, где преобладает ярко выраженный умеренный муссонный климат: Охотскому и Японскому. Причём Японское море практически не замерзает. Через Кунаширский пролив и пролив Лаперуза Россия здесь граничит с Японией. Поэтому Дальневосточный район имеет важнейшее военно-стратегическое и экономико-географическое значения, является воротами страны в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Дальневосточный район отличается горным рельефом, хотя хребты Буринский, Джугджур, Сихотэ-Алинь, Становой – не очень высокие (максимум чуть более двух тыс. м); здесь также встречаются вулканы, часты землетрясения. В районе в основном таёжная растительность, однако в южной части вдоль Амура расположена зона смешанных лесов – уникальная уссурийская тайга. Между реками Зея и Бурея раскинулась Зейско-Бурейская равнина с высотами 200 – 300 м. На равнине преобладают степи с участками смешанных дубово-лиственничные лесов — так называемые «амурские прерии», где сформировались плодородные чернозёмные и бурые лесные почвы. На Дальнем Востоке почти нет вечной мерзлоты. Реки принадлежат бассейну Тихого океана. Главная река – Амур и его притоки – Зея, Бурея, Усури.

Дальневосточный район известен добычей нефти и газа на севере Сахалина. Кроме того, в районе добывают каменный и бурый уголь, олово, другие руды, цветные металлы; активно ведётся заготовка леса. Район богат морскими биологическими ресурсами, прежде всего, лососевыми, а также другими видами рыб и нерыбных объектов. В районе наблюдается высокое сальдо прямых иностранных инвестиций – 6750 млн долл.

Численность населения района 4 722,6 тыс. чел. Плотность населения невелика – 3,3 чел./км², хотя в Приморском крае возрастает до 12 чел./км². В районе наблюдается незначительный отрицательный естественный прирост населения, но отток населения из субъектов федерации района очень велик, особенно из Еврейской автономной области (-12,6‰). Поэтому в целом население района довольно быстро падает. ВРП на душу населения довольно высокий – 552 тыс. руб., но наивысший в Сахалинской области – более 2 млн руб. – это самый высокий показатель среди субъектов Российской Федерации. Если Сахалинскую

область не принимать во внимание, то ВРП на душу населения в районе сразу уменьшится в несколько раз. Доля жителей, находящихся за чертой бедности, довольно высокая – 16-19%.

Структура ВРП отличается высокой долей добывающей промышленности – почти 26% ВРП – в основном за счёт добычи углеводородов. Довольно большая доля ВРП принадлежит сельскому хозяйству, где основную роль играет рыболовство, хотя ситуация в рыбной промышленности аналогична ситуации в Северной Сибири. В районе относительно высока обеспеченность пашней – 0,4 га/д.н. в основном за счёт Амурской области, где обеспеченность достигает почти 1,5 га/д.н.

Ранг геоэкологической напряжённости в районе средний 4,1. Хотя вдоль Амура и Усури он поднимается до 6,0 (в Еврейской автономной области) из-за загрязнения атмосферы автомобильным транспортом и загрязнения рек.

Международный аспект

В эпоху глобализации ни одна страна не может развиваться изолированно. Поэтому выделенные районы и особенно их приграничные участки испытывают влияние смежных государств. В особой степени это касается геоэкологической ситуации: загрязнители не знают государственных границ. Поэтому кратко остановимся на приграничных проблемах окружающей среды.

Во второй половине XX – начале XXI в. мир столкнулся с острыми проблемами окружающей среды или геоэкологическими проблемами. Научно-технический прогресс, и как следствие, всё увеличивающееся использование природных ресурсов и геоэкологических услуг, загрязнение геосфер явились причинами надвигающегося кризиса окружающей среды.

Мы видим, что геоэкологические проблемы характерны как для промышленно развитых, так и для развивающихся стран, т.е. стали глобальными. Они отличаются только тем, что имеют разный масштаб, который в свою очередь зависит от степени социально-экономического развития страны и инвестиций, вкладываемых в реализацию мероприятий по сохранению окружающей среды.

Сегодня в более чем в 20 субъектах Российской Федерации окружающая среда в той или иной степени зависит от трансграничных процессов. И эти процессы, как правило, наносят огромный ущерб окружающей среде России [15].

В связи с тем, что данная проблема затрагивает всё большее количество стран и принимает глобальный характер, в 1991 г. была принята международная Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция ЭСПО)¹, вступившая в силу в 1997 г. Россия подписала Конвенцию, но не ратифицировала её. Согласно Конвенции, процедура оценки воздействия на окружающую среду потенциально опасных проектов долж-

¹ Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml (дата обращения: 24.04.2018).

на проводиться не только внутри государства, но и в сопредельных странах, которые могут быть затронуты воздействием этих объектов. Перечень видов деятельности, которые могут оказывать вредное трансграничное воздействие, содержится в Добавлении I к Конвенции. К ним, в частности, относятся «нефтеочистительные заводы, нефте- и газопроводы с трубами большого диаметра, ТЭЦ и другие установки для сжигания топлива мощностью 300 мвт или более, а также АЭС и другие сооружения с ядерными реакторами, установки, предназначенные исключительно для производства или обогащения ядерного топлива, регенерации отработанного ядерного топлива или сбора, удаления и переработки радиоактивных отходов, химические комбинаты, крупные плотины и водохранилища и пр.».

К сожалению, российские регионы слабо защищены от загрязняющего воздействия хозяйственной деятельности соседних государств. В особенности это касается Центрального и Южноевропейского районов. Так, например, в Польше рядом с Калининградской областью ведётся добыча сланцевого газа, недавно добычу сланцевого газа начала и Украина. Жидкости, которые используются для гидравлического разрыва пластов, являются сильнейшими канцерогенами. Когда химические реагенты, используемые для гидравлического разрыва, попадают в пласты, где находится артезианская вода, используемая для питья, то эта вода может стать причиной уничтожения всего живого в радиусе добычи сланцевого газа. Понятно, что такого рода артезианская вода очень легко проходит по пластам в Калининградскую область. Серьёзные угрозы для Северного Донца, Дона и Азовского моря, а также Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областей создаются и на Украине из-за добычи сланцевого газа.

Значительную угрозу окружающей среде Мурманской области представляет добыча нефти и газа на шельфе Баренцева моря Норвегией. Природа и экосистемы Арктики крайне ранимы. Это связано с тем, что Баренцево море из всех арктических морей имеет самую высокую биологическую продуктивность и разнообразие видов с одной стороны, а с другой – оно очень чувствительно к антропогенному воздействию, прежде всего – воздействию загрязнителей. В то же время восстановление разрушенной экосистемы требует очень длительного периода времени. Важным моментом является и тот факт, что Норвегия начала нефтегазовую деятельность в районе Кольского полуострова намного раньше России.

Помимо нефти серьёзными загрязняющими веществами являются также железо и медь, пестициды, аммонийный азот, марганец. В нескольких километрах от России, в Сёр-Варангере, где добывают железную руду, на производстве используется 130 млн т воды в год. Чтобы эту воду очистить и использовать заново, применяется 60 т различных химикатов.

Основным источником углеводородов в Баренцевом море в российском секторе считаются воды Атлантического океана, идущие со стороны промышленно развитых стран Европы, добывающих нефть и газ в Северном, Норвеж-

ском и Баренцевом морях, и в первую очередь речь идёт о Норвегии, имеющей общую сухопутную и морскую границу с Россией.

Программа Организации Объединённых Наций по окружающей среде (ЮНЕП) в своём докладе по Арктике подчеркнула, что «Баренцево море является, так называемой, разгрузочной зоной для различных антропогенных соединений».

Чернобыльский ареал радиоактивного загрязнения охватил не только север Украины и юго-восток Беларуси. След этого вида загрязнения прослеживается в России в Белгородской, Брянской, Воронежской, Смоленской, Курской, Калужской, Орловской, Липецкой, Тульской Рязанской областях и даже в Ульяновской, Пензенской, Ленинградской областях и в Республике Мордовия. Т.е. чернобыльский след охватил Центральный и Южноевропейский районы.

Загрязнение Азово-Черноморской прибрежной полосы захватывает кроме России украинское побережье от Одессы до Донецкой области. Загрязнение промышленными отходами Донецкого промышленного ареала в равной степени касается приграничных российских и украинских регионов. Более того, западный перенос способствует увеличению ареала загрязнения именно в российских регионах.

Крайне неблагоприятная ситуация сложилась в североприкаспийском промышленном ареале, где активная добыча углеводородов в России и особенно в Казахстане приводит к загрязнению Астраханской области и прибрежных районов Казахстана.

Таким образом, вполне очевидно, что деятельность большинства промышленных предприятий, сосредоточенных в соседних азиатских странах, в Украине, Беларуси, странах Балтии, Финляндии и Скандинавии отрицательно сказывается на качестве окружающей среды районов России, граничащих с этими государствами.

Можно выделить ряд геоэкологических проблем на трансграничном уровне [17]:

1. Скопление всевозможных отходов хозяйственной деятельности. В результате химических и биохимических процессов отходы разлагаются. Образующиеся продукты распада попадают в атмосферу, реки, озёра, моря, почву. Процесс распада очень длительный. Так, пищевые отходы разлагаются в течение одного-трех месяцев, при этом загрязняется атмосфера, возникает неприятный запах. Писчая бумага разлагается в течение двух лет, металлические предметы – десяти-двадцати лет, автомобильные аккумуляторы – ста лет, резиновые покрышки – 130 лет, пластмассовые бутылки – 200 лет, алюминиевые банки – 500 лет, а стекло разлагается в течение 1000 лет.

2. Явление последних лет – «парниковый эффект», в результате которого происходит нагревание атмосферы и, как следствие, изменение климата, подъём уровня Мирового океана, таяние вечной мерзлоты, усиление процесса опустынивания, трансформация экосистем. Хотя, следует заметить, что не все учёные

поддерживают точку зрения, что нагревание атмосферы происходит благодаря «парниковому эффекту». Многие считают, что это результат длиннопериодных колебаний солнечной активности.

3. Серьёзнейшая проблема – эмиссия продуктов сгорания топлива. Образующиеся в результате сгорания газы в большой степени загрязняют атмосферу. Источниками такого рода загрязнения являются автотранспорт, железнодорожный транспорт, тепловая энергетика. Именно последняя, по мнению ряда учёных, является главным виновником «парникового эффекта».

4. Значительным загрязнителем окружающей среды является строительная отрасль, использующая материалы, содержащие токсичные и вредные вещества. Производство стройматериалов связано с выделением пыли, газов, сажи, образованием различного вида отходов. Часть отходов вывозят на расположенные вокруг населенных пунктов свалки и сжигают, часть сжигают непосредственно на стройке или закапывают в грунт. При сжигании отходов загрязняется воздух, а отходы, вывезенные на свалки или закопанные на стройплощадке, загрязняют почву, поверхностные и подземные воды. Загрязнители не остаются в районе свалок, а с воздухом, водотоками распространяются на большие расстояния. Процесс обезвреживания таких отходов длится 80-100 лет. Параллельно происходит и бактериологическое загрязнение.

5. Крупная проблема современности – сокращение лесов, дающих нам кислород и сохраняющих видовое и генетическое разнообразие. Леса играют важную роль в поддержании гидрологических режимов целых континентов. Деревья впитывают воду во время дождей, и затем медленно отдают её рекам и подземным водам. На обезлесенных территориях дождевая вода не задерживается, сразу уходит в реки и вызывает наводнения. А после наводнений наступают засухи. Причём наводнения и засухи распространяются далеко за пределы того места, где были уничтожены леса.

Тяжёлая ситуация складывается на трансграничных реках. Использование трансграничных водных ресурсов рек (ТВРР) следует отнести к глобальным геологическим проблемам. «Трансграничные воды – это любые воды, как подземные, так и поверхностные, которые обозначают и пересекают границы между несколькими государствами или могут располагаться на таких границах».

Это определение зафиксировано в Конвенции ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр, которую Россия ратифицировала в 1993 г.² Эти воды входят в состав территории приграничных государств и являются частью этих территорий.

12% российской государственной границы (более 7 тыс. км) проходит по речным и озёрным пространствам. В Россию приходят около 200 км³ воды в год, а вытекает в три раза меньше. Значительное положительное сальдо или безвоз-

² Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes (дата обращения: 24.04.2018).

вратное изъятие водных ресурсов является важной особенностью нашей страны.

Крупнейшая трансграничная река – Амур; она входит в десятку самых крупных рек мира. Она получает воды, которые поступают с территорий четырёх стран – России (54% общей площади), Китая (44%) и в меньшей степени – с территорий Монголии и КНДР.

Особенно велико антропогенное давление на приграничные реки с стороны Китая. К концу первого десятилетия 2000-х гг. доля Китая в суммарном сбросе сточных вод в реки Аргунь, Амур (на участке от устья реки Сунгари и до устья реки Уссури) и Уссури – составляла около 98%. Особенно мощное антропогенное давление оказывается на бассейн реки Сунгари; именно с этой рекой в последние годы связано большинство экологических проблем.

Другой водной проблемой на российско-китайской границе является качество стока реки Иртыш. Исток реки находится в Китае, далее река проходит по Китаю треть пути, затем течёт по казахстанской территории и, наконец, приходит на российскую территорию, где впадает в реку Обь. В результате Иртыш приходит на российскую территорию с ухудшенным кислородным режимом, с возросшим количеством взвешенных и биогенных веществ, хлоридов, нефтепродуктов. И как следствие сокращаются запасы ценных пород рыб [11].

Таким образом, в России впервые с довоенных времен выделено 10 районов, отличающихся физико-географическими, экономико-географическими, экономическими и геоэкологическими характеристиками (табл. 1). В отличие от предыдущих попыток районирования, выделенные районы соответствуют административно-территориальному делению России. Все районы очень разные. На рис. 2 приводятся диаграммы, показывающие соотношение площади районов и населения. Видно, что в Столичном, Центральном, Европейском Юге, Урало-Поволжье доля населения значительно превышает долю занимаемой районом площади; в то же время на Европейском Севере, на Северном Кавказе, в Западной, Южной, Северной Сибири и на Дальнем Востоке доля территории значительно превышает долю проживающих на ней жителей.

Конечно, предлагаемое районирование – не идеальный вариант, это только первая попытка. Здесь ещё есть над чем работать. Но по крайней мере, на наш взгляд, данное районирование – это попытка выйти из того тупика, в который мы попали в связи с районированием России.

При этом крайне важно отслеживать процессы, происходящие на международном уровне – в приграничных странах, поскольку загрязнители беспрепятственно пересекают государственные границы и наносят большой ущерб атмосфере, почвам, подземным и поверхностным водам; особенно важно учитывать роль трансграничных рек. В наибольшей степени загрязнению подвергаются районы, пограничные с Украиной, Казахстаном и Китаем.

В работе не упоминается известное районирование России по федеральным округам, которое было предложено правительством России, и по которым

Таблица 1. Характеристика географических районов России
Table 1. Characteristics of the geographical regions of Russia

Район	Площадь (тыс. км ²)	Население (тыс. чел.)	Плотность нас-я (чел./ км ²)	Естествен. прирост (‰)	Население за чертой бедности (%)	ВРП на душу населения (тыс. руб.)	Структура ВРП (%)					Обеспеченность пашей (га /дн.)	Ранг экологической напряженности	Сальдо прямых иностранных инвестиций (млн долл.)
							Сельское хозяйство	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Строительство	Услуги			
Столичный	46,89	19648,7	419,0	1,0	8,3	852,3	0,4	0,0	13,6	5,7	80,3	0,0	7,0	11833
Центральный	741,4	23110,2	29,7	-2,7	12,0	364,0	4,7	0,5	24,3	6,5	64,0	0,3	6,1	3659
Европейский Юг	1025,2	36432,8	37,1	-2,1	13,7	287,3	14,3	2,8	18,7	8,9	55,3	0,9	5,9	2034
Европейский Север	1476,6	4610,7	3,3	-0,6	14,7	479,5	5,2	19,2	18,5	7,0	50,1	0,1	4,5	442
Северо-Кавказский	112,1	7402,4	66,0	10,9	15,7	159,6	14,8	0,7	6,9	13,5	64,2	0,2	5,6	185
Урало-Поволжский	874,05	25126,7	28,7	0,6	11,6	384,5	5,6	13,3	25,7	7,0	48,4	0,7	6,6	3652
Западная Сибирь	2337,0	12671,6	5,4	2,5	16,4	678,2	3,5	39,8	8,7	6,7	41,2	1,1	2,5	9035
Южная Сибирь	2230,5	10946,2	4,9	1,0	18,0	335,1	3,3	17,8	21,6	6,1	49,1	0,4	4,2	549
Северная Сибирь	6844,0	1652,1	0,2	5,7	18,0	986,9	4,0	36,3	8,3	6,8	44,6	0,1	2,5	1056
Дальневосточный	1437,6	4722,6	3,3	-0,2	14,4	552,2	7,4	25,8	6,3	6,8	53,7	0,4	4,1	6750

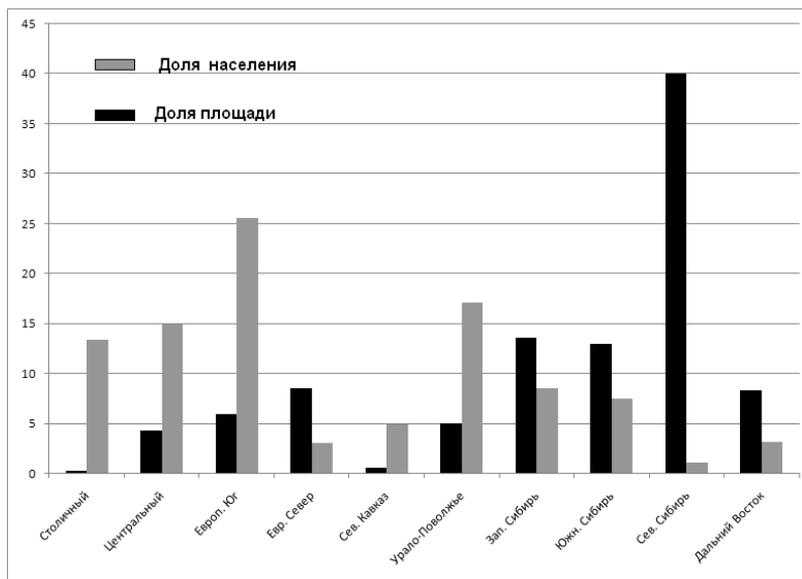

Рис. 2. Соотношение площади районов и численности населения (в % к общероссийским показателям)

Figure 2. Ratio of Russia's regions' areas to population (in % to all-Russian indicators)

сегодня осуществляется финансирование из госбюджета и по которым дается вся статистика. Это было сделано по той причине, поскольку, на наш взгляд, в отличие от старых экономических районов, федеральные округа выделены формально и не соответствуют научным критериям – ни географическим, ни экономическим.

Список литературы:

1. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М-Л, Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
2. Анучин В.А. Теоретические основы географии. М.: Мысль, 1972. 429 с.
3. Арсеньев К.И. Начертание статистики Российской империи, ч. 1 – М.: Книга по требованию, 2011. 277 с. (Репринт книги 1818)
4. Антипова А.В. Россия. Эколого-географический анализ территории. Москва-Смоленск: Маджента, 2011. 384 с.
5. Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 287 с.
6. Воробьева Т.А. Природно-хозяйственное районирование России // Материалы международной конференции «ИнтерКарто/ИнтерГИС 23. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий в условиях глобальных изменений климата. М.: изд. Московского университета. 2017. № 23 (1). С. 108-117.
7. Горбанёв В.А. К вопросу о новом географическом районировании России. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С.187-196.
8. Горбанёв В.А., Кочуров Б.И. География: объект изучения, образование и практика // Проблемы региональной экологии. 2017. № 6. С 39-46.
9. Горбанёв В.А. Общественная география зарубежного мира и России. 2-е изд., испр. и доп. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 760 с.
10. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
11. Кочуров Б.И. Экодиагностика и сбалансированное развитие. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016 362 р.

12. Кочуров Б.И., Антипова А.В., Костовска С.К., Лобковский В.А. Комплексное районирование территории России по экологической и социально-экономической ситуации: карта. М-6 1:8 000 000. М.: ООО «АКЦ», 2002.
13. Марков К.К. Географическая наука и высшее образование в университете // Вестник МГУ. 1965. №3. С.55-65.
14. Романов М.Т. Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // Вестник ДВГАЭУ. 2004. №2. С. 28-46.
15. Рослякова М.А. Трансграничные экологические проблемы в России и её регионах // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. №3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economika.snauka.ru/2015/03/7765> (дата обращения: 24.04.2018).
16. Семёнов-Тян-Шанский П.П. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1,2,4,5 (погубернские очерки). СПб, 1880-1884. 250 с.
17. Gorbanyov V. A. Synergetic Paradigm of Geographical Science // International Journal of Environmental & Science Education. 2016. Vol. 11. No. 18. Pp. 11957-11967.
18. Simakova M.S. Ways to Improve the Scheme of Natural-Agricultural Zoning of the Territory of Russia // Eurasian Soil Science. 2003. No. 36(12). Pp. 1269-1277.

Об авторах:

Владимир Афанасьевич Горбанёв – д.г.н., профессор кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России, 147454 Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: vlgorbanyov@gmail.com.

Борис Иванович Кочуров – д.г.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, 119017 Москва, Старомонетный пер., 29, e-mail: info@ecoregion.ru.

THE PROBLEM OF TERRITORIAL ZONING OF THE RUSSIAN FEDERATION: DOMESTIC AND INTERNATIONAL ASPECTS

V.A. Gorbanyov, B.I. Kochurov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-23-54

Moscow State Institute of International Relations (University)
Geography Institute of the Academy of Sciences of Russia

The current economic regions in Russia were zoned in the 20-30s of the last century by the soviet State Planning Committee. Back then they played an outstanding role in economic development. However, today they do not correspond to the contemporary Russian realities of market economy.

We tried to identify new regions, considering natural, economic, social, geo-ecological conditions. Therefore, the identified regions have a complex geographical nature. We carved out ten such regions: Stolichny, Central, European North, European South, North Caucasian, Uralo-Povolzhsky, West Siberian, North Siberian, South Siberian and Far Eastern.

The authors collected statistical information of land area, population size and density, physical and geographical conditions, natural resources and economic activities for each district. Using the data, they identified for each region the natural population dynamics, the share of

the population below the poverty line, the gross regional product, its structure, the supply of arable land, the rank of the geo-ecological tension, the balance of direct foreign investments and a number of other indicators. In particular the discrepancy between the area and the population in each region is shown. All regions are very different. While in European regions the share of the population is much larger than the share of area, in the Asian regions the situation is reversed: a very small proportion live on enormous area.

In the era of globalization, it is important to consider transboundary fluxes of population and environmental pressure. We analyzed the immigration potential and environmental externalities of neighboring countries for the identified regions of Russia. It is shown that Ukraine, Kazakhstan and China represent the greatest environmental danger for Russia.

Efficient geographical zoning is a necessary condition for improving the regional economy, and ultimately ensuring national security of the country.

Key words: geographical districts of Russia, population, natural increase, contamination, rank of geo-ecological tension, Gross Regional Product (GRP), poverty, provision of arable land, oversea investments, transboundary fluxes of pollutants.

References

1. Aleksandrov I.G. *Osnovy khoziaistvennogo raionirovaniia SSSR* [Basics of economic zoning of the USSR]. Moscow-Leningrad, Ekonomicheskaiia zhizn' Publ., 1924. 76 p. (in Russian)
2. Anuchin V.A. *Teoreticheskie osnovy geografii* [Theoretical Foundations of Geography]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 429 p. (In Russian)
3. Arsenëv K.I. *Nachertanie statistiki Rossiiskogo gosudarstva* [Inscription of statistics of the Russian state]. Chapter 1. Moscow, Kniga po trebovaniuu Publ., 2011. 277 p. (In Russian)
4. Antipova A.V. *Rossia. Ekologo-geograficheskii analiz territorii*. Moskva-Smolensk, Madzhenta Publ., 2011. 384 p. (in Russian)
5. Baranskii N.N. *Izbrannye trudy. Stanovlenie sovetskoi ekonomicheskoi geografii* [Selected Works. Formation of Soviet Economic Geography]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 335 p. (in Russian)
6. Vorobëva T.A. *Prirodno-khoziaistvennoe raionirovanie Rossii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "InterKarto/InterGIS 23. Geoinformatsionnoe obespechenie ustoiчивого razvitiia territorii v usloviakh global'nykh izmenenii klimata* [Natural and economic regionalization of Russia. Materials of the International conference "InterKarto/InterGIS 23. Geoinformation support of sustainable development of territories in the conditions of global climate change]. Moscow, Moscow State University Publ., 2017. No. 23 (1), pp.9-12. (In Russian)
7. Gorbanev V.A. *K voprosu o novom geograficheskom raionirovanii Rossii* [On the issue of a new geographic zoning of Russia]. Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations, 2014. no. 4 (37), pp. 187-196 (in Russian).
8. Gorbanev V.A. Kochurov B.I. *Geografiia: ob'ekt izucheniia, obrazovanie i praktika* [Geography: object of study, education and practice]. *Problemy regionalnoy ekologii*, 2017, no. 6, pp. 39-46 (in Russian).
9. Gorbanev V.A. *Obshchestvennaia geografiia zarubezhnogo mira i Rossii* [Human geography of the foreign world and Russia]. 2nd ed. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2018. 760 p.(in Russian)
10. Kolosovskii N.N. *Teoriia ekonomicheskogo raionirovaniia* [The Theory of Economic Zoning]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 336 p. (In Russian)
11. Kochurov B.I. *Ekodiagnostika i sbalansirovannoe razvitie* [Ecodiagnosics and balanced development] 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 362 p. (In Russian)
12. Kochurov B.I., Antipova A.V., Kostovska S.K., Lobkovskii V.A. *Kompleksnoe raionirovanie territorii Rossii po ekologicheskoi i sotsial'no-ekonomicheskoi*

- situatsii* [Integrated zoning of the territory of Russia by the ecological and socio-economic situation]. Map. Scale 1:8 000 000. Moscow, AKTs Publ., 2002. (In Russian)
13. Markov K.K. *Geograficheskaya nauka i vysshee obrazovanie v universitete* [Geographical Science and higher Education at the University]. Vestnik MGU. 1965. No.3. pp. 55-65 (in Russian).
 14. Romanov M.T. *Problemy ekonomicheskogo raionirovaniia i administra-tivno-territorial'nogo ustroistva Rossii v novykh usloviakh* [Problems of economic zoning and administrative-territorial organization of Russia in new conditions]. Vestnik DVGAEU, 2004, no.2, pp.28-46 (in Russian).
 15. Rosliakova M.A. *Transgranichnye ekologicheskie problemy v Rossii i ee regionakh* [Transboundary environmental problems in Russia and its regions]. Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii, 2015, no. 3. Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/03/7765> (Accessed: 24.04.2018). (In Russian)
 16. Semenov-Tian-Shanskii P.P. *Statistika pozemel'noi sobstvennosti i naseleennykh mest Evropeiskoi Rossii* (pogubernskie ocherki) [Statistics of land property and populated areas of European Russia]. Iss. 1, 2, 4, 5. – St. Petersburg, 1880-1884. 250 p. (in Russian)
 17. Gorbanyov V.A. Synergetic Paradigm of Geographical Science. *International Journal of Environmental & Science Education*, 2016, vol. 11, no. 18, pp. 11957-11967.
 18. Simakova M.S. Ways to Improve the Scheme of Natural-Agricultural Zoning of the Territory of Russia. *Eurasian Soil Science*, 2003, no. 36(12), pp. 1269-1277.

About the authors:

Vladimir A. Gorbanyov – Doctor of Geography, Professor of the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University), 147454 Moscow. E-mail: vlgorbanyov@gmail.com.

Boris I. Kochurov – Doctor of Geography, Professor, Geography Institute of the Academy of Sciences of Russia; 29, Staromonetnyi pereulok, Moscow, 119017. E-mail: info@ecoregion.ru.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ПОЛЮС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДЖИНН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамова

Институт Африки РАН
Российский университет дружбы народов

Статья посвящена малоисследованному вопросу – постепенной трансформации разрозненного множества мусульманских экономик во всё более влиятельный, самозначимый, хотя и внутренне противоречивый центр геоэкономической и геополитической силы полицентричного мира. Статья на конкретном геоэкономическом примере развивает положение сформулированной авторами ранее концепции формирования и смены моделей мирового экономического развития. Уточнены количественные и качественные характеристики цивилизационного измерения этого процесса. Закрепившиеся в последние десятилетия тенденции развития экономического базиса «мусульманского полюса» и прикладные задачи экономического анализа диктуют необходимость коррекции и уточнения существующего категориального аппарата мировой экономики как отрасли экономической науки путём разделения терминов «мусульманская экономика» (цивилизационно специфичная форма развития национальных экономик мусульманских стран; отдельный неотъемлемый элемент глобальной экономики, содержание которого, с одной стороны, – хозяйственное бытие и благосостояние мусульманского населения всех и каждой из стран мира, а с другой – экономический потенциал, устойчивость и способность к саморазвитию экономик мусульманских государств) и «исламская экономика» (экономика, которая реализует на практике примат норм шариата над конвенциональными рыночными нормами, процедурами и механизмами). При этом и та, и другая остаются материальными условиями сохранения цивилизационной идентичности мусульманства. Однако, если политико-правовые и чисто религиозные аспекты отстаивания мусульманской идентичности в современном мире исследованы достаточно внимательно, то аспект обретения весьма неоднородным мусульманским миром нового качества самостоятельного центра экономической силы и его конкуренции с другими, старыми и новыми акторами за достойное место в нём и гарантию прав населения в глобальном экономическом мироустройстве практически отсутствуют в отечественной и зарубежной литературе. В статье даётся авторское видение нового качества мусульманских экономик как консолидирующейся общности в мировом балансе сил, формирующихся моделях глобального мироустройства, финансовой глобализации и глобального управления. Авторы приходят к выводу, что этот процесс ещё весьма далёк от достижения зрелых или завершённых форм. Сегодня едва ли можно достоверно предсказать конкретные конфигурации будущей самоорганизации «мусульманского полюса» полицентричного мира и характера его влияния

УДК 339.9, JEL F6

Поступила в редакцию 18.07.2018 г.

Принята к публикации 12.08.2018 г.

на конкретные вопросы глобального миропорядка. Однако, точка невозврата им уже пройдена, и болезненный и противоречивый процесс вызревания такого центра вряд ли остановится.

Ключевые слова: мусульманская экономика, исламская экономика, исламские финансы, геоэкономика, миропорядок, полицентричность, глобальное управление, цивилизационная идентичность, глобальный баланс сил.

Во втором десятилетии XXI в. реальный ход глобализации и её последствия начали обретать новые черты и характеристики, появления которых мало кто ожидал на её начальных этапах. Противоречие между сущностной первоосновой глобализационной идеи – разрушением национально-государственных преград и перегородок, стоящих на пути поступательного роста производства и расширения рынков товаров и услуг – и быстро меняющимся соотношением сил вовлечённых акторов, интересы которых в конечном итоге (по крайней мере, пока ещё) защищает или воплощает национальное государство, породило в мире зримое попятное движение и пересмотр её изначальных оптимистичных сценариев.

Как следствие, сегодня мы наблюдаем кризис или, по меньшей мере, существенные трудности в функционировании институтов и инструментов глобализации в их изначальной задуманной форме: рост протекционизма, игнорирование норм её институтов (например, ВТО), обмен санкциями, торговые войны, замедление и угроза свертывания интеграционных процессов в ряде регионов мира и т.д.

Причины происходящего во многом связаны с тем, что глобализация как политический проект, продвигаемый прежде всего финансовыми и политическими элитами Запада (в отличие от одноимённого объективного процесса развития мировых производительных сил), наряду с целым рядом преимуществ, оказалась чревата неожиданным ослаблением глобальных позиций её проponentов по ряду ключевых направлений как в экономическом, так и в геостратегическом плане.

Идеальным условием для сохранения изначального задуманного хода этого проекта, как представляется, было бы сохранение однополярного миропорядка, установившегося на короткий по историческим меркам промежуток времени после окончания холодной войны. Однако, джинн глобализации уже вырвался из бутылки, а, как известно из художественной литературы, конечные результаты его действий часто не совпадают с пожеланиями обладателей сосуда. Глобализация не только не сгладила, она существенно усилила неравномерность социально-экономического развития государств и целых регионов мира.

В ходе глобализации некоторые страны усилили свои позиции, сумев на какое-то время закрепить наиболее благоприятную для них схему миропорядка и правил игры. Ограниченное число стран получило мощный импульс к ускорению своего развития и укреплению позиций на мировой арене. Другие пребывают в затяжном застое или оказались маргинализированы. Третьи вовсе исчезли с карты мира.

На десятилетие-полтора сложилось впечатление, что воцарился т.н. однополярный мир, наступил «конец истории». Но реальный ход глобализационных процессов стал подтачивать этот однополярный мир изнутри и снаружи. Изнутри – усилив конкуренцию внутри западного блока стран, а извне – создав альтернативные центры экономической и политической силы в мире. В результате некоторое число развивающихся стран сумело успешно встроиться в глобализацию и потеснить архитекторов глобального мира по многим ключевым экономическим параметрам.

Глобализация ускорила и детерминировала определяющие черты нынешнего этапа объективного процесса *формирования и смены моделей мирового экономического развития* (ММЭР). В наших предыдущих публикациях мы подробно описали суть этого процесса, отметив, в частности, что речь идёт о преодолении накапливавшихся десятилетиями дисбалансов и противоречий в мировой экономике¹. В самом общем смысле эти изменения можно характеризовать как перераспределение соотношения сил между старыми (доминировавшими и прежде) и «новыми» (восходящими) глобальными игроками, неизбежным следствием чего становится изменение баланса сил между действующими государственными, субгосударственными и негосударственными акторами [18, с. 6].

В силу понятных причин к «старым игрокам» относят в основном страны Запада (как по отдельности, так и в форме «коллективного Запада» или его объединений). «Новые игроки» – восходящие экономики, главным образом крупные и многонаселенные государства, такие как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия и др. Несмотря на имеющиеся противоречия, старые игроки имеют тенденцию выступать по ключевым проблемам миропорядка и глобального управления с консолидированных позиций. Новые – в значительной степени разобщены и по большей мере стремятся отстаивать собственные страновые интересы и позиции. Даже наиболее продвинутое объединение новых игроков – БРИКС – пока ещё не может похвастаться большей эффективностью своих консолидированных действий на мировой экономической арене по сравнению с, казалось бы, «раздираемым противоречиями» Западом [21].

¹ Смену ММЭР не следует путать с марксистской теорией формационного развития. При смене ММЭР не происходит коренного изменения в отношениях собственности на средства производства. Ключевые трансформации ограничиваются изменениями институционального характера, при которых происходит подгонка существующих правил игры в мире под реальный изменившийся баланс сил в нём. Базисные основы отношений не перестраиваются кардинально. Они лишь корректируются в необходимой мере для того, чтобы преодолеть накопившиеся препятствия для поступательного экономического роста и развития мировой экономики и бизнеса. Подробнее о теории ММЭР см. [18].

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от изучения новых страновых центров силы в мире (Китай, Индия и т.д.), проблематике возникновения новых «коллективных» полюсов уделяется относительно небольшое внимание. Исключение составляет лишь уже упоминавшееся объединение БРИКС. Однако нельзя не отметить и определённое уменьшение внимания даже к данному объединению в последние несколько лет.

Между тем весь опыт последних десятилетий свидетельствует, отдельные страны, как старые, так и новые игроки, несмотря на размеры их экономик, не в состоянии в одиночку определять правила игры в развитии мировой экономики. С углублением глобализации роль страновых центров экономической силы относительно снижается, а коллективных растёт. В этом смысле, по-видимому, БРИКС ещё не сказал последнего слова. Но, что ещё важнее, нельзя игнорировать и другие вызревающие или только начавшие консолидацию потенциально возможные центры экономической и политической силы в мире.

Полицентричность и мусульманский мир: постановка проблемы

Развитие глобализационных процессов оказало мощное влияние не только на мировую экономику, но и на диффузию цивилизационно-культурных ареалов в масштабах всего человечества. Сильному экзогенному воздействию и проистекающим из этого воздействия деформациям подверглись ключевые сферы бытия, до того времени воспринимавшиеся как атрибуты суверенной идентичности отдельного государства: политическая, экономическая, духовная, культурная, историко-цивилизационная и т.д. Основной же характеристикой глобальной политики и эволюции миропорядка стало ускорение движения от однополярного мира к многополярности, от навязываемой старыми игроками моноцентричности к полицентричности.

Оказалось, что в формировании экономических и политических центров силы полицентричного мира немалую роль играют религиозные и цивилизационные факторы [29; 28]. В этом контексте особый интерес представляет процесс последовательного усиления экономических позиций мусульманского мира. Последний, по нашему мнению, имеет достаточный экономический и политический потенциал для превращения со временем во влиятельный центр силы полицентричного мира.

Теоретические аспекты развития многополярного и полицентричного мира подробно раскрыты в работах отечественных исследователей, среди которых можно особо выделить труды Е.М. Примакова [11], А.А. Дынкина [12], Н.А. Симонии [13], А.В. Торкунова [15]. Авторы данной статьи выдвинули ряд теоретических положений и закономерностей формирования и смены моделей мирового экономического развития как фундаментальной первоосновы вызревания центров экономической и политической силы в конкретной системе миропорядка [17; 18; 20]. Целый ряд релевантных для подтверждения отдельных

положений данной статьи прогнозов, касающихся отношений между локальными человеческими цивилизациями в их политико-стратегическом и военном аспектах, даны в недавних публикациях авторов Центра военно-политических исследований МГИМО [9; 10].

Многие исследователи касались темы роста глобальной политической значимости мусульманского мира в международных отношениях и его международно-политической самоорганизации [5; 7; 14; 22; 24; 25]. Среди большого количества трудов подобного рода следует особо отметить книгу Н.В. Жданова «Исламская концепция миропорядка» [2], вышедшую в 2003 г. и намного опередившую своё время. В недавние годы повышенный интерес вызывали вопросы исламской экономической модели и исламских финансов. Из множества работ отметим, в частности [1; 3; 8; 16; 26]. Вопрос об экономическом базисе «мусульманского полюса» полицентричного мира, рассмотрение которого является целью данной статьи, по нашим сведениям, исследуется впервые.

Возвышение на общемировом и региональном уровне таких мусульманских стран как Индонезия, Турция, Саудовская Аравия, Иран или Нигерия не вызывает сомнения. Говоря о новых «восходящих» центрах силы, чаще всего упоминают вроде бы «неисламские» Китай и Индию. Но не следует забывать, что, например, мусульманская часть населения Индии составляет примерно 220 млн чел. С точки зрения количественной (но не качественной) оценки трудового потенциала, это равно примерно половине населения всего Евросоюза. Его «условная демографическая перспективность» (темпы прироста трудовых ресурсов, повышение уровня квалификации, образования и т.д.) намного выше. Считается, что в Китае к этносам, традиционно исповедовавшим ислам, принадлежит от 21 до 25 млн чел. В условиях социализма, скорее всего, далеко не все они являются практикующими мусульманами, но приводимая цифра примерно равна суммарной численности населения трёх скандинавских стран и Финляндии вместе взятых.

Наши исследования закономерностей трансформации ММЭР показали, что фактор религиозно-цивилизационной идентичности в современном мире может выступать важным сближающим началом при объединении отдельных «восходящих» государств в консолидированный центр экономической и политической силы глобального значения [18]. Как в стихийном, так и в управляемом общественном процессе он хорошо ложится в фундамент различных конфигураций интеграционных экономических связей, межгосударственных альянсов и политических союзов.

Вопросы о строгости дефиниции, о необходимом и достаточном уровне консолидации «мусульманского полюса» на нынешнем этапе не представляются главными. Ответы на них зависят от конкретного соотношения экономических, политических и военных сил в мире. Можно ли в этом контексте говорить о реальности осмысленного сближения экономик мусульманского мира до такой степени, что с этой консолидированной силой придётся считаться? Некото-

рые косвенные признаки консолидированных экономических действий (пусть и краткосрочных), основанных на религиозной солидарности, уже имели место. Речь идёт и о предпринимавшихся попытках экономического бойкота Израиля, и о нефтяном эмбарго 1973 г., вызвавшем энергетический кризис и спад в мировой экономике.

Таким образом, отнюдь не закрывая глаза на силу имеющихся разобщающих факторов и усилия ряда внешних сил сохранить эту разобщённость, нельзя преуменьшать и мощные объективные цивилизационные предпосылки к консолидации. Ведь, например, при всём многообразии Запада и существующих внутри него противоречий, несмотря на отсутствие общепринятых чётких дефиниций понятия «экономика Запада», под этим термином недвусмысленно понимается вполне конкретная мировая экономика. Насколько реально тогда ожидать, что с течением времени подобным образом будет восприниматься реальность некоей глобальной «мусульманской экономики» (МЭ)?

Ставя вопрос таким образом, мы далеки от мысли видеть (пусть даже гипотетически) мусульманские страны как некий единый экономический или военно-политический блок в нынешнем понимании этого термина. Непременным условием для практической реализации подобного сценария является рост взаимосвязи и взаимозависимости экономик отдельных мусульманских стран. Напомним, что мы ведём речь о мусульманских экономиках не как о реализации в хозяйственной жизни положений исламского права, а как о современной геоэкономической реальности, сформировавшейся в определённом цивилизационном контексте и уже мощно влияющей на баланс экономических сил в мире.

В этом смысле фактор «мусульманскости», пока ещё не ставший однозначно объединяющей силой, уже бесспорно превратился для этих стран в идентификационный критерий, на базе которого другие мировые центры силы (в особенности «старые»), в своих глобальных расчётах объединяют эти государства в общую группу, не спрашивая на то их согласия. Тем самым, вольно или невольно, намечаются границы и связующие деноминаторы для возможной консолидации. При этом в глазах тех, кто прочерчивает подобные разделительные/объединительные линии, ключевыми оказываются вовсе не *конфессиональные* особенности или этико-правовые нормы господствующей религии, а как раз соображения *геополитического, экономического и военно-стратегического* характера [9]. Это как раз те параметры, которые определяют баланс сил в мире, конфигурации миропорядка и нормы мироустройства.

В подтверждение сказанного напомним, что для мировой экономики и политики начало нынешнего тысячелетия прошло под знаком нарастания влияния двух, казалось бы, весьма разнопорядковых явлений – процесса глобализации и международного терроризма. Первое из двух какое-то время в основном сопровождалось определением «финансовая». Однако вскоре термин был распространён и на иные сферы экономики, а позднее – едва ли не на всю гамму социальных и политических отношений в мире.

Что касается терроризма, то, несмотря на сохраняющееся фактическое многообразие его проявлений, на рубеже веков упоминание о нём почти неизменно сопровождаются привязкой к вполне конкретному религиозному источнику. В конце 90-х – начале нулевых годов западная печать без обиняков именовала его «исламским». Примерно со времени агрессии США и введомых ими младших партнёров в Ираке появилось внешне более политкорректное определение «исламистский». Впрочем, это слово с трудом поддавалось адекватному переводу на национальные языки мусульманских стран, да и в самих странах Запада не приветствовалось основной частью местных исламских диаспор. В результате на смену ему пришло новое определение – «джихадистский», которое особенно быстро стало утверждаться в СМИ и академической литературе с выносом группировкой ИГИЛ/ИГ² своей активности за пределы мусульманского мира. Несмотря на смену эпитетов и политкорректные оговорки в речах и, что особенно важно, делах Запада, мусульманский мир при всём своём многообразии и противоречивости упорно выдвигался в качестве (официально не провозглашаемой, но реальной) *консолидированной* угрозы западным ценностям и образу жизни.

Широко распространившиеся с 1990-х гг. идеи неизбежного столкновения цивилизаций, прогнозы С. Хантингтона о неотвратимости в недалёком будущем противостояния между западным и исламским мирами [27] не могли объективно не способствовать вынужденной политической консолидации мусульманского мира и создания предпосылок для превращения в перспективе их экономик в самозначимую общность в мировом хозяйстве. Этому способствовали и такие факторы, как схожесть их специализации в международном разделении труда (прежде всего, энергосырьевая), наличие, несмотря на все страновые различия, значительных финансовых и инвестиционных ресурсов (нефтегазодобывающие мусульманские страны) и сформировавшихся финансовых центров мировой значимости (ОАЭ).

При этом глобализация как *объективный социально-экономический процесс* планетарного масштаба естественным образом неизбежно вовлекла в себя и мусульманские страны. Но глобализация как *проект* построения монополярного мира, основанного на западных цивилизационных ценностях и либерально-рыночном хозяйстве, как в ряде других частях планеты, в мусульманском мире столкнулся с очевидными трудностями.

В этом смысле даже развернувшаяся глобальная борьба с международным терроризмом (в последнее десятилетие почти целиком сводимом в информационном поле к исламизму/джихадизму, в том числе в форме ИГИЛ/ИГ), стала фактором, способствующим консолидации будущей глобальной МЭ. Справедливые действия международного сообщества, перемежавшиеся непродуманными огульными обвинениями, ускорили динамику разнообразных и многоурав-

² Организация запрещена в Российской Федерации

невых процессов объединения и размежевания внутри исламской уммы и среди мусульманских государств.

Ирония истории состоит в том, что в аспекте мирового хозяйства даже проект «Исламского государства» в форме всемирного халифата неизбежно оказывается не чем иным, как альтернативной моделью «глобальной мусульманской экономики». Ведь в конечном итоге ИГИЛ претендовало на глобальную функцию, мусульманского цивилизационного ответа на концепцию гражданского общества, предложенную западной цивилизацией [19].

В свете изложенного, при всём своём многообразии и внутренней противоречивости в условиях полицентричности мусульманский мир уже сейчас претендует на роль одного из реальных центров политической и экономической силы. Сегодня мусульманский мир – компактная по мировым меркам зона концентрации огромного потенциала производительных сил, поступательно и устойчиво наращивающая свою глобальную значимость. Без учёта тех стран, где мусульмане не составляют большинства населения, она объединяет чуть менее 40 государств. В 28 странах мира ислам является государственной религией. Пять стран (Афганистан, Гамбия, Иран, Мавритания, Пакистан) юридически провозгласили себя исламскими государствами, записав это в конституции и включив слова «исламская республика» в свое официальное наименование. Мусульмане составляют примерно четверть всех земель.

Категориальный аппарат

Российский исследователь мусульманской экономики Р.И. Беккин отмечал, что в реальном мире не существует единой мусульманской экономики [1; 6]. Видимо, не может быть и одной её модели, применимой ко всему многообразию мусульманских государств. В то же время, вне сомнения, существуют изложенные в Коране и Сунне единые базовые принципы, которыми в идеале должны руководствоваться в экономических делах богопослушные мусульмане [1].

Ответ на вопрос о том, насколько использование категории «экономика» к доктринальным принципам религии, на наш взгляд, всегда будет в значительной степени субъективным. Вместе с тем налицо необходимость отражать в исследовательском нарративе и повседневной прикладной практике управленцев и бизнесменов мусульманских государств объективно существующие особенности организации и практики ведения хозяйственных, финансовых и иных подобных отношений в «восточных обществах».

В этой связи в интересах изучения феномена, ставшего предметом данного исследования, нам представляется целесообразным категориально разграничить явления, обозначающие экономику, создаваемую полностью или преимущественно на основе мусульманского права (шариата) и реальную современную экономику мусульманских стран. Для удобства дифференциации (и только

для этого, а не из-за разницы в семантике!) назовем первую «исламской экономикой» (ИЭ), а вторую «мусульманской экономикой» (МЭ).

Предугадывая возможные искажения нашей мысли оппонентами, сразу оговоримся и многократно подчеркнём, что такое разделение не является противопоставлением или размежеванием исходных *прилагательных* «исламский» и «мусульманский». Эти слова полные синонимы. В арабском языке второе слово изначально является производным от первого, а оба они – происходят от корня, обозначающего название религии – «ислам».

Для чего, с нашей точки зрения, полезно такое терминологическое разделение и выделение «мусульманской» и «исламской» экономики в отдельные категории, обозначающие связанные, но различные понятия? Такой шаг, как нам представляется, необходим для более адекватного объяснения и достоверной характеристики процесса вызревания описываемого нами нового центра притяжения экономических и политических сил в полицентричном мире.

Терминологическое разделение структурирует важные классификационные звенья в современном научном знании. Размежевание категорий позволяет понять сущностные характеристики, движущие механизмы и возможные результаты сложных социально-экономических перемен большой глубины и значимости, происходящие непосредственно в самом мусульманском мире (уровень ИЭ), и на более высоком уровне глобальной экономики (МЭ). И те, и другие лежат в основе обостряющихся в настоящее время кризисных процессов и переходов (транзитов) в различных мусульманских регионах.

Рассматриваемые категории и обозначающие их термины не противостоят друг другу. Более того, в жизни они частично перекрываются в содержательном плане. В какой степени это имеет место, зависит от конкретных условий страны. Скажем, в Иране эта степень выше, в Турции – ниже.

Исходя из предложенных критериев, любая «исламская экономика» является «мусульманской», поскольку её носителями являются мусульмане, а географически как целостное явление она может существовать только в мусульманском государстве (в противоположность отдельным экономическим и финансовым услугам, предоставляемым с учётом требований исламского права, которые могут оказываться, например, в Англии или Китае).

С другой стороны, не всякая «мусульманская экономика», согласно предложенной нами классификации, является «исламской». Если говорить о конкретных государствах, то, например, экономики Турции, Албании, Азербайджана, Казахстана, Киргизии или Боснии и Герцеговины и т.п. таковыми не являются. При этом даже в экономиках светских государств, населённых мусульманами, будут присутствовать индивидуальные черты, сформировавшиеся под влиянием того, что доминирующая часть жителей исповедует ислам. Нередко на это будут ещё наслаиваться и национальные или этнические особенности экономического поведения. Все вместе они формируют там *страновую (национальную) мусульманскую экономическую идентичность*.

Общие и специфические черты «мусульманских экономик» могут находить отражение в особенностях структуры ВВП или отдельных секторов экономики, вкладе определённых отраслей в формирование национального дохода, развитости или неразвитости каких-то производств, практик, видов сервиса или операций. Например, в составе аграрного сектора может практически отсутствовать свиноводство, или производство алкогольных напитков. Будут слабо развиты некоторые финансовые институты, инструменты и рынки. Индустрия развлечений не будет включать игорный бизнес, а индустрия гостеприимства будет характеризоваться гипертрофированным развитием религиозного туризма. И наоборот, могут появляться производства и целые отрасли, широко распространённые только или преимущественно в мусульманской экономике («халяльный» сектор пищевой промышленности, исламские финансы, производство уборов для хаджа и атрибутов для совершения обязательных ритуалов).

Названные выше ограничения, характерные для конкретной «мусульманской экономики», скорее всего, будут существовать не в силу прямого запрета на них со стороны государства, а в силу этических и канонических норм и традиций. Даже в наиболее светских мусульманских странах (в той же Турции) эти особенности чётко ощущаются в реальной жизни.

Завершая дифференциацию терминов, отметим, что «исламская экономика» в своей полноте и абсолюте в современном мире не существует. Изобличительная риторика Корана и примеры Сунны говорят о том, что в качестве таковой её не было даже во времена Пророка. В сегодняшней реальной жизни она может быть реализована лишь с большей или меньшей степенью приближения. В воплощаемой на практике «исламской экономике» всегда будут присутствовать изъяны, допущения и исключения. Это, в частности, подтверждает и ограниченность успехов ИГИЛ на экономическом поприще. Сказанное позволяет сделать вывод: стопроцентно чистая ИЭ – скорее идеал богослова и праведника, чем практически работающая самоподдерживающаяся модель функционирования современного народного хозяйства.

В противоположность ИЭ «мусульманская экономика» не есть воплощение предустановленных канонов религии. Она такова, какова она есть в почти полусотне стран мира. Она – объективная реальность и неотъемлемая часть мировой экономики со своими, описанными выше специфическими чертами и характеристиками, которые позволяют выделять её из глобальной экономической общности и определять, как таковую.

Абсолютизация специфических черт МЭ необоснованна и даже вредна, как любая крайность. Однако игнорирование существующих культурно-цивилизационных и конфессиональных реалий, попытки механически, а порой и насильственно перенести в страны с мусульманским населением рецепты либерально-рыночных светских начал (на деле их имплементация зачастую реализуется с религиозным фанатизмом и бескомпромиссностью) часто приводит к пагуб-

ным последствиям. Достаточно вспомнить 1980-е и 90-е гг. с их программами «структурной адаптации МВФ» для стран «третьего мира» или «Вашингтонский консенсус» с его результатами.

МЭ, будучи типологической общностью, пока не сформировалась в интегрированную гомогенную сущность, развивающуюся и работающую по своим специфическим законам. Имеются первичные признаки потенциальной возможности трансформации в этом направлении. Однако они ещё слабы и не универсальны – ни географически, ни субстантивно, ни институционально. Они идут параллельно и в постоянной борьбе с противостоящими им процессами глобализации по западным либерально-рыночным лекалам, хотя иногда в узких сегментах мировой экономики и возникают сферы глобального управления (ГУ), в которых правила игры задают мусульманские страны (например, глобальное управление «исламскими финансами», о чём будет речь ниже).

По нашему мнению, маловероятно в ближне- или даже среднесрочной перспективе ожидать превращения мусульманского мира в жёстко очерченный общий центр силы, сравнимый по уровню сплочения, например, с «глобальным Западом». Последний при всех различиях и нюансах интересов и возможностей выступает в целом с общих, консолидированных позиций, в том числе по вопросам мировой экономики, торговли, финансов и т.д. В то же время нельзя не видеть, что – пусть медленно – МЭ, представленная сообществом мусульманских государств, начинает обретать значение самодостаточного центра силы в мире.

Существуют международные институты, такие как Организация исламского сотрудничества, ОИК (до 2011 г. Организация Исламская конференция), которые принимают и транслируют функции *глобального управления* ею. Заслуживают упоминания и другие уже функционирующие институции исламского мира, в мандат которых входят именно вопросы экономики, финансов, развития. Даже простое их перечисление свидетельствует об их многочисленности, широте компетенций и диверсифицированности сфер координации и совместного контроля: Исламский банк развития, Исламский фонд развития, Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам, Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям, Исламский фонд научно-технического развития, Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям, Комитет исламской солидарности с мусульманскими африканскими странами зоны Сахеля, Исламская ассоциация судовладельцев, Исламский центр развития торговли Исламская торгово-промышленная палата и др. Степень их влияния в глобальной экономике неодинакова.

В силу того, что МЭ располагает значительными свободными капиталами исламские международные экономические институты глобально более влиятельны в таких областях как глобальное управление, валютно-финансовое управление, поменьше в сферах управления природными ресурсами (например, Организация арабских стран-экспортёров нефти) и, к сожалению, весьма слабо в сферах, определяющих магистральные пути инновационного развития

мировой экономики и регулировании возникающих при этом международных отношений (НИОКР, ИКТ, новые технологии и материалы и проч.)

Исламские финансы и альтернативные модели глобального управления

Финансовое глобальное управление – ключевой компонент всей системы экономического миропорядка, обеспечивающий управляемость системы в целом в нужном направлении. Именно на этом направлении МЭ сумела закрепить за собой вполне реальный и признанный и старыми, и новыми центрами силы, хотя и узкий, но динамично развивающийся сегмент.

Речь идёт об исламских финансах (ИФ). Это одна из немногих областей мировой экономики, глобальное управление которой осуществляется *без видимого и однозначного доминирования ведущих западных держав* [8]. Это существенная характеристика может рассматриваться как существенный индикатор возможного выхода в будущем МЭ на роль мировой силы, определяющей глобальные правила игры в той сфере, в которой Запад по определению на неё претендовать не в состоянии.

В то же время, будучи встроенными в международную систему валютно-кредитных и, шире, экономических отношений, исламские финансовые институты (ИФИ), где бы они ни работали, вынуждены ориентироваться на принятые в мире стандарты финансового регулирования и выполнять определённые требования, предъявляемые к участникам мирового финансового оборота.

За исключением СНГ, где работа ИФ, несмотря на довольно продолжительный период присутствия, всё ещё воспринимается как инновационный продукт [16], финансовое законодательство мусульманских стран, как правило, строится с учётом рекомендаций специальных международных структур, формирующих нормативную среду в области именно ИФ. Признаваемый государством исламский финансовый бизнес обязан соблюдать устанавливаемые им нормы. Западные финансовые учреждения, работающие в сфере ИФ (в ЕС, Северной Америке, Гонконге, Сингапуре, Австралии), исполняют эти требования в добровольном порядке [8].

Почти все международные структуры, регулирующие ИФ, имеют штаб-квартиры в зоне МЭ. С точки зрения глобального управления, они исполняют роль институтов международного (исламского) финансового регулирования. Их задача – сформировать правовое поле, в котором источником права выступает шариат, не только для мусульманских стран, но и для подразделений исламского банкинга крупных кредитных учреждений всего мира. К числу главных исламских институтов глобального финансового управления можно отнести: специализированные организации Исламского банка развития (IDB, ICD, IRTI, ICIES, ITFC), Совет по исламским финансовым услугам (IFSB), Организацию по бухучету и аудиту в исламских финансовых институтах (AAOIFI), Организацию Международных исламских финансовых рынков (IIFM), Международное

исламское рейтинговое агентство (IIRA), Международный центр образования в области исламских финансов (INCEIF) [8].

К исламским институтам глобального управления, не специализирующимся на ИФ, относится Всемирный исламский экономический форум, со штаб-квартирой в Куала-Лумпуре (Малайзия). Его уставные документы провозглашают в качестве целей деятельности повышение экономического благосостояния мусульманских стран. Форум содействует диалогу и сотрудничеству между всеми деловыми людьми (как мусульманами, так и немусульманами), поскольку рассматривает его в качестве моста на пути к пониманию и взаимодействию между мусульманским и немусульманским миром.

Глобальный потенциал мусульманской экономики

В настоящее время МЭ, измеряемая как сумма номинального ВВП 35 мусульманских стран мира³ (здесь и ниже, если не оговорено особо, ВВП в расчёте по текущему обменному курсу), составляет в общей сложности почти 7 трлн долл. США (примерно 8% общемирового). Усреднённый ВВП на душу населения в рамках глобальной «мусульманской экономики» примерно равен 3888 долл. в год. Для сравнения, ВВП Китая, численность населения которого приближается к суммарному числу жителей мусульманских стран (но всё же заметно меньше) в последние несколько лет колеблется на уровне 11-11,5 трлн долл. (13% мирового), а ВВП на душу населения – 8 214 долл. Крупнейшей мусульманской экономикой является Индонезия. В 2017 г. она стала первой страной в исламском мире, чей ВВП превысил 1 трлн долл. при численности населения в 261 млн чел. Вторая страна мира по численности мусульманского населения – Индия (оценка 2017 г. – 179 млн чел.), но они являются там религиозным меньшинством, поскольку составляют немногим более 14% всего населения. Вторая по объёму ВВП мусульманская экономика у Турции (842,1 млрд долл. при 82,1 млн жителей). Далее формально следует ряд экономик нефтедобывающих стран – Саудовской Аравии (648 млрд), Ирана (ок. 400 млрд) и др., но у этих государств величина ВВП сильно зависит от мировых цен на нефть. В результате объём ВВП «гуляет» в последние четыре года в пределах суммы 100-150 млрд долл. Отдельного упоминания заслуживает быстро развивающаяся и модернизирующаяся экономика Малайзии (почти 300 млрд долл. при населении 33,4 млн чел.). Ожидается, что экономика (ВВП) этой страны в 2022 г. превзойдет символический рубеж в 500 млрд долл.⁴

³ Из-за правовых нюансов (часть стран с преобладанием мусульманского населения являются частично признанными, не рассматриваются всем мировым сообществом в качестве независимых и суверенных государств, например: Западная Сахара, Косово, Республика Северного Кипра, Абхазия, Сомалиленд и др. В ряде стран правительство препятствует распространению информации о том, что мусульманская часть населения из религиозного меньшинства превратилась в большинство и т.п. В результате число стран мира с преобладанием мусульманского населения по разным источникам варьируется от 35 до 47.

⁴ World Economic Outlook Database [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 22.06.2018)

Усреднённые цифры скрывают огромные межстрановые различия. Такие страны как Катар, ОАЭ, Кувейт и Саудовская Аравия входят в число мировых лидеров по величине валового национального дохода на душу населения. Другие, такие как Сомали, Нигер, Джибути находятся в конце этого рейтинга. Из 45 стран мира, официально относимых ООН к разряду наименее развитых государств, 18 мусульманских и ещё в пяти мусульмане составляют значительную часть населения.

Диверсификация и модернизация экономик – одна из самых актуальных задач для мусульманских стран. Сравнительно небольшое число из них (Малайзия, Иран, Пакистан, Египет, Индонезия и некоторые другие) располагают относительно развитыми многоотраслевыми народнохозяйственными комплексами. Остальные либо слабо развитые, преимущественно аграрные экономики, либо народнохозяйственные комплексы с гипертрофированным развитием добывающих отраслей.

Во многих мусульманских странах удельный вес промышленности в ВВП очень мал. Основная часть стоимости валового продукта создаётся в первичных секторах (сельское хозяйство, добыча сырья) или в сфере торговли и услуг. Самые богатые экономики (монархии Персидского залива, другие нефтегазодобывающие страны) – в основном рентные экономики. Доля обрабатывающих отраслей в ВВП в мусульманских странах, как правило, невелика. Едва ли ни единственное исключение – Малайзия с удельным весом высокотехнологичной продукции в экспорте, равным 42% в 2017. Однако этот показатель у неё устойчиво снижается с тех пор, как в 2000 г. достиг пика в 60%. В районе 30% процентов в последние шесть лет держится этот индикатор у Казахстана и на уровне 12-15% – у Брунея. У всех остальных мусульманских экономик, включая даже такую относительно диверсифицированную как Турция, доля высокотехнологичной продукции в экспорте ниже 10%, а более чем у половины она колеблется между 1 и 5 %⁵.

Серьёзный интерес и одновременно проблему представляет вопрос о том, насколько и каким образом глобальная «мусульманская экономика» сможет вписаться как самодостаточный центр полицентричного мира в ключевые глобальные мегатренды, связанные с «большими вызовами» в социально-экономической сфере (включая научно-технологические аспекты). Особую остроту вопросу придаёт тот факт, что в условиях усиливающейся конкуренции со стороны новых игроков США, ЕС и их союзники в средне- и долгосрочном плане отводят мусульманскому миру важную роль в обеспечении управляемости международно-политической и экономической глобализацией.

⁵ Высокотехнологичный экспорт в Малайзии, Ближнем Востоке и Северной Африке в 2016 г. по данным Всемирного Банка. [Электронный ресурс]. URL: http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/wdi?kf=WDI&time_period=2005,2006,2007,2008,2009,2010,2011,2012,2013,2014,2015,2016&ref_area=MNA,MYS&series=TX_VAL_TECH_MF_ZS (дата обращения: 22.06.2018)

Модернизация мусульманской экономики и НИОКР

В изменившихся геополитических и геоэкономических реалиях ведущие мировые державы стали уделять повышенное внимание формированию новых альянсов и конвергентных геоэкономических построений, получивших в западной специализированной литературе название «экономических мегаколлабораций», которые включают перспективные быстрорастущие районы развивающегося мира. Новый феномен рассматривается на Западе как одна из фундаментальных инновационных характеристик трансформации мировой экономики и международных отношений в рамках «Грядущей (новой) производственной революции» – NPR, Next (в других документах New) Production Revolution.

Зона МЭ пока значительно отстаёт от всех регионов мира за исключением субсахарской Африки (ССА) по потенциалу и инвестициям в научно-техническое развитие, а по темпам прироста капиталовложений в эту сферу и числу научных публикаций в последнее время ССА опередила МЭ⁶.

Расходы на НИОКР в исламском мире необычайно низки. В 2017 г. из 40 стран мира с самыми крупными расходами на НИОКР только восемь являлись мусульманскими. В 2017 г. лидерами среди них были Турция (11-е место в мировом рейтинге по валовым расходам на НИОКР по ППС), с суммарной величиной расходов в 16,93 млрд долл. (3.31% ВВП) и Иран – 25-е место с 11,46 млрд долл. и 1.27%, соответственно. Ниже в рейтинге (26-е место) оказалась Малайзия, у которой абсолютная величина расходов была чуть выше, но из-за несравненно больших, чем у Ирана, масштабов экономики доля НИОКР в ВВП оказалась существенно ниже – всего 0,50%. Кроме того, в рейтинг попали следующие мусульманские экономики: Индонезия (28-е место), Катар (29-е), Саудовская Аравия (32-е), Египет (33-е), Пакистан (37-е) и Бангладеш (40-е).

Важным позитивным фактом, косвенно свидетельствующим о технической модернизации МЭ, является то, что средние расходы на НИОКР по мусульманскому миру увеличились с 0,2% в 2006 г. до почти 0,9% в 2017 г., немного не дотянув до рекомендуемой ООН величины в 1% от ВВП⁷. Для сравнения укажем, что Израиль (22-е место) тратил в 2017 г. на НИОКР более 3% своего ВВП (ППС), а Россия (8-е место) – 1,52%.

Правительство Турции, исходящее из важности перехода к экономике знаний, планирует к столетнему юбилею турецкой светской республики в 2023 г. довести расходы на исследования и разработки по крайней мере до 3,0%. Согласно статистике системы реферирования и индексирования Scopus,

⁶ Сравнение приводится в целях более наглядной демонстрации критического положения дел с НИОКР в зоне МЭ. Для компаративных статистических исследований оно не подходит, поскольку 12 из 42 стран ССА входят в состав МЭ (авт.).

⁷ Science Spending in the Islamic World [Электронный ресурс]. URL: http://materialsismica.com/index.php/Science_Spending_in_the_Islamic_World (дата обращения: 22.06.2018)

в числе 25 стран-лидеров по количеству научных публикаций лишь две мусульманские – Турция (2016 г. – 20-е место, 434 806 публикаций) и Иран (22-е место, 333 474 публикаций).

Однако, с качественной точки зрения, научные статьи, публикуемые в мусульманских странах, не дают ответа на вопрос относительно направлений и эффективности процесса научно-технической модернизации вообще и экономики в частности. Анализ публикаций показывает поразительные дисциплинарные и географические различия. В целом авторы из мусульманских стран мало публикуются по медицине и социальным наукам. По этим наукам немного лучше, чем в других регионах, обстоят дела в мусульманских странах Южной Азии и Африки. В странах Центральной Азии лидируют публикации по химии и физике. В Северной Африке, Индонезии и Малайзии – науки о жизни и, отчасти, технические науки. В странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в Саудовской Аравии – по техническим специальностям. Мусульманские экономики регистрируют крайне мало патентов. Не удивительно, они оказываются внизу рейтингов по такому показателю, как доля высокотехнологичной продукции в общем экспорте. Такая ситуация порой порождает неуверенность в возможности МЭ воспользоваться плодами «Грядущей (новой) производственной революции» даже у мусульманских исследователей.

Новое мироустройство и модели исламской экономической модернизации

Насколько критичны минусы современной МЭ и насколько значимы её достижения с точки зрения позиционирования в формирующейся ММЭР и полицентричной модели мироустройства? Преодолимо ли отставание?

В принципе за счёт своих масштабов, суммарной численности населения и критически важных запасов, всё ещё незаменимых для развития мировой экономики ресурсов – углеводородов МЭ, как нам представляется, могла бы гарантированно и неопределённо долго оставаться значимым центром «второго порядка». Однако такая перспектива вряд ли устроит как государственных, так и негосударственных акторов в мусульманском мире. Они, скорее всего, будут продолжать считать складывающийся миропорядок несправедливым и требовать перераспределения прав и прерогатив в мире, несмотря на своё объективное научно-техническое отставание и ограниченные экономические возможности.

Такая ситуация крайне опасна, поскольку чревата острейшими конфликтами. Ведь когда речь идёт о глобальных центрах силы, то и конфликты неизбежно выносятся на глобальный уровень. Не стоит забывать, что упоминавшаяся выше вторая знаковая проблема начала нашего тысячелетия – международный терроризм – может быть рассмотрена как асимметричный силовой ответ располагающему заведомо большими возможностями и ресурсами противнику.

Возможная реакция на этот ответ также может быть настолько сокрушительной, что надолго отодвинет перспективу превращения МЭ в самодостаточный и саморазвивающийся центр полицентричного мира, но и сделает из неё зону перманентного хаоса и войны всех против всех.

Впрочем, как бы ни относились к происходящему исследователи и наблюдатели, неоспоримым является то, что, несмотря на бурные и нередко трагические катаклизмы, объективные разноскоростные процессы модернизации развертываются под влиянием глобализации сегодня во всех мусульманских странах. Они существенно изменяют структуры и векторы развития их обществ и экономик. Поскольку под напором глобализации национальное государство повсеместно, а не только в зоне МЭ, сдаёт часть своих эксклюзивных прерогатив мощным транснациональным, наднациональным и субнациональным акторам, межкультурные и межцивилизационные перегородки стали более пористыми, а религиозные и традиционалистские скрепы – более слабыми.

В «восточных обществах» ускорились процессы модернизации, часть из которых привели к радикализации настроений населения – как внутри более консервативных его сегментов, так и в либеральных [20]. Это, в свою очередь, породило чудовищного Гермафродита – помесь «арабской весны» и «Исламского государства» (ИГИЛ/ИГ), понаведывавшегося во многие страны Африки и Азии, но особо ярко проявившего своё неразделимое «двуединое начало» в войне против светского национального государства в Сирии.

По сути, в наши дни речь идёт не о том, происходит или не происходит модернизация «восточных обществ» и даже не о динамике этого процесса, а о степени ее «типичности» или «атипичности» для нынешней фазы глобализации.

В этих условиях, при всей важности духовного, экономика, трудовая деятельность, благосостояние и, шире, материальная составляющая бытия оказываются главными стимулами модернизации в рассматриваемой части мира. Другие побудительные мотивы, такие, как идейная и культурная экспансия Запада, информационно-пропагандистское воздействие, демонстрационный эффект и «гедонистский синдром» в элитарной и в молодежной среде мусульманских стран тоже присутствуют и весьма значимы, но и они в своей глубинной первооснове зиждутся на фундаментальной тяге к повышению материального благосостояния и доступу к благам современной цивилизации и технического прогресса. Даже в среде радикалов такие ценности как труд, достаток и благоденствие членов уммы отвергаются (да и то не тотально) лишь крайними маргиналами.

Сложное соединение комплексных процессов общемирового, регионального и местного уровня в основном связанных именно с модернизационным процессом в мусульманском мире привело к определённой их повторяемости, предсказуемости и последовательности, которые в свою очередь способствовали качественной консолидации мусульманского мира как отдельного восходящего центра силы в глобальной экономике и политике.

Некоторые выводы и предварительные прогнозы

В фокус исследования настоящей статьи мы поместили рассмотрение нового качества мусульманской экономики – как формирующегося центра мировой экономической силы собственной (самостоятельной) значимости. По сути, речь идёт о потенциальной возможности (при условии преодоления противодействующих факторов) вызревания в перспективе самодостаточной экономической сущности (силы), которую условно можно назвать «глобальная мусульманская экономика» (ГМЭ), аналогично тому, как в ходе XX в., и в основном после Второй мировой войны, вызрела реально существующая консолидированная мировая экономическая сущность (сила), которую мы условно именуем «экономикой Запада». Конечно, процесс вызревания ГМЭ ещё вероятно далек от достижения зрелых или завершённых форм. Более того, сущностные черты ГМЭ всё ещё бывает трудно отделить от чисто географических (e.g. Ближний Восток) или товарно-отраслевых (e.g. нефтегазопроизводители) характеристик.

Возвышение отдельных мировых центров силы укладывается в общую парадигму выдвигания и консолидации позиций «новых игроков» в ходе смены ММЭР, а именно: в мировом балансе сил быстрыми темпами укрепляются позиции многонаселённых развивающихся стран, чьи экономики растут темпами, превышающими среднемировые. Возможно, по этим причинам такие страны начинают претендовать вначале на роль региональных локомотивов развития, затем – на место региональных сверхдержав, а в дальнейшем – на особые позиции в мировых политических и дипломатических иерархиях и статусных привилегиях, таких, например, как место в Совете Безопасности ООН и т.д. Некоторые из мусульманских стран (Индонезия, Турция, Иран, Саудовская Аравия) подпадают под все или большую часть перечисленных необходимых, но, увы, недостаточных критериев.

Представляется, что корректной выглядит следующая формулировка: «мусульманский полюс» многополюсного мира уже обозначился. На повестке дня вопрос о вызревании общего «мусульманского» центра силы полицентричного мира. Его окончательные геополитические очертания и степень его консолидированности пока остаются неопределёнными. Сегодня невозможно достоверно предсказать конкретные конфигурации будущей самоорганизации этого полюса полицентричного мира и характера его влияния на конкретные вопросы глобального миропорядка. Однако, процесс, на наш взгляд приобрёл качественно устойчивый характер. Точка невозврата им уже пройдена, а болезненный, противоречивый, а временами взрывоопасный процесс вызревания такого центра могут остановить только катаклизмы глобального порядка.

Список литературы:

1. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. 348 с.
2. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. 568 с.
3. Журавлев А.Ю. Концептуальные основы мусульманской экономики // Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. Под ред. Р.И. Беккина. М.: Умма. 2004. С. 5-37.
4. Игнатова Т.В., Подольская Т.В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой: реалии и перспективы // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 119 – 128.
5. Ислам в мировой политике в начале XXI века / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. 345 с.
6. Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты / под ред. Р.И. Беккина. М.: Умма, 2004. 273 с.
7. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 228-241.
8. Кузнецов А.В. Исламские финансы и их специфика в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12. С. 52-62.
9. Подберезкин А.И. и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО, 2018. 768 с.
10. Подберёзкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. Аналитический доклад. М.: МГИМО, 2016. 123 с.
11. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: ИД МГУ, 2014. 320 с.
12. Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, Институт мировой экономики и международных отношений, 2011. 580 с.
13. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополярности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.
14. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль о глобализации и перспективах политическо-го реформирования мусульманского мира // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2007. № 4. С. 76-89.
15. Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополярности // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. М.: Аспект-Пресс, 2016. С. 204-215.
16. Фитуни Л.Л. Исламские финансы в постсоветских «восточных обществах» // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1 (38). С. 124-131.
17. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 18-29.
18. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 6.
19. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма»: европейское лицо экстремистской угрозы // Азия и Африка сегодня. 2015. № 11. С. 2-11.
20. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 5-16.
21. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the global supply chain of resources for development // Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to Ethekwini 2013. Pretoria. 2014. Pp. 136-153.
22. Neoliberal Governmentality and the Future of the State in the Middle East and North Africa. Ed. by Akçali E. London and New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. 231 p.
23. Ali A., Organizational development in the Arab world // Journal of Management Development. 1996. Vol. 15. No. 5. Pp. 4-21.
24. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 464 p.
25. Islam in the 21st century. G.H. Ed. by Franco and S.L. Cervantes. New York: Nova Science Publ., 2011. 194 p.
26. Islamic Economics. Critical Concepts in Eco-

- nomics. Vol. 1-2. Ed. by Shafiq Algi and Amer Al-Roubaie. Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2014. 1872 p.
27. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster Publ., 1996. 166 p.
28. Noland M. Religion, Culture, and Economic Performance. Institute for International Economics Working Paper 03-8. Washington: Institute for International Economics, 2003. 57 p.
29. Power Relations in the Twenty-first century: mapping a multipolar world? Ed. by D. Murray and D. Brown. Abingdon, Oxon, New York: Routledge Publ., 2018. 225 p.

Об авторах:

Леонид Леонидович Фитуни – член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор; заместитель директора по научной работе Института Африки РАН; заведующий Центром глобальных и стратегических исследований ИАФ РАН; профессор РУДН. Москва, 123001, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: africa.institute@yandex.ru.

Ирина Олеговна Абрамова – член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор; директор Института Африки РАН; член Президиума РАН, профессор РУДН. Москва, 123001, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: dir@inafr.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ). Проект № 16-07-00009 «Феномен "Исламского государства" в контексте развития современного восточного общества».

MUSLIM POLE OF THE WORLD ECONOMY AND THE GENIE OF GLOBALIZATION

L.L. Fituni, I.O. Abramova
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
People's Friendship University of Russia

The article explores a process of gradual consolidation of disparate set of Muslim economies into an increasingly influential, though internally contradictory center of geo-economic and geopolitical gravity in contemporary multipolar world. It uses a theory developed by the authors explaining the patterns of formation and succession of models of global economic development. The article builds upon this theory by testing quantitative and qualitative parameters of the process on a specific geo-economic case.

The contemporary developments within the economic basis of the Muslim pole and the practical requirements of economic analysis reveals the need for categorical correction and refinement of political economy. Two following terms «Muslim economy» and «Islamic economy» must be differentiated. «Muslim economy» is a civilizational form of national economies in Muslim countries and an integral part of the global economy, including both the economic life and welfare of the global Muslim population and the economic potential, sustainability and the ability for self-development of the economies of Muslim states. «Islamic Economy» is an economy that implements in practice the primacy of Shariah norms over conventional market norms, procedures and mechanisms. Both of them constitute important material conditions for sustaining the Muslim civilizational identity.

In recent academic literature political, legal and religious aspects of Muslims upholding their identity have been sufficiently researched. In contrast the process of Muslim's world achieving a new qualitative status of a global economic power center (not to speak about its competition with other old and new powers for a place within a new global economic order), is practically absent from the Russian and international research.

The authors propose a vision of a new quality of Muslim economies in the global balance of power, in emerging model of the global world order, in financial globalization and global governance – the gradual consolidation of the Muslim world. The article argues that this process is still very far from reaching mature forms. Today it is hardly possible to reliably predict specific configurations of the future self-organization of the «Muslim pole» in the polycentric world and the nature of its influence on specific issues of the global world order. However, the point of no return is already passed, and the painful and contradictory process of development of such a center is unlikely to stop.

Key words: Muslim economy, Islamic economy, Islamic finance, geo-economics, world order, polycentricism, global governance, civilizational identity, global balance.

References

1. Bekkin R.I. *Islamskaya ekonomicheskaya model' i sovremennost'* [Islamic economic model and modernity]. Moscow, Institute of African Studies, RAS, 2010. 348 p. (In Russian).
2. Zhdanov N.B. *Islamskaya kontseptsiya miroponyadka* [Islamic concept of the world order]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2003. 568 p. (In Russian).
3. Zhuravlev A.Yu. Kontseptual'nyye osnovy musul'manskoy ekonomiki [Conceptual foundations of the Muslim economy]. Ed. by Bekkin R.I. *Islamskiye finansy v sovremennom mire. Ekonomicheskkiye i pravovyye aspekty* [Islamic finance in the modern world. Economic and legal aspects]. Moscow, Ummha Publ., 2004. Pp. 5-37. (In Russian).
4. Ignatova T.V., Podol'skaya T.V. Vozmozhnosti global'nogo upravleniya mirovoy finansovoy sistemoy: realii i perspektivy [Possibilities of global management of the world financial system: realities and prospects]. *Vek globalizatsii*, 2014, no. 2 (14), pp. 119 – 128 (in Russian).
5. *Islam v mirovoy politike v nachale XXI veka* [Islam in world politics at the beginning of the XXI century] / Ed. by L.M. Efimova, M.A. Saponova. Moscow, MGIMO-University Publ., 2016. 345 p. (In Russian).
6. *Islamskiye finansy v sovremennom mire. Ekonomicheskkiye i pravovyye aspekty* [Islamic finance in the modern world. Economic and legal aspects]. Ed. by Bekkin R.I. Moscow, Ummah Publ., 2004. 273 p. (In Russian).
7. Kudryashova I.V. Musul'manskaya politicheskaya identichnost': yedinstvo i raznoobraziye [Muslim political identity: unity and diversity] // *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic Edition]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow, Ves' mir Publ., 2017. Pp. 228-241. (In Russian).
8. Kuznetsov A.V. Islamskiye finansy i ikh spetsifika v Yevrope [Islamic finance and its specifics in Europe]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, no. 61(12), pp. 52-62. (In Russian).
9. Podberezkin A.I., et al. *Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoy obstanovki po stranam i regionam* [The world in the XXI century: the forecast of the development of the international situation by countries and regions]. Moscow, MGIMO Publ., 2018. 768 p. (In Russian).
10. Podberezkin A.I., Rodionov O.Ye., Kharkevich M.V. *Strategicheskyy prognoz razvitiya otnosheniy mezhdru lokal'nymi chelovecheskimi tsivilizatsiyami v Yevrazii. Analiticheskyy doklad* [Strategic forecast of the development of rela-

- tions between local human civilizations in Eurasia. Analytical report] Moscow. MGIMO Publ., 123 p. (In Russian)
11. Primakov Ye.M. *Vyzovy i al'ternativny mnogopolyarnogo mira: rol' Rossiyu* [Challenges and alternatives to a multipolar world: the role of Russia]. Moscow, ID MGU Publ., 2014. 320 p. (In Russian)
 12. *Rossiya v politsetrichnom mire [Russia in a polycentric world]*. Ed. by Dynkin A.A. Ivanova N.I. Institute of World Economy and International Relations. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011. 511 p. (In Russian)
 13. Simoniya N.A., Torkunov A.V., Novyy mirovoy poryadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyusnosti [New world order: from bipolarity to multipolarity]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya - Polis. Political studies*, 2015, no. 3, pp. 27-37. (In Russian)
 14. Syukiyaynen L.R. Islamskaya pravovaya mysl' o globalizatsii i perspektivakh politicheskogo reformirovaniya musul'manskogo mira [Islamic legal thought about globalization and prospects of political reforming of the Muslim world]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki - Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 2007, no. 4, pp. 76-89. (In Russian)
 15. Torkunov A.V. Novyy mirovoy poryadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyusnosti [New world order: from bipolarity to multipolarity]. *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya [Political science before the challenges of global and regional development]*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2016. Pp. 204-215. (In Russian)
 16. Fituni L.L. Islamskiye finansy v post-sovetskikh «vostochnykh obshchestvakh [Islamic Finance in Post-Soviet "Eastern Societies"]]. *Uchenye zapiski Instituta Afrii RAN - Journal of the Institute for African Studies*, 2017, no. 1 (38), pp. 124-131 (In Russian).
 17. Fituni L.L. Smena modeley mirovogo razvitiya i global'noye upravleniye v tsivilizatsionnom izmerenii [Change of patterns of world development and global governance in the civilizational dimension]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost' - Oriens. Afro-Asian societies: history and modernity*, 2013, no. 4, pp 18-29 (In Russian).
 18. Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*, African Books Collective. MEA Books, Canada. 2014. Pp. 5-24.
 19. Fituni L.L., Abramova I.O. Negosudarstvennyye i kvazigosudarstvennyye aktory Bol'shogo Blizhnego Vostoka i problema «yevrodzhikhadizma» yevropeyskoye litso ekstremistskoy ugrozy [Non-state and quasi-state actors of the Greater Middle East and the problem of "Euro-jihadism": European face of an extremist threat]. *Aziya i Afrika segodnya - Asia and Africa today*, 2015, no. 11, pp. 2-11 (in Russian).
 20. Fituni L.L., Abramova I.O. Fenomen "vostochnogo obshchestva" v sovremennoy Yevrope: paradigmy, vyzovy, prognozy [The Phenomenon of "Eastern Society"]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe: Paradigmes, Challenges, Forecasts*, 2017, no. 76 (4), pp. 5-16 (in Russian).
 21. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the global supply chain of resources for development. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to Ethekwini 2013*. Pretoria, 2014. Pp. 136-153.
 22. *Neoliberal Governmentality and the Future of the State in the Middle East and North Africa*. Ed. by E.Akçali. London and New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. 231 p.
 23. Ali A. Organizational development in the Arab world. *Journal of Management Development*, 1996, vol. 15, no. 5, pp. 4-21.
 24. Inglehart R. *Modernization and Post-modernization. Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1997. 464 p.
 25. *Islam in the 21st Century*. Ed. by G.H. Franco and S.L. Cervantes. New York,

- Nova Science Publ., 2011. 194 p.
26. *Islamic Economics. Critical Concepts in Economics*. Vol. 1-2. Ed. by Shafiq Algi and Amer Al-Roubaie. Abingdon, Oxon, New York, Routledge Publ., 2014. 1872 p.
27. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster Publ., 1996. 166 p.
28. Noland M. Religion, Culture, and Economic Performance. *Institute for International Economics Working Paper* 2003, no. 03-8. Washington, Institute for International Economics Publ., 2003. 57 p.
29. *Power Relations in the Twenty-first century: mapping a multipolar world?* Ed. by D. Murray and D. Brown. Abingdon, Oxon, New York, Routledge Publ., 2018. 225 p.

About the authors:

Leonid L. Fituni – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy Director, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences; Professor PFUR. Moscow, 123001, Spiridonovka str., 30/1.
E-mail: africa.institute@yandex.ru.

Irina O. Abramova – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Economics), Sciences, Professor; Director of the Institute of African Studies; member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Professor PFUR. Moscow, 123001, Spiridonovka str., 30/1. E-mail: dir@inafr.ru.

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR/RFFI). Project № 16-07-00009.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Е.В. Махмутова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В статье анализируются основания, имеющийся опыт и актуальные возможности интеграционного строительства в регионе Центральной Азии. Отдельное внимание уделено контексту развития региона, вызовам, с которыми он сталкивается, особенностям политического процесса. Необходимость интеграции обусловлена экономическими и экологическими проблемами, которые странам региона невозможно решить самостоятельно, потребностью в совместном строительстве транспортной и логистической инфраструктуры, а также в обеспечении безопасности. Однако несмотря на наличие этих объективных предпосылок, усиленного потенциалом кроссграничных неформальных бизнес-контактов, имеющийся опыт институционализации многостороннего сотрудничества не привёл к созданию полноценного регионального интеграционного объединения. Государства Центральной Азии всё ещё находятся в поиске эффективной модели взаимодействия друг с другом.

Затягивание интеграции объясняется нежеланием политических элит принять, даже гипотетически, перспективу формирования наднациональных структур. Следуя стратегии «примыкание к сильному» (по С. Уолту), страны региона предпочитают интеграции кооперацию с внешними партнёрами.

Ключевые слова: Центральная Азия, СНГ, интеграция, регионализм, Казахстан, Узбекистан, безопасность, инфраструктура.

УДК 339.924

Поступила в редакцию 22.06.2018 г.

Принята к публикации 18.08.2018 г.

Перспектива интеграции в Центральной Азии¹ сложилась после распада СССР и обретения странами региона политического суверенитета. В настоящее время перед Центральной Азией стоит задача укрепить собственную геополитическую и геоэкономическую субъектность, переформатировать существующие двусторонние отношения в систему полноценного многостороннего взаимодействия на постоянной основе. Несмотря на наличие множества сближающих факторов, странам региона пока не удалось создать полноценное интеграционное объединение. Более того, между ними периодически происходит обострение конфликтов по поводу демаркации границ, распределения водных ресурсов, обеспечения безопасности и т.д. В многочисленных публикациях по этим проблемам внимание исследователей сосредоточено не столько на комплексном анализе внутрорегиональных процессов, сколько на отдельных его аспектах. В частности, Х. Садру [25] – на создании региональной инфраструктуры, Х. Дитер [18] и Л. Захирова [28] – сотрудничестве в сферах экологии и водопользования, М. Головин, А. Захаров, Д. Ушкалова – на экономических аспектах интеграции государств Центральной Азии как стран с формирующимися рынками [3].

Как указывает В. Ван, региональным элитам не всегда понятны преимущества интеграции как инструмента формирования единого пространства [27]. Поэтому поддержка широких интеграционных форматов, таких как ЕАЭС, ОДКБ или ШОС, зачастую принимает форму своеобразной «защитной интеграции» (по Р. Эллисону [12]). А. Бор утверждает, что центральноазиатские государства видят перспективу в развитии контактов с США и их союзниками, стремясь извлечь выгоду из конфликтных отношений России и Запада [16]. По мнению Н. Гёйкдаи [20], формирование единого рынка принесло бы странам Центральной Азии больше экономической отдачи и стабильности, чем нынешнее положение дел. О важности контактов между предпринимательскими сообществами региона говорится в обстоятельном докладе Всемирного банка [22] и работе А. Либмана [23].

В 2010-х гг. на фоне повышения уровня глобальной экономической взаимозависимости, усиления экономического давления путём санкций и ограничений, обострения борьбы за энергоресурсы и смещения геополитических акцентов на Восток вопрос укрепления регионального взаимодействия снова обрёл актуальность. Свои внешнеполитические концепции обновили все государства региона за исключением Киргизии. Важную роль в активизации интеграционного процесса играет изменение позиции Узбекистана, где новый президент Шавкат Мерзиев стремится к обновлению отношений с соседями.

¹ В соответствии с общепринятым в научном и политическом дискурсе подходом, под Центральной Азией мы понимаем регион в составе пяти государств: Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан. Напомним, что концепцию Центральной Азии как самостоятельного политико-экономического игрока в 1992 г. предложил Нурсултан Назарбаев. Существуют различные трактовки понятия Центральная Азия: от широкого, включающего в себя, помимо пяти бывших советских республик, Монголию, Западный Китай, Афганистан, северные регионы Индии и Пакистана, до узкого, синонимичного устаревшему топониму Средняя Азия – четыре республики без Казахстана. А. Малащенко полагает, что рассматривать Центральную Азию в отрыве от Афганистана и Пакистана нецелесообразно [7, с. 97].

Открытыми остаются вопросы о характере будущей региональной интеграции, степени готовности к ней участников, качестве интеграционных инициатив. Большое внимание уделяют этому кругу проблем эксперты из региона [6; 8; 11; 13; 15; 28]. Особое внимание Центральной Азии как целостному региону с позитивными перспективами интеграции уделяется в западных исследованиях, хотя и утверждается, что данный процесс имеет длительное развитие. В качестве одного из важных условий успешной интеграции в регионе западные исследователи называют минимизацию политико-экономического присутствия России в Центральной Азии [17; 19; 21; 24].

В предлагаемой статье рассматривается собственно центральноазиатский интеграционный сценарий, а не проблемы «внешней» интеграции. Почему в регионе до сих пор не удалось создать полноценное интеграционное объединение?

Интеграция на постсоветском пространстве

Современные интеграционные процессы на постсоветском пространстве носят преимущественно экономический характер. Как полагает большинство исследователей, экономическая интеграция — это ответ на вызовы глобализации [2], а также способ управления экономической взаимозависимостью на региональном уровне. Участники интеграционного процесса преследуют различные цели: повысить эффективность участия национальной экономики в глобальной экономике или защитить её от глобальной экономической экспансии, укрепить хозяйственные связи с соседними странами, поддержать собственный производственный потенциал. В условиях глобализации любая из перечисленных задач не может быть решена странами самостоятельно. Одной из форм сотрудничества между государствами стала интеграция в региональные комплексы с общей территорией, системой управления, едиными принципами экономического взаимодействия, инфраструктурой.

При этом политическая интеграция является крайне редким и трудно достижимым уровнем, поскольку государства не готовы отказываться от части политического суверенитета в пользу наднационального органа управления. Как известно, именно потребность в экономической кооперации послужила толчком к созданию Европейского союза, который сегодня являет пример наиболее глубокой политической интеграции.

Региональная интеграция стала неотъемлемой частью процессов межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве. Несмотря на центробежные тенденции и категорическое отрицание любых форм политической интеграции, национальные правительства не оборвали полностью существовавшие в советское время торгово-экономические связи. После распада СССР было создано Содружество Независимых Государств, но о полноценных интеграционных процессах на пространстве СНГ можно говорить лишь после создания Таможенного союза, а позже – Евразийского экономического союза

(ЕАЭС), пришедшего на смену упразднённому Евразийскому экономическому сообществу (ЕврАзЭС). Зона свободной торговли существует в рамках СНГ, соответствующий Договор был подписан в 2011 г.

На постсоветском пространстве, и это подчёркивается на политическом уровне, есть заинтересованность в экономической, но не в политической интеграции, неприемлемой для отдельных стран. Одним из последовательных противников полноценной политической интеграции в рамках ЕАЭС с передачей части суверенитета на наднациональный уровень остается Казахстан. На постсоветском пространстве нет примеров успешной региональной интеграции, но единственным регионом, который предпринял попытку институционализировать многостороннее сотрудничество, остаётся Центральная Азия.

Интеграционный контекст Центральной Азии

Центральная Азия представляет собой сложный многосоставной регион, каждое из государств которого обладает уникальными признаками. Две республики – Казахстан и Киргизия – уже сделали выбор в пользу евразийской интеграции, а Таджикистан пока не принял окончательного решения. Руководство Узбекистана отклоняет перспективу интеграции в ЕАЭС, делая ставку на протекционистский таможенно-тарифный режим, хотя на экспертном уровне рассматривается возможность создания зоны свободной торговли Узбекистана и ЕАЭС². И страны ЕАЭС, и Узбекистан заинтересованы в развитии торгово-экономических связей друг с другом, поэтому возможность сближения в данном формате не исключается. Туркменистан предпочитает тактику политического и экономического лавирования.

Упоминание о важности региональной интеграции встречаем во внешнеполитических концепциях государств Центральной Азии. Например, в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 гг.³ сказано, что «Казахстан будет стремиться к развитию внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии в целях снижения конфликтного потенциала, решения социально-экономических проблем, развязки узла водно-энергетических и иных противоречий. Перспективной целью видится трансформация региона в единый интегрированный субъект международной политики и экономики».

В Концепции внешней политики Республики Таджикистан⁴ одной из угроз национальным интересам названо «наличие различного рода препятствий на пути эффективной интеграции в регионе, свободного передвижения людей, беспрепятственного движения товаров и услуг». Более того, «Республика Таджикистан рассматривает взаимодействие и разветвлённую региональную интеграцию

² Такой вариант допускают, например, узбекские аналитики Б. Эргашев и Р. Назаров.

³ Концепция внешней политики РК на 2014-2020 гг. // МИД Республики Казахстан. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.kz/ru/content-view/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg> (дата обращения: 22.06.2018).

⁴ Концепция внешней политики Республики Таджикистан // МИД Республики Таджикистан. [Электронный ресурс] URL: <http://mfa.tj/?l=ru&art=1072> (дата обращения: 22.06.2018).

как важнейший механизм решения экономических, социальных, экологических вопросов и обеспечения мира и стабильности в Центральной Азии».

В Концепции внешней политики Киргизии⁵ записано, что «Республика привержена идее интеграции, создание дружественного окружения и укрепление традиционного добрососедства носит ключевой характер во внешнеполитической деятельности Кыргызстана в отношении соседних государств».

В аналогичных документах Узбекистана и Туркмении приверженность региональной интеграции не декларируется, но отмечена важность внутрирегиональных связей. МИД Узбекистана называет центральноазиатский регион «главным приоритетом» внешней политики страны и заявляет, что со своей стороны предлагает «все усилия для укрепления региональной торгово-экономической кооперации, развития региональной транспортно-транзитной инфраструктуры, обеспечения рационального и комплексного использования водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии и экологической устойчивости региона, завершения процессов делимитации и демаркации границ»⁶. Текст новой Концепции внешнеполитического курса до 2023 г.⁷ Туркмении не доступен в публичном пространстве.

Основу регионального сотрудничества создаёт близость политических и экономических проблем исследуемых стран. Ключевая внешнеполитическая задача состоит в обеспечении государственной безопасности, предотвращении внутренних конфликтов. Контроль границ – специфический приоритет в обеспечении безопасности стран региона, который граничит с Афганистаном и первым держит удар религиозных экстремистов. Требуется как минимум координация усилий в противодействии религиозному экстремизму, ужесточении контроля над наркотрафиком. К числу насущных трансграничных проблем относятся миграция, обеспечение энергетической, водной и продовольственной безопасности. Как указывает А. Дуррани, именно проблема безопасности создаёт условия для «Большой игры», вовлекающей в дела Центральной Азии внерегиональных игроков [4]. А. Малашенко сомневается, что при угрозе дестабилизации страны региона придут друг другу на помощь [7, с. 99].

Влияние на страны региона оспаривают друг у друга несколько центров силы (Россия, США, Евросоюз, Китай). Позиции России заметно пошатнулись, но окончательного её ухода не произошло, а США пока не смогли стать доминирующей силой. Китай, позже всех вступивший в конкуренцию за регион, навёрстывает упущенное, продвигая инициативу «Один пояс – один путь». Несмотря на то что все страны Центральной Азии одобрили своё участие в данном

⁵ Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Полномочное представительство МИД Кыргызской Республики по югу Кыргызстана. URL: <http://mfа-osh.kg/pravovayabase/1065-koncepciya-vneshney-politikkr.html#WzY6rvZuKUI>. (дата обращения: 22.06.2018).

⁶ МИД Республики Узбекистан. [Электронный ресурс] URL: <https://mfа.uz/ru/cooperation> (дата обращения: 19.06.2018).

⁷ Утверждена Концепция внешнеполитического курса Туркменистана на 2017-2023 гг. // Государственное информационное агентство Туркменистана – Туркменистан сегодня. 18.02.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article5097&cat11> (дата обращения: 22.06.2018).

проекте, Китай не претендует на статус интеграционного ядра для Центральной Азии [10, с. 220]. Прочные экономические и культурные позиции, в значительной степени основанные на религиозной близости, в странах Центральной Азии имеют представители исламского мира – Турция, Катар, Саудовская Аравия, Иран.

Российский исследователь А. Казанцев полагает, что наличие большого числа внерегиональных игроков со своими, зачастую противоречащими друг другу интеграционными проектами, не только не способствует укреплению многостороннего диалога, но даже привносит дезинтеграционное начало [5, с. 98]. Страны региона вовлечены в несколько интеграционных проектов (Евразийский союз, ШОС, ЭКО), что создаёт «вал беспорядочных экономических обязательств и отвлекает от внутрирегиональной интеграции».

Государства региона стремятся извлечь выгоду из этой конкуренции и предпочитают избегать жёсткой привязки к одному центру силы, что, как отмечает А. Богатуров, позволяет им сочетать «партнёрство с Москвой и Пекином со стремлением независимо от них развивать сотрудничество с США и ЕС» [1].

Благоприятным условием для интеграции большинства республик является их политическая стабильность (за исключением Киргизии) и централизация власти, которая, помимо прочего, способствует минимизации внешних угроз (прежде всего, со стороны Афганистана и исламистов) и исключению дестабилизационных сценариев (пример – вывод из Узбекистана базы США после выступлений в Андижане 2005 г.).

Перспективы интеграции стран Центральной Азии

Интеграционные импульсы в регионе менялись в зависимости от текущей геополитической обстановки и характера межгосударственных отношений внутри самой Центральной Азии. Интеграционный процесс можно разделить на два этапа. На первом, в 1990-х гг., ключевыми интеграционными импульсами стали: совместное решение экономических вопросов в связи с разрывом прежних производственных цепочек и утратой единого центра управления; отстранение от России в политико-экономическом смысле, акценты на суверенитете, собственном политическом и экономическом потенциале, многовекторности внешней политики; экстраполяция интеграционного опыта Европейского союза. За счёт интеграции предполагалось совместными усилиями решать проблемы экономического развития, региональной безопасности, экологии, распределения энергетических ресурсов, гуманитарной составляющей (перемещение граждан внутри региона, т.к. распад СССР обнажил многие межнациональные проблемы, совмещённые с демаркацией границы). По мнению казахстанского исследователя С. Кушкумбаева, детерминирующими факторами региональной кооперации были незавершённая дезинтеграция бывшего СССР, а также взаимное притяжение в целях противостояния давлению географии (отсутствию выхода к Мировому океану) [6].

Первой попыткой институционального оформления отношений между странами Центральной Азии стало провозглашение в 1993 г. Содружества Центральной Азии, а в 1994 г. – Единого экономического пространства в составе Казахстана и Узбекистана, к которому позже подключилась Киргизия. В дальнейшем интеграционный проект был усилен политической составляющей: в 1994 г. были созданы Межгосударственный совет Центральной Азии (Алматы), Совет премьер-министров, Совет министров иностранных дел и Совет министров обороны, учреждён Центральноазиатский банк сотрудничества и развития.

Данное объединение – это первый и, по сути, единственный опыт региональной политической интеграции. Причин, по которым от политического аспекта было решено отказаться в пользу углубления экономической интеграции, несколько. Во-первых, разное видение политическими лидерами интеграционного пути сделало невозможной договорённость по политическим вопросам. Во-вторых, первые лица были сосредоточены на решении острых экономико-социальных проблем внутри своих стран. В-третьих, обострение межгосударственных противоречий, обнажившихся после распада СССР. В 1998 г. был создан Центральноазиатский экономический союз (ЦАЭС) с последующим подключением Таджикистана. Туркменистану были высланы уставные документы. В 2002 г. ЦАЭС трансформировался в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), которая в 2005 г. прекратила существование в связи с присоединением к ЕврАзЭС.

По мнению узбекского исследователя интеграционных процессов в Центральной Азии Ф. Толипова, сворачивание интеграционного проекта в 2000-е гг. было обусловлено, прежде всего, влиянием внешнего фактора, а геополитическое значение Центральной Азии усилилось в связи с началом антитеррористической кампании США в Афганистане после 11 сентября 2001 г. [10]. Исследователь полагает, что участие в антитеррористической коалиции внесло как интеграционное, так и дезинтеграционное начало в отношения между странами Центральной Азии (активное участие Узбекистана в антитеррористической кампании было болезненно воспринято соседями по региону). Другой причиной неудач интеграции Толипов считает включение ОЦАС в ЕврАзЭС, членство которой в 2008 г. приостановил Узбекистан, а затем и вовсе дистанцировался от интеграционных процессов в регионе.

В дальнейшем интеграционные инициативы в Центральной Азии носили преимущественно декларативный характер и не находили поддержки и воплощения. В 2007 г. Н. Назарбаев предложил воссоздать Центральноазиатский союз, но И. Каримов не поддержал инициативу. Учитывая неудачный опыт интеграции, узбекский лидер отдал приоритет развитию двусторонних отношений. Узбекистан объяснял свою позицию высокой дифференциацией экономического потенциала стран региона, что сделало бы интеграцию неравноправной. Кроме того, Узбекистан избегает передачи части своего экономического и тем более политического суверенитета на наднациональный уровень.

О перспективах возрождения центральноазиатского вектора многостороннего развития стало возможным говорить после 2016 г., когда новый президент Узбекистана Ш. Мирзиёев активизировал сотрудничество с центральноазиатской четвёркой, а приоритетом внешней политики Узбекистана была провозглашена Центральная Азия.

Началом второго интеграционного этапа можно считать март 2018 г., когда в Астане по инициативе узбекского руководства состоялся первый после упразднения ОЦАС консультативный саммит с участием глав государств Центральной Азии⁸. Саммиту предшествовали активные действия узбекского президента по налаживанию отношений с соседями: за первый год своего президентства Ш. Мирзиёев встретился со всеми лидерами стран Центральной Азии. Проявленный Узбекистаном интерес к интеграционному потенциалу Центральной Азии обусловлен переводом экономики страны в новое качество – от импортозамещения к ориентации на экспорт. Первые реформы Ш. Мирзиёева направлены на повышение экспортной привлекательности узбекской продукции⁹. Не имея выхода к Мировому океану (как и остальные страны региона), Узбекистан может реализовать свой экспортный потенциал в большей степени через транспортно-логистическую инфраструктуру Центральной Азии. Для реализации новой экономической стратегии Узбекистану нужно решить проблемы в отношениях с соседними странами и выйти из самоизоляции.

В отличие от первого интеграционного этапа, теперь речь идёт не об институционализации многосторонних отношений, а об углублении экономического сотрудничества, синхронизации логистических потенциалов, модернизации транспортных коммуникаций, снижении барьеров для взаимной торговли и перемещения людей. В силу имеющегося отрицательного опыта и сложности переговоров между странами-участницами интеграция в регионе Центральной Азии скорее всего примет форму многостороннего партнёрства.

По мнению российского востоковеда А. Князева, максимальным уровнем сближения, которого страны Центральной Азии могут достичь, станет кооперация по решению существующих проблем в двух- или трёхстороннем формате¹⁰. Ни в одной из республик власти не готовы делегировать суверенитет на наднациональный уровень, без чего любая интеграция имеет ограниченный характер. Налаживание диалога Узбекистана с соседями по региону идёт в двустороннем формате, предпосылки для многосторонней кооперации не используются в полной мере.

Нельзя исключать, что региональные интеграционные инициативы могут маскировать попытку привлечь внимание к региону на крупных междуна-

⁸ На встрече в Астане отсутствовал президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, страну представляла председатель Меджлиса Ақджа Нурбердыева.

⁹ К таким реформам можно отнести, например, цифровизацию регистрации экспортных контрактов в таможенных органах, облегчение условий экспорта товаров собственного производства (текстиль, строительные материалы, сельхозпродукция) и др.

¹⁰ Князев А. Почему разговоры о единстве Центральной Азии – это миф // Новостное агентство Sputnik. 01.03.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.sputnik-tj.com/columnists/20180301/1024888847/razgovory-edinstve-centralnoy-azii-mif.html> (дата обращения: 20.04.2018).

родных площадках. Например, 22 июня 2018 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную Узбекистаном резолюцию (A/RES/72/283) «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе»¹¹. В документе отмечается «важность развития двустороннего и регионального сотрудничества в области укрепления безопасности, рационального и комплексного использования водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии, смягчения экологических и социально-экономических последствий высыхания Аральского моря, создания современной транспортной и транзитной системы в регионе, углубления связей в сферах просвещения, науки, технологий, инноваций, туризма, культуры, искусства и спорта»¹². Такого рода документы дают повод сохранять интеграционную проблематику в числе национальных приоритетов, а также предлагают сюжет для обсуждения с международными партнёрами, при этом оставляя открытым вопрос о формате интеграции.

Таким образом, внешнеполитические действия государств Центральной Азии носят двойственный характер. Если перенести теоретические представления С. Уолта о коалиционном поведении [26] на экономические инициативы центральноазиатских стран, то обнаружится достаточно чёткая ориентация на внешнего партнёра. В отношениях с Россией долгое время доминировала стратегия ослабления зависимости, а в отношениях с другими значимыми экономиками мира – стремление примкнуть к ним (*bandwagoning*).

Представляет интерес ценностная трактовка трансформационных процессов в Центральной Азии. Когнитивный диссонанс общественного сознания вызван, с одной стороны, привлекательностью западной экономики и уровня жизни населения, с другой – неприятием навязывания западных ценностей остальному миру [8]. Опасность этого диссонанса заключается в том, что он даёт возможность другим, не всегда легальным, акторам усиливать влияние в обществе (например, исламистским структурам). Кроме того, по мнению исследователей, давление на сложившийся за годы независимости подход будет оказывать снижение значимости дешёвой рабочей силы и энергозависимой экономики, вследствие чего перед элитами Центральной Азии стоит задача операционализации данного процесса и приведения нынешних идеологических конструктов в соответствие с вызовами времени, в значительной мере связанными с возрастающей ролью новых технологий.

Выделим ряд принципиальных моментов, способных оказать влияние на судьбу интеграции в регионе:

¹¹ Резолюция A/RES/72/283, принятая Генеральной Ассамблеей 22 июня 2018 года // ООН. 25.06.2018. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/72/283 (дата обращения: 02.07.2018).

¹² Заявление Министерства иностранных дел Узбекистана в связи с принятием резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе» // МИД Республики Узбекистан. 23.06.2018. [Электронный ресурс] URL: https://mfa.uz/ru/press/statements/15220/?sphrase_id=6679032 (дата обращения: 02.07.2018).

1. Интеграционный потенциал Центральной Азии имеет разносторонний характер, однако он ограничен неготовностью руководства республик передавать суверенитет на наднациональный уровень.

2. Оптимальный формат объединения для Центральной Азии на среднесрочную перспективу – не классическая интеграционная модель от ЗСТ к валютно-экономическому союзу, как это закрепилось после публикации 1961 г. Б. Балаши [14], а координация усилий для совместного решения проблем, углубление сотрудничества. Нужно поддержание постоянного диалога между странами региона, добровольная выработка ими стратегических подходов к сотрудничеству как между собой, так и с внешними по отношению к региону Центральной Азии игроками. По всей видимости, такой подход найдёт больше поддержки со стороны внерегиональных игроков, нежели активные действия элит по созданию региональной интеграции.

3. Ключевыми акторами объединительных процессов в Центральной Азии остаются Казахстан и Узбекистан. Без консенсуса между ними достичь прежде всего экономической целостности региона невозможно.

4. Интеграционной основой для региона остаётся осознанная необходимость широкого и всестороннего развития торгово-экономического сотрудничества, в перспективе – создание самодостаточного и защищённого общего рынка. В настоящее время такой подход частично зафиксирован в стратегических документах некоторых стран региона. Однако построение рынка остаётся более далекой перспективой, не имеющей сегодня консенсусной поддержки политических элит стран региона. Между тем широкие возможности открывает объединение потенциалов по переработке и транспортировке богатых минерально-сырьевых ресурсов и сельскохозяйственной продукции Центральной Азии на мировой рынок.

5. Объединительные процессы в Центральной Азии отличает большая зависимость их от внешнего фактора и возникающее в значительной мере вследствие отсутствия интеграционного опыта и недостатка взаимного доверия предпочтение региональной интеграции сотрудничеству с третьей стороной. Таким образом, тенденция к «примыканию» центральноазиатских экономик к более сильным экономикам будет нарастать в ущерб собственному проекту внутрирегиональной интеграции.

Список литературы:

1. Богатуров А.Д. Отложенный нейтралитет? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 19.06.2010. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Otlozhennyi-neutralitet-14859> (дата обращения: 15.06.2018).
2. Буторина О.В. Региональная интеграция: основные понятия // Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С.12 – 30.
3. Головин М., Захаров А., Ушкалова Д. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. Т. 60. С. 61 – 69.

4. Дуррани А. «Большая игра» для всех [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 23.12.2012. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Bolshaya-igra-dlya-vsekh-15794> (дата обращения: 15.06.2018).
5. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008. 248 с.
6. Кушкумбаев С. Центральноазиатская интеграция в контексте истории и геополитики [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/16-1998/st_04_kushkumb.shtml (дата обращения: 20.04.2018).
7. Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 96-102.
8. Махмудов Р. Конкуренция дискурсов в Центральной Азии / Центральная Азия в условиях глобальной трансформации // Материалы XV ежегодной конференции КИСИ при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2017. С. 89-100.
9. Ларуэль М., Звягельская И. Перспективы сотрудничества России и США в Центральной Азии. Совместная оценка // Доклад Российского совета по международным делам. 2014. № 14. С.14.
10. Сыроежкин К.Л. Россия и Китай в Центральной Азии: конкуренты или партнеры // Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина, А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 217-233.
11. Толипов Ф. Теория и практика региональной интеграции в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. Режим доступа: https://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/10.tolru.shtml (дата обращения: 01.05.2018).
12. Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. 2008. No. 27. Iss. 2. Pp. 185 – 202.
13. Azizov U. Regional integration in Central Asia: From knowing-that to knowing-how // Journal of Eurasian Studies. 2017. No. 8. Pp. 123 – 135.
14. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Routledge, 2013. Pp. 43 – 58.
15. Bobokulov I. Central Asia: is there an alternative to regional integration? // Central Asian Survey. 2006. Vol. 25, Iss. 1-2. Pp. 75 – 91.
16. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // International Affairs. 2004. Vol. 80. Iss. 3. Pp. 485 – 502.
17. Development and Regional Cooperation in Central Asia and South Asia. Ed. by H. Berglund, M. Dutta, P. Hilding. Pentagon Press, 2016. Pp. 64 – 69.
18. Dieter H. Regional integration in Central Asia: Current economic position and prospects // Central Asian Survey. 1996. No. 15. Iss. 3 – 4. Pp. 369 – 386.
19. Fiegenbaum E. Central Asian Economic Integration: An American Perspective. Washington DC, 2007. 532 p.
20. Geyikdagi N.V. Regional Integration in Central Asia // Journal of Asia-Pacific Business. 2005. Vol. 6. Iss. 4. Pp. 61 – 74.
21. Hsiu-Ling Wu, Chien-Hsun Chen. The prospects for regional integration between China and the five Central Asian countries // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. No. 7. Pp. 1059 – 1080.
22. Kaminski B., Mitra S. Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia. Emerging Patterns of Trade and Cross-Border Cooperation. World Bank. Washington D.C., 2012. Pp. 86 – 102.
23. Libman A. Regional Integration in Central Asia: A Firm-Centered View // MPRA Paper. 2008. No. 10939. Режим доступа: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/10939/1/MPRA_paper_10939.pdf. (дата обращения: 15.06.2018).
24. Linn J.F. Central Asian regional integration and cooperation: Reality or Mirage? The economics of the post-Soviet and Eurasian integration. 31.10.2012. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/10-regional-integration-and-cooperation-linn.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).
25. Sadru A., Houman. Integration in Central Asia: from theory to policy // Central Asian Survey. 1997. No. 16. Iss. 4. Pp. 573 – 586.
26. Walt S. Alliances in a Unipolar World // World Politics. 2009. Vol. 61. No. 1. Pp. 86 – 120.
27. Weiran Wang. The Effects of Regional Integration in Central Asia // Emerging Markets Finance and Trade. 2014. Vol. 50. Iss. Sup. 2. Pp. 219 – 232.
28. Zakhirova L. The International Politics of Water Security in Central Asia // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65. Iss. 10. Pp. 1994 – 2013.

Об авторе:

Евгения Викторовна Махмутова – к.п.н., доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ. Россия, Москва, Ленинградский проспект 49, 125993.
E-mail: elrus@yandex.ru.

CENTRAL ASIA IN SEARCH FOR ITS OWN WAY OF INTEGRATION

E.V. Makhmutova
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-78-91

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with perspectives for integration within Central Asian region. The existing experience of integration in the region is perceived as an important factor. Currently the discourse of regional integration is gaining ground in Central Asia. It can be seen by the updates in the foreign policy concepts of most of the post-Soviet Central Asian countries. Another driver of the issue is the growing international activity of Uzbekistan which is due to the new President of the republic elected in 2016. The article defines the context of regional development, challenges which the region face, specific traits of political process.

The rationale for integration is linked to economic problems which cannot be solved by each Central Asian country on its own. Construction of any transport and logistical infrastructure in the region as well as tackling security threats determine regional cooperation. Although the researchers give arguments for advantages of integration in the region, Central Asian leaders are still looking for more efficient format of interregional cooperation. This process is not linear with its ups and downs. The article reveals the institutional experience that Central Asia gained over 1990s in search for its own integration project. Today this experience can be treated as an important step to maturity of national governance in the region.

But the reason why there is no implementation of integration initiatives discussed in the region earlier is that the current Central Asian political elites are not favorable to any kind of cooperation that will lead in the future to the formation of supranational bodies in the region. They perceive it as a threat to a stable national development. Another factor is a higher commitment of Central Asian countries to cooperate with non-regional economies rather than within the region. In such context a strategy of “bandwagoning” (as it describes S. Walt) will hamper any regional integration project.

Key words: Central Asia, CIS, integration, regionalism, Kazakhstan, Uzbekistan, security, infrastructure.

References

1. Bogaturov A.D. Otlozhennyi neitralitet? [Delayed Neutrality?]. *Rossiiia v global'noi politike*, 19.06.2010. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Otlozhennyi-neitralitet-14859> (accessed 15.06.2018). (In Russian)
2. Butorina O.V. Regional'naia integratsiia: osnovnye poniatiia [Regional integration: basic definitions]. *Evropeiskaia integratsiia* [European integration]. Moscow, Delovaia literature Publ., 2011. Pp. 12-30 (In Russian).
3. Durrani A. «Bol'shaia igra» dlia vsekh [“The Great Game” for all]. *Rossiiia v global'noi politike*, 23.12.2012. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Bol->

- shaya-igra-dlya-vsekh-15794 (accessed 15.06.2018). (In Russian)
4. Golovnin M., Zaharov A., Ushkalova D. Ekonomicheskaya integratsiia: uroki dlia postsovetskogo prostranstva [Economic integration: lessons for the Post-Soviet area]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, no. 4, vol. 60, pp. 61-69. (In Russian)
 5. Kazantsev A.A. *Bol'shaia igra' s neizvestnymi pravilami: mirovaia politika i Tsentral'naia Aziia* ["The Great Game" with unknown rules: the world politics and the Central Asia]. Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2008. 248 p. (In Russian)
 6. Kushkumbaev S. Tsentral'noaziatskaia integratsiia v kontekste istorii i geopolitiki [Central Asian integration in the context of history and geopolitics]. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz*. Available at: http://www.ca-c.org/journal/16-1998/st_04_kushkumb.shtml (accessed 20.04.2018). (In Russian)
 7. Malashenko A.V. Tupiki integratsii v Tsentral'noi Azii [Deadlocks of integration in Central Asia]. *Rossii i musul'manskii mir - Russia and Islamic world*. Moscow, INION RAN Publ., 2010. Pp. 96-102 (In Russian).
 8. Makhmudov R. Konkurentsiiia diskursov v Tsentral'noi Azii [Competition of discourses in Central Asia]. *Tsentral'naia Aziia v usloviakh global'noi transformatsii* [Central Asia in global transformations]. *Materialy XV ezhegodnoi konferentsii KISI pri Prezidente Respubliki Kazakhstan*. Astana, 2017. Pp. 89-100. (In Russian)
 9. Laruel' M., Zviagel'skaia I. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i SShA v Tsentral'noi Azii. Sovmestnaia otsenka [Perspectives of the Russia-US cooperation in Central Asia. Joint assessment]. *Doklad Rossiiskogo soveta po mezhdunarodnym delam*, no. 14. Moscow, Spetskniga Publ. 2014. 32 p. (In Russian)
 10. Syroezhkin K. Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: konkurenty ili partnery [Russia and China: competitors or partners]. *Sovremennye rossiiskokitaiskie otnosheniia* [Modern Russian-Chinese relations]. Moscow, DeLi plus Publ., 2017. Pp. 217-233. (In Russian)
 11. Tolipov F. Teoriia i praktika regional'noi integratsii v Tsentral'noi Azii [Theory and practice of the regional integration in Central Asia]. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz* [Central Asia and Caucasus]. Available at: https://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/10.tolru.shtml (accessed 01.05.2018). (In Russian).
 12. Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia. *Central Asian Survey*, 2008, no. 27, iss. 2, pp. 185-202.
 13. Azizov U. Regional integration in Central Asia: From knowing-that to knowing-how. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, no. 8, pp. 123-135.
 14. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Routledge Publ., 2013. Pp. 43-58.
 15. Bobokulov I. Central Asia: is there an alternative to regional integration? *Central Asian Survey*, 2006, vol. 25, iss. 1-2, pp. 75-91.
 16. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. *International Affairs*, 2004, vol. 80, iss. 3, pp. 485-502.
 17. *Development and Regional Cooperation in Central Asia and South Asia*. Ed. by Berglund H., Dutta M., Hilding P. Pentagon Press Publ., 2016. Pp.64-69.
 18. Dieter H. Regional integration in Central Asia: Current economic position and prospects. *Central Asian Survey*, 1996, no. 15, iss. 3-4, pp. 369-386.
 19. Fiegenbaum E. *Central Asian Economic Integration: An American Perspective // W.P. Carey Forum*. CACI, John Hopkins University, 06.02.2007.
 20. Geyikdagi N.V. Regional Integration in Central Asia. *Journal of Asia-Pacific Business*, 2005, vol. 6, iss. 4, pp. 61-74.
 21. Hsiu-Ling Wu, Chien-Hsun Chen. The prospects for regional integration between China and the five Central Asian countries. *Europe-Asia Studies*, 2004, vol. 56, no. 7, pp. 1059-1080.
 22. Kaminski B., Mitra S. *Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia Emerging Patterns of Trade and Cross-Border Cooperation*. Washington D.C., World Bank Publ., 2012. Pp. 86-102.

23. Libman A. Regional Integration in Central Asia: A Firm-Centered View. *MPRA Paper*, 2008, no. 10939. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/10939/1/MPRA_paper_10939.pdf. (accessed 15.06.2018).
24. Linn J.F. Central Asian regional integration and cooperation: Reality or Mirage? *The economics of the post-Soviet and Eurasian integration*, 31.10.2012. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/10-regional-integration-and-cooperation-linn.pdf> (accessed 01.04.2018).
25. Sadru H.A. Integration in Central Asia: from theory to policy. *Central Asian Survey*, 1997, no. 16, iss. 4, pp. 573-586.
26. Walt S. Alliances in a Unipolar World. *World Politics*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 86-120.
27. Weiran W. The Effects of Regional Integration in Central Asia. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2014, vol. 50, iss. Sup. 2, pp. 219-232.
28. Zakhirova L. The International Politics of Water Security in Central Asia. *Europe-Asia Studies*, 2013, vol. 65, iss. 10, pp. 1994-2013.

About the author:

Evgeniya V. Makhmutova – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Political Science Department. Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow, Leningradsky prospect, 49, 125993. E-mail: elrus@yandex.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Г. Олейнов

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В статье представлена оценка перспектив глобализации с теоретических позиций современного экономического знания о международных процессах. Если ещё недавно глобализация выглядела для экономистов как безальтернативное направление экономического развития мира, то сегодня представители экономической науки более не единодушны относительно её будущего. На практике неоднозначность видения развития глобальных процессов проявила себя в возврате национальных правительств к протекционистским мерам во внешнеэкономической политике. В теории – в актуализации новых концептуальных измерений и осмыслений глобализации и её перспектив.

В статье сопоставляется аксиоматика монодисциплинарного и междисциплинарного экономического анализа глобализации. Автор показывает, что основным предметом дискуссии здесь являются такие аспекты глобализации, как изменения в понимании международных экономических отношений, роль государства и негосударственных участников в глобальных процессах и управление глобальными процессами. В конечном итоге сопоставление экономических подходов к исследованию глобализации выводит на первый план экономическую природу факторов ему способствующих и политическую природу факторов его ограничивающих. В современном экономическом знании глобализация проявляет себя как необратимый процесс роста трансграничной экономической взаимозависимости ведущий к созданию общемировых наднациональных политических институтов. Главным сдерживающим фактором здесь выступает институт суверенитета: государства остаются единственным субъектом глобальных процессов, формально свободным игнорировать международные соглашения.

Будущее глобализации также зависит от политической реализации её экономических предпосылок. Эволюция глобальных процессов будет напрямую зависеть от поиска и реализации внешнеполитических решений, которые с одной стороны представляют собой политический компромисс на международном уровне, а с другой, являются результатом консенсуса внутренних политических, экономических и иных социальных предпосылок деятельности субъектов глобальных процессов. В долгосрочной перспективе глобализация – безальтернативное направление эволюции международных экономических отношений. Наблюдаемый же сегодня на практике протекционизм – шаг неэффективный и временный. Государственное регулирование национальных экономик должно постепенно уступить место саморегулированию, осуществляемому через механизмы мирового рынка. Такое саморегулирование деполитизирует глобальные экономические отношения, делая невозможными межгосударственные конфликты и ослабляя проявления национализма и протекционизма.

УДК 339.9 JEL F6

Поступила в редакцию 31.01.2018 г.

Принята к публикации 19.04.2018 г.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализация, протекционизм, международные экономические отношения, теории международных экономических отношений, международная политэкономия, глобальная политэкономия

Глобализация – наиболее яркий феномен, характеризующий международные отношения в последние десятилетия. Ещё недавно она рассматривалась как безальтернативное направление развития мира, как минимум, экономического. Однако, перспективы глобализации поставил под сомнение глобальный финансовый кризис 2008 г. и последующая экономическая рецессия.

Для экономистов глобализация – это, прежде всего, процесс, связанный со становлением единой мировой экономической системы, функционирующей по общим правилам. Этот процесс проявляет себя в снижении барьеров на пути трансграничного движения товаров, услуг и факторов производства (капитала, труда, технологий и информации), росте объёмов мировой торговли, международного движения капитала, международной миграции и международного обмена технологиями, росте экономической интеграции и взаимозависимости национальных экономик, формировании общемировых рынков товаров, услуг и капитала.

Определяющим фактором формирования современной общемировой хозяйственной системы в экономической науке принято считать либерализацию экономических отношений между странами, как следствие усиления во второй половине XX в. неолиберальных идей в экономической политике национальных правительств и рекомендациях международных экономических организаций. Однако, доминирование неолиберальной доктрины выразилось в итоге в кризисном развитии национальных экономик в конце XX – начале XXI вв. Глобальный кризис 2008 г. окончательно сформировал понимание, что мир нуждается в новой парадигме глобальных экономических отношений.

На практике неоднозначность видения развития глобальных процессов проявила себя в возврате национальных правительств к протекционистским мерам во внешнеэкономической политике. В теории – в актуализации новых концептуальных измерений и осмыслений глобализации и её перспектив.

В данной работе сопоставляется аксиоматика монодисциплинарного и междисциплинарного экономического анализа глобализации. Оценка глобализации представлена с теоретических позиций мейнстрима современного экономического знания. Цель статьи – оценить перспективы глобализации (в её экономическом значении), определив благоприятствующие и ограничи-

вающие факторы формирования общемировой экономической системы через призму ключевых направлений экономического анализа международных процессов¹.

Экономика глобализации

Ренессанс либеральных идей в 1970-1980-х гг. и смена кейнсианской парадигмы в экономической политике наиболее развитых государств на доктрину неолиберализма: свободы рынков товаров и факторов производства от вмешательства государства, повышение уровня жизни через экономический рост, культивирование демократических принципов общественного устройства через расширение рыночных отношений и пр., стали идеологическим переходом, который сопровождался рядом конкретных макроэкономических изменений: дерегулированием, приватизацией, снижением налогов, сокращением программ социального обеспечения и т.д.². Постепенно неолиберальные идеи переместились в центр осмысления международных проблем, поскольку стали встроенными во внутреннюю национальную политику наиболее развитых стран мира и, как следствие, в политику международных экономических организаций (МВФ, ВТО и др.)³. Именно благодаря этим процессам практически весь мир стал интегрирован в глобальные рынки товаров, услуг и капитала.

В экономической теории либерализация экономических отношений признаётся наилучшим решением (при прочих равных условиях) или, по крайней мере, движением в сторону оптимума, в рамках любой хозяйственной системы. Данная предпосылка получила своё развитие в рамках целого ряда теорий международных экономических отношений: теории таможенного союза [39], теории второго наилучшего [26], теории международной экономической интеграции [6], теории жизненного цикла продукта [38], теории дисторсий [8], теории конкурентных преимуществ [32], теории неполных контрактов [16; 18] и др. Как следствие, экономисты являются в целом сторонниками свободной торговли и свободы движения факторов производства, хотя и признают, что последствия либерализации торговых, финансовых и прочих экономических отношений между странами могут быть неблагоприятными⁴.

¹ Эмпирическое измерение глобализации не является предметом данной работы и имеет в ней пояснительный характер.

² Примеры: реформы Р. Рейгана в США, М. Тэтчер в Великобритании.

³ Пример: «Вашингтонский консенсус».

⁴ «В условиях идеальных рынков (которые лежат в основе неолиберального экономического анализа) свободная торговля выравнивает заработную плату неквалифицированных рабочих по всему миру. Торговля товарами заменяет движение людей. Импорт товаров из Китая – товаров, которые требуют большого количества неквалифицированных рабочих для производства, – снижает спрос на неквалифицированных рабочих в Европе и США. Эта сила настолько сильна, что если бы не было транспортных расходов, и если бы у США и Европы не было другого источника конкурентных преимуществ, например, в технологиях, в конечном итоге китайские рабочие продолжали бы мигрировать в США и Европу до полного выравнивания зарплат. Неудивительно, что неолибералы никогда не рекламировали это последствие либерализации торговли, поскольку они утверждали – можно сказать, солгали – что все выиграют» [38].

Более однозначен в теории приоритет либерализации торговых отношений. Практически все теоретические инструменты экономического анализа мировой торговли и внешнеторговой политики констатируют данный приоритет: от классических (теории сравнительных преимуществ, теории рыночного равновесия, теории соотношения факторов производства и пр.) до современных (новой теории торговли [11; 12; 19; 23; 25], пространственной теории международной торговли [14; 24; 35]).

Менее однозначен приоритет либерализации мировых финансов. Теоретические инструменты экономического анализа международных финансовых отношений демонстрируют порой полярные выводы относительно последствий их либерализации. Примеры: теория прямых иностранных инвестиций [21; 22] и теория оптимальных валютных зон [31], с одной стороны, и концепция «бегства капитала» [10], «парадокс Лукаса» [26] и гипотеза глобального избытка сбережений⁵ [7], с другой.

Данная неоднозначность не могла не отразиться на практике. После Второй мировой войны широко признанной была необходимость контроля за трансграничными потоками капитала, дабы избежать валютных колебаний, с которыми ключевые экономики мира столкнулись в 1920-1930 гг. К 1990 г. взгляды сменились на прямо противоположные: либерализация финансовых отношений в рамках ЕС, изменения в политике МВФ и МБРР и пр. Мировой финансовый кризис 2008 г. вновь привёл к нивелированию преимуществ финансовой глобализации и ренессансу идеи контроля за международными потоками капитала [9].

Вплоть до глобальной рецессии 2008-2012 гг. причиной экономических кризисов признавался факт относительной приверженности рыночным принципам в макроэкономической политике национальных правительств (при этом решение проблемы виделось в полярной по отношению к либерализации мере: строгой финансовой дисциплине⁶). Более того, финансовые кризисы, с которыми столкнулись как развивающиеся страны (страны Латинской Америки в 1980-х гг., страны Азии и Россия в 1990-х гг. и пр.), так и развитые в 1980-1990-е гг. (Великобритания в 1987 г., США в 1989-1991 гг., ЕС в 1992 г. и пр.) стали предлогом для развитых стран (прежде всего, США) и международных организаций (прежде всего, МВФ и Всемирного банка) для усиления неолиберализма в экономической политике стран мира и международных отношений в

⁵ Bernanke B.S. Global Imbalances: Recent Developments and Prospects. Bundesbank Lecture. Berlin, Germany, 11 September 2007. [Электронный ресурс] URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20070911a.htm>; Bernanke B.S. The Global Saving Glut and the U.S. Current Account Deficit. Remarks at the Sandridge Lecture. Virginia Association of Economists. Richmond, Virginia, 10 March 2005. [Электронный ресурс] URL: <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2005/200503102/> (дата обращения: 14.01.2018).

⁶ Это видение было в итоге реализовано в условиях предоставления кредитов международными финансовыми организациями, так называемом «Вашингтонском консенсусе». См. подробнее: Williamson J. The Washington Consensus as Policy Prescription for Development. A lecture in the series «Practitioners of Development» delivered at the World Bank on January 13, 2004. [Электронный ресурс] URL: <https://piee.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (дата обращения 25.08.2017).

целом. Однако, финансовый кризис 2008 г. поставил под сомнение представление о том, что свобода рынков является здесь исчерпывающим решением.

В целом, сопоставление констатируемых экономическими теориями международных процессов причин и последствий глобализации позволяет сделать следующий основной вывод: свободно функционирующие мировые рынки, формирующиеся в результате глобализации, способны производить результаты, которые превосходят результаты нерыночных механизмов. Идеал – саморегулирующиеся глобальные рынки, присутствие на которых государств, международных институтов и организаций ограничено глобальными «фиаско» рыночного механизма (например, в предоставлении глобальных общественных благ). Пока же мир остаётся политически разделён суверенитетом государств, последние всегда будут вмешиваться в рыночные процессы. Как следствие, в условиях государственно-центристской модели международных экономических отношений окончательный переход к единой глобальной экономической системе – теоретическая абстракция. В данных условиях возможно лишь формирование единой в масштабах планеты экономической среды: перемещение товаров, финансов, технологий, информации и людей по всему миру, образование общемировой финансовой системы, транснационализация бизнеса, экономическая взаимозависимость национальных экономик и пр.

Политэкономия глобализации

В последние десятилетия использование монодисциплинарных инструментов исследования глобальных процессов постепенно уступает место применению междисциплинарных теорий и моделей. Наиболее популярным здесь стал анализ глобализации на стыке методологии экономической и политической наук в рамках направления, получившего название международная политэкономия (*international political economy*). Более того, глобализация стала для международной политэкономии одним из ключевых предметов исследования, а сама дисциплина нередко обозначается через термин «глобальная политэкономия» (*global political economy*)⁷. Сегодня теоретические и эмпирические исследования общемировых процессов и явлений в рамках международной или глобальной политэкономии находятся в центре научной дискуссии о глобализации.

Главное отличие в политэкономическом видении глобализации заключается в более сбалансированной по сравнению с монодисциплинарными направлениями теоретической позиции. С одной стороны, в международной политэкономии происходит усиление либеральных тезисов теорий международных экономических отношений (т.е. международной экономики) относительно глобализации: ключевой предпосылкой глобализации здесь признаётся эволюция капиталистических отношений и естественное проявление механизма рынка.

⁷ Подробнее о методологии дисциплины, её предметном поле и направлениях исследований см.: [4].

С другой, протекционизм в международных экономических отношениях является для международной политэкономии не менее естественным явлением и объясняется лоббированием внешнеэкономической политики участниками внутриэкономических и внутривнутриполитических процессов (спросом на те или иные меры внешнеторговой политики) [4; 16; 20; 30].

Основным следствием этих отличий является то, что использование политэкономических инструментов анализа позволяет решить парадоксы, которые возникают при монодисциплинарном экономическом анализе глобализации. Например, следующий: несмотря на то, что либерализация торговых отношений между странами, при прочих равных, обеспечивает рост благосостояния их граждан, все государства на практике используют торговые барьеры. Международная политэкономия объясняет данный парадокс тем, что максимизация экономического благосостояния граждан является не единственной целью внешнеэкономической политики государства, а спектр субъектов, ответственных за её выработку, не ограничивается правительствами стран. Как следствие, экономическая эффективность внешнеторговой политики может отражать в большей степени частные интересы (чиновников, политиков, отдельных групп граждан, бизнеса и пр.), нежели благосостояние нации [28].

Кроме того, с позиций международной политэкономии, внешнеэкономическая политика государства, отвечающая интересам одних субъектов внутривнутриполитических процессов, и внешнеэкономическая политика государства, отвечающая интересам других субъектов, не совпадают между собой. В частности, интересам граждан отвечает политика свободной торговли, обеспечивающая максимизацию их совокупного благосостояния. Политические партии заинтересованы в проведении политики, которая максимизирует их шансы победы на выборах или сохранения власти. Чиновники – в политике, обеспечивающей их карьерный рост и связанные с ним материальные и нематериальные блага. Бизнес – в политике перераспределения экономических ресурсов от остальных экономических субъектов в свою пользу. В итоге деятельность разных участников внутривнутриполитических процессов становится основной причиной, обуславливающей отклонения на практике от максимизирующей совокупное благосостояние политики либерализации международных экономических отношений – ключевой предпосылки глобализации [1; 2].

Таким образом, в междисциплинарном экономическом видении глобальные экономические отношения представляют собой результат согласования экономических интересов между участниками политических процессов. Учёт и политических, и экономических предпосылок и факторов решений, принимаемых на международной арене, ведёт к формированию теоретической парадигмы, согласно которой последствия экономической глобализации могут быть и положительными, и отрицательными. К первым чаще всего относят: стандартизацию национальной политики и институтов, либерализацию государственной политики и открытие рынков, деполитизацию экономических

процессов и ослабление проявления национализма, снижение использования насилия и военной силы в международных отношениях и пр. Ко вторым: более высокую степень уязвимости от внешних шоков, рост влияния инвестиционного капитала на национальную политику (транснациональных корпораций, глобальных финансовых институтов), глобальные «провалы рынка» (бедность, загрязнение окружающей среды и пр.) и пр. Акцент, при этом, делается на двух проявлениях глобализации как основных: росте трансграничной взаимозависимости и расширении спектра субъектов международных отношений.

Для международной политэкономии в глобализирующемся мире ни один субъект или группа субъектов не способны определять международные процессы или доминировать в них. Субъектами глобальных процессов здесь являются не только государства или транснациональные корпорации, но и международные организации (как межправительственные, так и неправительственные), группы интересов, террористические структуры, отдельные индивиды и пр. Международная политэкономия признаёт, что вследствие глобализации государства теряют свое экономическое значение во внутренних и международных экономических процессах. Однако, деактуализируя роль государств в международных отношениях, политэкономический анализ актуализирует их роль как сдерживающего фактора глобализации. В мире с политическими границами и характеризующимся отсутствием центрального правительства, государства остаются единственными формально-свободными субъектами, способными игнорировать международные соглашения.

Экономические перспективы глобализации

Сложившееся в экономическом знании теоретическое понимание глобализации формирует несколько основных дискуссионных вопросов касательно её перспектив. А именно: изменения в понимании международных экономических отношений, роль государства и негосударственных участников в глобальных процессах и управление глобальными процессами.

Кризисное развитие национальных экономик на практике, несмотря на теоретическую эффективность либерализации международных экономических отношений (эффективное использование ресурсов, максимизация благосостояния граждан), сформировало понимание, что мир остро нуждается в новых «правилах игры»⁸. Какие это будут институциональные ре-

⁸ «Глобализация является своеобразной экономической и политической игрой, в которой сталкиваются могущественные интересы. Эта не лишённая риска игра с нулевой суммой, и поэтому глобальный рынок нельзя оставить на произвол судьбы. Он требует координации и регулирования, что очень трудно: уже появилась взаимозависимая глобальная экономика, но всё ещё не видно соответствующего субъекта и эффективного механизма всемирной координации экономической политики» [3, с. 153].

шения и как быстро они будут воплощены в жизнь, экономисты не берутся предсказывать. Последнее десятилетие в центре дискуссии стоит вопрос не о том, какой будет мир в будущем, а о том, что можно предпринять, чтобы сделать его лучше [29; 35; 37 и др.). Как следствие, основной своей задачей представители экономической науки сегодня видят не оценку перспектив глобализации, а решение вопроса обеспечения глобальной системой более последовательного и более справедливого экономического роста, как способа решения текущих общемировых, региональных и страновых проблем (бедности, неравенства и пр.).

Переход к эффективной глобальной экономической системе выглядит с позиций современного экономического знания неоднозначным.

Основной предпосылкой сложившейся неоднозначности является борьба экономических парадигм: неолиберализма и неомеркантилизма, капитализма и неомарксизма, капитализма и конструктивизма и др. На первом плане этой борьбы – конфликт идеи свободных рынков (неолиберализма) и идеи управляемых рынков (неомеркантилизма). К плюсам свободных экономических отношений традиционно принято относить рост конкуренции и расширение ассортимента продукции на внутреннем рынке; к минусам – уязвимость к внешним экономическим изменениям. К плюсам протекционизма относят стимулирование отечественного производства и выравнивание торгового баланса; минусами признаются снижение эффективности и конкурентоспособности национальной экономики⁹. Дискуссия между приверженцами свободных рынков и сторонниками управляемых рынков продолжается уже не одно столетие¹⁰. При этом представители каждой из доктрин акцентируют внимание на неудачах альтернативной безотносительно её успехов, что создаёт однобокий взгляд на глобальные процессы и их перспективы.

На этом фоне более перспективным выглядит политэкономический конструктивизм, сторонники которого надеются подтолкнуть страны к совершенно новому пути развития. Основная задача – создать альтернативную концептуальную основу, способную разрушить существующие властные отношения и решить текущие глобальные проблемы человечества (неравенства, бедности и пр.). Одна из таких идей – обязать развитые страны выстраивать торговые и финансовые режимы, предоставляющие возможность развивающимся странам догнать их в экономическом развитии. В частности, через предоставление производителям в развивающихся странах более высоких или более справедливых

⁹ Экономическая теория допускает применение протекционизма как эффективной ответной меры на субсидирование экспортных отраслей странами партнёрами или демпинг с их стороны (продажу товаров и услуг по искусственно заниженным ценам, например, с целью закрепления на новом рынке или вытеснения конкурентов). Но, при этом, констатирует риски протекционизма: поощрение рентоориентированного поведения национальных производителей, использование торговыми партнёрами ответных мер и пр.

¹⁰ На практике эта дискуссия привела к тому, что сегодня национальные правительства стремятся проводить гибкую внешнеэкономическую политику, сочетая протекционизм и либерализацию экономических отношений на внешней арене. Баланс и степень их использования определяется обычно исходя из конъюнктуры, складывающейся в различных секторах мирового хозяйства и на мировых рынках.

цен на их товары, а также в продвижении более высоких социальных и экологических стандартов¹¹.

Безотносительно любой из парадигм, будущая глобальная экономическая система в современном экономическом знании – это конструкция, выстроенная на принципах, которые определяются в том числе и негосударственными субъектами. Отношения между де-факто ролью негосударственных участников и формальной ролью государств в глобальной экономической системе – ключевой фактор процессов на международной арене в будущем. При сохранении института суверенитета, государства продолжают оставаться инициаторами институциональных изменений в международных и глобальных экономических отношениях. Однако их экономическая власть больше не будет абсолютной.

Помимо транснационального бизнеса, особая роль здесь отводится транснациональным негосударственным и нерыночным (некорпоративным) участникам, так называемому «третьему сектору»: неправительственным организациям, транснациональным общественным движениям, аналитическим центрам, крупным благотворительным фондам и др. В то время, как государства и бизнес-структуры часто препятствуют эффективным действиям в решении проблем, которые пересекают национальные границы, поскольку просто не имеют интереса действовать для всех, третий сектор преследует цели в международных и глобальных процессах, которые не могут быть описаны по существу как коммерческие, корыстные, индивидуальные. Несмотря на то, что третий сектор, как правило, проигрывает в плане финансовых ресурсов иным субъектам глобальных процессов (например, транснациональным корпорациям), и, очевидно, не обладает нормотворческим и нормоконтролирующим потенциалом государств и международных организаций, он играет определяющую роль в формировании идейной глобальной среды. Является ли объектом внимания экономическое развитие или неравенство, бедность или окружающая среда и пр., третий сектор определяет рамки глобальных дискуссий, наполняя и актуализируя проблемы, требующие внимания международного сообщества¹².

Расхождение в интересах, экономических потенциалах и политическом статусе между субъектами глобальных процессов означает, что в международных экономических отношениях всегда существует постоянная, хотя и не всегда очевидная, политическая борьба, осуществляемая для контроля экономических ресурсов: от материальных до информационных и управленческих. Как следствие, отношения между субъектами глобальных экономических про-

¹¹ Сегодня товары справедливой торговли (англ. fair trade) составляют менее процента мировой торговли. В то же время, эта идея уже оказала влияние в отраслях с наибольшей степенью эксплуатация труда. См. подробнее: [33].

¹² Пример: борьба с бедностью. За последние десятилетия именно деятельность неправительственных организаций трансформировала отношение национальных правительств к данному вопросу (списание задолженности беднейших стран), а также позволила ввести данный вопрос в повестку дня глобальных институтов (ООН, Всемирного банка и др.).

цессов в конечном счёте определяются политическим форматом¹³. Иными словами, отправным пунктом перехода к новой глобальной экономической системе будет служить дискуссия вокруг вопроса глобального управления (global governance).

Для экономистов управление глобальными процессами имеет институциональную природу. В современном экономическом знании глобальные институты (включая неформальные) признаются неотъемлемым элементом формирования общемировых рынков товаров, услуг и факторов производства. Их основная роль – предоставление глобальных общественных благ, которые международные и глобальные рынки обеспечить не способны. Как следствие, глобальное управление необходимо в виду необходимости нейтрализации негативных последствий экономической глобализации. Мир без рамок для трансграничной торговли (ВТО), финансов (МВФ) и пр. – это мир не только экономической, но и политической нестабильности¹⁴.

Ключевым вопросом здесь является то, как будет выглядеть глобальная экономическая среда при условии сохранения институциональной независимости (суверенитета) государств. В частности, будет она «управляться» с позиций силы, как большую часть истории международных отношений, или в наднациональном институциональном формате. На аксиоматическом уровне современное экономическое знание не предусматривают ситуацию, в которой в мире есть одна всеобъемлющая политическая власть, наделённая исключительными полномочиями по обеспечению соблюдения экономических правил для всего мира (иными словами: мировое правительство). Наиболее вероятные варианты: де-юре – глобальное управление через формирование децентрализованной институциональной системы по аналогии с ЕС; де-факто – коллективные институциональные решения по возникающим общим проблемам¹⁵, наряду с проявлением глобальной гегемонии в отдельных сферах международных экономических отношений¹⁶.

Современная мировая экономическая система выстроена на конкретном политическом фундаменте и представляет собой продукт национальных и международных политических процессов в направлении либерализации экономических систем. Дальнейшие перспективы глобализации также зависят от политической реализации её экономических предпосылок. Однозначно здесь

¹³ Примеры: UN Sustainable Development Goals. Resolution adopted by the UN General Assembly on 25 September 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda>; World Economic Forum Annual Meeting 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2017> (дата обращения 14.01.2018).

¹⁴ См. подробнее: [5].

¹⁵ Пример: скоординированным действиям национальных правительств в ответ на мировой финансовый кризис 2008 г. (параллельное сокращение ставок центральными банками ведущих развитых стран и предоставление ими беспрецедентных сумм для поддержания ликвидности на мировом рынке, параллельные антициклические бюджетные действия, значительное увеличение объема ресурсов, имеющихся у международных финансовых учреждений (в частности, МВФ), переходе неформальных саммитов глав государств, правительств и центральных банков развитых стран (G7) к саммитам представителей наиболее развитых национальных экономик мира (G20)).

¹⁶ Пример: гегемония США в эволюции международной финансовой системы в XX в.

одно: глобализация – безальтернативное для экономического знания направление эволюции международных экономических отношений. Наблюдаемый же сегодня на практике протекционизм – шаг неэффективный и временный, как минимум в долгосрочной перспективе.

Сопоставление теоретических подходов экономистов к исследованию глобализации выводит на первый план экономическую природу факторов ему способствующих, и политическую природу факторов, его ограничивающих. Глобализация проявляет себя как необратимый процесс роста трансграничной экономической взаимозависимости, ведущий к созданию общемировых наднациональных политических институтов. Политические действия на мировой арене – неотъемлемый аспект глобализации, обусловленный необходимостью нейтрализации её негативных экономических последствий. Главным сдерживающим фактором здесь выступает институт суверенитета: государства остаются единственным субъектом глобальных процессов, формально свободным игнорировать международные соглашения.

Перспективы глобализации – дискуссионный вопрос в экономическом знании. С одной стороны, в глобализирующемся мире государства перестают быть единственными игроками и де-факто теряют свою автономность в экономических и политических процессах. С другой, государства остаются единственными субъектами, обладающими формальной возможностью игнорировать международные соглашения. На современном этапе развития международных экономических отношений действия государств определяются не только их национальными интересами, но и интересами субъектов внутренних политических и экономических процессов. Как следствие, дальнейшая эволюция глобальных процессов будет напрямую зависеть от поиска и реализации внешнеполитических решений, которые, с одной стороны, представляют собой политический компромисс на международном уровне, а с другой, являются результатом консенсуса внутренних политических, экономических и иных социальных предпосылок деятельности субъектов глобальных процессов.

Список литературы:

1. Афонцев С.А. Политико-экономический анализ внешнеторговой политики // Экономическая школа. 2011. №7. С. 31-42.
2. Афонцев С.А. Политические рынки и регулирование экономических процессов // Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям / Под ред. С.А.Афонцева. М: ИМЭМО РАН, 2013. С. 26-45.
3. Колодко Г.В. Куда идет мир: политическая экономия будущего / Г.В. Колодко; пер. с пол. Ю. Чайникова. М.: Магистр, 2014. 528 с.
4. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №61(2). С. 55-65.
5. Why Govern?: Rethinking Demand and Progress in Global Governance. Ed. by A. Acharya. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 350 p.
6. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1961. 304 p.
7. Bernanke B.S., Bertaut, C., DeMarco L.P., Kamin S. International Capital Flows and the Returns to Safe Assets in the United States, 2003–2007 // Board of Governors of the FRS International

- Finance Discussion Papers. 2011. № 1014. 38 p.
8. Bhagwati J. N. The Generalized Theory of Distortions and Welfare. In J.N. Bhagwati, R.W.Jones, R.Mundell, J.Vanek (eds.). Trade, Balance of Payments and Growth. Papers in International Economics in Honor of Charles P. Kindleberger. Amsterdam-London: North Holland Publishing Co., 1971. Pp. 69-90.
 9. Broner F., Ventura J. Rethinking the Effects of Financial Globalization // Quarterly Journal of Economics. 2016, Vol.131 (3). Pp. 1497-1542.
 10. Cuddington J.T. Capital Flight: Estimates, Issues, and Explanations // Princeton Studies in International Finance. 1986, Vol. 58. Pp.1-44.
 11. Dixit A., Norman V. Theory of International Trade: A Dual General Equilibrium Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 352 p.
 12. Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. Vol. 67 (3). Pp. 297-308.
 13. Ethier W.J. Selling 'Protection for Sale' // PIER Working Paper. 2006. No. 14. 2006. Pp.153-162.
 14. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1999. 384 p.
 15. Grossman G., Helpman E. Protection for Sale // American Economic Review. 1994. Vol. 84 (4). Pp. 833-850.
 16. Grossman S.J., Hart O.D. The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration // Journal of Political Economy. 1986, Vol. 94 (4). Pp. 691-719.
 17. Hart O.D. Firms, Contracts, and Financial Structure. New York: Oxford University Press, 1995. 240 p.
 18. Hart O.D., Moore J. Property Rights and the Nature of the Firm // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98 (6). Pp. 1119-1158.
 19. Helpman E. International Trade in the Presence of Product Differentiation, Economies of Scale, and Monopolistic Competition: A Chamberlin-Heckscher-Ohlin Approach // Journal of International Economics. 1981. Vol. 11(3). Pp. 305-340.
 20. Hillman A. The Political Economy of Protection. New York: Harwood Academic Publishers, 1989. 167 p.
 21. Hymer S.H. 1960. The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment. PhD Dissertation. Published posthumously. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1976. 253 p.
 22. Kindleberger C.P. American Business Abroad: Six Lectures on Direct Investment. New Haven and London: Yale University Press, 1969. 225 p.
 23. Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade // Journal of International Economics. 1979. Vol. 9 (4). Pp. 469-479.
 24. Krugman P.R. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99 (3). Pp. 483-499.
 25. Lancaster K. Intra-Industry Trade Under Perfect Monopolistic Competition // Journal of International Economics. 1980. Vol. 10(2). Pp. 151-175.
 26. Lipsey R.G., Lancaster K. The General Theory of Second Best // Review of Economic Studies. 1956. Vol. 24 (1). Pp. 11-32.
 27. Lucas R. Why doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries? // American Economic Review. 1990. Vol. 80 (2). Pp. 92-96.
 28. Maggi G., Rodriguez-Clare A. A Political-Economy Theory of Trade Agreements // American Economic Review. 2007. Vol. 97(4). Pp. 1374-1406.
 29. Milanovic B. Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. 320 p.
 30. Mitra D. Endogenous Lobby Formation and Endogenous Protection: A Long-Run Model of Trade Policy Determination // American Economic Review. 1999. Vol. 89. Pp. 1116-1134.
 31. Mundell R.A. A Theory of Optimal Currency Areas // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. Pp. 657-665.
 32. Porter M. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990. 855 p.
 33. Fair Trade: The Challenges of Transforming Globalization. Ed. by Reynolds L.T., Murray D., Wilkinson J. Oxon: Routledge, 2007. 256 p.
 34. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York, NY: W.W. Norton & Company, 2012. 368 p.
 35. Rossi-Hansberg E. A Spatial Theory of Trade // American Economic Review. 2005, Vol. 95 (5). Pp. 1464-1491.
 36. Stiglitz J.E. Globalization and its New Discontents // Project Syndicate, 5 August 2016. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/globalization-new-.by-joseph-e--stiglitz-2016-08> (дата обращения: 14.01.2018).
 37. Stiglitz J.E. Making Globalization Work. New York, NY: W. W. Norton & Company, 2007. 374 p.
 38. Vernon R. International Investment and

- International Trade in the Product Cycle // Quarterly Journal of Economics. 1966, Vol. 80(2). Pp. 190-207.
39. Viner J. The Customs Union Issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. 221 p.

Об авторе:

Антон Геннадьевич Олейнов – д.э.н, профессор кафедры мировой экономики, МГИМО. Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: oleyinov@mgimo.ru.

ECONOMIC FUTURE OF GLOBALIZATION

Anton G. Oleynov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article analyzes the perspectives of globalization from theoretical premises of international economics and international political economy. For decades globalization has been looking like a non-alternative direction of economic development of the world. But today economists are no longer unanimous about its future. In practice, the ambiguity in views on the development of global processes has manifested itself in the return of national governments to protectionism in foreign economic policy. In theory - in the actualization of new conceptualizations of globalization and its perspectives.

The article compares the axiomatics of monodisciplinary and interdisciplinary economic analysis of globalization. The author shows that the main subject of the discussion here are the changes in the understanding of international economic relations, the role of the state and non-state actors in global processes and the global governance. The comparison of the economic approaches to the study of globalization brings to the forefront the economic nature of the factors that contribute to it and the political nature of the factors that limit it. In modern economic knowledge globalization manifests itself as an irreversible process of growth of cross-border economic interdependence leading to the creation of global supranational political institutions. The key constraint here is the institution of sovereignty: states remain the only subject of global processes that is formally free to ignore international agreements.

The future of globalization also rely on the political realization of its economic prerequisites. The evolution of global processes will directly depend on the search and implementation of foreign policy decisions, which on the one hand represent a political compromise at the international level, and on the other, are the result of a consensus of internal political, economic and other social preconditions for the actions of the subjects of global processes. Globalization is the non-alternative direction of the evolution of international economic relations. The protectionism observed today is an inefficient and temporary, at least in the long run. State regulation of national economies would gradually give way to self-regulation of the world market. Such self-regulation de-politicizes global economic relations, making interstate conflicts impossible and weakening manifestations of nationalism and protectionism.

Key words: globalization, neoliberalization, protectionism, international economic relations, international economics, international political economy, global political economy

References

1. Afontsev S.A. Politiko-ekonomicheskiy analiz vneshnetorgovoy politiki [Politico-economic analysis of foreign trade policy]. *Ekonomicheskaya shkola*, 2011, vol. 7, pp. 31-42 (in Russian).
2. Afontsev S.A. Politicheskiye rynki i regulirovaniye ekonomicheskikh protsessov [Political markets and regulation of economic processes]. *Politika institucional'nykh preobrazovaniy: ot teorii k prakticheskim rekomendatsiyam* [The policy of institutional transformation: from theory to practical recommendations]. Ed. by S.A. Afontsev. Moscow, IMEMO RAS Publ., 2013. Pp. 26-45 (In Russian).
3. Kolodko G.V. *Kuda idet mir: politicheskaya ekonomiya budushchego* [Where the world goes: political economy of the future]. Moscow, Magistr Publ., 2014. 528 p. (In Russian).
4. Oleynov A.G. *Mezhdunarodnaya politekonomiya: predmet i metod* [International Political Economy: Subject Matter and Method]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 2, pp. 55-65. (In Russian).
5. *Why Govern?: Rethinking Demand and Progress in Global Governance*. Ed. by A. Acharya. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2016. 350 p.
6. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Ill, Richard D. Irwin Publ., 1961. 304 p.
7. Bernanke B.S., Bertaut, C., DeMarco L.P., Kamin S. International Capital Flows and the Returns to Safe Assets in the United States, 2003–2007. *Board of Governors of the FRS International Finance Discussion Papers*, 2011, no. 1014. 38 p.
8. Bhagwati J. N. The Generalized Theory of Distortions and Welfare. *Trade, Balance of Payments and Growth. Papers in International Economics in Honor of Charles P. Kindleberger*. Ed. by J.N. Bhagwati, R.W. Jones, R. Mundell, J. Vanek. Amsterdam-London, North Holland Publ., 1971. Pp. 69-90.
9. Broner F., Ventura J. Rethinking the Effects of Financial Globalization. *Quarterly Journal of Economics*, 2016, vol.131 (3), pp. 1497-1542.
10. Cuddington J.T. Capital Flight: Estimates, Issues, and Explanations. *Princeton Studies in International Finance*, 1986, vol. 58, pp. 1-44.
11. Dixit A., Norman V. *Theory of International Trade: A Dual General Equilibrium Approach*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1980. 352 p.
12. Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity. *American Economic Review*, 1977, vol. 67 (3), pp. 297-308.
13. Ethier W.J. Selling 'Protection for Sale'. *PIER Working Paper*, 2006, no. 14, pp. 153-162.
14. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Mass., The MIT Press Publ., 1999. 384 p.
15. Grossman G., Helpman E. Protection for Sale. *American Economic Review*, 1994, vol. 84 (4), pp. 833-850.
16. Grossman S.J. Hart O.D. The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94 (4), pp. 691-719.
17. Hart O.D. *Firms, Contracts, and Financial Structure*. New York, Oxford University Press, 1995. 240 p.
18. Hart O.D., Moore J. Property Rights and the Nature of the Firm. *Journal of Political Economy*, 1990, vol. 98 (6), pp. 1119-1158.
19. Helpman E. International Trade in the Presence of Product Differentiation, Economies of Scale, and Monopolistic Competition: A Chamberlin-Heckscher-Ohlin Approach. *Journal of International Economics*, 1981, vol. 11(3), pp. 305-340.
20. Hillman A. *The Political Economy of Protection*. New York, Harwood Academic Publ., 1989. 167 p.
21. Hymer S.H. 1960. *The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment*. PhD Dissertation. Published posthumously. Cambridge, Mass., The MIT Press Publ.,

1976. 253 p.
22. Kindleberger C.P. *American Business Abroad: Six Lectures on Direct Investment*. New Haven and London, Yale University Press Publ., 1969. 225 p.
 23. Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade. *Journal of International Economics*, 1979, vol. 9 (4), pp. 469-479.
 24. Krugman P.R. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99 (3), pp. 483-499.
 25. Lancaster K. Intra-Industry Trade Under Perfect Monopolistic Competition. *Journal of International Economics*, 1980, vol. 10(2), pp. 151-175.
 26. Lipsey R.G., Lancaster K. The General Theory of Second Best. *Review of Economic Studies*, 1956, vol.24 (1), pp. 11-32.
 27. Lucas R. Why doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries? *American Economic Review*, 1990, vol. 80 (2), pp. 92-96.
 28. Maggi G., Rodríguez-Clare A. A Political-Economy Theory of Trade Agreements. *American Economic Review*, 2007, vol. 97 (4), pp. 1374-1406.
 29. Milanovic B. *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, MA, Harvard University Press Publ., 2016. 320 p.
 30. Mitra D. Endogenous Lobby Formation and Endogenous Protection: A Long-Run Model of Trade Policy Determination. *American Economic Review*, 1999, vol. 89, pp. 1116-1134.
 31. Mundell R.A. A Theory of Optimal Currency Areas. *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, pp. 657-665.
 32. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. New York, Free Press Publ., 1990. 855 p.
 33. Fair Trade: The Challenges of Transforming Globalization. Ed. by L.T.Reynolds, D.Murray, J.Wilkinson. Oxon, Routledge Publ., 2007. 256 p.
 34. Rodrik D. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York, NY, W.W. Norton & Company Publ., 2012. 368 p.
 35. Rossi-Hansberg E. A Spatial Theory of Trade. *American Economic Review*, 2005, vol. 95 (5), pp. 1464-1491.
 36. Stiglitz J.E. *Globalization and its New Discontents*. Project Syndicate, 05.08.2016. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/globalization-new-discontents-by-joseph-e--stiglitz-2016-08> (Accessed: 14.01.2018).
 37. Stiglitz J.E. *Making Globalization Work*. New York, NY, W. W. Norton & Company Publ., 2007. 374 p.
 38. Vernon R. International Investment and International Trade in the Product Cycle. *Quarterly Journal of Economics*, 1966, vol. 80(2), pp.190-207.
 39. Viner J. *The Customs Union Issue*. New York, Carnegie Endowment for International Peace Publ., 1950. 221 p.

About the author:

Anton G. Oleynov – D.Sci. (Economics), Professor at the Department of World Economy, MGIMO-University, Vernadsky Prospekt, 76, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: oleinov@mgimo.ru.

ПЛАТФОРМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СВЕРХПРИБЫЛИ ЦИФРОВЫМИ РАНТЬЕ

И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Институт проблем рынка Российской академии наук

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления цифровизации, присущей современному экономическому укладу. Сформулирована основанная на теории К. Маркса авторская гипотеза о преобладании платформенного капитализма в современных экономических взаимоотношениях. Авторы полагают, что понятие «цифровая экономика» не отражает сущности происходящих процессов с точки зрения теорий капиталистического развития, экономического взаимодействия, а также решения дилеммы координации и конкуренции в экономике. Существенные признаки идентификации современной экономики – это платформенность и распределённость, раскрывающие не технические решения, а особенности экономического взаимодействия и приоритет управленческих решений. Распределённость ориентирована на преимущества цифровой экономики в формате Small Data, опирающиеся на свободу рынка, рыночных отношений и независимость рыночных агентов; платформенность характеризует возможности цифровизации для сокращения транзакционных издержек и монетизации коммуникационных отношений. Определён ключевой признак платформенного капитализма – дизайн рынков («рынков соответствия» А. Рота), которые функционируют на основе цифровых платформ, обеспечивают коммуникацию и взаимодействие участников рынка. Выделены ключевые элементы, которые модернизируют классическое понимание капитализма: 1) перенос оказания услуг в новую среду – платформу, с максимально полным циклом, включая оплату; 2) изменение формы найма работников по оказанию услуг – через платформу, включая частичную занятость; 3) основной источник прибыли, как и объект эксплуатации, становится информационным, а затем и информационно-коммуникационным. Предложен оригинальный подход к идентификации платформенного капитализма как экономической системы, в которой экономические агенты осуществляют владение и распоряжение собственностью на основе платформ, перенося процесс организации производства на исполнителя, дистанцируясь от непосредственного участия в процессе производства и получая ренту от накопленных платформой информационных данных и коммуникационных решений. Исследование возможностей получения ренты от информации и каналов её рас-

УДК 330.88 JEL B51

Поступила в редакцию 13.06.2018 г.

Принята к публикации 10.08.2018 г.

пространения позволило выделить субъект инвестиционных отношений – цифрового рантье, получающего основной доход от вложений в объекты цифровой экономики – платформы, уже монетизировавшие полезность представленного функционала и данных. Авторы доказывают, что ограниченные возможности контроля над бизнесом приведут к тому, что ожидаемая норма доходности от цифровых платформенных вложений для рантье должна быть существенно выше, чем для акционера. Статья носит дискуссионный характер, положения и выводы требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова: платформенный капитализм, цифровой рантье, цифровая платформа, рыночная власть цифровых платформ, проектное управление цифровой экономикой.

Многообразие форм новейших технологических и информационных решений, используемых бизнесом и государством, приводит к тому, что действующие экономические концепции перестают объяснять текущие процессы. Очевидно, что в экономических отношениях происходит очередная трансформация, и исследователям необходимо обратиться к теоретико-методологическому осмыслению происходящей «цифровизации всего».

Между тем целый ряд исследователей вместо обобщения занимаются популяризацией научно-технического прогресса¹, зачастую выступая в роли предсказателей экономических последствий прорывных технологий и забывая о том, что наукой давно выработан конструктивный подход к исследованию новых явлений, соединяющий и теоретические умозаключения, и статистические исследования, и совокупность практических решений. Многие авторы обращаются к факторному анализу, используя при выборе факторов либо гипотезу, либо отдельные элементы экономической реальности, возведённые в ранг «существенного». Однако факторные построения предполагают эволюционное развитие макроэкономических процессов, оставляя за рамками исследования революционные бифуркации.

В данной статье на основе критического осмысления присущей современному экономическому укладу цифровизации выдвигается гипотеза о становлении в системе экономических отношений платформенного капитализма, предполагающего извлечение сверхприбыли «цифровыми» рантье. Мы предполагаем в дальнейшем дополнить данную гипотезу гипотезой распределённого капитализма. Для доказательства гипотезы, в соответствии с классической методологией научного исследования, мы выявляем тенденции и закономерности, присущие современному этапу экономического развития. Мы сознательно исключили из рассмотрения вопросы, связанные с социальными явлениями, с

¹ Пахомов Ю. Прорвется ли Россия в цифровое будущее? // IT WEEK, 20.01.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pcweek.ru/gover/article/detail.php?ID=191668> (дата обращения 20.07.2018).

той неперенной оговоркой, что новые технологии, новые организационные формы, новые виды работы и новые рынки создают новый путь аккумуляции капитала, и этот путь обязательно повлечёт за собой серьёзные социальные последствия [31; 32].

Экономическая теория постепенно приходит к осмыслению явления, приобретающего характер мейнстрима, которое началось с простых решений: «твиттеризация» коротких сообщений, «фейсбукизация» социальных отношений, «юберизация» всего, «авитозация» совместного использования вещей и т.д. Названия компаний и их платформ превращаются в имена нарицательные, а сами решения приводят к формированию новых алгоритмов (прежде всего, потребительского) поведения, тогда как многие действия, обязательные в традиционном укладе, становятся анахронизмами. Со своей стороны, производители товаров и услуг также разрабатывают новые модели поведения, например, такие как нативная реклама.

С нашей точки зрения, не вполне удачен термин «цифровой капитализм»² [27], т.к. определение «цифровой» не отражает принципиальной сущности происходящих процессов (в отличие от, например, информационного капитализма [3; 10], при котором данные стали капиталом, а информационные технологии превратились в инструмент извлечения прибыли непосредственно из информационных процессов [6]), а скорее выявляет признак эпохи и становится обобщающей характеристикой изменений, свойственных XXI в. Используя термин «цифровой капитализм», следует уточнять, какой именно признак – платформенность или распределённость – подразумевается, поскольку информационная инфраструктура гармонирует с каждым из признаков в новой форме капитализма, организуя доступ к цифровым данным³.

Распределённость относится к возможностям, которые представляет цифровая экономика в формате Small Data, опираясь на тезис свободы рынка, рыночных отношений и независимость рыночных агентов. Платформенность выделяет возможности цифровизации по сокращению транзакционных издержек и монетизации выгод кооперации. Платформенность отражает идею А. Рота [18; 26; 33] по дизайну «рынков соответствия», в которых чётко выделяется и упрощается поиск предмета взаимодействия, эффективно определяется ширина и глубина рынка через число пользователей платформы и количества совершаемых в ней сделок.

В основу платформенности и распределённости заложены не особенности технических решений (и то, и другое может быть выполнено с помощью одних и тех же информационных технологий), а особенности экономического взаимодействия и приоритет управленческих решений. С точки зрения системных

² Schiller D. Digital capitalism stagnation and contention? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/digitaliberties/dan-schiller/digital-capitalism-stagnation-and-contention> (дата обращения 18.07.2018).

³ Daum T. Understanding digital capitalism. [Электронный ресурс]. URL: <http://dasfilter.com/gesellschaft/understanding-digital-capitalism-what-time-are-we-living-in-an-introduction> (дата обращения 18.07.2018).

исследований, платформенность и распределённость отличаются формированием внутренней и внешней сред. Для платформенного капитализма ключевой внутренней особенностью выступает координация, а внешним признаком – конкурентное преимущество (в том числе олигополистическое или монополистическое), тогда как для сетевой формы и распределённого капитализма внутренний признак – это рыночная свобода, а внешний – рыночная кооперация. Например, кластер, реализованный с помощью цифровых технологий, следует отнести к платформенному капитализму, несмотря на декларирование рыночных свобод. Заметим, что цифровая медицина и образование в настоящее время находятся на пике борьбы между двумя этими формами. Пока не ясно, какое именно преимущество будет предложено потребителю: свобода выбора и формирование собственной траектории обучения и поддержки здоровья или готовое универсальное платформенное решение, первоначальный выбор в котором ведёт к определённой траектории.

Различие между платформенностью и распределённостью подчёркивает значимость проектного подхода, особенно в части формирования проектного офиса. Проектные технологии для платформенных решений должны предопределить сценарий будущего развития и снизить риски. Проектный офис для платформ будет ориентирован на построение взаимодействия до начала практической деятельности, которое включает взаимные обязательства партнёров и сужает возможности дальнейшего выбора. Напротив, проектные технологии распределённой сети должны быть ориентированы на поиск текущего взаимодействия и координацию, расширяя возможности выбора в будущем. Таким образом, проектный офис служит хорошим индикатором предпочтений владельца бизнеса в части ориентации на задачи потребителя или на задачи бизнеса. Классический пример свободы выбора – образование. Если проектный офис регулирующего органа ориентирован на закрепление необходимого количества обучающихся и ограничение их свободы выбора, говорим о платформенной модели, а если проектный офис ориентирован на поиск взаимодействия с абитуриентом, можно говорить о распределённой модели.

Таким образом, ключевым признаком платформенного капитализма следует считать не столько реализацию цифровых платформ, сколько признаки проектирования рынков, прежде всего, «рынков соответствия» (в настоящее время самой свободной рыночной ниши) и организацию деятельности на этих рынках на основе платформ [5; 33]. Несмотря на красоту и изящность многих решений, следует учитывать, что платформы, сокращая издержки на координацию, закрывают возможность последующего принятия альтернативных координационных решений. Например, пользователь Booking не рассматривает альтернативные решения, тем самым подтверждая принцип удовлетворения, а не максимизации полезности. Следовательно, платформенный капитализм, построенный на принципах координации, не зависящих от потребителя (в нашем

примере на платформе Booking потребителями выступают и отели, и их гости⁴), приводит к агрессивной рыночной стратегии монополизации. Кроме того, различные форматы хранения данных и различные протоколы обмена данными на разных платформах в ближайшем будущем могут привести к «смещению языков» и исключить (из-за дороговизны) переход с одной платформы на другую. Эту ситуацию можно сравнить с эксплуатацией кофе-машины: компании-производители ограничивают выбор сортов кофе. Такая концепция выгодна владельцам кафе, в которых установлены кофе-машина, но ограничивает им (и потребителю) свободу выбора. То есть платформы не представляют собой принципиально новое явление в капиталистическом устройстве общества, но в цифровой экономике они начинают играть доминирующую роль.

При проектировании цифровых рынков возрастает значимость внутренних бизнес-процессов. Ввиду их прозрачности в «цифре» владельцам бизнеса становится труднее «зарабатывать» за счёт внутренних бизнес-процессов. Развитие концепций и внедрение стандартов управленческого учёта, контроллинга позволяют достоверно оценивать не только собственные издержки, но и издержки конкурента. В итоге совершенствование внутренних бизнес-процессов не приводит к появлению рыночного преимущества [24], зато даёт возможность максимально использовать типовые решения. Например, в современной экономической ситуации практически невозможно получить сверхприбыль за счёт уникальных решений по экономии на материальных издержках или экономии на оплате труда. В числе прочего, данная ситуация приводит к радикальному снижению роли операционного менеджмента. Всё внимание обращается на типовое, с точки зрения управления затратами, решение: стандартизация процессов и фиксация издержек во внутренней среде и перенос перспективных решений на внешнюю среду. Такой взгляд на развитие позволяет обосновать необходимость и рациональность применения платформ в современной экономике.

Для обоснования роли платформ в капиталистическом устройстве общества обратимся к классическому определению капитализма и его свойств и посмотрим, как цифровая реальность преобразует его отдельные элементы, так и в целом логику взаимодействия экономических субъектов. Основанное на классических положениях определение капитализма утверждает, что капитализм – это «форма организации общества, где преобладающая часть товаров и услуг производится на предприятиях, находящихся в частной собственности, нанимающих рабочую силу за денежное вознаграждение и реализующее свою продукцию на рынке» [2; 7; 8; 11; 12]. Важнейшим признаком капитализма выступает стремление экономических агентов, владеющих частной собственностью, к прибыли, распределяемой пропорционально капиталу, а не вложенному труду или понесённым материальным издержкам. Цифровые проявления экономических отношений не отвергают частную собственность, а только допол-

⁴ История Booking.com – системы онлайн-бронирования. [Электронный ресурс]. URL: <https://bbf.ru/magazine/23/5186/> (дата обращения 15.07.2018).

няют её государственной и обезличенной в форме коллективного владения. В цифровой экономике рабочая сила нанимается за денежное вознаграждение. Появилось большое количество криптовалют, и постепенно отдельные страны начинают признавать эти валюты. Однако финансовые эксперты более оптимистичны в использовании цифровых технологий в механизме фиатных валют, чем в ожидании полного соответствия криптовалют фиатным валютам. Как бы то ни было, появление криптокошельков становится стандартным явлением для программных продуктов, включая браузеры и поисковые системы (например, браузер Opera⁵), что позволит в дальнейшем облегчить монетизацию услуг в интернет-пространстве. Изменился и сам труд, стал более интеллектуальным, а физический труд всё сильнее подвержен автоматизации [14], растёт доля работников в околокомпьютерной сфере и т.д. С момента развития процессов реиндустриализации в развитых странах произошло смещение экономики в сектор оказания услуг (в отличие от преобладания товарного производства в период индустриализации) – и сейчас условия новой индустриализации не изменили этот расклад и экономические отношения коренным образом.

Продолжение сравнения показывает возможность выделения двух ключевых элементов, которые модернизируют классическое понимание капитализма: 1) перенос оказания услуг в новую среду – платформу, причём с максимально полным циклом, включая оплату; 2) изменение формы найма работников по оказанию услуг – через платформу, включая частичную занятость на ряде платформ, что приводит к существенной экономии стандартных издержек и росту производительности труда в связи сокращением непроизводительных потерь времени. Соответственно, платформенный капитализм можно определить как экономическую систему, в которой экономические агенты осуществляют владение и распоряжение собственностью на основе платформ, перенося процесс организации производства на исполнителя, дистанцируясь от непосредственного участия в процессе производства и получая ренту от накопленных платформой информационных данных и коммуникационных решений. Таким образом, основной источник прибыли, как и объект эксплуатации, становится информационным, а затем и информационно-коммуникационным. При этом платформы признаются популярными и признанными технологиями не в силу научно-технического прогресса, не в силу неотвратимости цифровизации, а как наиболее эффективное решение для вовлечения в бизнес-процесс информационно-коммуникационных отношений, позволяющих монетизировать эти отношения [16]. Платформа как организационное решение, включая организационные платформы, позволяет извлекать доход из коммуникационных отношений; цифровая платформа позволяет защитить собственность на информацию и возможности коммуникаций и сделать их фактором производства.

⁵ Opera Навстречу Web3.0. [Электронный ресурс]. URL: <https://forklog.com/navstrechu-web-3-0-opera-vstroila-ethereum-koshelek-v-brauzer-dlya-android/> (дата обращения 16.07.2018).

Именно посредством платформы можно использовать накопленные данные, обеспечивать взаимодействие между потребителями и производителями, формируя новую внешнюю среду – «цифровой рынок». При этом может наблюдаться достаточно интересная возможность и ситуация, когда монополистическая функциональная платформа может обеспечивать и защищать свободу рынка для своих потребителей (такой подход мы рассмотрим в исследовании распределённого капитализма). Платформы фиксируют радикальные изменения, связанные с преобладанием услуги над товаром: если товарное производство осуществлялось на предприятиях, то продажа и оказание услуг наиболее эффективно реализуется через платформы. Платформы фиксируют и новое свойство процесса управления в цифровом мире, когда управление связано не с двумя, а как минимум с шестью участниками: объект и субъект управления, их цифровые профили и распределённые базы данных. Сегодня только платформенные решения отвечают описанным особенностям цифрового менеджмента. И если платформа – это единственное решение, в рамках которого реализуются современные производственные отношения экономического кругооборота, то можно уверенно делать вывод о возникновении платформенного капитализма. Несмотря на известный скепсис ряда исследователей, платформы становятся новым витком эволюции экономического кругооборота и открывают новые возможности для развития отношений владения, финансирования, управления [13; 28] и применения результатов бизнес-процессов на платформенной основе [20; 30].

Следует отметить такой парадокс: несмотря на увлечённость институциональными теориями многих исследователей, их умении, сохраняя верность монетаристским подходам, видеть институты едва ли не в любом проявлении экономической жизни, они до сих пор не обратили внимания, что именно институциональная теория послужила теоретическим базисом платформенных решений.

Несмотря на прекрасную демонстрацию возможности построения иной модели экономического взаимодействия и регулирования, до сих пор значимость этого факта не оценена на уровне макроэкономического регулирования. Нет сомнения в том, что созидательное разрушение, во многом присущее цифровым платформам, требует переосмысления источников формирования дохода.

Таким образом, платформенный капитализм, как одна из конкретизаций общего наименования цифрового капитализма, требует углубленного понимания экономической сущности платформ. Кроме того следует отметить, что одновременно с термином «платформенный капитализм» появился термин «капитализм платформ», используемый как синоним цифрового капитализма, однако понимание того, что платформы являются всего лишь инструментом получения прибыли, позволяет считать, что последний термин не вполне корректен.

Для уточнения сущности платформенного капитализма следует уточнить, что входит в понятие «платформа». Мы опираемся на наше понимание орга-

низационной платформы как институционального инструмента упрощения взаимодействия в рыночной среде на основе решений, признанных участниками взаимодействия [4; 9]. В данной трактовке цифровая платформа – это инструмент не столько автоматизации бизнес-процессов, сколько цифровой трансформации отраслей⁶. Поэтому нам наиболее близко определение Массачусетского технологического университета [17; 29]: «цифровая платформа – это обеспеченная высокими технологиями бизнес-модель, которая создаёт стоимость, облегчая обмены между двумя или большим числом взаимозависимых групп участников»⁷. По своему техническому содержанию платформа – это система «алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счёт применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда»⁸.

Процесс цифровизации объединяет компании, фактически являющиеся платформами, и компании, дистанцированные от используемых в бизнесе платформ. В настоящее время большой успех сопутствует компаниям-платформам, однако можно говорить о независимости платформ как от разработчика и инициатора, так и от пользователя, что в перспективе приведёт к изменению моделей конкурентной борьбы на рынках. Существенную роль играют покупки и поглощения различных цифровых сервисов крупными компаниями, приводящие к сохранению пользователей при изменении владельцев сервиса. В любом случае платформы создают новую стоимость для своих владельцев [19]. Следует отметить, что, несмотря на неоспоримость утверждения о создании стоимости, более корректно было бы отразить и источник формирования этой стоимости, его первопричину, и ключевые рычаги.

Содержание цифровых платформ, их объективность обоснована несколькими факторами. Прежде всего, доверием участников рынка к данным платформ [25]. Для самой платформы как информационной системы достоверность данных не подлежит сомнению, но внешняя оценка позволяет говорить о достаточном уровне доверия к первичным данным, аккумулируемым в Big Data. Хранение и обособление данных позволяет обрабатывать их с помощью различных аналитических процедур.

Достоверность данных служит основой формирования специализированного взаимодействия, чаще всего парного. Доверие к данным позволяет участ-

⁶ Месропян В.Р. Цифровые платформы – новая рыночная власть. [Электронный ресурс]. URL: https://www.econ.msu.ru/science/News.20180417134253_6961/ (дата обращения 22.07.2018). Accenture. Five ways to win with digital platforms. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accenture.com/nl-en/insight-g20-yea-digital-platforms#block-hero> (дата обращения 19.07.2018).

⁷ Van Alstyne M., Parker G., Choudary S.P. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy // Harvard Business Review, April, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Pipelines%2C%20Platforms%2C%20and%20the%20New%20Rules%20of%20Strategy.pdf.pdf> (дата обращения 24.07.2018).

⁸ Для развития цифровой экономики сформированы определения платформ. АНО «Цифровая экономика». [Электронный ресурс]. URL: https://data-economy.ru/20180428_01 (дата обращения 10.06.2018).

никам этого взаимодействия получить некоторое равноправие по отношению к платформе. Например, традиционная модель взаимодействия «риелтор – покупатель» подразумевала, что у риелтора больше информации, чем у покупателя, что принесёт выгоду как клиенту, так и риелтору. В случае платформенного взаимодействия оба участника (риелтор и покупатель) оказываются потребителями одной и той же информации, что приводит к большему равенству на рынке и большей свободе рыночных отношений⁹.

Цифровые платформы, построенные на профессиональной основе, несут большие расходы на обеспечение безопасности, что увеличивает стоимость оказываемых ими услуг. Существенным ограничением безопасности могут стать форматы хранения данных и протоколы обмена. Несовпадение форматов и протоколов чревато угрозой утери информации. Вместе с тем ожидание единого протокола не оправданно, потому что после очередного «вечного» протокола или формата появляются новые, более совершенные решения. Таким образом, противоречие между открытостью информации и потребностью её защиты может привести как к потере, так и к созданию стоимости.

На наш взгляд, большую ценность в платформенные решения несут три фактора: монетизация информации и коммуникаций¹⁰, сокращение непроизводительных потерь, в том числе и за счёт государства, эффективность координации. Поэтому целесообразно говорить именно об этих факторах, а не в обобщённом виде о создании стоимости.

Для уточнения понятия и содержания цифровой платформы, с точки зрения экономических, предпринимательских и управленческих взглядов, следует выделить несколько типов платформ:

- открытые платформы, доступные всем участникам рынка, и корпоративные платформы, ориентированные на эффективность внутреннего взаимодействия. Из них о рыночной свободе и равноправии участников можно говорить только применительно к открытым платформам;
- платформы свободного доступа (условно свободного – с требованием бесплатной регистрации) и платформы монетизированные, т.е. извлекающие доход от предоставления доступа участникам;
- платформы, чья доходность обеспечена видами деятельности, не связанными с предметом обмена, и платформы, независимые от непрофильных доходов, включая благотворительность;
- одноранговые платформы (равных участников) и иерархические платформы, в которых, кроме иерархии потребителей, также выделяются институциональная среда, сама платформа и её пользователи. Нам представляется, что такие платформы не имеют перспективы на открытом рынке, так как изначально

⁹ Atlant Platform. In real Estate tokens representing shares in individual real estate assets. [Электронный ресурс]. URL: https://trade.atlant.io/?_ga=2.268927537.1500009821.1532352806-495455046.1532352806 (дата обращения 22.07.2018).

¹⁰ How to capitalize on your digital ecosystem. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/danielnewman/2017/07/05/how-to-capitalize-on-your-digital-ecosystem/#3a093f8c1c79> (дата обращения 12.07.2018).

но платформа должна содержать предмет обмена, за исключением платформ, построенных для общественных благ;

– платформы общепрофессиональные и специализированные по предмету обмена.

Априори платформа выступает интеграционным базисом, и предложенные типы платформ едины в подтверждении этого факта, но интеграционные свойства не могут быть получены только путём технических решений [15]: техническая составляющая в обязательном порядке должна быть дополнена организационной. В настоящее время многие платформенные решения (например, интернет-банки) стали «соглашением по умолчанию» [1], а не институциональным взаимодействием, когда на практике происходит подмена одного другим. Внешне это выглядит так, будто участники рынка исходят из мысли, что они достигают взаимодействия, на самом деле соглашаются на «умолчания», что в будущем может привести к дестабилизации таких платформ. Поэтому столь важна организационная составляющая платформ.

Систематизируя вышесказанное, мы предлагаем определение: цифровая платформа – это обеспеченная высокими технологиями, монетизированная бизнес-среда с чёткими установленными институциональными правилами, обеспечивающая свободное координационное взаимодействие участников рынка на условии равноправия продавцов и покупателей (производителей и потребителей) в интересах предмета обмена, определяющего содержание взаимодействия.

В настоящее время развитие платформ идёт по пути создания цифровых экосистем [21], предполагающих разработку специальной среды для реализации цифровых идей. Цифровая экосистема обеспечивает набор гибких услуг, способных быстро адаптироваться к постоянно меняющимся потребностям бизнеса¹¹, интегрируя автоматизацию технологических операций, отношения с потребителями и рост рынков [22; 23]. В этой связи ожидается экспоненциальный рост экономики, основанной на искусственном интеллекте¹². Например, за последнее десятилетие инвестиции в мобильность увеличились в 10 раз¹³.

Очевидно, что платформенный подход приведёт к экономической выгоде предпринимателя за счёт привлечения работника на конкретный объём работ и, соответственно, роста производительности труда. При такой форме найма сокращаются непроизводительные потери, которые традиционно несёт предприниматель, в т.ч. из-за простоев (включая внутрисменные) и неполной загрузки работников, а также благодаря экономии на социальном пакете, при этом, что социальная нагрузка перекладывается на государство (и бизнес всё

¹¹ Digital ecosystem. [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.g2crowd.com/blog/trends/digital-platforms/2018-dp/digital-ecosystem/> (дата обращения 18.07.2018).

¹² New normal exponential growth powered by AI. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accenture.com/lv-en/insight-new-normal-exponential-growth-powered-by-ai> (дата обращения 18.07.2018).

¹³ Competing in a world of digital ecosystems. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/competing-in-a-world-of-digital-ecosystems> (дата обращения 18.07.2018).

активнее извлекает из этого доход). Вероятным следствием описанных перемен может стать социальная дестабилизация, вызванная перегруженностью работника. Перегрузка обусловлена не столько стремлением заработать больше (как, например, одновременная регистрация водителя такси во многих системах), сколько неуверенностью в будущем, вынуждающей работника создавать резерв из опасений отсутствия работы. Кроме того, опыт коворкинга и коливинга свидетельствует о том, что для ряда профессий платформенное трудоустройство приводит к ликвидации профессионального общения с известными негативными последствиями.

Анализ ролей участников цифровой экономики приводит к выводу о формировании нового класса – цифровых рантье. С чем это связано? Как показывают результаты статистических исследований, популярность платформы приводит к быстрому насыщению клиентами, сменяющемуся устойчивым балансом на продолжительный период времени, когда количество пользователей стабилизировалось¹⁴. К этому моменту («эффекту плато») заинтересованность венчурных инвесторов начинает существенно снижаться, т.к. исчезает возможность извлечь сверхдоходность. Очевидно, что для статистического подтверждения данного тезиса следует учитывать модернизацию платформ, а также появление в платформах новых сервисов и функций, что приводит к новому притоку потребителей. Следует отметить, что чем сильнее специализирована платформа, тем меньше вероятность появления новых потребителей. В любом случае, рыночная власть платформ сохраняется, и появляется возможность стабильного извлечения цифровой или коммуникационной ренты при наличии эффективного механизма монетизации, т.к., подчеркнём ещё раз, в отличие от разрозненных данных и отдельных коммуникационных возможностей именно платформа даёт возможность монетизации использования накопленных массивов информации. Вполне очевидно, что могут быть построены платформы информационные (350 тыс. профессиональных терминалов Bloomberg¹⁵), коммуникационные (1,5 млрд активных пользователей WhatsApp¹⁶), информационные и коммуникационные (4,5 млрд запросов в день Google¹⁷) или же ещё и дополненные интегрированной системой платежей (10 млн платных аккаунтов Amazon¹⁸). Получение ренты от информации и каналов её распространения обеспечивает возможность построения инвестиционных отношений, подобных

¹⁴ Twitter: number of monthly active users 2010-2018. Number of monthly active Twitter users worldwide from 1st quarter 2010 to 1st quarter 2018 (in millions). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/282087/number-of-monthly-active-twitter-users/> (дата обращения 24.07.2018).

¹⁵ Профессиональные терминалы Bloomberg // Bloomberg. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bloomberg.com/professional/solution/bloomberg-terminal/?utm_source=bloomberg-menu&utm_medium=bcom&bbgsum=DG-WS-PROF-SOLU-TERMINAL-bbgmenu (дата обращения 24.07.2018).

¹⁶ Whatsapp. Будущее Whatsapp. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whatsapp.com/features/> (дата обращения 24.07.2018).

¹⁷ Google. Письмо инвесторам. [Электронный ресурс]. URL: <https://abc.xyz/investor/news/releases/2018/0427.html> (дата обращения 24.07.2018).

¹⁸ Amazon 5 стратегий запуска продукта на Amazon. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biznesnaamazone.ru/million-na-amazone-chast-5-strategiya-zapuska-produkta-na-amazon/> (дата обращения 24.07.2018).

отношениям рантье. Обычно предприниматель или венчурный инвестор хорошо представляют себе сущность бизнеса (как в традиционной экономике). Однако внутри платформы это правило перестаёт работать. Скажем, можно представить себе обобщённый алгоритм функционирования такси Uber, но в более сложных системах инвестор или операционный управляющий, который отвечает за работоспособность платформы, недостаточно точно представляет себе, каким образом та или иная платформа решает свои задачи (например, триггеры блокировки банковских карт). Именно эта отстранённость позволяет сделать вывод о том, что для доходного финансирования платформ более привлекательны модели цифрового рантье нежели акционерного капитала, что, кстати, подтверждается решениями отдельных компаний. Например, «Мегафон» заявил о выходе с акционерного рынка капитала при построении собственной цифровой экосистемы в связи с тем, что проводимые изменения могут негативно отразиться на показателе операционного дохода OIBDA, потребовать дополнительных средств для реализации новой стратегии и пересмотра предыдущей дивидендной политики¹⁹.

Если Дж. Кейнс считал рантье «бесфункциональным инвестором», чья роль ограничена использованием ценности дефицита, то в современной экономике арендодатели, теперь уже цифровые арендодатели, становятся бенефициарами доходов²⁰. Цифровой рантье – это принципиально новое явление, последствия которого потребуют достаточно длительного изучения. С точки зрения экономических отношений, рантье – это лицо, получающее основной доход от переданных в ссуду денег или в виде процентов от ценных бумаг и не осуществляющее деловой активности в некотором сегменте бизнеса. В широком смысле «рантье» подразумевает человека, инвестировавшего собственный капитал в виде денежной наличности в объекты, приносящие стабильный доход (например, востребованная недвижимость). Исходя из вышесказанного, цифровой рантье – это лицо, получающее основной доход от вложений в объекты цифровой экономики – платформы, ранее монетизировавшие полезность представленного функционала и данных. Платформы, ещё не подтвердившие собственную полезность²¹ или не достигшие «эффекта плато», сохраняются в поле интересов венчурного предпринимателя. Возможно появление коллективного рантье как модели поведения институциональных инвесторов.

Использование модели цифрового рантье приведёт, с одной стороны, к усилению неравенства в распределении доходов между участниками цифровой экономики. С другой стороны, будет происходить концентрация капита-

¹⁹ Мегафон уходит с Лондонской биржи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-07-16_megafon_uhodit_s_londonskoj_birzhi (дата обращения 20.07.2018).

²⁰ Five lies rentier capitalism. URL: <https://www.socialeurope.eu/five-lies-rentier-capitalism> (дата обращения 20.07.2018); Who are you calling a rentier. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/buttonwoods-notebook/2014/05/07/who-are-you-calling-a-rentier> (дата обращения 20.07.2018).

²¹ Эфириум. Как лучше всего получать доход с криптовалют? [Электронный ресурс]. URL: <https://1ethereum.ru/kak-luchshe-vsego-poluchat-dohod-s-kriptovalyut/> (дата обращения 10.07.2018).

ла в выбранном сегменте платформенного рынка в силу его инвестиционной привлекательности. Модели цифрового рантье в соединении с хеджированием позиций и использованием криптовалют способны к генерации дополнительной прибыли. В настоящее время ожидания роста курсовой стоимости многих криптовалют усилят привлекательность инвестирования в проекты с цифровыми технологиями²².

Ограниченность контроля над ходом бизнеса приведёт к тому, что ожидаемая норма доходности от цифровых платформенных вложений окажется существенно выше для рантье, чем для акционера. При этом будет происходить отказ от акционерного владения платформами, т.к. на практике акционер не оказывает влияние на работу цифровой платформы. В итоге акционер окажется в менее выгодной ситуации, чем цифровой рантье.

В заключение обратим внимание на вопросы государственного регулирования цифрового капитализма. Одним из наиболее актуальных представляется круг вопросов, связанных с налогообложением, включая выделение и идентификацию объекта налогообложения. Цифровая экономика способна разрушить фискальную и контрольную функции налогов, а идеи облагать налогом внутренние транзакции пока недостаточно проработаны²³. Возникает ключевой вопрос: кто должен нести основное бремя налога? Управляющий платформой как организатор деятельности, цифровой рантье как основной получатель дохода или потребители функционала платформ? Привлекательна идея обложить налогом движение денежных средств, т.е. денежный поток, направленный к платформам. Но налоговой системе неясно, выступает ли потребитель платформенной услуги конечным потребителем или перепродавцом, посредником и т.д. Владельцы цифрового бизнеса уделяют серьёзное внимание налоговым рискам²⁴. Очевидно, что вопрос легко решается внутри платформы, однако подлежит сомнению, что платформы предоставят подобные сведения налоговым органам.

По нашему мнению, если ставить задачу не просто взыскания налогов, но и регулирования цифровых платформ на период их становления и с учётом их рыночной власти, нужно облагать налогом не транзакции, а платформы, аналогично имущественным налогам, что уравнило бы условия работы четырёх наиболее распространённых моделей цифрового бизнеса²⁵. Представляется целесообразным объявить налоговые каникулы для пользователей платформ, что привело бы к легализации работающих на платформе путём возврата подо-

²² Grayscale Digital Asset Investment Report. H1 2018. July 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://grayscale.co/digital-asset-investment-report/> (дата обращения 24.08.2018 г.).

²³ Козырев А.Н. Стоимость и налогообложение в цифровой экономике. Доклад на Учёном совете ЦЭМИ РАН. [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/semi-ras/стоимость-и-налогообложение-в-цифровой-экономике-5be4bdc6eec1> (дата обращения 22.07.2018).

²⁴ Бурилов В. Обзор налоговых рисков цифрового бизнеса // O2 Consulting [Электронный ресурс]. URL: <http://o2consult.com/articles/article-by-vlad-burilov/> (дата обращения 22.07.2018).

²⁵ Воловик Е. Цифровой налог // Финансовая газета. 19.02.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fingazeta.ru/opinion/konsultatsii/446921/> (дата обращения 22.07.2018).

ходного налога, но только для платформ, легализовавших свою деятельность и заплативших налоги. Следуя этой логике, для цифровых рантье целесообразно ввести повышенную ставку, позволяющую регулировать получение сверхприбыли. Очевидно, что если государство примет меры по недопущению рыночной власти платформ, то владельцам платформ придётся искать пути сотрудничества и кооперации для извлечения стабильной прибыли. В противном случае цифровые рантье будут извлекать сверхприбыль, внося только часть средств на осуществление бизнеса и социальную ответственность по сравнению с традиционным бизнесом.

Список литературы:

1. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 296 с.
2. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал: пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. М.: Изд. дом. гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. – 608 с.
4. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Об индикаторах перехода к новому укладу на уровне организационных платформ предприятий / Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: сборник тезисов докладов и выступлений X Международной конференции. М.: Международный фонд Н. Д. Кондратьева, 2017. Сс. 188-190.
5. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Перспективность использования методологии дизайна рынков соответствия в деятельности национальных проектных офисов (на примере кластерных проектов) // Друкеровский вестник. 2016. №4. С. 65–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2016-4-65-74>.
6. Лугачев М.И. Дидактические аспекты «информационного капитализма» // Вестник кибернетики. 2016. № 2. Сс. 170-174.
7. Маркс К. Капитал / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы. 1955 – 1974. – Т. 23.
8. Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004. 274 с.
9. Степнов И.М. Особенности функционирования организационных платформ в условиях когнитивных рисков восприятия понижающей волны экономического цикла / XXIV Кондратьевские чтения «Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений»: сборник тезисов докладов и выступлений участников конференции. М.: Международный фонд им. Н.Д. Кондратьева, Институт экономики РАН. – 2016. Сс. 187-189.
10. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
11. Фридман М. Капитализм и свобода: пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
12. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
13. Bloom N., Brynjolfsson E., Foster L., Jarmin R., Patnaik M., Saporta-Eksten I. and Van Reenen J. What Drives Differences in Management? // IZA Discussion Paper. No. 10724. Pp. 4-27.
14. Brynjolfsson E., Mitchell T., Rock D. What Can Machines Learn and What Does It Mean for Occupations and the Economy? // AEA Papers and Proceedings 2018. No. 108. Pp. 43–47. DOI: <https://doi.org/10.1257/pandp.20181019>.
15. Chase R. Peers Inc: how people and platforms are inventing the collaborative economy and reinventing capitalism. New York: PublicAffairs, 2015. 290 p.
16. Constantinides P., Henfridsson O, Parkerb G. Platforms and Infrastructures in the Digital Age // Information Systems Research. 2018. Vol. 29. No. 2. Pp. 381–400. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.2018.0794>.
17. Ghasemkhani H., Soule D., Westerman G.F. Competitive Advantage in a Digital World: Toward an Information-Based View of the Firm // MIT Initiative on the Digital Economy, Working Paper. May 2014. Pp. 1-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2698775>.
18. Haeringer G. Market Design: Auctions and Matching. The MIT Press, 2018. 392 p.

19. Kim J. Platform Business and Network Strategy // STI Policy Review. 2014. No. 5(1). Pp. 57-74.
20. Langley P., Leyshon A. Platform capitalism: the intermediation and capitalization of digital economic circulation // Finance and Society. 2017. Vol. 3. No. 1. Pp. 11-31. DOI: 10.2218/finsoc.v3i1.1936.
21. Parker G., Van Alstyne M., Jiang X. Platform Ecosystems: How Developers Invert the Firm // MIS Quarterly. 2017. Vol. 41, No. 1. Pp. 255-266.
22. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. W. W. Norton, New York, 2016. 352 p.
23. Piscicelli L., Ludden G., Cooper T. What makes a sustainable business model successful? An empirical comparison of two peer-to-peer goods-sharing platforms // Journal of cleaner production. 2018. Vol. 172. Pp. 4580–4591.
24. Prahalad C.K., Ramaswamy V. The Future of Competition: Co-creating Unique Value with Customers. Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 2004. 272 p.
25. Rolland K., Mathiassen L., Rai A. Managing Digital Platforms in User Organizations: The Interactions Between Digital Options and Digital Debt // Information Systems Research. May 2018. Pp. 419-443. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.2018.0788>.
26. Roth A. Who Gets What – and Why: The New Economics of Matchmaking and Market Design. Eamon Dolan/Houghton Mifflin Harcourt, 2014. 272 p.
27. Schiller D. Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. 294 p.
28. Shailesh Shivakumar Enterprise content and search management for building digital platforms. Hoboken: Wiley-IEEE Press, 2016. 483 p.
29. Soule D.L., Carrier N., Bonnet D., Westerman G.F. Organizing for a Digital Future: Opportunities and Challenges // MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting, Working Paper. October 10, 2014. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2698379>. 22 p.
30. Soule D., Westerman G. Fostering a digital organization: building sustainable digital advantage in traditional companies // MIT IDE Research Brief. 2016. Vol. 08. Pp. 1-4.
31. Srnicek N. Platform Capitalism. Nick. Polity Press Publication. 2017. 96 p.
32. Srnicek N. The challenges of platform capitalism: Understanding the logic of a new business model // Juncture: public, policy research. 2016. Vol. 23, Issue 4. Pp. 254–257.
33. Stepnov I., Kovalchuk J. About the Issue of Decision Making Irrationality in the Activity of the National Industrial Modernization Design Office // Indian Journal of Science and Technology. November 2016. Vol 9(42). Pp. 687-695. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i42/104265.
34. Sundararajan A. The Sharing Economy. The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. The MIT Press, 2017. 256 p.

Об авторах:

Игорь Михайлович Степнов – д.э.н., профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский проспект, 49; главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47.
E-mail: stepnoff@inbox.ru.

Юлия Александровна Ковальчук – д.э.н., профессор Московского авиационного института (национальный исследовательский университет), 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4; главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47.
E-mail: fm-science@inbox.ru.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10149) в Институте проблем рынка Российской академии наук.

PLATFORM CAPITALISM AS THE SOURCE OF DIGITAL RENTIER'S SUPERPROFIT

I.M. Stepnov, J.A. Kovalchuk
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-107-124

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow Aviation Institute (National Research University)
Market Economy Institute, Russian Academy of Sciences

The need for a critical understanding of digitalization in the modern economic structure led to the research relevance. The author's hypothesis about the predominance of platform capitalism in modern economic relations based on K. Marx's theory is formulated. The authors believe that the «digital economy» concept does not reflect the essence of the processes in terms of the theory of capitalist development, economic interaction, the dilemma solution of coordination and competition in the economy. Significant indications of the modern economy identification are the platforming and distributing, revealing not technical solutions, but features of economic interaction and priority of management decisions. The distributing is focused on the advantages of the Small Data digital economy, based on the market freedom, market relations and independence of market agents; the platforming characterizes the possibilities of digitalization to reduce transaction costs and monetization of communication relations. The key indication of platform capitalism is the markets design («design of matching markets» by A. Roth) that operate on the basis of digital platforms and provide communication and interaction of market participants. The key elements that modernize the classical understanding of capitalism are identified: 1) the transfer of services to a new sphere – the platform, with the max complete cycle, including payment; 2) the change in the form of hiring workers to provide services – through the platform, including part-time employment; 3) the main source of profit, as well as the object of the operation, becomes information, and then info-communication. An original approach to the identification of platform capitalism as an economic system in which economic agents carry out property ownership on the platforms basis, transferring the organizing process to the contractor, distancing themselves from direct participation in the process and receiving rent from the accumulated by the platform information data and communication solutions is proposed. The possibility of rent from information and channels of its distribution analysis allowed to identify the subject of investment relations – the digital rentier, which receives the main income from investments in the objects of the digital economy – platforms, which have already monetized the usefulness of the presented functionality and data. The authors proved that the limitations of the ability to business control should lead to the fact that the expected return rate from the digital platform's investments of the rentier should be significantly higher than for the shareholder. The article is debatable, the provisions and conclusions require further research.

Key words: platform capitalism, digital rentier, digital platform, market power of digital platforms, project management of digital economy.

References

1. Arieli D. *Predskazuemaya irracional'nost'* [Predictable irrationality Predictable irrationality]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2010. 296 p. (In Russian)

2. Gorc A. *Nematerial'noe. Znanie, stoi-most' i kapital* [Intangible. Knowledge, value and capital]. Moscow, Publishing house Higher School of Economics, 2010. 208 p. (In Russian)
3. Castells M. *Informacionnaya ehpo-ha: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information age: economy, society and culture]. Moscow, Publishing house Higher School of Economics, 2001. 608 p. (In Russian)
4. Kovalchuk J., Stepnov I. Ob indikatorah perekhoda k novomu ukladu na urovne organizacionnyh platform predpriyatij. *Proceedings of the X International conference «N.D. Kondratiev's scientific heritage and modernity»*. Moscow, N. Kondratiev's International Fund, 2017. Pp. 188-190. (In Russian)
5. Kovalchuk J., Stepnov I. Perspektivnost' ispol'zovaniya metodologii diza-jna rynkov sootvetstviya v deyatelnosti nacional'nyh proektnykh ofisov (na primere klasternykh proektov) [The prospect of using the design of matching markets methodology in the activities of the national project offices (for example to cluster projects)]. *Drukerovskij vest-nik*, 2016, No. 4, pp. 65-74. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2016-4-65-74>. (In Russian)
6. Lugachev M. Didakticheskie aspekty «informacionnogo kapitalizma» [Didactic aspects of "information capitalism"]. *Journal of Cybernetics*, 2016, No. 2, pp. 170-174. (In Russian)
7. Marks K. Kapital [Capital]/ In: Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955-1974, vol. 23. (In Russian)
8. Men'shikov S.M. *Anatomiya rossijskogo kapitalizma* [Anatomy of Russian capitalism]. Moscow, Mezhdunarodnye ot-nosheniya, 2004. 274 p. (In Russian)
9. Stepnov I. Osobennosti funkcionirovaniya organizacionnyh platform v usloviyah kognitivnykh riskov vospriyatija ponizhatel'noj volny ehkonomicheskogo cikla [Features of organizational plat-forms functioning in the conditions of cognitive risks from the perception of a downward wave of an economic cycle]. *Proceedings of the XXIV Kondratiev readings «Socio-economic problems of modernity: search for interdisciplinary solutions»*. Moscow, N. Kondratiev's International Fund, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 187-189. (In Russian)
10. Webster F. *Teorii informacionnogo ob-shchestva* [Theories of the information society]. Moscow, Aspect Press, 2004. 400 p. (In Russian)
11. Fridman M. *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006. 240 p. (In Russian)
12. Shumpeter J.A. *Kapitalizm, socializm i demokratiya* [Capitalism, socialism and democracy]. Moscow, Ekonomika, 1995. 540 p. (In Russian)
13. Bloom N., Brynjolfsson E., Foster L., Jarmin R., Patnaik M., Saporta-Eksten I. and Van Reenen J. What Drives Differences in Management? *IZA Discussion Paper*, No. 10724, pp. 4-27.
14. Brynjolfsson E., Mitchell T., Rock D. What Can Machines Learn and What Does It Mean for Occupations and the Economy? *AEA Papers and Proceedings*, 2018, No. 108, pp. 43-47. DOI: <https://doi.org/10.1257/pandp.20181019>.
15. Chase R. *Peers Inc: how people and platforms are inventing the collaborative economy and reinventing capitalism*. New York: PublicAffairs, 2015. 290 p.
16. Constantinides P., Henfridsson O, Parkerb G. Platforms and Infrastructures in the Digital Age. *Information Systems Research*. 2018, vol. 29, No. 2, pp. 381-400. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.2018.0794>.
17. Ghasemkhani H., Soule D., Westerman G.F. Competitive Advantage in a Digital World: Toward an Information-Based View of the Firm. *MIT Initiative on the Digital Economy, Working Paper*. May 2014, pp. 1-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2698775>.
18. Haeringer G. *Market Design: Auctions and Matching*. The MIT Press, 2018. 392 p.
19. Kim J. Platform Business and Network Strategy. *STI Policy Review*, 2014, No. 5(1), pp. 57-74.
20. Langley P., Leyshon A. Platform capitalism: the intermediation and capitaliza-

- tion of digital economic circulation. *Finance and Society*. 2017, vol. 3, No. 1, pp. 11-31. DOI: 10.2218/finsoc.v3i1.1936.
21. Parker G., Van Alstyne M., Jiang X. Platform Ecosystems: How Developers Invert the Firm. *MIS Quarterly*. 2017, Vol. 41, No. 1, pp. 255-266.
 22. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. W. W. Norton, New York, 2016. 352 p.
 23. Piscicelli L., Ludden G., Cooper T. What makes a sustainable business model successful? An empirical comparison of two peer-to-peer goods-sharing platforms. *Journal of cleaner production*. 2018, vol. 172, pp. 4580-4591.
 24. Prahalad C.K., Ramaswamy V. *The Future of Competition: Co-creating Unique Value with Customers*. Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 2004. 272 p.
 25. Rolland K., Mathiassen L., Rai A. Managing Digital Platforms in User Organizations: The Interactions Between Digital Options and Digital Debt. *Information Systems Research*. May 2018, pp. 419-443. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.2018.0788>.
 26. Roth A. *Who Gets What – and Why: The New Economics of Matchmaking and Market Design*. Eamon Dolan/Houghton Mifflin Harcourt, 2014. 272 p.
 27. Schiller D. *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. 294 p.
 28. Shailesh Shivakumar *Enterprise content and search management for building digital platforms*. Hoboken: Wiley-IEEE Press, 2016. 483 p.
 29. Soule D.L., Carrier N., Bonnet D., Westerman G.F. Organizing for a Digital Future: Opportunities and Challenges. *MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting, Working Paper*. October 10, 2014. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2698379>. 22 p.
 30. Soule D., Westerman G. Fostering a digital organization: building sustainable digital advantage in traditional companies. *MIT IDE Research Brief*. 2016, Vol. 08, pp. 1-4.
 31. Srnicek N. *Platform Capitalism*. Nick. Polity Press Publication. 2017. 96 p.
 32. Srnicek N. The challenges of platform capitalism: Understanding the logic of a new business model. *Juncture: public, policy research*. 2016, vol. 23, Issue 4, pp. 254-257.
 33. Stepnov I., Kovalchuk J. About the Issue of Decision Making Irrationality in the Activity of the National Industrial Modernization Design Office. *Indian Journal of Science and Technology*. Vol 9(42), pp. 687-695. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i42/104265, November 2016.
 34. Sundararajan A. *The Sharing Economy. The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism*. The MIT Press. 2017. 256 p.

About the authors:

Igor M. Stepnov – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49; Research associate, Market Economy Institute, Russian Academy of Sciences, 117418, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 47. E-mail: stepnoff@inbox.ru.

Julia A. Kovalchuk – Doctor of Economics, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), 125993, Moscow, Volokolamskoe shosse, 4; Research associate, Market Economy Institute, Russian Academy of Sciences, 117418, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 47. E-mail: fm-science@inbox.ru.

The research was performed by a grant of Russian Science Foundation (project No. 16-18-10149) in Market Economy Institute, Russian Academy of Sciences.

«СОВЕСТЬ МИРА» ИЛИ «ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ»? К ГОДОВЩИНАМ ЭВИАНСКОЙ И БЕРМУДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЙ

Д.В. Иванов, А.В. Крылов, В.М. Морозов, В.О. Печатнов, С.А. Скляр, Е.О. Шебалина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья представляет собой основанный на новой научной литературе и архивных документах обширный анализ аспектов, связанных с Эвианской и Бермудской конференциями, среди которых фактор широко распространённого в Европе антисемитизма, продемонстрированного на примере ситуации с еврейскими мигрантами в Польше по документам полпредства СССР от 1923 г.; фактор сионизма, который привёл к разобщению еврейских организаций и даже к сотрудничеству некоторых из них с нацистами, а также международный нормативно-институциональный контекст проблемы беженцев в период работы двух конференций. Отдельно выделяется в целом положительная, но во многом ограниченная роль Ф. Рузвельта в деле спасения европейских евреев. Рузвельт и его ближайшее окружение не были горячими защитниками жертв Холокоста, но не были и безучастными свидетелями трагедии, сделав для еврейских иммигрантов больше, чем правительства других западных стран. Доказывается, что антисемитизм, сионизм и слабость международно-правовой базы оказались непреодолимыми препятствиями для решения проблемы еврейских беженцев. В частности, опровергается распространённое мнение о том, что лидеров еврейских организаций не допустили к участию в указанных выше конференциях. В действительности, занявшее лидирующие позиции в еврейских общинах мира сионистское движение проигнорировало эти конференции, посчитав их вредными в связи с тем, что Англия упорно отказывалась отменять Белую книгу от 1936 г., которая резко ограничивала еврейскую иммиграцию в Палестину. Лидеры сионистского движения оказывали помощь только тем беженцам, которые соглашались поселиться в Палестине.

Ключевые слова: беженцы в международном праве, проблема еврейских беженцев, Холокост, Лига Наций, вынужденная миграция, Эвианская конференция 1938 г., Бермудская конференция 1943 г., Рузвельт, международный сионизм, нацизм

УДК 93/94, 341.215.4

Поступила в редакцию 25.07.2018 г.

Принята к публикации 16.08.2018 г.

Текущий год полон памятных дат для современной истории еврейского народа. Это и радостные юбилеи – 70 лет назад в апреле первый израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион зачитал в Тель-Авиве Декларацию независимости еврейского государства. Но это и годовщины печальных событий, которые следует помнить, чтобы они не повторились. 80 и 75 лет назад состоялись две международные конференции о судьбе европейских беженцев, о которых сегодня предпочитают не вспоминать. С целью проанализировать и обсудить результаты двух конференций в июне 2018 г. на базе Еврейского музея и центра толерантности в Москве состоялась научная конференция «Закрытые границы. Очерки дипломатической истории 1938-1943». Организаторами конференции стали Правительство Москвы, МГИМО МИД России, Федерация еврейских общин России, Еврейский музей и Центр толерантности. В ходе мероприятия эксперты раскрыли нормативно-институциональный контекст, идеологические и политические факторы, повлиявшие на работу конференций.

Эвианская конференция 1938 г.

В июле 1938 г. по предложению президента США представители 33-х стран (СССР, Чехословакия, Польша, Германия и Италия не были приглашены) собрались на конференцию для обсуждения проблем европейских беженцев, в том числе евреев. Конференция проходила во французском курортном городе Эвиан-ле-Бен.

Еврейский мир воспринял созыв конференции с надеждой и дал ей первоначально название «Конференция совести мира». На момент проведения конференции речь шла о спасении приблизительно 650 тыс. еврейских беженцев из Германии, Австрии и Чехословакии. Из 523 тыс. евреев, живших в Германии к моменту прихода к власти Гитлера, до начала Второй мировой войны сумело эмигрировать около 240 тыс. Из 200 тыс. евреев Австрии после аншлюса уехало 117 тыс.; из 354 тыс. евреев Чехословакии – не более 60 тыс. чел.

В предложении президента США речь шла о «политических беженцах», тем самым подчёркивалось, что проблема предоставления убежища не относится конкретно к той или иной этнической группе [31, р. 53]. Данное обстоятельство наложило определённый отпечаток на работу Эвианской конференции. П. Бартроп отмечал: «в то время как все предполагали, что конференция будет посвящена исключительно лицам еврейского происхождения, уже с самого начала риторика способствовала неправильному истолкованию ситуации» [19, р. 16]. Складывающаяся в Европе ситуация требовала расширения сотрудничества для защиты беженцев из Германии и оккупированных ею стран.

Инициативу президента США поддержала Великобритания при условии, что рассматриваемое предложение не должно препятствовать деятельности Верховного комиссара по делам беженцев, прибывающих из Германии. К Великобритании присоединились её доминионы. На конференцию, однако, не были

приглашены представители Польши, Румынии, Венгрии и СССР – стран с большим количеством еврейского населения. Официальная причина заключалась в том, что эти государства «не рассматривались как принимающие страны», особенно с учётом того, что первые три государства негласно поддерживали политику антисемитизма. Несмотря на это, представляется возможным утверждать, что основной причиной неучастия перечисленных стран могло стать общее нежелание участников конференции расширять повестку дня её заседаний.

При этом, в конференции не приняли участия представители международных межправительственных и неправительственных организаций, оказывавших помощь беженцам, в том числе и еврейской национальности. Исключением стало участие в работе конференции Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев. Кроме того, важно указать и на то обстоятельство, что руководители делегаций США (М.Ч. Тэйлор), Франции (Г. Бережер), Великобритании (Э. Турноу, лорд Винтертон) никогда ранее не занимались вопросами миграции.

Основную повестку конференции (официально она называлась «*Межправительственный комитет по делам беженцев из Германии (включая Австрию) – Intergovernmental Committee on Refugees from Germany (including Austria)*») составили следующие вопросы. Во-первых, предлагалось обсудить основные шаги, которые могли бы способствовать разрешению проблемы политических беженцев из Германии, включая Австрию. Во-вторых, был поставлен вопрос о том, что необходимо изменить в рамках действующего миграционного законодательства стран, принимающих беженцев, для разрешения наиболее острых проблем. В-третьих, предлагалось разработать единую систему документов, удостоверяющих личность беженцев. В-четвёртых, обсудить возможность создания постоянно действующего и эффективного органа, который мог бы продолжить работу в направлении, заданном на предстоящей конференции. В-пятых, предлагалось подготовить и принять резолюцию, содержащую рекомендации по остальным пунктам повестки дня конференции.

Открытие конференции состоялось 6 июля 1938 г. Весьма интересно отметить, что в день начала конференции прошли переговоры посла Великобритании Н. Хендерсона с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом по вопросу, готова ли Германия сотрудничать с государствами-участниками Эвианской конференции для поиска решения проблемы беженцев. Министр ответил категорическим отказом, заявив, что всё происходящее с евреями в Германии является исключительно её внутренним делом и не представляет предмета для дискуссии [19, р. 52]. Эти слова стали прологом к изложенным на Эвианской конференции официальным позициям государств и эпитафией к основным её результатам.

Во вступительном слове главы американской делегации содержался призыв к либерализации миграционного законодательства, а также указывалось, что в результате изменения законодательства США готовы ежегодно принимать 27 370 беженцев по единой квоте для Германии. При этом М.Ч. Тэйлор, как спра-

ведливо указывает С. Фридман, ни разу не упомянул евреев в своем выступлении [31, р. 59]. Важно отметить и тот факт, что общее количество беженцев из Германии, принятых в США в 1938 г. составило лишь 17 868 чел., а сама квота полностью никогда не была исчерпана за оставшиеся годы правления нацистского режима в Германии.

Позиция Великобритании сводилась к тому, что она не может принять значительное число беженцев в силу сложной экономической обстановки.

Франция на конференции подтвердила невозможность принять значительное число беженцев, мотивируя ограниченность своих возможностей тем, что с момента окончания Первой мировой войны страна предоставила убежище трём миллионам беженцев.

Таковы были позиции основных участников конференции, однако, схожая мотивация отказа от принятия беженцев встречается и в заявлениях глав делегаций других стран. Так, Бельгия, как отмечают западные исследователи, заняла позицию «поживём – увидим» [19, р. 58], при этом также ссылаясь на то, что бремя разрешения проблемы должно быть возложено на все государства. Схожую позицию заняли делегации Дании, Швеции и других европейских стран.

Особое место в работе Эвианской конференции заняли выступления представителей латиноамериканских стран, которые составляли большинство её участников. Наиболее крупные страны – Бразилия и Аргентина, заявили, что готовы принимать беженцев, но исключительно в рамках действующих квот. Особенно выделялись аргументы в отношении позиции Аргентины, которые затем привели и другие латиноамериканские государства. Речь шла о том, что страны региона являются в первую очередь аграрными странами и создание дополнительной конкуренции на рынке рабочей силы за счёт беженцев может нанести серьёзный ущерб сельскому хозяйству. Таким образом, латиноамериканские страны (Колумбия, Перу, Эквадор и др.) поддержали в первую очередь иммиграцию высококвалифицированных специалистов, которые могли способствовать росту экономики. Единственной страной Латинской Америки, выступившей за увеличение квоты, стала Доминиканская Республика. Спустя месяц после конференции (12 августа 1938 г.) она объявила о готовности принять 100 тыс. беженцев.

Британские доминионы – Канада, Австралия и Новая Зеландия – выступили, как и абсолютное большинство участников конференции, в поддержку инициативы США, однако, отметили невозможность расширения квот для беженцев. Схожую позицию заняла и Ирландия, отметив, что экономическая обстановка в стране не способствует притоку значительного числа новых беженцев.

Результатом работы Эвианской конференции стало учреждение Межправительственного комитета по делам беженцев (МКБ), первое заседание которого прошло 3 августа 1938 г. Под мандат этой организации подпадали: а) «лица,

которые ещё не покинули страну своего происхождения (т.е. Германию и Австрию), однако которые вынуждены эмигрировать по причине своих политических убеждений, вероисповедания и расового происхождения»; б) «лица..., которые уже покинули страну своего происхождения или ещё не обосновались постоянно в иных местах». Его мандат распространялся на все категории беженцев. В 1947 г. МКБ был реорганизован в Международную организацию по делам беженцев (МОБ).

К основному достижению Эвианской конференции следует отнести разработку и принятие определения понятия «беженец» для целей международно-правового регулирования. Согласно итоговой резолюции беженцем признавалось «лицо, которое ещё не покинуло страну своего происхождения», но «которое будет вынуждено иммигрировать по причине своих политических или религиозных убеждений, а также расовой принадлежности». Кроме того, к категории беженцев были отнесены те лица, которые уже покинули страну своего происхождения, но ещё не получили постоянного места жительства в какой-либо стране.

Эвианская конференция подтвердила нежелание государств кардинально пересматривать национальное законодательство по вопросу предоставления убежища.

В Берлин из Эвиана была отправлена телеграмма, в которой, среди прочего, говорилось следующее: ни одна из 32-х стран не оспаривает «право германского правительства на законодательные меры в отношении некоторых своих граждан».

Подавляющее большинство историков полагают, что безразличие и равнодушие лиц, наделенных властью, фактически дали зелёный свет кампании по уничтожению евреев в нацистской Германии¹. Этот факт признавал сам А. Гитлер: «Я мог только надеяться и ожидать, что другой мир, который испытывает такое глубокое сочувствие к этим преступникам (евреям), будет, по крайней мере, достаточно щедрым, чтобы превратить это сочувствие в практическую помощь. Мы, со своей стороны, готовы предоставить всех этих преступников в распоряжение этих стран, всех, кому это надо, даже на роскошных судах» [35, р. 137]. Когда Гитлеру доложили о результатах Эвианской конференции он не без сарказма отметил: «теперь с евреями можно обращаться как угодно, они никому не нужны» [22, р. 2].

¹ Гутман И, Шацкер Х. Катастрофа и ее значение. Иерусалим: «Библиотека Алия», 1990; Ионкис Г. О сообщниках и соучастниках Холокоста [Электронный ресурс] // «Лехаим» - ежемесячный литературно-публицистический журнал и издательство. URL: <https://lechain.ru/ARHIV/212/ionkis.htm>; Birnbaum E. Evian: The Most Fateful Conference of all Times in Jewish History. Part II // «Nativ». A Journal of Politics and the Arts. Sha'arei-Tikva: Ariel Center for Policy Research. February 2009. Fischel J. The Holocaust. Westport, Connecticut, US: Greenwood, 1998; Friedlander S. Nazi Germany and the Jews. Vol. 1: The Years of Persecution 1933–1939. New York: Perennial, 1998; Gilbert M. The Holocaust: The Jewish Tragedy. London: Collins, 1986; Dawidowicz L. The War Against the Jews: 1933–1945. London: Bantam, 1986; Laffer D.R. The Jewish Trail of Tears. The Evian Conference of 1938. University of South Florida, 2011; Perl W.R. Operation Action: Rescue from the Holocaust. New York: F. Ungar Pub. Co., 1983; Reinisch J. History matters... but which one? Every refugee crisis has a context [Электронный ресурс] // Web resource: History and Policy. URL: <http://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/history-matters-but-which-one-every-refugee-crisis-has-a-context> (дата обращения: 15.06.2018.).

Известный американский дипломат и сенатор У. Мондэйл отмечал: «На кон в Эвиане были поставлены человеческие жизни, и порядочность, и самоуважение цивилизованного мира. Если бы каждое государство, представленное в Эвиане, согласилось в тот день принять 17 000 евреев, все евреи в Третьего рейха были бы спасены»².

Бермудская конференция 1943 г.

Надежда на разрешение вопроса забрезжила в 1943 г., когда по инициативе США и Великобритании на Бермудских островах была созвана новая конференция. Её целью стало рассмотрение проблемы беженцев военного времени. Но была и истинная причина созыва конференции – бедственное положение евреев на территориях, оккупированных нацистской Германией, и поиск путей для спасения европейского еврейства. К концу 1942 г. подтвердилось, что нацисты намеревались уничтожить всех европейских евреев. Стало известно, что почти все евреи, не сумевшие эмигрировать до начала войны из Германии, Австрии и Чехословакии, а также евреи, оказавшиеся на территориях стран, захваченных немецкими войсками и их союзниками, были депортированы в концентрационные лагеря или гетто. Власти США и Британии согласились провести двустороннюю конференцию, прежде всего для того, чтобы успокоить общественность.

Удалённые Бермудские острова были выбраны специально в качестве места проведения конференции для того, чтобы сократить количество репортёров и заинтересованных лиц или их представителей. Членам Объединённого распределительного Комитета и Всемирного еврейского Конгресса было отказано в участии. Был также сведён до минимума круг вопросов, которые намеревались обсудить американо-британские переговорщики. Они настаивали на том, чтобы еврейский аспект проблемы не упоминался. Кроме того, американская делегация изначально отказалась рассматривать возможность изменения своих строгих иммиграционных квот на иммиграцию еврейских беженцев, в то время как британцы отказались рассматривать Палестину как убежище для еврейских беженцев. В повестку дня даже не были включены вопросы об отправке гуманитарной помощи узникам концлагерей. Наконец, обе стороны были представлены политиками низшего ранга, не имевшими полномочий принимать принципиальные решения.

На самой конференции участники много времени говорили о возобновлении деятельности Межправительственного комитета по делам беженцев, однако ни одна сторона не готова была взять на себя расходы по финансированию деятельности Комитета. Таким образом, на Бермудской конференции не было достигнуто ни одного позитивного решения.

Справедливо выглядит в этом контексте и утверждение авторов известной книги по истории Холокоста: «делегированные на Бермудскую конференцию

² *Mondale. W.F. Evian and Geneva.* [Электронный ресурс]. - Интернет-портал «The New York Times», July 28, 1979. URL: <https://www.nytimes.com/1979/07/28/archives/evian-and-geneva.html> (Дата обращения: 28.06.2018).

прибыли вооружёнными ужасными знаниями («*armed with a horrible knowledge*») и всё равно ничего не сделали» [30, р. 324].

Конференция 1943 г. во многом повторила ошибки Эвианской конференции 1938 г. Как и тогда, в ней не участвовали европейские международные неправительственные организации, в частности, Всемирный еврейский Конгресс. Кроме того, делегация США изначально отказалась рассматривать возможность изменения своих строгих иммиграционных квот для беженцев из Германии, в то время как Великобритания отказалась рассматривать Палестину как возможное убежище для еврейских беженцев. Единственным достижением Бермудской конференции 1943 г. можно считать расширение мандата Межправительственного комитета по делам беженцев «на всех лиц, где бы они не находились, которые в результате событий, происшедших в Европе, были вынуждены покинуть страны проживания в силу угрозы их жизни или свободам по признаку расы, вероисповедания или политических убеждений».

Институционально-правовой контекст конференций

Первая мировая война, окончание которой сопровождалось, с одной стороны, чередой революций в ряде европейских государств, а с другой – распадом великих империй, привела к массовому вынужденному перемещению граждан государств, вовлечённых в неё. Значительное количество беженцев и перемещённых лиц из бывшей Российской империи и распавшейся Османской империи предопределило стремление государств осуществлять сотрудничество с целью урегулирования возникшей проблемы. Именно тогда, как справедливо указывает А.Ю.Ястребова «придание особого юридического статуса беженцам, существовавшего *de facto* на протяжении всей истории человеческой цивилизации, впервые стало предметом международно-правового регулирования в рамках Лиги Наций» [17, с. 55].

В рамках Лиги Наций были учреждены механизмы для постепенной институционализации сотрудничества государств-членов по вопросам беженцев³. Речь идёт о создании специализированных органов по делам беженцев, в частности, об учреждении в 1921 г. поста Верховного комиссара по делам беженцам⁴,

³ Отметим, что в отечественной науке вопрос о становлении международно-правовой регламентации статуса беженцев в период до начала Второй мировой войны не стал предметом отдельного монографического исследования, а лишь отрывочно затрагивается в следующих работах: [3, с. 13-28; 8, с. 70-74; 13, с. 50-54, 17, с. 55-58]. В зарубежной литературе особого внимания заслуживает монография Г. Гудвин-Гилла и Дж. МакАдама [28].

⁴ Совет Лиги наций постановил назначить на должность Верховного комиссара по делам беженцев известного норвежского ученого, доктора Ф. Нансена. В его компетенцию входило определение правового статуса беженцев, их репатриация или размещение в государствах потенциального убежища, проведение работ по оказанию помощи при содействии благотворительных организаций. После смерти Ф. Нансена в 1930 г. Лига наций приняла решение учредить Международное бюро Нансена по делам беженцев в качестве автономного органа под ее управлением. Руководил работой Бюро Совет управляющих, председатель которого назначался Ассамблеей Лиги наций. Финансирование организации осуществлялось Лигой наций за счет средств, вырученных от продажи “марок Нансена”, а также добровольных пожертвований благотворительных организаций и частных лиц. Бюро занималось гуманитарными вопросами, вопросами оказания помощи беженцам вплоть до конца 1938 г.

а также проведении под эгидой Лиги Наций международных конференций и разработке международных договоров по вопросам, связанным с предоставлением убежища⁵.

Под эгидой Верховного комиссара был разработан ряд соглашений, касающихся некоторых групп беженцев: в июле 1922 г. на конференции в Женеве был принят документ о выдаче удостоверений личности русским беженцам. В мае 1924 г. был разработан документ о выдаче удостоверений личности армянским беженцам. На конференции в Женеве 12 мая 1926 г. было подписано Соглашение, касающееся выдачи удостоверений личности русским и армянским беженцам. Позднее мандат Верховного комиссара был распространён и на другие категории беженцев, а именно ассирийцев, ассиро-халдеев и турок.

Важное значение в международно-правовом регулировании положения беженцев сыграли документы, принятые 30 июня 1928 г. на конференции в Женеве. Это Соглашение о правовом статусе армянских и других беженцев, Соглашение о распространении на другие категории беженцев некоторых мер, принятых в пользу русских и армянских беженцев, и Соглашение о функциях представителей Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев, ставивший своей задачей «обеспечение наиболее эффективного выполнения резолюций», содержащихся в вышеуказанных соглашениях.

Так постепенно формировалась правовая основа международной системы защиты беженцев. Её анализ позволяет сделать вывод о серьёзных недостатках, присущих созданным в 20-е гг. прошлого века механизмам международно-правовой регламентации вынужденной миграции. Во-первых, в основе рассматриваемой системы лежал категорийный подход, согласно которому проблема беженцев решалась применительно к определённым национальным группам (русские беженцы, армянские беженцы и др.), в результате чего весьма затруднительным становилось формирование единой и универсальной системы убежища. Во-вторых, Лига Наций изначально не обладала необходимой материальной и финансовой базой, что позволило бы финансировать дорогостоящие программы по оказанию помощи беженцам. В-третьих, отсутствовал единый правовой подход к разработке и применению международно-правовых норм, касающихся положения беженцев. Рассматривая международно-правовое регулирование проблемы убежища, советский юрист-международник В.И. Потапов указывал, что «все международные акты, которые были разработаны ею [Лигой Наций] для решения проблемы беженцев, характеризовались отсутствием универсальности и однообразия в применении», а «намерения государств в отношении ратификации разработанных документов определялись их конкретикой, то есть чем более обязательными и всеобъемлющими по своему характеру были соглашения, тем меньшее количество государств выражали желание их ратифицировать» [13, с. 54].

⁶ Важно указать, что в межвоенный период развивалось и национальное законодательство, регулирующее вопросы предоставления убежища [16, с. 8-9].

Сложившаяся к началу 1930-х гг. международная система защиты беженцев, недостатки которой были отмечены выше, столкнулась с серьёзным вызовом уже в 1933 г., после прихода Гитлера к власти в Германии и установления в этой стране режима нацистской диктатуры. Данное историческое событие стало основной причиной появления значительного числа беженцев, покидавших страну как по политическим мотивам (например, члены коммунистической партии Германии), так и по причинам преследования по национальному и расовому признакам (например, лица еврейской национальности).

На произошедшие в Германии события европейские государства и США отреагировали крайне сдержанно как на уровне национального законодательства, так и в рамках международного сотрудничества. Государства-члены Лиги Наций ввели различные дискриминационные меры в отношении лиц еврейской национальности⁶. Правительство Аргентины рекомендовало своим консульским учреждениям в Европе задерживать выдачу виз лицам европейской национальности. Правительство Боливии запретило въезд в страну лицам, имеющим еврейское происхождение. Схожую позицию заняли и европейские страны – Австрия, Великобритания и Франция. В первом случае, был принят специальный правовой акт о запрете на въезд лиц азиатского происхождения, включая и евреев. Во втором – правительство объявило свою страну закрытой для иммиграции в силу социально-экономической ситуации, в-третьем – последовало заявление о том, что Франция исчерпала свои материальные ресурсы и больше не может принимать беженцев [41, р. 38-40].

В связи с событиями 1933 г. в Германии и начавшейся вынужденной миграцией беженцев Лига Наций учредила Управление Верховного комиссара по делам беженцев, прибывающих из Германии, которое действовало в 1933-1938 гг. Создание отдельного органа объяснялось в первую очередь тем, что беженцы из Германии оставались её гражданами и, следовательно, их статус отличался от статуса русских, армянских или иных беженцев, которые уже изначально не являлись гражданами какого-либо государства. В силу этого обстоятельства, проблемы беженцев из Германии не могли быть решены в рамках упомянутого выше Международного бюро Нансена по делам беженцев [26, р. 49].

В 1938 г. Лига Наций приняла решение о создании Управления Верховного комиссара по делам беженцев, однако функции этого органа были сильно ограничены, и он был упразднен в 1946 г.

В рамках Лиги Наций было разработано и принято несколько соглашений, направленных на решение правовых проблем категории еврейских беженцев. В 1933 г. была принята Конвенция, касающаяся международного статуса бе-

⁶ Важно, однако, указать на особый характер проблемы беженцев из Германии, в том числе и лиц еврейской национальности. Как справедливо указывает Г. Бёрджисс, «проблема германских беженцев являлась следствием строгих условий получения въездной визы, разрешения на временное пребывание, а также запретов на трудоустройство. Тем лицам, которые прибывали без документов, подтверждающих свое гражданство, как только определялась страна их происхождения, немецкие консульские учреждения выдавали новые паспорта и иные документы» [26, р. 49].

женцев, которую ратифицировали восемь государств. Основным достижением документа стало правовое закрепление принципа невысылки беженцев. В июле 1935 г. заключено Соглашение о выдаче удостоверений личности беженцам из Саарской области, а в июле 1936 г. – Временное соглашение о статусе беженцев из Германии. В феврале 1938 г. на основании данного соглашения была подписана Конвенция о статусе беженцев из Германии, которую ратифицировали лишь два государства⁷. В целом, рассматриваемые Соглашения 1935 г. и 1938 г., как отмечает А.Ю. Ястребова, «решали вопрос о временном убежище: их нормы гарантировали предоставление временного пребывания беженцев на территории государства, если нет возможности принять их на постоянной основе» [17, с. 57]. Однако столь незначительное количество ратификаций, особенно в отношении Конвенции 1938 г. говорило о том, что международно-правовая политика ведущих государств-членов Лиги Наций не была направлена на разрешение проблемы беженцев из Германии, в том числе и лиц еврейской национальности⁸. Такое положение вещей объяснялось в первую очередь политикой умиротворения агрессора, которую проводили Великобритания и Франция⁹, приведшая к аншлюсу Австрии (март 1938 г.) и оккупации Судетской области Чехословакии (октябрь 1938 г.). В конечном итоге, избранная модель международных отношений с Германией значительно затрудняла функционирование механизмов помощи и защиты беженцев еврейского происхождения.

В целом, международные соглашения, направленные на защиту беженцев, принятые в рамках Лиги Наций, оказались недейственными по следующим причинам: 1) в них отсутствовало единое определение понятия «беженец», т.к. данные соглашения использовали категоричный подход, основанный на национальном происхождении беженцев (русские, армянские, немецкие и др.); 2) число государств-участников данных соглашений было незначительно и они даже не вступали в силу и не формировали международно-правовых обязательств государств в отношении беженцев; 3) отсутствовал единый действенный механизм защиты беженцев; 4) государства не проявили политической воли к разработке и принятию универсального международного соглашения в области защиты беженцев.

⁷ В сентябре 1939 г. к рассматриваемой конвенции был принят Дополнительный протокол, согласно которому положения конвенции, как и Соглашения 1935 г. были распространены на беженцев из Австрии.

⁸ Сам термин «международно-правовая политика государства» привнесен в отечественную доктрину международного права А.Н. Вылегжаниным и И.П. Дудыкиной [2, с. 21-37].

⁹ Весьма четко суть политики умиротворения раскрыта отечественным исследователем В.Н. Гороховым. Согласно его позиции «в тридцатые годы в политике держав-«умиротворительниц» произошли по крайней мере два качественных изменения. Во-первых, под давлением «ревизионистских» государств западные демократии добровольно отказались от своего главного требования 1920-х гг. — сохранить неизменными основы Версальско-Вашингтонской договорной системы. Иными словами, они перешли от частичной ее модернизации к поэтапной сдаче своих принципиальных позиций, зафиксированных в Парижских и Вашингтонских соглашениях. Во-вторых, уступчивость Запада перешли ту грань, которая отделяла сдерживание от поощрения агрессии. Поскольку речь шла о фашизме и его борьбе за мировое господство, политику «умиротворения» нельзя охарактеризовать иначе, как политику недальновидную и ущербную» [5, с. 213]

Фактор антисемитизма на примере довоенной Польши

На протяжении многих веков европейской истории евреи десятки раз оказывались в ситуации, когда нужно было срочно искать новую страну, т.к. население и власти тех государств, где они жили, требовали их выселения и начинали антиеврейские гонения. Ярким свидетельством определённой обыденности такой ситуации для еврейских общин прошлых столетий могут служить дневники еврейской купчихи Глюкель фон Гамельн, жившей в конце XVII – начале XVIII вв. в разных государствах, входивших в состав Священной Римской империи. Она упоминала о пришедшихся на годы её жизни случаях изгнания евреев из Вены, Штетина, Лемберга и Восточной Польши, Вильно и Гамбурга [4]. Однако в то время каждый раз изгнанные евреи находили новое государство, готовое их принять, могли даже выбирать, в каком из них им будет лучше. Трагизм конца 30-х – начала 40-х гг. XX в. заключался в том, что ещё до начала Холокоста многие европейские евреи знали о необходимости и хотели бежать в другие страны, но мир не готов был принять такую волну беженцев, тем самым предоставив Гитлеру право решать их дальнейшую судьбу.

Между тем, Эвианская и Бермудская конференции – не первые примеры в XX в., когда евреи оказались в ситуации, что надо бежать, а «бежать некуда». Как показывают рассекреченные в 90-е гг. XX в. материалы наркомата иностранных дел (НКВД) СССР 20-х гг., в 1923 г. тысячи бежавших в Польшу российских евреев оказались в похожем положении. Как сообщал в письме от 27.02.1923 г. №21 члену коллегии НКВД Я.С. Ганецкому полномочный представитель СССР в Варшаве Л.Л. Оболенский¹⁰, в Польше оказалось много евреев из Советской России и Украины. В большинстве случаев они в 1922-1923 гг. нелегально пересекли советско-польскую границу, чтобы попасть в консульство США в Варшаве и через него получить визу для выезда в Америку. США в то время СССР не признавали и дипотношений между странами не было, поэтому легальных возможностей выехать в эмиграцию из СССР в Америку практически не существовало. Т.к. к февралю 1923 г. была исчерпана текущая квота на эмиграцию таких беженцев в США, то образовалась очередь из 6-8 тыс. бывших советских евреев, которые до начала 1924 г. не могли уехать в Америку. В то же время польское правительство издало распоряжение, по которому все нелегально приехавшие в Польшу после 1920 г. беженцы должны были до 15 апреля 1923 г. покинуть страну.

Различным еврейским и общественным организациям сначала удалось добиться от польского премьера Владислава Сикорского согласия на отсрочку до 1 января 1924 г. исполнения требования о необходимости покинуть страну. Однако под нажимом общественного мнения и правых сил В. Сикорский отозвал своё согласие. При этом попытки еврейских организаций получить разрешение

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 45-46.

на въезд для этих беженцев в другие страны не дали результата. Тогда Американский комитет помощи еврейским эмигрантам обратился в полпредство СССР в Варшаве с просьбой разрешить им вернуться в СССР, заверив, что большинство этих евреев желает вернуться в Россию, и что они пытались уехать в Америку исключительно по личным соображениям. Все расходы по их возвращению комитет обязался взять на себя. Если СССР не сочтёт возможным пустить назад всех пытавшихся бежать в США через Польшу евреев, то американский комитет просил выработать нормы для возвращения хотя бы части из них. «Очевидно, среди международного еврейства этот факт был бы нам поставлен на дебет, – отмечает Л.Л. Оболенский в письме, – жест был бы великолепный: свободная демократическая Польша выперла из своих пределов несчастных евреев и приютила их ... «Совдепия»... Можно было бы использовать этот факт и в нашей, и в заграничной прессе»¹¹.

Для Москвы такая постановка вопроса была неожиданной. НКВД затягивал с ответом. Уже в следующем письме Я.С. Ганецкому от 06.03.1923 г. №22 Л.Л. Оболенский напоминает, что «срок выселения на носу и вынуждает меня просить Вас поторопиться с принципиальным разрешением вопроса»¹². В полученных в настоящее время документах Архива внешней политики не отражена развязка этого вопроса.

Имеющиеся документы показывают, что проблема «ненужности» большого количества евреев-беженцев возникла задолго до Холокоста и Эвианской конференции 1938 г. При этом, если США, несмотря на трагические обстоятельства, старались последовательно соблюдать жёстко установленные квоты на миграцию, то Польша вообще не желала видеть у себя евреев-нелегальных мигрантов, не рассматривала свою территорию даже в качестве временного транзитного пристанища, а не места конечной эмиграции.

Столь жёсткая политика польских властей в этом вопросе объясняется ростом антисемитизма в только что восстановившемся после более чем векового отсутствия на карте мира польском государстве. Доля еврейского населения в нём колебалась в районе 10%, достигая во многих крупных городах 30-40%, а в ряде мелких и средних превышая половину населения. Это была крупнейшая еврейская община Европы, не желавшая ассимилироваться и становиться поляками, что раздражало польских националистов, стремившихся к консолидации польского государства. При этом многие политически активные евреи не были примером лояльности возродившемуся польскому государству. К существовавшему издавна в Польше на фоне католического религиозного фанатизма и конкуренции в торговле бытовому антисемитизму в XX в. добавились политические мотивы.

Ярким свидетельством недоверия к еврейскому меньшинству в Польше в начале 20-х гг. может служить изданный 16 августа 1920 г. в разгар наступле-

¹¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 46.

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 51.

ния Красной армии на Варшаву приказ министра обороны генерала Казимира Соснковского об интернировании в лагере в Яблонной 17 тыс. евреев военнослужащих польской армии. Нельзя также не учитывать, что двумя основными мотивами убийства 16 декабря 1922 г. первого президента независимой Польши Габриэля Нарutowича польским националистом Элигиушем Невядомским были левые взгляды и победа Нарutowича на президентских выборах над кандидатом от правых националистов благодаря голосам от национальных меньшинств, за что недоброжелатели называли его «президентом евреев».

Антисемитские настроения польского общества вынужден был учитывать и лидер польского государства Юзеф Пилсудский, который в отличие от националистов пытался привлекать евреев к строительству независимой Польши. Как писал в письме от 14.06.1927 г. члену коллегии НКВД сотрудник постпредства СССР в Польше Н.Д. Соколов, на состоявшемся в тот день приеме у Пилсудского, в ходе которого обсуждался вопрос о том, как быстрее уладить вопрос с убийством 7 июня белогвардейцем Б.С. Ковердой полпреда СССР в Польше П.Л. Войкова, Пилсудский просил, чтобы Москва скорее назначила нового «посла». При этом, «при выборе лица [он] просит не игнорировать того, что в польском обществе довольно сильно распространён антисемитизм (и даже некоторое пренебрежение к евреям), – докладывал Соколов, – по мнению Пилсудского, самое лучшее, если бы назначили русского» [15, с. 174].

В таких условиях появление в Польше нескольких тысяч евреев-беженцев из СССР дополнительно разжигало и так широко процветавший антисемитизм и вынуждало польские власти демонстрировать во внутренней политике жесткость по отношению к этому нацменьшинству.

Фактор сионизма

Некоторые западные исследователи, также опираясь на достаточно серьёзные документы, пришли к выводу, что влиятельные еврейские политические и общественные организации вместо того, чтобы выступить единым фронтом против гитлеровской власти, увязли в бесконечных спорах по поводу того, какие отношения надо выстраивать в сложившихся обстоятельствах. Знаменитая немецко-американская исследовательница эволюции фашизма, основоположница теории тоталитаризма и узница концентрационного лагеря Гюрс, откуда ей чудом удалось сбежать, Ханна Арендт писала в этой связи следующее: «Роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории» [18, р. 117]. Впоследствии появилось немало исследований, проливающих свет на губительные последствия крайне нежелательного конфликта, разразившегося в еврейском мире и основных еврейских междуна-

родных организациях в период, предшествовавший началу Второй мировой войны¹³.

Приход Гитлера к власти в Германии фактически расколол весь еврейский мир. Американский еврейский конгресс и Союз евреев-ветеранов войн США уже в 1933 г. поддержал Декларацию еврейства о «священной войне» против Германии, в которой, в частности говорилось, что «экономический бойкот будет подрывать режим Гитлера..., уничтожая его экспорт, и полностью зависящее от него его существование»¹⁴. Однако громкие заявления руководителей еврейских организаций США – даже, когда всем уже было ясно, что Гитлер действительно приступил к осуществлению плана по уничтожению еврейского народа, были всего лишь пустым звуком. В своём эмоциональном памфлете «Никогда больше!» американский раввин Меир Кахане писал следующее: «Те, кто позже организовывали марши в защиту прав человека и готовы были заплатить за это тюремным заключением, даже и не думали о том, например, чтобы приковать себя к ограде Белого дома и привлечь тем самым внимание к судьбе... миллионов их собратьев, стоявших на пороге уничтожения. Исключая действия Американского объединённого еврейского комитета по распределению фондов («Джойнт»), который не является членской организацией и был создан исключительно для оказания помощи беженцам, все усилия еврейского истэблшмента свелись к составлению вполне уважаемых петиций президенту Франклину Делано Рузвельту» [2, с. 5].

Немецкие сионисты и еврейские общинные лидеры Германии не поддерживали призыва своих заокеанских соотечественников, считая, что такие заявления будут только способствовать росту антисемитизма. Они полагали, что к «новому немецкому порядку» нужно относиться как непреложной данности и искать пути для взаимовыгодного сотрудничества. Спустя шесть месяцев после прихода к власти Гитлера, сионистская федерация Германии представила новому правительству меморандум, в котором рассматривались германо-еврейские отношения, и формально предлагалась сионистская поддержка в «решении еврейского вопроса». В меморандуме, среди прочего, отмечалось: «По своим практическим целям сионизм надеется на то, что сможет выиграть от сотрудничества даже с правительством, которое по своей сути враждебно относится к евреям, потому при рассмотрении еврейского вопроса речь идёт не о сентиментальности, а о реальной проблеме, решение которой интересует все народы, и в насто-

¹³ *Black E.* The Transfer Agreement: The Untold Story of the Secret Pact Between the Third Reich and Jewish Palestine. New York: Macmillan, London: Croom Helm Ltd, 1983; *Brenner L.* Zionism in the Age of the Dictators. London: Croom Helm, 1983; *Brenner L.* The Iron Wall. Zionist Revisionism from Jabotinsky to Shamir. London: Zed Books, 1984; *Brenner L.* [Ed.] 51 Documents: Zionist Collaboration with the Nazis. New York: Barricade Books, 2002; *Greenstein T.* Zionist-Nazi Collaboration and the Holocaust-A Historical Aberration? Edinburgh University Press, 2006; *Nicosia F.R.* The Third Reich & the Palestine question. New Jersey, US: Transaction Publishers, 2000; *Polekenm K.* The Secret Contacts: Zionism and Nazi Germany 1933–1941 // *Journal of Palestine Studies*. Vol. 5. No. 3/4 (Spring–Summer 1976). PP. 54–82; *Beit-Zvi S.B.* Post-Ugandan Zionism On Trial. A Study of the Factors that Caused the Mistakes Made by the Zionist Movement during the Holocaust. Tel-Aviv: Zahala. Vol. 1, 1991.

¹⁴ Judea declares War on Germany. [Электронный ресурс]. – Портал «Internet Archive». URL: <http://www.nationalists.org/library/hitler/daily-express/judea-declares-war-on-germany.html> (Дата обращения: 28.06.2018).

ящий момент особенно немцев ... Пропаганда бойкота, ведущаяся в настоящее время в отношении Германии, не является сионистской, потому что сионизм хочет не сражаться, а убеждать и строить»¹⁵.

XVIII конгресс старейшей Всемирной сионистской организации (ВСО) состоялся в Праге в сентябре 1933 г. Несмотря на то, что первым пунктом повестки дня был вопрос об отношении организации к приходу нацистов к власти, конгресс прошёл под знаком острого соперничества между двумя крупнейшими фракциями в ВСО – «социал-сионистами» во главе с Д. Бен-Гурионом и «сионистами-ревизионистами». После того как Бен-Гурион поставил на голосование вопрос о доминировании в ВСО принципа подчинения меньшинства большинству, правые партии, включая Ревизионистскую партию, поддержали призыв В. Жаботинского о выходе из движения. Покинули ВСО и сторонники Н. Гольдмана, которые не приняли сионистскую концепцию отрицания диаспоры. 230 делегатов, представлявших еврейские общины в 32-х странах в 1932 г. в Женеве, создали Всемирный еврейский конгресс во главе с Н. Гольдманом. Новая организация видела своей основной целью мобилизацию еврейского народа и демократических сил в борьбе против нацизма, однако ВЕК реально стал заниматься проблемой еврейских беженцев только с 1942 г.¹⁶.

Фракции, оставшиеся в ВСО по вопросу о том, какую политику надо проводить в отношении Германии, также раскололись на две группы: немецкие сионисты во главе со старейшим членом ВСО А. Руппиным предлагали отказаться от практики бойкота немецких товаров и начать налаживать сотрудничество с новыми властями и при их содействии прорабатывать программы переселения евреев в Палестину.

Один из влиятельнейших членов ВСО и будущий первый президент Израиля Х. Вейцман накануне проведения конференции в Эвиане опасался того, что «если она увенчается успехом, то это нанесёт только вред сионистскому движению... Если даже конференция не укажет на Палестину как единственно возможную страну для еврейской иммиграции, то раздадутся возгласы против заселения Палестины. А наша цель – превратить конференцию в силу, которая подвигла бы евреев, а также британское правительство на то, чтобы сделать что-то реальное для еврейского народа, а именно – выдвинуть Палестину на первый план и подчеркнуть её значение и способность поглощать большое количество еврейских беженцев» [21, р. 145]. Такую же позицию занимали глава «Еврейского агентства» (исполком ВСО) Д. Бен-Гурион, И. Гринбойм, Г. Меир и другие лидеры сионистского лейбористского движения.

Несмотря на то, что «Еврейское агентство» прекратило выдачу виз по английской квоте членам Ревизионистской партии, сторонники В. Жаботинского

¹⁵ The Zionist Federation of Germany Addresses the New German State, June 21, 1933 // English translation in Brenner L. [Ed.]. - 51 Documents: Zionist Collaboration with the Nazis. New York: Barricade Books, 2002. – PP. 42-46.

¹⁶ История ВЕК [Электронный ресурс]. – Интернет-портал Всемирного еврейского конгресса. URL: <https://www.worldjewishcongress.org/ru/about/history> (дата обращения: 15.06.2018.).

тоже настаивали на иммиграции евреев в Палестину. С целью срыва Эвианской конференции они провели серию терактов против арабов в Яффе. Примечательно, что и «ревизионисты», и социал-сионисты сходились во мнении, что Палестина не может быть убежищем для всех еврейских беженцев из Европы, и они отдавали предпочтение трудоспособной молодежи и состоятельным лицам. «Сионистское движение само по себе установило жёсткие стандарты для потенциальных иммигрантов, исключаящие в первую очередь антиссионистов в качестве претендентов на получение сертификатов. Молодые люди, находящиеся в хорошем состоянии, с некоторой подготовкой к сельскохозяйственным работам или физическому труду, а также лица с капиталом были предпочтительными кандидатами на алию (иммиграцию в Палестину) в процессе, когда потребности и интересы Палестины имели приоритет над стратегией спасения» [29, pp. 238-239]. Руководствуясь этими интересами, В. Жаботинский не гнушался даже контактами с Б. Муссолини, и на одной из встреч с ним предложил итальянскому диктатору добиваться передачи Италии английского мандата на управление Палестиной. Со своей стороны, дуче позволил создать в Чивита-Веккья еврейский военно-молодежный лагерь организации «Бейтар» [38, p. 77].

В конце концов лидеры «Еврейского агентства» поддержали план А. Руппина о содействии иммиграции, размеры которой ограничивались 300 тыс. чел. (200 тыс. из Германии и 100 тыс. – из Австрии) [6, pp. 158-159]. Позже Х. Вейцман признавал, что многие, не попавшие в эту предельную квоту, обречены и ВСО им помочь не в состоянии [40, p. 25].

Широко распространено устоявшееся мнение, что представители сионистских организаций, в том числе Х. Вейцман, не были допущены на конференцию в Эвиане, поскольку на этом настаивала Великобритания¹⁷. Однако, в действительности, лидеры сионистского движения попросту бойкотировали конференцию.

25 августа 1933 г. между Сионистской федерацией Германии, Англо-Палестинским банком (банковское учреждение ВСО в Палестине, ныне – Банк Леуми или Национальный банк Израиля), с одной стороны, и Министерством экономики Германии – с другой, было подписано Соглашение о трансфере (Эскем а-авара). На следующем, бойкотированном сионистами-ревизионистами, XIX конгрессе ВСО в 1935 г. Соглашение о трансфере было одобрено большинством голосов (169 «за», 12 «против», 17 «воздержались») [42, p. 28].

Суть этого соглашения заключалась в том, что еврей, находившийся на территории Третьего рейха и изъявлявший желание на иммиграцию в Палестину, должен был внести в берлинский банк Вассермана или гамбургский банк Варбургов не менее 1 тыс. фунтов ст. (5 тыс. долл. США). На эти деньги приобретались различные товары германского производства. Богатые евреи могли даже

¹⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим: «Кетер», 1982. – Т. 10. – С. 416.

заказать стройматериалы и проект будущего дома. Такие типично немецкие дома до сих пор сохранились в Хайфе и Тель-Авиве. Иммигрант, прибывавший в Палестину по Соглашению о трансфере, получал свои деньги в отделениях Англо-Палестинского банка, но уже в менее ценных палестинских фунтах и с вычетом довольно высокого процента за услуги немецкой стороны. Соглашение устраивало обе стороны: нацисты в условиях бойкота были заинтересованы в сбыте германских товаров и заработали на этой операции 139,6 тыс. рейхсмарок (более 50 тыс. долл.)¹⁸, а сионисты сумели переправить из Германии 50 тыс. евреев (10% еврейского населения Палестины по состоянию на 1939 г.) [38, р. 66]. Еврейские иммигранты из Германии и Австрии ввезли в страну более 40 млн долл., что составило около 60% всех капиталовложений в экономику Палестины [24, р. 65].

Соглашение о трансфере внесло ещё больший раскол в отношения между еврейскими международными организациями и еврейскими диаспорами. Если самые крупные еврейские общины на тот период времени еврейские общины в США и Польше настаивали на продолжении экономического удушения Германии, то окружение Д. Бен-Гуриона активно посредничало в обмене беженцев на их капиталы. Председатель ВЕК Н. Гольдман признавал в своих мемуарах, что ему «никогда не было так стыдно, как в тот момент, когда он слышал упреки в адрес сионистов, решившихся на сотрудничество с нацистами» [32, pp. 157-158]. В. Жаботинский и его сионисты-ревизионисты заняли крайне жёсткую позицию в отношении Соглашения о трансфере, назвав его «ударом в спину». Считается, что боевики из военизированных групп, аффилированных с Ревизионистской партией, убили в Тель-Авиве Х. Арлозорова, основного представителя от «Еврейского агентства» на переговорах, предшествовавших подписанию «трансфертной сделки»¹⁹.

Приток новых еврейских иммигрантов и активное экономическое развитие еврейского сектора в Палестине стали причиной самого мощного восстания местных арабов против сионистской колонизации страны в 1936-1939 гг. Правительство Великобритании пошло по пути «умиротворения» арабов и 17 мая 1939 г. опубликовало Белую книгу министерства по делам колоний, содержащую серьёзные уступки арабской палестинской общине. По мере усиления арабского сопротивления и ужесточения британской иммиграционной политики алия немецких евреев в Палестину прекратилась к декабрю 1939. В немалой степени этому способствовало изменение политики Гитлера в отношении немецких и австрийских евреев. Перед началом войны нацисты стали практиковать насильственные методы изгнания с полной конфискацией имущества несмотря на то, что в это время некоторые страны были готовы принять опре-

¹⁸ По состоянию на 1938-1939 гг. курс рейхсмарки по отношению к долл. США составлял 2,5 марки за 1 долл.

¹⁹ Есть также версия, что Х. Арлозоров был устранен германскими спецслужбами из-за того, что состоял в любовной связи с Магдой Геббельс, супругой министра народного просвещения и пропаганды нацистской Германии Й. Геббельса.

делённое количество евреев [37, pp. 48-49]. Отметим, что созданный на Эвианской конференции Комитет по делам беженцев фактически ничего не сделал для спасения евреев. Переговоры, которые вели члены Комитета с германскими властями, не имели никаких результатов.

В. Жаботинский и активисты «Бетар» были инициаторами организации так называемой нелегальной еврейской иммиграции в Палестину («Алия Бет») морским путём через границы Сирии и Ливана. С 1933 по 1939 гг. «сионистам-реви-сионистам» удалось переправить в Палестину 2700 чел. После публикации британским правительством Белой книги в нелегальных операциях по переправке европейских евреев стали участвовать волонтеры из «Хаганы»²⁰. Всего за годы войны нелегальным путём в Палестину иммигрировали около 40 тыс. чел., а в послевоенный период до создания Израиля – 80 тыс. чел. (включая легальную иммиграцию по британским квотам)²¹. Таким образом, при содействии международного сионистского движения и его фракций в Палестине удалось спасти 370 тыс. еврейских беженцев из Европы. Еще около 81 тыс. чел. было вывезено оттуда сотрудниками «Джойнта» в основном в США и Канаду главным образом через Францию, Испанию, Португалию и Балканы²³. Однако 5 млн евреев после начала Второй мировой войны оказались в нацистской ловушке. Быстрые победы нацистов в Европе позволили перекрыть для беженцев последние тропы отступления. После вторжения немецких войск на территорию СССР стали поступать сведения о массовых расправах гитлеровцев над евреями. А первые неудачи Вермахта на восточном фронте приближали нацистов к изменению их политики в отношении еврейского вопроса. На конференции в Ванзее 20 января 1942 г. нацистское руководство утвердило План окончательного решения еврейского вопроса, пункт третий которого предусматривал следующее: «Отныне, с соответствующего разрешения фюрера, вместо эмиграции открывается новая возможность решения проблемы – эвакуация евреев на восток. Но эти акции следует рассматривать всё же как запасные. Однако при этом уже накопился практический опыт, важный ввиду грядущего окончательного решения еврейского вопроса. Акция окончательного решения еврейского вопроса в Европе охватит около 11 млн евреев»²⁴. С этого времени и вплоть до разгрома нацизма в мае 1945 г. уничтожение евреев в концентрационных лагерях шло повсеместно на всей территории, оккупированной немецкими войсками.

Предпринятые США и Великобританией все немногочисленные меры по спасению евреев в некоторых странах восточной Европы успеха не имели [14,

²⁰ «Хагана» («Оборона») – полуподпольная еврейская военная организация, созданная руководством социал-сионистской «Партии труда» в июне 1920 г. в период арабских волнений в Иерусалиме для обеспечения безопасности еврейских поселений в Палестине.

²¹ Очерк истории еврейского народа / под ред Ш. Эттингера. Иерусалим: Библиотека Алия, 1979. Т. 2. С. 736.

²² Краткая еврейская энциклопедия... Т. 5, С. 334.

²³ Там же. Т. 2. С. 345-346.

²⁴ Протокол обсуждения «Окончательного решения еврейского вопроса», принятый на конференции, состоявшейся 20 января 1942 года по адресу: Берлин, Гроссен-Ванзее, 56/58 // Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, Открытый университет, 1995. СС. 130-140.

pp. 155-158]. С 1942 по 1945 гг. спасением евреев в Европе занимались в основном антифашистские подпольные группы и немногочисленные одиночки, равнодушные к страданиям евреев, прозванные позже «праведниками мира». Однако результат их усилий по спасению несопоставим с масштабами потерь, которые понёс еврейский народ в Катастрофе. Яркий пример тому – деятельность лидера венгерских сионистов Р. Кастнера, тесно сотрудничавшего во время войны с начальником еврейского отдела СС А. Эйхманом. Благодаря этому «сотрудничеству» были переправлены в нейтральную Швейцарию 1684 еврея, среди которых были родственники и знакомые Р. Кастнера²⁵. В той же Венгрии жертвами Холокоста стали 476 тыс. евреев [18, p. 105].

В израильской и просионистской литературе широко пропагандируется утверждение о том, что «Ни один еврейский Молотов ни разу не сидел с нацистами за одним столом» [11, p. 708]. Но реальность состояла в том, что еврейские беженцы никому не были нужны, а сионистское движение было слабым и раздробленным, его лидеров все игнорировали, и они ничего не могли сделать в создавшейся ситуации [11, pp. 709-710]. Между тем, приведённый выше документальный материал показывает, что отдельные фракции в международном сионистском движении достаточно активно сотрудничали с нацистами в период с 1933 по 1939 гг. Также есть достоверные подтверждения тому, что лидеры сионистов не поехали в Эвиан не потому, что их там не хотели увидеть, а лишь потому, что Великобритания накануне приближавшейся войны не хотела портить свои отношения с арабскими союзниками и заранее предупредила, что не намерена обсуждать на конференции вопрос об увеличении квот для въезда в Палестину для европейских евреев. Так, в июне 1938 г., незадолго до встречи представителей союзников в Эвиане, глава «Еврейского агентства» Д. Бен-Гурион откровенно выразил своим коллегам беспокойство тем, что на конференции, возможно, её участники согласятся принять еврейских беженцев: «Я не знал, откроет ли конференция врата других стран... Но я боюсь, что это может нанести огромный вред Эрец Исраэль (Земля Израиля) и сионизму. Наша главная задача – минимизировать вред, опасность от этой конференции... Если бы я знал, что можно спасти всех детей Германии, отправив их в Англию, и только половину, отправив их в Эрец Исраэль, я бы выбрал последнее, поскольку для нас важно не только число этих детей, но и историческое предназначение народа Израиля. У евреев мог быть только один пункт назначения – Эрец Исраэль»²⁶.

Кроме того, сионистское руководство не располагало необходимым количеством средств для переправки в Палестину всех оказавшихся под угрозой уничтожения евреев Европы. В этой связи их планы предполагали организацию

²⁵ Рудольф Кастнер после войны занимал пост главы департамента общественных связей в израильском Министерстве промышленности и торговли. При невыясненных обстоятельствах он был убит в марте 1957 г. около своего дома в Тель-Авиве.

²⁶ Ben-Gurion's Zionism. [Электронный ресурс]. - Интернет-портал «The New York Times», July 12, 1987. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/1987/07/12/books/l-ben-gurion-s-zionism-255687.html> (Дата обращения: 28.06.2018).

переселения только тех, кто обладал потенциальными возможностями быстро акклиматизироваться и абсорбироваться в новых условиях. Такой выборочный подход сионистов к проблеме еврейских беженцев, объективно лишил сотни тысяч людей последней надежды на спасение.

Против течения: деятельность Ф. Рузвельта по спасению европейских евреев

Вопрос об отношении правительства США и лично президента Ф. Рузвельта к проблеме еврейской иммиграции в предвоенные и военные годы ещё не стал предметом специального рассмотрения в российской историографии. Среди же американских историков он вызывает горячие споры, в которых есть две крайние точки зрения. Одни обвиняют Рузвельта в пренебрежении и даже антисемитизме [36; 50], другие защищают президента как стойкого защитника жертв Холокоста, спасшего от него сотни тысяч евреев [20]. Наиболее сбалансированная оценка политики Рузвельта в этом вопросе даётся в недавнем исследовании американских историков Р. Брейтмана и А. Лихтмана «ФДР и евреи». Главный вывод авторов состоит в том, что Рузвельт «не был ни героем еврейского дела, ни сторонним наблюдателем нацистских преступлений против евреев... Он реагировал на них более решительно, чем любой другой мировой лидер того времени» [23, с. 315].

Политику Рузвельта в этом вопросе следует рассматривать в контексте конкретной международной и внутривнутриполитической ситуации, в которой ему приходилось действовать. Общественное мнение и настроения в Конгрессе в 1930-х гг. не способствовали активной позиции в отношении еврейской (как, впрочем, и другой) иммиграции из Европы. В начале 1939 г. – вскоре после трагедии «хрустальной ночи» в Германии 83% американцев выступали против увеличения европейской иммиграции в США в условиях высокой безработицы и разгула изоляционистских настроений [23, с. 110]. Законодательную политику в этом вопросе определял Конгресс в соответствии с законом 1924 г., ограничивавшим иммиграцию мизерными квотами по странам. Но и эти квоты не заполнялись полностью в виду бюрократического равнодушия руководства Госдепартамента, заражённого антисемитскими предрассудками. Так, в 1938 г. из 153,8 тыс. вакансий по всем странам в США въезжало лишь около 68 тыс. чел., а из квоты для Германии в 27,3 тыс. всего 17,8 тыс.²⁷

С началом Второй мировой войны приём беженцев ещё более осложнился новыми ограничениями на въезд по соображениям безопасности. В архиве Рузвельта хранятся тысячи обращений к президенту и его окружению с отчаянными просьбами о помощи. Одно из них – письмо Альберта Эйнштейна супруге президента Э. Рузвельт от 26 июля 1941 г. «Госдепартамент, – писал

²⁷ Overseas Countries of Refuge: United States of America – F.D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York (далее – FDRL), Ira Hirschman Papers, Box 1. Summary Reports on War Refugees Board Activities, Feb – Oct, 1944. с. 90

он, – сейчас проводит такую политику, которая делает практически невозможным предоставить убежище в Америке многим достойным людям, ставшим жертвами фашистской жестокости в Европе... Создается стена бюрократических препятствий, нацеленных якобы на защиту Америки от подрывных и опасных элементов»²⁸ [18].

Но, пожалуй, самым выразительным обвинением в адрес Госдепартамента является подробный меморандум министра финансов Генри Моргентау-III для президента и госсекретаря К. Хэлла от 13 января 1944 г. под названием «О попустительстве нашего правительства в отношении истребления евреев». В этом документе Моргентау прямо обвиняет ответственных сотрудников Госдепартамента (прежде всего – курирующего заместителя госсекретаря Б. Лонга) в противодействии еврейской иммиграции путем создания искусственных препятствий и сокрытия информации, в нежелании сотрудничать с общественными организациями, занимающимися оказанием помощи европейским евреям²⁹. Одной из самых эффективных организаций такого рода стала Американо-еврейская комиссия по распределению (American Jewish Joint Distribution Commission или АЕКР), работавшая более чем в 50 странах и охватившая около 1 млн чел.³⁰.

Г. Моргентау был одним из самых активных сторонников расширения помощи жертвам Холокоста в окружении Рузвельта. Сам президент после осторожно-выжидательного отношения к этой проблеме во время своего первого срока после выборов 1936 г. стал действовать более уверенно и решительно. Он нажимает на Конгресс с целью смягчения условий еврейской иммиграции (что увеличило её почти на 100 тыс. чел.), оказывает давление на британское правительство в вопросе о еврейской иммиграции в Палестину, отзывает посла США из Берлина в ответ на кровавые события «хрустальной ночи» и инициирует созыв Эвианской конференции 1938 г. [39, с. 161]. На этой конференции, как известно, представители США, Великобритании и большинства других стран-участников отказались существенно увеличить приём иммигрантов из Европы на своей территории, ссылаясь на национальное законодательство.

Тогда Рузвельт стал искать другие маршруты для еврейской иммиграции. Новые документы, обнародованные в 2009 г. тем же Брейтманом, свидетельствуют о ранее неизвестном проекте президента – расселении еврейских иммигрантов из Европы в малонаселенных районах Латинской Америки и Африки. По поручению президента ведущий американский географ И. Боуман составил подробный план возможного приема иммигрантов в странах этих регионов³¹ [36].

²⁸ Albert Einstein to Mrs. Franklin D. Roosevelt, July 26, 1941. Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York (далее – FDRL), President's Personal File 7177.

²⁹ Report to the Secretary on the Acquiescence of this Government in the Murder of the Jews, January 13, 1944. – FDRL, Eleonora Roosevelt Papers, H.Morgenthau Diary, vol.694.

³⁰ E.Warburg to President Roosevelt, September 10, 1941, FDRL, President's Personal File 7383.

³¹ I.Bowmann to the President, November 21, 1938; S. Welles to the President, November 28, 1938. – FDRL, President's Secretary File, Subject File, Refugees, Box 158.

Межведомственный комитет, созданный по решению Эвианской конференции, начал переговоры с германскими властями и потенциальными реципиентами иммигрантов – Доминиканской республикой, Филиппинами, британскими доминионами. К августу 1939 г., по свидетельству представителя США в МК М. Тэйлора, был подготовлен проект «научного плана рассредоточенной иммиграции» [27, с. 8]. Начавшаяся война нарушила эти планы и большинство европейских государств-членов МК было готово вовсе прекратить его работу. Это мнение, по свидетельству того же Тэйлора, разделялось многими и в Вашингтоне. Но президент Рузвельт настоял на продолжении работы комитета, считая, что в ходе войны проблема иммиграции будет только усугубляться. Однако эта дальнейшая работа сосредоточилась в основном на Доминиканской республике и переговорах с диктатором Трухильо. В сотрудничестве с АЕКР к 1941 г. в Доминикане было размещено 600 еврейских переселенцев из Европы – гора родила мышь [27, с. 10]. Но и эти мизерные усилия сошли на нет после вступления США в войну.

В первые годы войны Рузвельт был всецело поглощён проблемами мобилизации страны для её ведения и на время отошёл от вопроса еврейской иммиграции. Тем временем в конце 1942 – начале 1943 г. в Вашингтоне были получены подробные достоверные данные о подлинном размахе Холокоста, что подвигло Рузвельта и его окружение на активизацию усилий по спасению еврейского населения от истребления. Правда, здесь опять не обошлось без чисто символических мер типа Бермудской конференции. Беспомощность дипломатии на фоне растущей огласки Холокоста подтолкнула Конгресс к выдвижению новых инициатив по спасению оставшегося в Европе еврейского населения. Комитет Сената по внешним сношениям предложил создать специальный орган для этой цели. К этому требованию подключились и еврейские организации США. Это давление в сочетании с уже отмеченным меморандумом Г. Моргентгау подтолкнуло Рузвельта к созданию в начале 1944 г. такого органа – Управления по делам беженцев (War Refugees Board) во главе с госсекретарем, министром финансов и военным министром, которое через своих представителей в дипломатических миссиях США провело большую работу по эвакуации еврейских беженцев в Палестину через территорию Турции, Италии, Испании, Португалии и других стран. По подсчетам Брейтмана и Лихтмана эта организация помогла вывести из Европы около 200 тыс. еврейских беженцев [23, с. 325].

Но эта работа сталкивалась с серьёзными препятствиями. Страны-сателлиты Германии с большим количеством еврейского населения (Румыния, Венгрия, Болгария) отказывались выпускать его за свои границы. Неоднократные предупреждения США в адрес нацистской Германии и её сателлитов об ответственности за истребление евреев не оказывали на них заметного влияния. Существовала большая проблема транспортировки беженцев по суше и по морю. Военное командование США отказывалось выделять суда на эти цели, ссылаясь на нехватку тоннажа в условиях продолжения военно-морских операций в Среди-

земном море. Ещё одним препятствием была позиция британской дипломатии, которая со времени Белой книги 1939 г. ограничивала еврейскую иммиграцию в Палестину из-за опасений волнений арабского населения. В ходе подготовки Бермудской конференции американцы прикидывали возможность размещения еврейских иммигрантов в Киренаике и Триполитании (Ливия), которые по их расчетам могли принять до 100 тыс. чел.³². Однако этот план был заблокирован Форин Офис. «Несмотря на обильные заверения в “горячей поддержке и сочувствии”, – говорилось в отчете УДБ 1944 г., – мы получили от англичан ничтожное содействие в вопросах спасения беженцев и оказания им помощи»³³.

Вопрос о создании убежищ (heavens) для еврейской иммиграции на территории самих США также обсуждался в Белом доме и Конгрессе. Член Палаты представителей Э. Селлер, например, говорил на её заседании: «Мы можем принять многих беженцев из нацистского ада и без изменения иммиграционного законодательства. Их можно разместить в специальных лагерях до окончания войны. Расходы на их содержание и транспортировку в США могли бы взять на себя частные благотворительные организации. Мы содержим в лагерях большое количество немецких военнопленных, многие из которых повинны в нацистских зверствах. Неужели мы не можем сделать хотя бы то же самое для жертв этих зверств?»³⁴. Однако и этого сделано не было.

Среди того, что ещё могли бы сделать американцы для спасения жертв Холокоста, часто называют отказ военного командования США подвергнуть бомбардировке железнодорожные пути к концлагерям, прежде всего – Аушвицу. Ответственность за это возлагается и на самого Рузвельта, хотя нет никаких доказательств его личного участия в этом решении [23, с. 281-288]. Военное командование ссылалось на нецелесообразность отвлечения ресурсов от военных операций и проблематичную эффективность таких бомбардировок в спасении жизней заключенных.

Таким образом, можно сказать, что США могли бы сделать гораздо больше для спасения жертв Холокоста. Но могли бы сделать и ещё меньше, если бы не президент Рузвельт и его ближайшее окружение.

Список литературы:

1. Вершинин А. А. Леон Блюм: штрихи к политическому портрету // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 133–158.
2. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международно-го права. 2016. №4. С. 21-37.
3. Галенская Л.Н. Право убежища (международно-правовые вопросы). М.: Международные отношения, 1968. 129 с.
4. Глюкель фон Гамельн: рассказ от первого лица // Лехаим 2000. № 11-12; 2001. № 1-11.

³² Memorandum April 20th, 1943 by A.Berle Jr. FDRL, Eleanor Roosevelt Papers, Materials from Adolph A.Berle Jr. Papers and Diary.

³³ Report of War Refugee Board for Week of May 29 – June 4, 1944. – FDRL, Ira Hirschmann Papers, Box 1.

³⁴ Report to the Secretary on the Acquiescence of this Government in the Murder of the Jews, January 13, 1944. – FDRL, Eleonora Roosevelt Papers, H.Morgenthau Diary, vol.694. с. 8

- URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/arhiv.html> (дата обращения: 10.06.2018).
5. Горохов В.Н. История международных отношений 1918-1939. Курс лекций. М.: Издательство Московского университета, 2004. 288 с.
 6. Гутман И., Шацкер Х. Катастрофа и её значение. Иерусалим: «Библиотека Алия», 1990. 287 с.
 7. Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918-1999): в 2 т. Т.1. М.: Логос, 2003. 592 с.
 8. Иванов Д.В. Беженцы в современном международном праве. М.: Международные отношения, 2006. 200 с.
 9. Исаев М.А. История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2011. 957 с.
 10. Кахане М. Никогда больше! Нью-Йорк: «Пирамид букс», 1971. 218 с.
 11. Лакер В. История сионизма / пер. с англ. А. Блейз, О. Блейз. М.: Крон-пресс, 2000. 848 с.
 12. Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. 466 с.
 13. Потапов В.И. Беженцы и международное право. М.: Международные отношения, 1986. 103 с.
 14. Сакер Г.М. История Израиля от возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Иерусалим: Библиотека Алия, 1994. Т. 2. 384 с.
 15. Советско-польские отношения в 1918-1945 гг. Сборник документов в четырех томах. Т. 2 (1926-1932). М.: Аспект-Пресс, 2017. 630 с.
 16. Шибаева Е.А. Проблема права убежища в международном праве. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1953. 16 с.
 17. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации. М.: ВАКО, 2014. 464 с.
 18. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Penguin, 1963. 275 p.
 19. Bartrop P. *The Evian Conference of 1938 and the Jewish Refugee Crisis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. 128 p. DOI: 10.1007/978-3-319-65046-3
 20. Beir R. *Roosevelt and the Holocaust: How FDR Saved the Jews and Brought Hope to a Nation*. N.J.: Barricade Books, 2006. xxv, 324 p.
 21. Beit-Zvi S.B. *Post-Ugandan Zionism On Trial. A Study of the Factors that Caused the Mistakes Made by the Zionist Movement during the Holocaust*. Tel-Aviv: Zahala, 1991. Vol. 1. 409 p.
 22. Birnbaum E. *Evian: The Most Fateful Conference of all Times in Jewish History. Part II // «Nativ». A Journal of Politics and the Arts*. Sha'arei-Tikva: Ariel Center for Policy Research. February 2009. Pp. 1-4.
 23. Breitman R., Lichtman A. *2013. FDR and the Jews*. The Belknap Press: Boston, 2013. vii, 433 p.
 24. Brenner L. *Zionism in the Age of the Dictators*. London: Croom Helm, 1983. 277 p.
 25. Brynteson M. *The Bermuda Conference: The Use of Refugees for Public Relations*. History Thesis, 2008. 37 p. URL: <https://www.pacificu.edu/sites/default/files/documents/Meredith%20Brynteson.pdf>
 26. Burgess G. *The League of Nations and the Refugees from Nazi Germany: James G. Macdonald and Hitler's victims*. London: Bloomsbury, 2016. 240 p.
 27. *Confidential Memorandum Regarding Refugees by Myron C. Taylor 1938-1947*. July 30, 1947. FDRL, Myron Taylor Papers.
 28. Coodwin-Gill G.S., McAdam J. *The Refugee in International Law*. 3d ed. Oxford: Oxford University Press, 2007. 848 p.
 29. Dawidowicz L. *The war against the Jews 1933-45*. London: Penguin, 1975. 556 p.
 30. Dwork D., van Pelt R. *Holocaust: A History*. N.Y.: W.W. Norton, 2002. 464 p.
 31. Friedman S.S. *No Haven for the Oppressed: United States Policy toward Jewish Refugees, 1938-1945*. Detroit: Wayne State University Press, 1973. 235 p.
 32. Goldmann N. *The Autobiography of Naum Goldmann: Sixty Years of Jewish Life*. New-York: Holt, Rinehart and Winston, 1969. 358 p.
 33. Holborn L., Chartrand Ph., Chartrand R. *Refugees: a Problem of our Time*. Vol. 1-2. Metuchen: Scarecrow Press, 1975. 1525 p.
 34. Kushner T., Lunn K. *Traditions of Intolerance: Historical Perspectives on Fascism and Race Discourse in Britain*. Manchester: Manchester University Press, 1989. 272 p.
 35. Landau R.S. *The Nazi Holocaust: Its History and Meaning*. New York: I.B.Tauris, 2006. 376 p.
 36. Medoff R. *FDR and the Holocaust: A Breach of Faith*. David S. Wyman Institute for Holocaust Studies. Washington, 2013. 306 p.
 37. Nicosia F.R. *The Third Reich & the Palestine question*. New Jersey, US: Transaction Publishers, 2000. 303 p.
 38. Polkahn K. *The Secret Contacts: Zionism and Nazi Germany, 1933-1941 // Journal of Palestine Studies*, 1976. Pp. 54-82.
 39. Reynolds D. 2015. «FDR and the Jews» // *Journal of Modern Jewish Studies*. No. 15. Iss. 1. Pp.

- 161-162.
40. Shonfeld M.R. The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals. New York: Bnei Yeshivos, 1977. 124 p.
41. Stoessinger J. The Refugee and the World Community. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. 239 p.
42. Weiss Y. The Transfer Agreement and the Boycott Movement: A Jewish Dilemma on the Eve of the Holocaust // Yad Vashem Studies. Jerusalem: Yad Vashem, 1998. Vol. XXVI. Pp. 129—172.
43. Wyman D. 1984. The Abandonment of the Jews: America and the Holocaust 1941-1945. New York: Pantheon Books, 1984. xv, 444 p.

Об авторах:

Дмитрий Владимирович Иванов – к.ю.н., доцент кафедры международного права МГИМО, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: prof.ivanovdv@gmail.com.

Александр Владимирович Крылов – д.и.н., профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: avkrylov2004@mail.ru.

Владимир Михайлович Морозов – к.и.н., доцент кафедры дипломатии МГИМО, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru.

Владимир Олегович Печатнов – д.и.н., заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: vopechatnov@gmail.com.

Сергей Анатольевич Скляр – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: redaktors@mail.ru.

Екатерина Олеговна Шебалина – соискатель кафедры дипломатии МГИМО, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454. E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru.

«THE CONSCIENCE OF THE WORLD» OR «CONSPIRACY OF SILENCE»? TO THE ANNIVERSARIES OF THE EVIAN AND BERMUDA CONFERENCES

D.V. Ivanov, A.V. Krylov, V.M. Morozov, V.O. Pechatnov, S.A. Sklyarov, E.O. Shebalina
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-125-152

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

The article represents a complex and multifaceted analysis of different aspects related to the Evian and Bermuda conferences and is based on new scientific literature and archival documents. The aspects include such issues as prerequisites for conferences in the documents of the USSR Embassy in Poland as of 1923, historical and legal analysis of the activi-

ties and outcomes of conferences from the perspective of international legal regulation of forced population migration, the evolution of F. Roosevelt's administration policy on the issue of Jewish immigration in the 1930s-1940s, as well as the reaction of the Jewish world to the conferences. In particular, V. Pechatnov analyzes the internal and external factors of American politics, public opinion, the personal role of President Roosevelt, the imperative of waging war against the Axis countries during the conferences. The author comes to the conclusion that Roosevelt administration and the president himself were not ardent advocates of the Holocaust victims, but they were not indifferent witnesses to the tragedy, doing for Jewish immigrants more than the governments of other Western countries. In his turn, D. Ivanov carries out a legal analysis of a number of international agreements on forced migration, adopted by states within the framework of the League of Nations, as well as the reasons for their low effectiveness. The author pays special attention to political events in Europe after Hitler coming to power. The author concludes that the unpreparedness of European states and the United States to accept ethnic Jews from German-occupied countries on their territory became one of the reasons for their mass death. S. Sklyarov proves the thesis that the Evian and Bermuda conferences demonstrated the consistency of the policies of the 32 member countries, which ultimately resulted in European Jews being the victims of Holocaust. As an example of such consistency and its earlier manifestation, which did not take into account the hopelessness of the situation of Jewish refugees, are the events of 1923 in Poland. Researcher A. Krylov presents an alternative point of view on the participation of Jewish organizations in conferences. The author refutes the widespread opinion that the leaders of Jewish organizations were not allowed to participate in the above-mentioned conferences. In fact, the Zionist movement, which took the leading positions in the Jewish communities of the world, ignored these conferences, considering them harmful because of England's persistent refusal to abolish the White Paper of 1936, which restricted Jewish immigration to Palestine. The leaders of the Zionist movement provided assistance only to those refugees who agreed to settle in Palestine.

Key words: refugees under international law, the problem of Jewish refugees, League of Nations, forced migration, Evian Conference of 1938, Bermuda Conference of 1943, Holocaust, World War II, Franklin Roosevelt, international Zionism, Nazism

References

1. Vershinin A. A. Leon Blum: shtrikhi k politicheskomu portretu [Leon Blum: strokes to the political portrait]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2013, no. 4, pp. 133–158 (in Russian).
2. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. Poniatie «mezhdunarodno-pravoivaia politika gosudarstva» [The concept of “international legal policy of the state”]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2016, no. 4, pp. 21-37 (in Russian).
3. Galenskaia L.N. *Pravo ubezhishcha (mezhdunarodno-pravovye voprosy)* [The right of asylum (international legal issues)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1968. 129 p. (In Russian).
4. Gliukel' fon Gamel'n: rasskaz ot pervogo litsa [Glukel von Hamelin: a story from the first person]. *Lekhaim*, 2000, no. 11-12; 2001, no. 1-11. Available at: <https://lechaim.ru/ARHIV/arhiv.html> (Accessed: 10.06.2018) (in Russian).
5. Gorokhov V.N. *Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii 1918-1939. Kurs lektsii* [The history of international relations 1918-1939. Lecture course]. Moscow, Moscow State University Publ., 2004. 288 p. (in Russian).
6. Gutman I., Shatsker Kh. *Katastrofa i ee znachenie* [The catastrophe and its significance]. Ierusalim, Biblioteka Aliia Publ., 1990. 287 p. (In Russian).
7. Di Nol'fo E. *Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii (1918-1999)* [The history of international relations (1918-1999)]. In 2 vol. Vol.1. Moscow, Logos Publ., 2003. 592 p. (In Russian).
8. Ivanov D.V. *Bezhtentsy v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Refugees in

- contemporary international law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2006. 200 p. (In Russian).
9. Isaev M.A. *Istoriia gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the state and law of foreign countries]. Moscow, Iurait Publ., 2011. 957 p. (In Russian).
 10. Kakhane M. *Nikogda bol'she!* [Nevermore!]. New York, Pyramid buks Publ., 1971. 218 p. (in Russian).
 11. Laqueur W. *A History of Zionism*. Boston, Holt, Rinehart and Winston Publ., 1972. 639 p. (Russ. ed.: Laker V. *Istoriia sionizma*. Transl. by A. Bleiz, O. Bleiz. Moscow, Kron-press Publ., 2000. 848 p.)
 12. Mizes L. fon. *Vsemogushchee pravitel'stvo: Total'noe gosudarstvo i total'naia voina* [Almighty government: Total state and total war]. Cheliabinsk, Sotsium Publ., 2006. 466 p. (in Russian).
 13. Potapov V.I. *Bezhtentsy i mezhdunarodnoe pravo* [Refugees and international law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1986. 103 p. (in Russian).
 14. Saker G.M. *Istoriia Izrailia ot vzniknoveniia sionizma do sozdaniia Gosudarstva Izrail'* [The history of Israel from the rise of Zionism to the establishment of the State of Israel]. Ierusalim, Biblioteka Aliia Publ., 1994. Vol. 2. 384 p. (in Russian).
 15. *Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1918-1945 gg.* [Soviet-Polish relations in 1918-1945]. *Sbornik dokumentov v chetyrekh tomakh* [Collection of documents in 4 vol.]. Vol. 2 (1926-1932). Moscow, Aspekt-Press Publ., 2017. 630 p. (in Russian).
 16. Shibaeva E.A. *Problema prava ubezhishcha v mezhdunarodnom prave* [The problem of the right of asylum in international law]. Phd in Law dissertation abstract. Moscow, 1953. 16 p. (In Russian).
 17. Iastrebova A.Iu. *Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy regulirovaniia migratsii: doktrinal'nye podkhody i opyt Rossiiskoi Federatsii* [International legal mechanisms of migration regulation: doctrinal approaches and experience of the Russian Federation]. Moscow, VAKO Publ., 2014. 464 p. (in Russian).
 18. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York, Penguin Publ., 1963. 275 p.
 19. Bartrop P. *The Evian Conference of 1938 and the Jewish Refugee Crisis*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2018. 128 p. DOI: 10.1007/978-3-319-65046-3
 20. Beir R. *Roosevelt and the Holocaust: How FDR Saved the Jews and Brought Hope to a Nation*. New Jersey, Barricade Books Publ., 2006. xxv, 324 p.
 21. Beit-Zvi S.B. *Post-Ugandan Zionism On Trial. A Study of the Factors that Caused the Mistakes Made by the Zionist Movement during the Holocaust*. Tel-Aviv, Zahala Publ., 1991. Vol. 1. 409 p.
 22. Birnbaum E. *Evian: The Most Fateful Conference of all Times in Jewish History. Part II. «Nativ»*. *A Journal of Politics and the Arts*, 2009, pp. 1-4.
 23. Breitman R., Lichtman A. *FDR and the Jews*. Boston, The Belknap Press Publ., 2013. vii, 433 p.
 24. Brenner L. *Zionism in the Age of the Dictators*. London, Croom Helm Publ., 1983. 277 p.
 25. Brynteson M. *The Bermuda Conference: The Use of Refugees for Public Relations*. History Thesis. 2008. 37 p. Available at: <https://www.pacificu.edu/sites/default/files/documents/Meredith%20Brynteson.pdf>
 26. Burgess G. *The League of Nations and the Refugees from Nazi Germany: James G. Macdonald and Hitler's victims*. London, Bloomsbury Publ., 2016. 240 p.
 27. Taylor M.C. *Confidential Memorandum Regarding Refugees*. 30.07.1947. *FDRL, Myron Taylor Papers*.
 28. Coodwin-Gill G.S., McAdam J. *The Refugee in International Law*. 3d ed. Oxford, Oxford University Press Publ., 2007. 848 p.
 29. Dawidowicz L. *The war against the Jews 1933-45*. London, Penguin Publ., 1975. 556 p.
 30. Dwork D., van Pelt R. *Holocaust: A History*. New York, W.W. Norton Publ., 2002. 464 p.
 31. Friedman S.S. *No Haven for the Oppressed: United States Policy toward Jewish Refugees, 1938-1945*. Detroit, Wayne State University Press Publ., 1973. 235 p.

32. Goldmann N. *The Autobiography of Naum Goldmann: Sixty Years of Jewish Life*. New-York, Holt, Rinehart and Winston Publ., 1969. 358 p.
33. Holborn L., Chartrand Ph., Chartrand R. *Refugees: a Problem of our Time*. Vol. 1-2. Metuchen, Scarecrow Press Publ., 1975. 1525 p.
34. Kushner T., Lunn K. *Traditions of Intolerance: Historical Perspectives on Fascism and Race Discourse in Britain*. Manchester, Manchester University Press Publ., 1989. 272 p.
35. Landau R.S. *The Nazi Holocaust: Its History and Meaning*. New York, I.B.Tauris Publ., 2006. 376 p.
36. Medoff R. *FDR and the Holocaust: A Breach of Faith*. David S. Wyman Institute for Holocaust Studies. Washington, 2013. 306 p.
37. Nicosia F.R. *The Third Reich & the Palestine question*. New Jersey, US, Transaction Publ., 2000. 303 p.
38. Polkehn K. The Secret Contacts: Zionism and Nazi Germany, 1933-1941. *Journal of Palestine Studies*, 1976, pp. 54-82.
39. Reynolds D. FDR and the Jews. *Journal of Modern Jewish Studies*, 2015, no. 15, iss. 1, pp.161-162.
40. Shonfeld M.R. *The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals*. New York, Bnei Yeshivos Publ., 1977. 124 p.
41. Stoessinger J. *The Refugee and the World Community*. Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 1956. 239 p.
42. Weiss Y. The Transfer Agreement and the Boycott Movement: A Jewish Dilemma on the Eve of the Holocaust. *Yad Vashem Studies*, 1998, vol. XXVI, pp. 129-172.
43. Wyman D. 1984. *The Abandonment of the Jews: America and the Holocaust 1941-1945*. New York, Pantheon Books Publ., 1984. xv, 444 p.

About the authors:

Dmitry V. Ivanov – PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University). 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: prof.ivanovdv@gmail.com.

Alexander V. Krylov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Leading Researcher, Center for Middle Eastern Studies, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations. Moscow State Institute of International Relations (University). 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: avkrylov2004@mail.ru.

Vladimir M. Morozov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University). 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: v_m_morozov@mgimo.ru.

Vladimir O. Pechatnov – Doctor of Historical Sciences, Distinguished Scholar of the Russian Federation, Head of Department of History of European and American countries, Moscow State Institute of International Relations (University). 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: vopechatnov@gmail.com.

Sergey A. Sklyarov – PhD in Historical Sciences, Senior lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University). 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: redaktors@mail.ru.

Ekaterina O. Shebalina – MA in History, postgraduate student at Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University). 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru.

AUSTRALIA'S PARTICIPATION AND PERFORMANCE AT THE EVIAN CONFERENCE: INTEGRITY OR SHAME?

P.R. Bartrop

Florida Gulf Coast University

This article outlines and assesses the contribution made by the Commonwealth of Australia to the Evian Conference of July 1938. The attitude of the Australian government, it will be shown, was ambivalent from the start, with the Commonwealth not even prepared to attend unless Britain also attended. Having then made the commitment to send a representative to Evian, the Australian government chose a man who was neither an immigration expert nor a man with any foreign affairs expertise. Thomas (later Sir Thomas) White, the Australian Minister for Trade and Customs, was a senior minister in the Cabinet of Prime Minister Joseph Lyons, but the experience required for the task of representing Australia at a gathering such as Evian was simply beyond him. The legalistic and unsympathetic stance he adopted led to despair for many of the Jewish delegates at Evian. Upon elected to the chairmanship of one of the two sub-committees set up at the conference, White employed his position to treat the Jewish delegates with utter contempt. His record at the conference, lauded by many of the officials who were present, was one of the least humanitarian of any that can be attributed to Australian statesmen—hardly a ringing endorsement of Australia's record at this crucial gathering in which the Commonwealth sought, at an early stage, to express itself as an autonomous nation on the international stage.

Key words: Australia, Holocaust, Commonwealth, Jews, British Foreign Office, United States, Evian Conference.

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 15.08.2018 г.

Принята к публикации 20.08.2018 г.

In March 1938 the government of the United States invited a number of countries to gather together for the purpose of «facilitating the emigration from Austria, and presumably from Germany, of political refugees»¹. The Commonwealth of Australia was among those invited. Sent initially to the British Foreign Office and dated March 24, 1938, the invitation asked whether «the British Government (on its own behalf or on behalf of the self-governing Dominions) [would] be willing to cooperate with the Government of the United States in setting up a Special Committee composed of representatives of a number of Governments»². The motivation of the United States in calling this meeting, the memorandum stated, was «the urgency of the problem with which the world is faced and the necessity of speedy cooperative effort under Government supervision if widespread human suffering is to be averted»³.

This article considers the role and performance of Australia at the conference—an early situation in which Australia not only acted as a fully sovereign state, but also where it identified the refugee issue as one that was vital for Australia's future.

The immediate response of the British Foreign Office to the U.S. invitation was expressed by a senior official, Roger Makins. Considering America's long postwar tradition of isolationism, Makins minuted that «it is on general grounds desirable to encourage and support any United States proposal involving American interest in European affairs and any inclination to co-operate with foreign governments, however 'half-baked' a particular proposal may in its inception appear»⁴. His major misgiving was that the proposed conference could encourage the German government to aggravate its persecution against the Jews if it was shown that the countries of the world were prepared to open their doors to refugees. And not only the German government: «Other European countries with surplus populations, and particularly Poland and Roumania, may well intensify the persecution of Jews and others whom they do not want in the hope of getting rid of them through the good offices of the [proposed] committee»⁵. Makins's conclusion was that «Unless great caution is exercised, the constitution of the committee may therefore intensify the pressure on the Jews in Europe, and make the refugee problem even worse than it is at present»⁶. He stressed, however, that the British Empire «should as far as possible present a united front in regard to this question;» for this reason «we ought to urge the Dominions to do all they can to bring this about»⁷.

The Australian government first heard officially about the American proposal when R.A. Wiseman of the Dominions Office sent a letter to the Australian High Commissioner in London, Stanley Melbourne Bruce, on April 1, 1938. The actual suggestion that Australia had been invited was worded strangely. Informing Bruce

¹ The National Archives of the United Kingdom (henceforth TNA), DO 35, file 716/M576/1, memorandum to His Majesty's Government in the United Kingdom, from the Embassy of the United States. London, 24.03.1938.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ TNA, FO 371, file 22321, minute by R.M. Makins (Foreign Office), 25.03.1938.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

that the United States had invited Britain and other European and American countries (as well as Canada, South Africa, and Ireland, which had independent diplomatic contact with the United States), Wiseman then asked «what reply His Majesty's Government in the Commonwealth of Australia would wish to be returned to the invitation made to them by the United States Government?»⁸ The invitation and a request for a response to it were thus issued simultaneously. Wiseman wrote that the British government was favorably disposed to the idea of a gathering on German refugees.

Bruce wired Prime Minister Joseph Lyons in Canberra his advice that Australia should attend the conference⁹, informing Lyons that delegates would be nominated by the attending governments and that any financing of emergency migration «would be undertaken by private organizations within the respective countries». Furthermore—and possibly this was the most attractive feature of the American proposal—«no country would be expected to receive a greater number of immigrants than is permitted by its existing legislation»¹⁰. Australia would certainly not be going out on a limb if it agreed to participate, as France, Sweden, and five Latin American countries had already agreed to join with the United States in the new committee, «prompted by [the] urgency of [the] problem and [a] desire to avert widespread human suffering».¹¹

A cable sent from Lyons to Bruce on April 8 showed that Australia's attitude had already been decided upon; it was prepared to attend, Lyons wrote, but only on the understanding that Britain also be represented. Moreover, only after receipt of news indicating Britain's participation would Bruce be permitted to accept the American invitation¹². A Cabinet decision, it was influenced strongly by Lyons himself¹³. The Prime Minister's views on the matter were thus clear: when the circumstances surrounding Australia's participation had been finalized, he wrote, the Commonwealth representative would be instructed along the following lines:

[N]o special facilities can be granted for the admission of groups of Jewish migrants whether from Germany or Austria, ... [and] each case will be considered on its merits on application in the usual form being submitted to the Department of the Interior; ... [T]he representative on the Committee will be informed that we are ready to receive applications for permits from non-Jewish Austrians [sic], but that these applications will be subject to the present policy and rules regulating migration to Australia;

⁸ TNA, DO 35, file 716/M576/1, R.A. Wiseman (Dominions Office) to the High Commissioner for Australia, London, April 1, 1938.

⁹ National Archives of Australia (henceforth NAA), A461, file M349/3/5, Part 1, «Jews—Policy Part 1», cablegram from S.M. Bruce to Prime Minister J.A. Lyons, April 5, 1938 (received April 6, 1938).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. As it turned out, by early April the nations that had agreed to attend included Belgium, France, Sweden, Argentina, Brazil, Columbia, the Dominican Republic, Guatemala, Haiti, Mexico, Nicaragua, Paraguay, Peru, El Salvador, and Uruguay (TNA, FO 371, file 21748, C.R. Price (Dominions Office) to the Official Secretary, Australia House, April 8, 1938). By the time the conference took place in July 1938, fifteen other countries plus the USA and Britain had joined them.

¹² NAA A461, file M349/3/5 Part 1, «Jews—Policy Part 1», cablegram from J.A. Lyons to S.M. Bruce, April 8, 1938.

¹³ NAA A445, file 235/5/2 Part 2, «Admission of Jews Policy Part 2», memorandum from Frank Strahan, Secretary, Prime Minister's Department, to Secretary, Department of the Interior, April 8, 1938.

there will in all cases be customary safeguards that admission will not be detrimental to Australian workers¹⁴.

These instructions were for Bruce's «personal information only at present»¹⁵ there was much to be done before the conference began.

For its part, the United States Embassy in London remained unsure about Australia's attendance as late as May 26¹⁶. By now, however, the date and place of the proposed meeting had been set: it was to take place at the Royal Hotel in the French resort town of Evian-les-Bains from July 6 onwards, and was henceforth to be referred to as an «Inter-Governmental Committee» rather than a conference or meeting¹⁷. (Most people, however, persisted in referring to it as the «Evian Conference», and the name stuck).

While the Americans had not been officially informed of Australia's participation, neither had the Australian people; they had to wait, in fact, until June 15. In response to a question in Parliament from the Member for Bourke, Maurice Blackburn, Prime Minister Lyons informed the House of Representatives that Australia had received an invitation from the United States government to participate in the establishment of a committee «to facilitate the migration from Austria of political refugees». (No mention was made of Germany or of the German annexation of Austria the previous March.) The government had decided, Lyons said, «to be represented on the committee», though the question of who was going to be Australia's representative had not yet been decided¹⁸. This was, officially, the first time the Australian people had heard either of the meeting or of Australia's intended participation in it. The bureaucracy, on the other hand, had been working on the conference details behind the scenes, and a good deal of planning activity had already taken place prior to Lyons making his announcement in Parliament.

Activity had also been taking place in London, where at a British interdepartmental meeting on June 8 the Foreign Office informed officials from other departments that Australia would be represented at the conference—but that prospects for attendance by the other Dominions were discouraging. The question that naturally arose was whether the British government should request the Dominion governments «to co-operate at Evian» for «on broad grounds of policy it is undesirable that the Dominions should not appear interested or willing to assist in this problem¹⁹». R.A. Wiseman of the Dominions Office stated unequivocally that such an approach was out of the question. It was, he said, not possible for the British government to influence the Dominions' attitude²⁰. Makins responded from the point of view of the external implications for Britain and the Empire, saying that the United States Government probably

¹⁴ NAA A461, file M349/3/5 Part 1, «Jews—Policy Part 1», cablegram from J.A. Lyons to S.M. Bruce, 08, 1938.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ TNA, FO 371, file 21748, Herschel V. Johnson (Counsellor, Embassy of the United States of America, London) to Viscount Halifax (Foreign Secretary, His Majesty's Government in the United Kingdom), 26.05.1938.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ Commonwealth Parliamentary Debates, House of Representatives, 15.06.1938, vol. 156, p. 2170.

¹⁹ TNA, FO 371, file 21749, Foreign Office minute by Roger Makins, 13.06.1938.

²⁰ *Ibid.*, from the record of the interdepartmental committee meeting held at the Foreign Office on 08.06.1938.

regarded the British Empire as in a position to make an important contribution to the problem, but it seemed that not only could the Empire make no adequate contribution, but that only one or two Dominions would even be represented at the conference. It would be open to the United States to criticise very strongly this negative response to their initiative and to attribute to it any blame that may accrue from a possible failure of the meeting²¹.

The fundamental position of the Dominions Office had already been expressed in an earlier meeting, when a comment was made that «it is best for us, while helping unofficially in any way in our power, to keep out of anything which looks like intervention with the Dominion governments».²² The Dominions framed and executed their policies independently of Britain, and immigration was viewed as a domestic rather than an external matter. Uninvited British intervention would be held as an unwarranted intrusion on their sovereignty.

In the long run, it seems that some good may have come out of these discussion, however; South Africa did not attend, but Australia, Canada, Ireland, and New Zealand did—a significant improvement over just Australia²³.

As July 6 drew closer, Australian activity in Canberra and London intensified, until the final matter—the composition of the Australia delegation—was addressed. The team would essentially be assembled from diplomatic staff serving in the United Kingdom, but it was to be led by the Federal Minister for Trade and Customs, Thomas Walter (later Sir Thomas) White, who was at that time in London on other business. His advisers were Alfred Stirling (External Affairs Officer, Department of External Affairs, based at London), and A.W. Stuart-Smith (Australia House, London); his Private Secretary was Mrs. M. Grant. White arrived at Evian on the evening of July 5, having flown that day from Berlin; the other members of the delegation left from London the day before, and arrived at Evian in time to greet the Minister.

The man chosen to represent Australia was to some extent a default candidate. He was already in London to attend a trade conference, and to many people High Commissioner Stanley Melbourne Bruce (a former Prime Minister) would have been a more natural choice as Australia's representative. But early on Bruce had declined to recommend himself as a delegate, preferring to work from London in a liaison capacity.

White's qualifications as a civic and military leader in interwar Australia were without match. He had served in the Great War as an airman with the Australian Flying Corps (the forerunner of the Royal Australian Air Force); twice mentioned in dispatches and awarded the Distinguished Flying Cross, he had been captured by the Turks near Baghdad in November 1915 and escaped by way of Russia in August 1918. He was a founder of the Australia Aero Club in 1914 and its Federal Chairman between

²¹ Ibid.

²² TNA, DO 35, file 705/M529/20, Dominions Office minute for Secretary of State, 27.05.1938.

²³ Very little work of a comparative nature has been done on the refugee policies of the British Dominions at the time of the Evian Conference. A beginning can be found in Paul R. Bartrop's works [5; 14]. The attitudes and policies of the other Dominions can be found only in specialist works focusing on the individual countries. See, for example, the following: [1; 4; 8; 9; 16].

1925 and 1927; he was also elected as Federal President of the Royal Life Saving Society in 1925, and President of the Melbourne Legacy Club (for the welfare of returned ex-servicemen and their families) in the same year. He commanded the 6th Battalion (Royal Melbourne Regiment) between 1926 and 1931 and held the rank of Lieutenant-Colonel between 1926 and 1939. His wife, Vera, was a daughter of Australia's second Prime Minister, Alfred Deakin. White had served as the parliamentary Member for the Melbourne electorate of Balaclava since 1929 and had held the Portfolio of Trade and Customs since 1933 [18]. Although the matters to be discussed at Evian did not directly concern his department, he was nonetheless senior enough in the Cabinet to have been expected to perform with authority in putting forth the government's line.

Hopes for the success of the conference were high in some circles prior to its opening. As early as April 7, Norman Bentwich, Professor of Law and a leading figure in the Council for German Jewry in London, had said to Roger Makins that «as regards the British Empire his main hopes were now centered on Australia and New Zealand», and these hopes might be realized at Evian²⁴. He recalled later that Australia had become a «blessed word» for the victims of persecution in Europe, and this image was to be reinforced often by numerous other commentators and public figures [11].

However, hopes for the success of the conference ran high among only a limited few within Australia itself. One was Colonel Harold Cohen, a leading Melbourne Jew and Member for Caulfield in the Victorian Parliament. On 7 July he said that out of an overall Australian population of seven-and-a-half million «a few thousand people of high technical knowledge, most of whom had means», would present little problem of absorption²⁵: people of the type described did not remain a self-contained community as did some of the European nationalities. No one had more reason to be a loyal Australian, or to desire to serve the community in which he lived, than had a British citizen of the Jewish faith, and there were innumerable examples in Australia of effective public service rendered by such people²⁶.

Perhaps the most thought-provoking comment came from the editor of the *Sydney Morning Herald* on the opening day of the conference, July 6:

«The test of the sincerity of international sympathy with the refugees and would-be refugees will come when the conference is invited to consider what practical steps can be taken to succour them. Pious resolutions will not help the distressed or deliver the oppressed from the hands of the persecutor. They must be given sanctuary in new lands and assistance to reach those lands. How far are the nations represented at Evian prepared to go?»²⁷

On Australia's participation, the *Herald* was even more forthright:

Are we in Australia, for example—to bring the question right home—ready to adopt a generous policy regarding the admission of the thousands of Austro-German

²⁴ TNA, FO 371, file 21748, Foreign Office minute by Roger Makins, 07.04.1938.

²⁵ *Argus*, 08.07.1938, p. 2.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Sydney Morning Herald*, 06.07.1938, p. 16.

refugees who are clamouring to come to these shores? ... over-nicety ... must defeat the whole purpose of the Evian Conference, and expose the delegations to the Nazi taunt that democratic commiseration with and championship of persecuted peoples stop short of giving them the only kind of sympathy and support that counts.

«Why should» the *Herald* asked, «the rest of the world ... burden itself with the consequences of Germany's barbaric treatment of the Jews?» The answer was clear: because the Nazi pursuit of «these unfortunate people» was one to «excite the indignant contempt of all liberal-minded peoples». Germany's actions were «entirely indefensible», and it mattered greatly that «something should be done to relieve the sufferings of the victims of malice and misfortune»²⁸. It remained to be seen, of course, whether the attitude of the *Sydney Morning Herald* would be also that of the Australian government.

On the opening morning of the conference Thomas White sought out the representatives of the United Kingdom and the other Dominions, and a short consultation took place between them²⁹. It will never be entirely clear what was discussed, though it may be surmised that a general exchange of information, rather than a deliberation over tactics, took place. And information was necessary in the circumstances: it has been recorded that «even when the Government representatives had already gathered at Evian there was very little information forthcoming as to the Agenda of the Conference and its specific aims³⁰». A measure of uncertainty prevailed as to «whether the Conference would take in not only the actual problem of German and Austrian refugees ..., but the potential problem as it existed in Poland, Roumania, and Hungary and also of course in such other countries as Spain³¹». There was clearly a great deal of which the delegates had to become apprised before the conference actually got under way, and the Dominion representatives sought to create a unified stance from the outset.

The plenary meeting of the conference took place later that morning. The French delegate, Henry Bérenger, took the chair as host in order to welcome representatives of the thirty-two nations attending. Speeches of welcome then followed from the American and British representatives, after which the conference then proceeded to hear statements from the various delegates. The representatives quickly got to the point, and it was not long before the gist of the conference was made clear: all countries understood the need for international co-operation, «but in almost every instance it was pointed out that the opportunity for absorbing refugees was limited owing to economic conditions³²». The countries represented at Evian were unable, or unwilling, to agree to anything like mass migration. Some countries—particularly those from Latin

²⁸ Ibid.

²⁹ NAA, A434, file 50/3/41837, «Refugees from Austria: Special Committee Proposed by U.S.A., Evian», High Commissioner's Office, London, to Secretary, Department of External Affairs, 13.07.1938.

³⁰ Board of Deputies of British Jews Archives, file E3/282/1, «Inter-Governmental Conference on Refugees Held at Evian, 06.07.1938», unsigned report by Norman Bentwich (henceforth «Board of Deputies Evian Report»). As it turned out the Agenda was prepared in the United States and taken to Evian; there was no prior consultation as to what the Agenda would contain.

³¹ Ibid.

³² NAA, A434, file 50/3/41837, «Refugees from Austria: Special Committee Proposed by U.S.A., Evian», Inter-Governmental Committee on Refugees held at Evian, 6-15.07.1938: Summary of Proceedings.

America—indicated a willingness to accept agricultural refugees or those who could bring a degree of wealth with them; others agreed to consider plans for refugee settlement in rural colonies only. It appeared, in the words of one observer, as though all these expressions «had been prepared for ‘home consumption’ as well as with an eye to public opinion abroad, and that consequently delegates had refrained as far as possible from making any specific commitments³³». The United States did nothing more than publicly affirm its already existing annual quota of 27,370 Germans and Austrians, a figure that had to include non-refugee German immigrants and non-Jewish refugees, as well as Jews. The British government had misgivings about the whole conference, and much preferred to utilize the already existing League of Nations High Commission for Refugees. It was also wary about drawing too much attention to the refugee problem in case the delegates assembled at Evian began to make disquieting noises about Palestine as a Jewish haven. Indeed, British concern over Palestine led to an insistence on the part of the British delegation that the President of the Jewish Agency for Palestine, Dr. Chaim Weizmann, not be permitted to address the delegates, even privately [15, p. 202]. The issue of Palestine was one on which the British preferred to avoid discussion altogether.

Australia soon had its chance to make a statement, Thomas White speaking on the second day. The thrust of his speech was largely the same as that of the other representatives. He drew the conference’s attention to the special position of the Dominions in relation to Britain, expressing the view that they were «free partners in the British Commonwealth and arbiters of their own economies and national destinies». He continued that «Australia has her own particular difficulties», and that, where migration played any part in easing those difficulties, the only type to be countenanced was *British* migration. Despite this, he said, the government had, over recent years, given much consideration to «the problem of foreign migration». With this in mind and recognizing «the unhappy plight» of Jews in Germany and Austria, «they have been included on a pro rata basis, which we venture to think is comparable with that of any other country». He then added words that have since become infamous:

Under the circumstances, Australia cannot do more, for it will be appreciated that in a young country man power from the source from which most of its citizens have come is preferred, while undue privileges cannot be given to one particular class of non-British subject without injustice to others. It will no doubt be appreciated also that, as we have no real racial problems, we are not desirous of importing one by encouraging any scheme of large-scale foreign migration³⁴.

The speech continued for another few minutes, but it could easily have stopped there. White had effectively declared Australia to be out of bounds for Jewish refugees.

His comments greatly disillusioned Jewish observers and representatives of various organizations assembled at Evian. Australia would never, it was felt, find cause to

³³ Board of Deputies Evian Report.

³⁴ NAA, A434, file 50/2/41837, «Refugees from Austria: Special Committee Proposed by U.S.A., Evian», Speech by Lieut.-Colonel the Honourable T.W. White, Delegate for Australia at Evian-les-Bains Conference on 7th July 1938.

admit Jews. White had even placed Jewish refugees in the same category as general non-British immigrants, as if the same motivations for emigration (and therefore the same criteria for acceptance) should apply. This is perhaps not to be wondered at, given that Australia did not have a distinct refugee policy at the outset of the crisis, and only haphazardly improvised one during 1938 itself. And while White might not have known much about Australia's migration policy, he certainly knew that no special considerations were being provided for Jewish entry. His final words demonstrated the extent to which Australia was prepared to go:

«What the United Kingdom is doing, together with our own efforts and those of others already related, will probably, we trust, encourage members of this inter-governmental committee here assembled to formulate further plans for cooperation towards the solution of a tragic world problem and thus bring hope to many unhappy people»³⁵.

This excluded the fact that Australia's «efforts» were directed towards keeping Jews out, rather than letting them in; that no «further» plans could be formulated, because no initial plans had been devised; and that no «co-operation towards the solution» of the refugee problem had been achieved because the delegates, more concerned with stating what their countries could not do rather than what they could do, had hardly created an environment conducive to practical international co-operation.

Responses to White's comments were scattered through the Australian press in the days following. The populist *Bulletin*, for example, applauded his stance, claiming that the «great majority» of Australians would approve of his statement and would not tolerate «any influx of foreign Jews on the scale which evidently appeals» to newspapers like the *Sydney Morning Herald*³⁶. Moreover, as the link between Jews and communists was in its view inextricable, the *Bulletin* urged that «Every immigrant Jew from Europe or Palestine should be made to sign a declaration that he has never been a member of a Communist organisation, open or disguised, and realises that he will be liable to deportation if he joins any such organisation in Australia»³⁷.

The *Sydney Morning Herald*, true to its earlier positions, did not agree. On July 9 the editor wrote that «there cannot but be disappointment with the negative nature of [White's] speech». He had, in the *Herald's* view, «little that was constructive to offer» towards a solution of the refugee problem:

It is a truism, of course, that the Commonwealth has no racial problem and does not desire to import one. On the other hand, it prides itself on being a democracy, with a strong tradition of tolerance, and any suggestion of racial intolerance constitutes a betrayal of our cherished traditions³⁸.

³⁵ Ibid.

³⁶ *Bulletin*, 13.07.1938, p. 13.

³⁷ Ibid. Catholic spokesmen in Australia held similar views on the relationship between Jews and communism throughout the 1930s, to the point where the Catholic Freeman's Journal, on July 7, 1938, opposed the entry of refugees «thinking it wrong to give opportunities to people 'who, for one reason or another, are not content to remain in their native land.' See E.M. Andrews, *Isolationism and Appeasement in Australia: Reactions to the European Crises, 1935-1939*. Canberra: ANU Press, 1970, p. 151.

³⁸ *Sydney Morning Herald*, 09.07.1938, p. 16.

There was even a response to White's comment that Australia «cannot do more». To the *Herald*, such a claim was not plausible, especially considering the «undeniable» fact that the country had a great need «for more citizens to develop and defend this continent»³⁹. There was little doubt, in the *Herald's* view, that White was wrong and that his opinions, if reflecting the true attitude of the Australian government, left a great deal to be desired.

Readers of the *Sydney Morning Herald* generally felt the same way. «Humanitas», in a letter to the editor dated July 13, asked «Can we not open our doors wide to all the Jews who wish to come here?»⁴⁰ «Australian Scot» wrote two days later that «we should welcome persecuted Jews to this country»; while there were difficulties in doing this, they were «not insurmountable»⁴¹. In such letters there were many reasons given in support of allowing Jews in, and the files of the Department of the Interior indicate that letters like these were read by the Head of the Immigration Branch, A.R. Peters, and others. The refugee issue was becoming increasingly complex, and opinions were forming and polarizing around the twin axes of exclusion and admission. After Evian the department was to face pressure coming from both sides, to the point where something had to give and policy had to be seen to be undergoing some form of modification. It was quite prophetic, therefore, that the Melbourne *Argus* should state, immediately after White's speech, that «a review of existing migration arrangements will be undertaken later in the year by the Federal Cabinet»⁴². The paper had no evidence for making such a statement, but it is possible that a reading of White's speech could have been interpreted this way. It is perhaps no coincidence that this report was printed on the same page as that revealing the details of White's address at Evian.

Once all the speeches had been made, the Conference broke into two sub-committees, designated the Technical Sub-committee⁴³ and the «Sub-committee for the Reception of Organisations Concerned with the Relief of Political Refugees coming from Germany (including Austria)». This was established to accommodate the numerous refugee organizations that were registered as participants at the conference but could not take part in the general sessions. According to Norman Bentwich of the Board of Deputies of British Jews, these organizations «had of course not been invited and really had no locus standi at the Conference, [but] nevertheless, their presence and interest were regarded as natural». Bentwich recalled later that there were more than a hundred of these organizations present, most of which were Jewish. The emissaries of these organizations had been sent to Evian, he stated, «to present their need or their panaceas and, if that was denied them, to waylay the delegates» [10]. It did not come to that, for Myron Taylor, the American President of the Conference, invited the major organizations that had previously

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid., July 13, 1938, p. 12.

⁴¹ Ibid., July 15, 1938, p. 10.

⁴² *Argus*, July 9, 1938, p. 9.

⁴³ This was comprised of Brazil, Canada, Chile, the United Kingdom, the USA, France, Haiti, the Netherlands, and Switzerland. Its brief was to «hear in confidence the statements of laws and practices of the participating governments, statements of the number and types of immigrants each is prepared to receive and consider the question of documentation." For a discussion of its role and performance, see Bartrop, *The Evian Conference*, pp. 89-90.

presented memoranda «to amplify their views, if they so wished⁴⁴». Some thirty-nine organizations stepped forward to take advantage of the offer and put their case.

The sub-committee was comprised of Australia, Belgium, Costa Rica, Cuba, France, Mexico, Nicaragua, Peru, the United Kingdom, the United States, and Venezuela. Australia's Thomas White was elected to the chair, and the sub-committee, with extreme haste, proceeded to hear the depositions of some twenty-five of the thirty-nine organizations on the single afternoon of July 8. As chair, White decided that each organization should be heard separately⁴⁵, but as time was limited, speed was of the essence. The deputations were therefore processed, in the words of Alfred Stirling (the Australian External Affairs Officer in London), «with unprecedented dispatch».⁴⁶ Prior to the sub-committee's initial sitting, clear guidelines as to procedure were set down for the information of all concerned. It was understood that the representative of each organization would present a memorandum and would be permitted to speak for a limited time. At the end of the overall process, the sub-committee would make a synopsis of all the memoranda and report its findings to the conference.

According to a contemporary witness the hearing was «a humiliating procedure» The representatives of the organizations had to queue up at the door of the meeting room to be called in, one after the other, and to face the eleven members of the Sub-committee to whom they were supposed to tell their tale within ten minutes at the most. There were very distinguished public figures amongst the petitioners—scientists, authors, politicians, etc.—none of them accustomed to any kind of interrogation procedure in front of a Committee, before which they felt rather as though they were on trial, without time to forward their plea, as they had soon to make room for the next invited spokesman. All left the room disheartened and disillusioned [2, p. 255].

Norman Bentwich later recalled that the process of hearing the organizations was speeded up when White and those around him began to grow weary: the period of ten minutes was reduced to five⁴⁷. The depositions, moreover, had to be translated into French if not presented in that language, and consequently there was little enough time for a deposition to be heard before it was time to make way for the next organization. Bentwich—who presented a deposition on behalf of the Council for German Jewry—remembered that the audience chamber was dubbed the «Modern Wailing Wall» by the delegates.

As can be imagined, White's speech at the plenary session and his chairmanship of the sub-committee did little to endear him to many of those present. One of the Jewish representatives who had run the gauntlet of the audience chamber proudly informed Norman Bentwich that he had stood up to White's dismissive treatment of those present: «I told Col. White ... exactly what I thought of him and his statement that Australia had no racial problem and did not want to import any.» Referring to Australia's back-

⁴⁴ Board of Deputies Evian Report.

⁴⁵ Board of Deputies of British Jews Archives, file E3/282/1, Council for German Jewry Report (Report on the Governmental Conference at Evian) prepared by Norman Bentwich, no date.

⁴⁶ NAA, A981, file Refugees 4 Pt 1, «Refugees—General Inter-Governmental Committee (Including Evian Conference) Pt 1», Alfred Stirling to W.R. Hodgson, 17.07.1938.

⁴⁷ Bentwich, My 77 Years, p. 148.

ground as a convict colony of Britain, «I told him that as far as racial origin was concerned, Australians themselves had little cause for pride as to their own ancestors!!!»⁴⁸

While sentiments like these may have assuaged damaged sensitivities, it is highly unlikely that they would have served any good purpose. At the end of the conference White's activities warranted a special favorable mention⁴⁹, and there is little doubt that Australia's praises were sung lustily by many of those participating, most acknowledging that its presence had set an encouraging precedent for future initiatives. The Australian delegation would leave Evian satisfied with its accomplishments.

The conference broke up on July 15, its main outcome being the establishment of a permanent organization in London. When the newly-formed Inter-Governmental Committee on Refugees convened there on July 19, Australia's representation was largely the same, but with one important exception: a professional administrator, rather than a politician, was appointed to lead the delegation. J.S. Duncan, the Official Secretary at Australia House, was the new Australian representative, with Alfred Stirling as adviser and A.W. Stuart-Smith as secretary.

In the long run, the existence of the Inter-Governmental Committee did not change the outcome for the Jews of Europe in the slightest. Attitudes such as those expressed by Thomas White at Evian demonstrated to Hitler that the Jews he did not want were also unwanted throughout the rest of the world. This is not an argument which can only be discussed with the advantage of hindsight. It was clearly apparent to perceptive observers at the time. The tragedy is that while all saw the dangers of inaction, none were prepared to put their words of sympathy into practice. Australia, in this regard, was perhaps more honest than most, as White at least gave reasons as to why Australia was doing nothing. The exercise, however, was hardly flattering, and can have done little or mollify the fears of Jews seeking emigration from Germany and Austria. The Evian Conference clearly demonstrated that the nations of the world, including Australia, did not yet fully understand the implications of what was happening in Germany in any terms other than their own.

One of the myths coming from the Evian Conference is that when White made his «no real racial problems» speech he also announced a liberalization of Australian refugee policy. The juxtaposition of the two themes, while ludicrous, is also based on an entirely flawed reading of history. On December 1, 1938, the Australian Minister for the Interior, John McEwen, announced a new policy to admit 15,000 refugees (not specifically Jewish) over the next three years. This policy had nothing to do with Evian, but was, rather, a response to Germany's *Kristallnacht* pogrom of November 9-10—three weeks earlier. Because White spoke in Parliament regarding the new policy at this time, however, the impression was created for many that it was somehow linked to Evian. Nothing, however, could be further from the truth. At Evian, White went out of his way to demonstrate that Australia was neither prepared to relax the immigration

⁴⁸ Board of Deputies Evian Report.

⁴⁹ NAA, A981, file Refugees 4 Pt 1, «Refugees—General Inter-Governmental Committee (including Evian Conference) Pt 1», Alfred Stirling to W.R. Hodgson, 17.07.1938.

machinery nor to accommodate the needs of the refugees. On December 1, 1938 the government announced enthusiastically that it was going to make a significant contribution to easing the refugee problem⁵⁰. The linkage between the Evian Conference and the announcement on December 1 remained, however, and over time the two issues became merged in the public mind. The logic behind the statement that Australia did not want to «import» a racial problem by allowing a Jewish refugee presence in July 1938 was evidence that perhaps Australia already did have such a problem⁵¹.

Australia's record at Evian stands about on par with those of the other nations assembled. Thomas White informed the world that Australia had neither an interest in, nor a desire to help the resolution of, the refugee problem. On one level, it is not surprising that Evian saw no grand commitments toward refugee acceptance: that had never been part of Roosevelt's proposal when calling the meeting back in March. It will be recalled, for example, that the original invitation indicated how no country would be expected to receive a greater number of immigrants than was already permitted by its existing legislation. This was, in fact, an attractive reason for attendance for most of those attending. It was perhaps an optimistic hope, then, that these countries would have agreed to some great liberalization of their refugee policies. Far from the nations of the world letting down the Jews of Germany, to some extent the opposite was true; the Jews—not only of Germany but also of the Free World—put too much faith in the concept of an international conference the real object of which was only to talk about the refugee crisis. Jewish and other hopes were misplaced, and their expectations too high.

For all that, the gathering at Evian did serve the purpose of concentrating the minds of government leaders, if only for a short time, on the refugee crisis. It *could* have acted as an occasion for caring administrations to voluntarily make some kind of announcement that they would agree to an increase in their refugee quotas. Australia, which had to some extent been drifting in its approach to the problem prior to the Evian Conference, set its sails at that meeting. Few of the nations of the world can claim to have been helpful in receiving Jews or alleviating their plight, and Australia, despite the hopes held by many people of good will, typified the world's approach.

References:

1. Abella I., Troper H. *None is Too Many: Canada and the Jews of Europe, 1933 to 1948*. New York, Random House Publ., 1982. 336 p.
2. Adler-Rudel S. The Evian Conference on the Refugee Question. *Leo Baeck Institute Yearbook*, 1968, vol. 13, pp. 235–273. DOI: 10.1093/leo-baeck/13.1.235
3. Andrews E.M. *Isolationism and Appeasement in Australia: Reactions to the European Crises, 1935–1939*. Canberra, ANU Press Publ., 1970. 151 p.
4. Bartrop P.R. *Australia and the Holocaust, 1933–1945*. Kew (Victoria), Australian Scholarly Publ., 1994. 304 p.
5. Bartrop P.R. Indifference of the Heart: Canada, Australia and the Evian Conference of 1938. *Australian-Canadian Studies*, 1989, vol. 6, no. 2, pp. 57–74.
6. Bartrop P.R. Not a problem for Australia: The

⁵⁰ See, for example, Paul R. Bartrop's article [6].

⁵¹ Australia's position regarding refugees from Nazi persecution has been dealt with comprehensively in a number of studies. See, for example, those publications [4; 17].

- Kristallnacht viewed from the Commonwealth, November 1938. *Journal of the Australian Jewish Historical Society*, 1989, vol. X, part 6, pp. 589-599.
7. Bartrop P.R. *The Evian Conference of 1938 and the Jewish Refugee Crisis*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2017. 128 p. DOI: 10.1007/978-3-319-65046-3.
 8. Bassler G.P. *Sanctuary Denied: Refugees from the Third Reich and Newfoundland Immigration Policy 1906-1949*. St. John's, Institute of Social and Economic Research Publ., 1992. 288 p.
 9. Beaglehole A. *A Small Price to Pay: Refugees from Hitler in New Zealand, 1936-46*. Wellington, Allen and Unwin, 1988. 180 p.
 10. Bentwich N. *My 77 Years: An Account of My Life and Times, 1883-1960*. London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1962. Pp. 147-48.
 11. Bentwich N. The Evian Conference and After. *Fortnightly*, 1938, vol. 144, p. 289.
 12. Blakeney M. Bartrop, Australia and the Holocaust. *Australia and the Jewish Refugees, 1933-1948*. Sydney, Croom Helm Australia Publ., 1985. 304 p.
 13. Commonwealth Parliamentary Debates, House of Representatives, 1938. Vol. 156. 2170 p.
 14. *False Havens: The British Empire and the Holocaust*. Ed. by P.R. Bartrop. Lanham (MD), University Press of America, 1995. 308 p.
 15. Gilbert M. *Exile and Return: The Emergence of Jewish Statehood*. London, Weidenfeld and Nicolson Publ., 1978. 202 p.
 16. Keogh D. *Ireland and Europe, 1919-1948*. Dublin, Gill and Macmillan Publ., 1988. 256 p.
 17. Rutland S.D. *Edge of the Diaspora: Two Centuries of Jewish Settlement in Australia*. Sydney, Collins Australia Publ., 1988. 506 p.
 18. White T.W. *Who's Who in Australia*. 14th ed. DFC, VD, AMIAeE, FRGS, 1950. 816 p.

About the author:

Paul R. Bartrop – PhD in Economic History and Director of The Center for Judaic, Holocaust, & Genocide Studies, Florida Gulf Coast University. 10501 FGCU Blvd S, Fort Myers, FL 33965, USA.
E-mail: pbartrop@fgcu.edu.

УЧАСТИЕ АВСТРАЛИИ В РАБОТЕ ЭВИАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: ПРОЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ОШИБКА?

П.Р. Бартроп
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-153-167

Флоридский Университет побережья Мексиканского залива

В статье анализируется роль Австралийского Содружества в работе Эвианской конференции в июле 1938 г. Статья показывает, что отношение правительства Австралии к обсуждаемым вопросам с самого начала было непоследовательным и противоречивым: Австралия была готова участвовать в конференции, только в случае присутствия там Великобритании. Согласившись в итоге направить на конференцию своего представителя, австралийские власти выбрали для этой роли такого кандидата, который не был специалистом ни по миграции, ни по внешней политике. Министр торговли и таможенного контроля Томас Уайт (позднее ставший сэром) занял легалистскую и неконструктивную позицию, которая привела в отчаяние членов еврейской делегации.

Уайт был избран главой одного из двух подкомитетов конференции и относился к еврейским делегатам крайне неприязненно. Его выступление на конференции было высоко оценено различными официальными лицами, при этом оно содержало одни из самых бесчеловечных заявлений за всю историю австралийской политики. И это случилось в тот момент, когда Австралия делала первые шаги на мировой арене как суверенное государство.

Ключевые слова: Австралия, Холокост, Содружество, евреи, Министерство иностранных дел Великобритании, США, Эвианская конференция.

Список литературы:

1. Abella I., Troper H. None is Too Many: Canada and the Jews of Europe, 1933 to 1948. New York, Random House Publ., 1982. 336 p.
2. Adler-Rudel S. The Evian Conference on the Refugee Question // Leo Baeck Institute Yearbook, 1968. Vol. 13. Pp. 235–273. DOI: 10.1093/leobaec/13.1.235
3. Andrews E.M. Isolationism and Appeasement in Australia: Reactions to the European Crises, 1935-1939. Canberra, ANU Press Publ., 1970. 151 p.
4. Bartrop P.R. Australia and the Holocaust, 1933-1945. Kew (Victoria), Australian Scholarly Publ., 1994. 304 p.
5. Bartrop P.R. Indifference of the Heart: Canada. Australia and the Evian Conference of 1938 // Australian-Canadian Studies. 1989. Vol. 6. No. 2. Pp. 57-74.
6. Bartrop P.R. Not a problem for Australia: The Kristallnacht viewed from the Commonwealth. November 1938. Journal of the Australian Jewish Historical Society. 1989. Vol. X. Part 6. Pp. 589-599.
7. Bartrop P.R. The Evian Conference of 1938 and the Jewish Refugee Crisis. London: Palgrave Macmillan, 2017. 128 p. DOI: 10.1007/978-3-319-65046-3.
8. Bassler G.P. Sanctuary Denied: Refugees from the Third Reich and Newfoundland Immigration Policy 1906-1949. St. John's: Institute of Social and Economic Research, 1992. 288 p.
9. Beaglehole A. A Small Price to Pay: Refugees from Hitler in New Zealand. 1936-46. Wellington: Allen and Unwin, 1988. 180 p.
10. Bentwich N. My 77 Years: An Account of My Life and Times. 1883-1960. London: Routledge and Kegan Paul, 1962. Pp. 147-48.
11. Bentwich N. The Evian Conference and After // Fortnightly. 1938. Vol. 144. P. 289.
12. Blakeney M. Bartrop. Australia and the Holocaust. Australia and the Jewish Refugees. 1933-1948. Sydney. Croom Helm Australia, 1985. 304 p.
13. Commonwealth Parliamentary Debates. House of Representatives, 1938. Vol. 156. 2170 p.
14. False Havens: The British Empire and the Holocaust. Ed. by P.R. Bartrop. Lanham (MD): University Press of America, 1995. 308 p.
15. Gilbert M. Exile and Return: The Emergence of Jewish Statehood. London: Weidenfeld and Nicolson, 1978. 202 p.
16. Keogh D. Ireland and Europe. 1919-1948. Dublin: Gill and Macmillan, 1988. 256 p.
17. Rutland S.D. Edge of the Diaspora: Two Centuries of Jewish Settlement in Australia. Sydney: Collins Australia, 1988. 506 p.
18. White T.W. Who's Who in Australia. 14th ed. DFC. VD. AMIAeE. FRGS, 1950. 816 p.

Об авторе.

Пол Р. Бартроп – PhD по историческим наукам, директор Центра исследований иудаизма, геноцида и Холокоста, Флоридский университет побережья Мексиканского залива. 10501 FGCU Blvd S, Fort Myers, FL 33965, USA. E-mail: pbartrop@fgcu.edu.

РОССИЙСКИЕ АРХИВЫ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ЧЕШСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.Н. Артизов

Федеральное архивное агентство

Автор обращается к проблеме роли и места архивов в процессе формирования политической идентичности, в том числе в области «политики памяти». В статье обращается внимание на то обстоятельство, что преобладающие представления об архивах подразумевают статичное понимание роли и функционирования архивов. Вместо этого автор предлагает рассматривать архивы как часть широкой сети институтов публичной дипломатии, которые формируют взаимопонимание и сотрудничество в гуманитарной сфере.

Для подтверждения заявленного тезиса статья обращается к деятельности российских архивов в рамках развития российско-чешских отношений. Особое внимание уделяется отражению в архивных документах двусторонних отношений в 1918, 1938 и 1968 гг. Автор делает вывод, что рассекречивание документов по проблемным вопросам двусторонних отношений не всегда приводит к единым оценкам и взаимопониманию, т.к. стороны могут иметь противоположные интерпретации одних и тех же документов.

Ключевые слова: открытость архивов, архивоведение, рассекречивание архивов, сборник архивных документов, российско-чешские отношения.

УДК 930.25, 327

Поступила в редакцию 30.05.2018 г.

Принята к публикации 29.07.2018 г.

В последние десятилетия в общественных науках обсуждается вопрос о том, как общественная дискуссия формирует социальное и политическое поведение, а также сознание и самосознание людей [15, р. 24-25]. Особое место в этой связи отводится архивам, которые начинают играть всё более важную роль в актуализации внутривнутриполитических и межгосударственных дискуссий по исторической проблематике, в отборе, публичной демонстрации и сохранении документов, имеющих особое значение для этих дискуссий. Некоторые исследователи утверждают даже, что архивы – это не только хранители исторических документов, а монополисты «рынка памяти», главные производители общественной памяти [10, р. 21-22]. Достаточно вспомнить М. Фуко и его тезис о том, что архивы находятся в основании формирования культуры, они есть не что иное, как «закон» [8, с. 247-248]. Не менее влиятельны и вместе с тем критичны по отношению к архивам работы Ж. Деррида. Деррида, например, полагал, что архивы по своей природе находятся вне общественной коммуникации и совершают «насилие над природой», сохраняя то, чему суждено исчезнуть [12, р. 7]. Архивы предстают в подобных исследованиях одновременно как институт отбора и упорядочивания исторических данных и как нечто статичное, неизменное, выполняющее едва ли не онтологическую функцию для общества [8; 9; 11]. Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы, напротив, продемонстрировать диалогичность архивов, их активное взаимодействие с обществом по определению и формированию целостной картины произошедших событий. В этом взаимодействии ключевыми условиями являются непредопределённость выводов, а также методологическая целостность полученных результатов. Это позволяет скорректировать вышеприведенный тезис о наличии скрытой (структурной или даже неосознанной) повестки дня у архивных учреждений, об их статичности. Вместе с тем формат статьи обуславливает более узкий исследовательский фокус, а именно рассмотрение деятельности российских архивов в сфере совместной российско-чешской исторической памяти, у которой в текущем году сразу три юбилея: 1918, 1938 и 1968 гг.

С теоретической точки зрения, исследование вписано в широкий контекст литературы, посвящённой феномену так называемой «публичной дипломатии». Данный феномен подразумевает активную работу обществ различных стран по укреплению взаимопонимания, формированию возможностей «услышать другого» [2; 3]. Публичная дипломатия вовлекает всё новые и новые силы, способствует возникновению площадок диалога и дискуссии, на которых медленно, но верно возникает общее взаимоуважительное понимание происходящего и прошлого [1; 5]. Среди многочисленных форматов не последнее место занимает сотрудничество между государственными и региональными архивами, проведение совместных выставок, публикационная деятельность. Пример тесного сотрудничества российских и чешских архивов по обнаружению и упорядочиванию сведений по сложным историческим проблемам, проблемам исторической памяти наглядно демонстрирует, что архивы вступают в открытый диалог,

не боятся общественной критики и являются динамически развивающимися общественными институтами, которые формируют существенный потенциал для российской публичной дипломатии.

Особенности российской архивной системы

Важной стороной российского архивоведения является научно-просветительская и издательская деятельность архивистов. Ещё с досоветских времен, «архивары и архивашки» являлись не просто людьми, которые выдают пользователю документы и следят за их сохранностью. Лучшие из них были ещё и учёными-исследователями. Следуя этим традициям, российские архивы постоянно экспонируют документы, причём теперь всё больше на виртуальных выставках, в онлайн-режиме, много публикуют, готовят научные издания источников.

Для этой работы в современной России созданы все необходимые условия. Фактически и юридически сложилась практика свободного доступа к открытым источникам. С 1991 г. рассекречено около 10,5 млн дел (или примерно 125 тыс. м² архивных полок). Когда последнего руководителя Главного архивного управления Советского Союза спрашивали о доступе в архивы, он обычно отвечал: «У нас архивы открыты с 9 утра до 6 вечера». В федеральных, региональных и муниципальных архивах современной России 98% от общего числа учтённых документов открыты. По федеральным архивам эта цифра несколько ниже, здесь открыты примерно 96%. Эти цифры не учитывают ведомственных архивов, где, как и во всем мире, действует особый порядок.

Рассекреченные комплексы архивных документов немедленно включаются в научный оборот, становятся доступными исследователям в читальных залах архивов, а широкой общественности – в том числе в виде подготовленных документальных сборников.

Сохраняется важный принцип в работе российских архивов – открытость. В то же время, с начала XXI в. работники архивов стали строже и более ответственно подходить к рассекречиванию, в полном объёме выполняя требования законодательства о государственной тайне. И в сравнении с «архивным романтизмом» 90-х гг. прошлого века, когда документы порой открывали, даже не потрудившись представить их экспертам, темпы рассекречивания снизились. Но это не означает, что можно говорить о закрытии архивов. Действует Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, которая принимает решения о рассекречивании документов высших органов КПСС и Советского правительства, то есть тех органов, которые не имеют правопреемников; сами сотрудники архивов правами по рассекречиванию не обладают [4].

В подтверждение можно привести следующие цифры по федеральным архивам. В 2006-2010 гг. рассекретили 44 тыс. дел (каждое дело – это примерно 250 листов текста с оборотами), в следующем пятилетии в 2011-2015 гг. – 91,6 тыс. дел, в 2016-2017 гг. – более 15 тыс. дел. Причём эти цифры не учитывают объёмы

рассекречивания архивных документов, которые выполняются в ведомствах. Только по Центральному архиву Министерства обороны в связи с выполнением приказа министра о рассекречивании документов Великой Отечественной войны рассекречены сотни тысяч дел.

«Восьмёрочные юбилеи» на чешском направлении

Работа российских архивистов всегда строилась и продолжает формироваться на системной плановой основе, специально не подстраиваясь под юбилеи. Тем не менее, нельзя не выделить 1918, 1938 и 1968 гг. в российско-чешских отношениях.

В отношении событий 1918 г. ведётся работа по организации выставок и публикации архивных документов – совместно с архивами Чехии и научно-исследовательским сообществом. Осенью 2008 г. в Москве в выставочном зале федеральных архивов демонстрировалась совместная с чешскими партнёрами историко-документальная выставка «Чехословацкий корпус в России. 1914–1920 гг.». На выставке экспонировались документы о формировании и деятельности чешско-словацких воинских формирований, начиная с возникновения Чешской дружины. Среди экспонатов была схема расположения эшелонов с легионерами от города Сердобска Саратовской губ. до города Владивостока, датируемая весной 1918 г. Разложенная в центре зала на огромном столе, эта схема наглядно показала какой длинный путь к дому прошли чехословацкие легионеры. Начав своё движение с территории Украины в 1917 г. по договоренности с Временным правительством, они покинули пределы России в 1920 г., подписав соглашение уже с представителями советской власти на Дальнем Востоке.

Именно выставка послужила основой для самостоятельной работы россиян над сборником документов по истории формирования и деятельности Чехословацкого корпуса в России с целью введения в научный оборот как можно более полного комплекса источников по этой теме.

Выявление документов проводилось по фондам пяти федеральных архивов и Архива внешней политики Российской империи МИД России. В чешских архивах по фондам Военно-исторического архива, входящего в состав Центрального военного архива Минобороны Чешской Республики, и Национального архива Чешской Республики. Значительную часть документов перевели на русский с чешского, французского, английского, немецкого языка.

На начальном этапе планировалось издать один том из двух разделов, первый – по дореволюционному, второй – советскому периоду. Однако в ходе работы выяснилось, что в отличие от событий Гражданской войны период Первой мировой войны в чешских архивах отражён неполно. С учётом этого было решено провести дополнительное выявление документов уже в российских архивах и более детально показать историю чехословацких воинских формирований в составе российской императорской армии.

Масштаб проделанной работы иллюстрируют следующие цифры. В 2008 г. для выставки отобрали 114 документов за 1914–1917 гг., в сборник за этот же период включили 500 документов. Это позволило сформировать отдельный первый том.

Он освещает, прежде всего, организационную сторону создания чешско-словацких воинских формирований в России в историческом контексте. В сборнике представлены позиции лидеров чешского и словацкого национальных движений, а также руководства внешнеполитического и военного ведомств России. Впервые комплексно опубликованы инициативные записки и ходатайства Союза чешско-словацких обществ в России, Отделения для России Чешско-словацкого национального совета (ЧНС), а также отзывы и мнения на них российских чиновников. Публикуемые наградные материалы, отзывы военного командования отражают боевую деятельность и заслуги чешско-словацких воинских формирований.

Хронологические рамки первого тома охватывают период от начала Первой мировой войны по декабрь 1917 г., т.е. с момента возникновения самой идеи чешских и словацких воинских формирований в России до того времени, когда они были провозглашены неотъемлемой частью автономной Чехословацкой армии во Франции. Первый том вышел в свет в 2013 г.

В настоящее время завершается работа над вторым томом, который планируется издать в конце этого года. Он насчитывает порядка 600 документов, сгруппированных по четырём разделам:

1-й – так называемый «вооруженный нейтралитет» по отношению к советской власти (январь – май 1918 г.);

2-й – активные боевые действия против советских воинских формирований (май – ноябрь 1918 г.);

3-й – передислокация частей корпуса в тыл, привлечение его военнослужащих к охране Транссибирской железнодорожной магистрали (ноябрь 1918 г. – февраль 1920 г.);

4-й – окончательная эвакуация частей чехословацкого корпуса из России (февраль – ноябрь 1920 г.).

Впервые в научный оборот комплексно вводятся документы органов управления Красной и Белой армии, государственных и общественных организаций стран Антанты, переписка Чехословацкого национального совета (представительного органа руководства чехословацким национальным движением в России) с лидерами Советской России и правительствами стран Западной Европы и США. Также впервые документально, насколько это возможно, воссоздана история захвата российского золотого запаса в 1918 г. и его последующая передача чехословацким военным командованием в 1920 г. советским органам власти.

Вместе с готовящимся изданием двухтомника об адмирале Колчаке, видном морском офицере и лидере Белого движения, этот второй том, несомненно, будет вкладом российских архивистов в изучение Гражданской войны.

В современной России продолжается поиск национальной идентичности с учётом собственного исторического опыта. И магистральное направление этого поиска лежит в русле не отрицания советской эпохи, а переосмысления её негативных явлений, в том числе противостояния между «белыми» и «красными» и завершения войны в умах соотечественников. Это, конечно, поистине сверхзадача, для достижения которой требуются напряжённые усилия, связанные не только с научным познанием прошлого, но и продолжением преобразований в стране, налаживанием качественной и комфортной жизни граждан. Новая российская идентичность также подразумевает единство и преемственность всех этапов отечественной истории – древнерусского, великокняжеского, имперского, советского, наконец, современного.

Не менее важные события для идентичности Чехии и отчасти России произошли в 1938 г. на *Мюнхенской конференции* Великобритании, Германии, Италии и Франции. «Мюнхенский сговор» стал кульминацией политики попустительства гитлеровской агрессии и способствовал в конечном итоге развязыванию Второй мировой войны.

Ещё два года назад российские архивисты и историки решили подготовить большую электронную публикацию с целью ввести в научный оборот *дополнительный* комплекс документов о том, как готовилось Мюнхенское соглашение. Хронологические рамки интернет-публикации «Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают» ограничены 1937–1939 гг. Первой рубежной датой является ноябрь 1937 г.¹. Вторая рубежная дата – март 1939 г., когда Чехословакия перестала существовать как суверенное государство, Мюнхенские соглашения были разорваны Берлином, и затем разразился политический кризис, предшествовавший нападению Германии на Польшу.

В публикацию включено почти 500 документов (в том числе 100 фотографий) из фондов российских федеральных и ведомственных архивов. Почти 60% из них вводятся в научный оборот впервые, поскольку до недавнего времени имели грифы «секретно» и «совершенно секретно». Среди них записи бесед, протоколы совещаний, докладные и аналитические записки, обзоры, отчёты, справки, бюллетени, информационные письма, шифртелеграммы.

Основной массив русскоязычных документов существенно дополнен трофейными документами, которые были выявлены в фондах иностранного происхождения Российского военного архива. Иностранцы переведены на русский язык с немецкого, польского, французского и английского языка. Это позволяет взглянуть на то, что происходило в Европе накануне Второй мировой войны, глазами не только советской стороны, но и других участников событий, поскольку публикация включает в себя как немецкие документы, так и документы, захваченные нацистами.

¹ В начале ноября 1937 г. в Берлине состоялось совещание военного и политического руководства Третьего рейха, на котором было принято решение аннексировать Австрию и Чехословакию.

В качестве примера можно привести цитату из записей бесед президента Чехословацкой республики Бенеша. В беседе с советским полпредом С.С. Александровским 18 мая 1938 г. он заявил, что даже если Чехословакии не будет оказана помощь, «она в состоянии драться, отступая на восток, три или четыре месяца». Отсутствие укреплений на границах с Польшей и Венгрией глава Чехословакии не посчитал опасным фактором: Польшу будет сдерживать Советский Союз, а Венгрию – Малая Антанта. Признавая возможность поражения от германского вермахта, он повторил: «Мы всё-таки будем драться, пробиваясь на восток, для соединения с Красной армией... Если понадобится, чехи не считаются для спасения своей армии ни с какими чужими границами и территориями». К сожалению, совсем другое Бенеш говорил за день до этого, 17 мая английскому послу Ньютону.

Наконец, в советско-чешской истории нельзя обойти стороной события «Пражской весны» 1968 г. По инициативе или с участием российских архивистов только за последние 10 лет подготовлены и изданы следующие сборники:

1. «Пражская весна и международный кризис 1968 г. Документы». Вена. 2008. На русском и немецком языках;
2. «Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС». Москва. Издательство РОССПЭН. 2010;
3. «Пражская весна» и международный кризис 1968 года». Т. 1 Исследования. Т. 2 Документы. Москва. Издательство фонда «Демократия». 2010.

В эти публикации полностью или частично включены документы из фондов Политбюро, Секретариата и аппарата ЦК КПСС, а также материалы международных совещаний руководителей коммунистических и рабочих партий, глав правительств – участников Варшавского договора. Кстати говоря, документальный комплекс международных совещаний руководителей стран социалистического лагеря, на которых принимались коллегиальные решения по чехословацким событиям, рассекречен. В МИД России основной архивный фонд по тематике 1968 г. также рассекречен.

Конечно, часть архивных документов ещё остаётся на закрытом хранении. В прессе не раз упоминалось заявление В.М. Фалина о телефонном разговоре Брежнева и Дубчека, якобы имевшем место 16 августа накануне ввода войск 21 августа 1968 г. Но это лишь aberrация памяти покойного Валентина Михайловича, ставшего невольным автором сенсации. Документально подтверждается, что имели место телефонные переговоры 13 августа, их текст давно известен и неоднократно публиковался. В них имеется фрагмент, позволяющий некоторым учёным трактовать позицию Дубчека как возможное согласие на советское военное вмешательство (в ответ на упрек Брежнева, что чехословацкий лидер не исполняет взятые на себя обязательства, и это вынуждает советское руководство «по-новому оценивать обстановку и принимать новые самостоятельные меры», Дубчек раздраженно ответил: «Тов. Брежнев, принимайте все меры, которые ваше Политбюро ЦК считает правильными»). Косвенным доказатель-

ством отсутствия контактов 16 августа является то, что о них *ни разу* не упоминают в последующих переговорах, в отличие от ссылок на телефонные переговоры 13 августа.

В целом, деятельность российских архивов и архивистов в вопросах рассекречивания и сохранения архивных документов, отражающих совместный исторический опыт России и Чехии, подразумевает, что архивы являются не столько монополистами «рынков памяти», сколько элементами разветвлённой сети учреждений и отдельных граждан, которые вместе ищут смыслы, которые, с одной стороны, отражают объективное состояние прошлого, а с другой – имеют практическое значение для формирования политических и исторических ориентиров в наше время. Основными инструментами публичной дипломатии архивов на российско-чешском направлении можно считать издание сборников архивных документов, организацию выставок по узловым памятным датам, использование возможностей новых технологий для демонстрации полученных результатов, а также попытки классифицировать архивные источники, провести первичную профессиональную обработку имеющихся документов – для последующего обсуждения историками и всеми заинтересованными сторонами. Пока участие в публичной дипломатии является сравнительно новым направлением работы российских архивов, несмотря на большое количество приглашений с зарубежными архивами. Но сама изменившаяся общественная и политическая обстановка и, в особенности, внедрение принципов открытости побуждают архивы России всё более активно включаться в различные форматы публичной дипломатии. Богатейшее документальное наследие российских архивов позволяет им вносить свой уникальный вклад в решение сложных исторических вопросов.

Список литературы:

1. Боришполец К.П. Ресурсы публичной дипломатии Союзного Государства России и Беларуси // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 224-237.
2. Великая А.А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 154-164.
3. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 25. С. 63-73.
4. Медведева О.В. Правовая и нормативно-методическая база архивного дела в России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (59). С. 143-148.
5. Смирнов Н.А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 1. С. 78-89.
6. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
7. Цветков А.Ю. Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 3. С. 110-116.
8. Blouinjr F.X. Archivists, Mediation, and Constructs of Social Memory // Archival Issues. 1999. Vol. 24. No. 2. Pp. 101-112.
9. Brothman B. Orders of Value: Probing the Theoretical Terms of Archival Practice // Archivaria. 1991. No. 32. Pp. 78-100.
10. Brown R.H., Davis-Brown R. The making of memory: the politics of archives, libraries and museums in the construction of national con-

- sciousness // *History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. No. 4. Pp. 17-32.
11. Cook T. Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts // *Archival Science*. 2000. Vol. 1. No. 1. Pp. 3-24.
 12. Derrida J. *Archive Fever. The Freudian Impression*. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1996. 128 p.
 13. Ketelaar E. Archives as spaces of memory // *Journal of the Society of Archivists*. 2008. No. 29 (1). Pp. 9-27.
 14. Lubar S. Information Culture and the Archival Record // *American Archivist*. 1999. No. 62 (1). Pp. 101-112.
 15. Nesmith T. Seeing Archives: Postmodernism and the Changing Intellectual Place of Archives // *The American Archivist*. 2002. Vol. 65. No. 1. Pp. 24-41.

Об авторе:

Андрей Николаевич Артизов – д.и.н., руководитель Федерального архивного агентства, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса. 115035, г. Москва, Софийская наб., д. 34, стр. 1. E-mail: rosarchiv@gov.ru.

REVIEW OF RUSSIAN ARCHIVES ON SOVIET-CZECH RELATIONS

A.N. Artizov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-168-177

Federal Archival Agency

The author addresses the problem of the role and place of archives in the process of political identity formation, including in the field of "politics of memory." The article draws attention to the fact that the prevailing notions about archives imply a static understanding of the role and functioning of archives. Instead, the author challenges those assumptions and suggests examining the archives as part of a wide network of institutions of public diplomacy, which forge and nurture mutual understanding and cooperation in the humanitarian sphere.

To confirm the stated thesis, the article refers to the joint activities and activities of Russian archives in the framework of Russian-Czech relations, examines in detail the questions of historical memory and complex historical issues in the history of Russian-Czech relations.

The article analyzes the current state of the archives on Soviet-Czech relations, the trends in the declassification of archival materials. Particular attention is given to the reflection of bilateral relations in archival documents in 1918, 1938 and 1968. The author concludes that the declassification of documents on problematic issues of bilateral relations does not lead to an automatic improvement of mutual understanding, since the parties may have conflicting interpretations of the same documents.

Key words: openness of archives, archival studies, declassification of archives, a collection of archival documents, Russian-Czech relations.

References

1. Borishpolets K.P. Resursy publichnoi diplomatii Soiuznogo Gosudarstva Rossii i Belarusi [Public diplomacy resources of Allied State of Russia and Belarus]. *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 3 (54), pp. 224-237 (in Russian).
2. Velikaia A.A. Publichnaia diplomatia

- как instrument mezhdunarodnogo dialoga [Public diplomacy as instrument of international dialog]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2016, no. 2, pp. 154-164 (in Russian).
3. Dolinskii A.V. Diskurs o publichnoi diplomatii [Discourse on public diplomacy]. *International Trends*, 2011, vol. 9, no. 25, pp. 63-73 (in Russian).
 4. Medvedeva O.V. Pravovaia i normativno-metodicheskaia baza arkhivnogo dela v Rossii [Legal and normative methodological foundations of archive service in Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy* [Social and economic phenomena and processes], 2014, no. 1 (59), pp. 143-148 (in Russian).
 5. Smirnov N.A. Publichnaia diplomatiia: evoliutsiia kontsepta v politicheskoi nauke [Public diplomacy: evolution of concept in political science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki - Herald of Moscow state university. Political Science*, 2015, no. 1, pp. 78-89 (in Russian).
 6. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga Publ., 2004. 416 p. (in Russian).
 7. Tsvetkov A.Yu. Publichnaya diplomatiya kak resurs vneshney politiki: problema effektivnosti [Public diplomacy as a resource of foreign policy and its effectiveness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya - Herald of Saint Petersburg University. Philosophy, Cultural Studies, Political Science, International Relations*, 2010, no. 3, pp. 110-116 (in Russian).
 8. Blouinjr F.X. Archivists, Mediation, and Constructs of Social Memory. *Archival Issues*, 1999, vol. 24, no. 2. pp. 101-112.
 9. Brothman B. Orders of Value: Probing the Theoretical Terms of Archival Practice. *Archivaria*, 1991, no. 32, pp. 78-100.
 10. Brown R.H., Davis-Brown R. The making of memory: the politics of archives, libraries and museums in the construction of national consciousness. *History of the Human Sciences*, 1998, vol. 11, no. 4, pp. 17-32.
 11. Cook T. Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts. *Archival Science*, 2000, vol. 1, no. 1, pp. 3-24.
 12. Derrida J. Archive Fever. *The Freudian Impression*. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1996. 128 p.
 13. Ketelaar E. Archives as spaces of memory. *Journal of the Society of Archivists*, 2008, no. 29 (1), pp. 9-27.
 14. Lubar S. Information Culture and the Archival Record. *American Archivist*, 1999, no. 62 (1), pp. 101-112.
 15. Nesmith T. Seeing Archives: Postmodernism and the Changing Intellectual Place of Archives. *The American Archivist*, 2002, vol. 65, no. 1, pp. 24-41.

About the author:

Andrei N. Artizov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Federal Archival Agency, State Class Councilor of the Russian Federation. Moscow, Sofiyskaya nab., 34, building 1, 115035. E-mail: rosarchiv@gov.ru.

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ: МЕЖДУ «ВОЙНАМИ ПАМЯТИ» И ПОИСКОМ ОБЩЕГО ПРОШЛОГО

К.А. Пахалюк

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В рамках данной статьи обращение к истории в контексте внешней политики России рассматривается как апелляция к квазитрансценденции, посредством чего к практическим (политическим, экономическим) аспектам сотрудничества добавляется идеальное измерение. Отмечается, что только в 2010-е гг. отечественная дипломатия стала уделять повышенное внимание подобным символическим аспектам, призванным придать моральное основание проводимому внешнеполитическому курсу через отсылку к той исторической роли, которую играла Россия на международной арене. На практике политизация исторической памяти происходит за счёт включения исторической тематики во внешнеполитический дискурс, а также через различные символические практики обращения к общему прошлому во время официальных визитов. Автор предлагает различать непосредственно места памяти и символические жесты, направленные на их актуализацию. Российско-болгарские отношения характеризуются асимметрией пространств совместной памяти, которые локализованы преимущественно на территории Болгарии. Сам факт наличия общих практик обращения к совместной истории (торжественные церемонии, православные богослужения, возложения венков) позволяет превращать места памяти в совместные пространства памяти, однако интерпретация этих символических жестов в России и Болгарии структурируется разными национальными историческими нарративами. Память о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и освобождении Болгарии в годы Второй мировой наделяется большим значением именно в Болгарии, нежели в России. Подобная асимметрия приводит к тому, что значительная деятельность по обустройству мест памяти, созданию новых мемориалов оказывается незаметной в России, причём на уровне внешнеполитического дискурса скорее доминируют акценты на негативных моментах (например, действия отдельных вандалов по осквернению памятника Советской Армии в Софии), что лишает проводимую работу на местах символической поддержки и при этом формирует миф о «болгарской неблагодарности».

Ключевые слова: историческая память, дискурс-анализ, внешнеполитическая идентичность, внешнеполитический дискурс, культурная политика, общественная дипломатия, «мягкая сила», российско-болгарские отношения, русско-турецкая война 1877-1878 гг., мемориальное сотрудничество.

УДК 327

Поступила в редакцию 01.06.2018 г.

Принята к публикации 16.08.2018 г.

Не вызывает сомнения, что сегодня обращение к прошлому имеет важное значение как во внутривнутриполитической жизни национальных государств, так и на международной арене. Как правило, в первом случае исследователи уделяют внимание формированию коллективных идентичностей (групповых, городских, национальных и пр.), а также тому, как и почему политические элиты манипулируют историческими символами. Сложнее дело обстоит с изучением роли исторической памяти в контексте современных международных отношений. Ответ на данный вопрос зависит от того, в каком ракурсе – национальном или глобальном – исследователь смотрит на международные отношения.

В первом случае обращение к прошлому будет рассматриваться как один из способов манифестации внешнеполитической идентичности¹ или проекцией «мягкой силы», служащей формированию позитивного образа страны. «Исторический аргумент» нередко используется для легитимации конкретных внешнеполитических действий: например, в 1999 г. для обоснования бомбардировок Сербии США активно сравнивали косоваров с евреями, а С. Милошевича – с А. Гитлером [1, с. 218-225]. Или наоборот, отдельные события прошлого могут стать причиной для выдвижения различных претензий (от публичных извинений до выплаты компенсаций). В 1990-е гг. крушение авторитарных режимов в ряде стран Европы и Латинской Америки сопровождалось поиском новых оснований национальной идентичности, что потребовало выстраивания нового национального нарратива и переоценку «авторитарного», или «трудного», прошлого [47; 48].

Во втором случае акцент смещается в сторону того, как обращение к прошлому позволяет укреплять или видоизменять сложившийся международный порядок. История может служить обоснованием территориальных претензий, требований пересмотреть или наоборот сохранить конкретный существующий институт. Более того, апелляция к совместному прошлому используется как способ укрепления интеграционных процессов. Наибольшее внимание исследователей привлекли процессы формирования общеевропейской мемориальной культуры. В 1990-е гг. активизация евроинтеграционных процессов сопровождалась попытками формирования единой культурной политики, которая включает и представления об общем прошлом [36; 44]. В основу была положена память о Холокосте, а её стержнем стала этика ответственности европейцев за трагедию еврейского народа. Обращение к этой трагедии призвано преодолеть (но не разрушить) национальные исторические нарративы и сформировать транснациональную мемориальную культуру, способствующую укреплению приверженности общеевропейским ценностям, прежде всего, демократии и правам человека [37; 44; 45; 51]. Определенные успехи в 1990 – начале 2000 гг. позволили ряду исследователей поставить вопрос о возможности глобальной (космополи-

¹ См.: например, фигуру «ложной Европы», воспроизводящуюся в дискурсе внешнеполитической идентичности: См.: [29, с. 315-418].

тичной) памяти [33; 39; 41; 42; 45; 50; 52]. Конечно, вскоре оказалось, что многие в странах Восточной Европы предпочитают не говорить о своей роли в уничтожении евреев, а представлять себя жертвами «советской агрессии». Этика ответственности была подменена этикой жертвы, произошла самовиктимизация [27]. Всё это запустило широкую дискуссию на общественном, научном и политическом уровнях, в центре которой находится проблематика преступлений, жертв и ответственности.

Неудивительно, что именно эти процессы привлекают внимание учёных, однако ошибочно утверждать, будто пространство политически актуальной истории в Европе ими ограничивается. За пределами внимания остаётся встраивание истории в «классические» двусторонние отношения. В качестве такого примера мы выбрали взаимодействие между Россией и Болгарией, в рамках которого в последние годы проблемы прошлого получают всё большее звучание. Основная цель статьи заключается в том, чтобы прояснить, в чём именно заключается политическое значение истории и почему оно вообще возникает.

Совместные пространства памяти: теоретическое конструирование

Коллективная память не существует вне языкового пространства: посредством различных знаков она должна сообщаться и коммуницировать внутри определённой общности людей, чтобы иметь социальное значение. Это утверждение верно и для международных отношений. А потому мы предлагаем ввести понятие *совместных пространств памяти*, которое отсылает ко всем попыткам обозначить, что конкретные исторические сюжеты являются сегодня именно общим прошлым. Потенциально число подобных сюжетов может составлять бесконечное множество и не ограничиваться собственно двусторонними отношениями. Эти пространства формируются вовсе не на пустом месте. Как отмечал Б. Як, особое значение историческая память имеет в национальных сообществах, которые основываются на базе общего культурного наследования [35, с. 142]. Ключевую роль играет национальный исторический нарратив, т.е. то, в какую последовательность интегрируются разрозненные события, какое значение им придают. Отсюда следует, что совместные пространства памяти являются теми точками, где взаимодействуют различные исторические нарративы.

Необходимо прояснить, в чём именно заключается собственно политическое значение совместных пространств памяти. Как правило, политическое значение истории связывают с проблемами легитимации и коллективной идентичности, т.е. относят его к идеальному измерению. Мы предлагаем сделать шаг дальше и рассмотреть историю как связующее звено между актуальной политикой и трансцендентными ценностями. Отталкиваясь от постфундаменталистской традиции в политической философии, мы утверждаем, что любой политик

нуждается в трансцендентных ценностях для легитимации своих действия или притязаний [20; 46]. Однако к ним достаточно сложно апеллировать в условиях сокращения «горизонта будущего», окончательного крушения больших идеологий и роста антиэссенциалистской критики. Поэтому актуальные политические ценности стали подкрепляться через отсылку к прошлому, которое воспринимается как объективное, достоверное, а потому надёжное основание. На международной арене подобные апелляции являются одним из ключевых моральных обоснований внешней политики.

Политическое значение совместных пространств прошлого мы помещаем на стыке политической прагматики и тех ценностей, которые актуализируются при обращении к истории. Корректное обозначение именно политической составляющей коллективной исторической памяти является основной теоретической и практической проблемой. Именно поэтому мы с осторожностью относимся к понятию «мягкая сила», под которым зачастую имеют в виду практики идеологического влияния, что отличается от первоначального смысла, вложенного в него Дж. Найем. Не будет преувеличением сказать, что сам он использовал его как эвфемизм по отношению к более известному понятию гегемонии [2]. Стремление рассматривать «общественную дипломатию» как один из механизмов проекции «мягкой силы» конкретного государства является в концептуальном плане противоречивым. Оно заставляет исследователя, как внешнего наблюдателя, рассматривать чуть ли не любую частную инициативу в культурной сфере как проекцию «мягкой силы», а её инициаторов – как представителей государства. Точно так же не решают эту проблему предложения тех, кто разграничивает публичную дипломатию, проводимую в политических целях и финансируемую государством, и общественную дипломатию как неполитизированную активность в культурной и гуманитарной областях [6]. Внешнеполитические ведомства нередко используют различные НКО для выполнения конкретных задач, придавая проводимой деятельности «нейтральный» статус, в то время как независимые НКО, наоборот, могут пытаться придать политическое звучание своим частным инициативам. В действительности же речь идёт о символической игре, разобраться в подлинных мотивах участников, их реальных взаимоотношениях внешнему наблюдателю зачастую невозможно.

В этой связи мы предпочитаем говорить о *плавающей политизации*, когда конкретной деятельности в культурной сфере дискурсивно либо придается политическое значение, либо наоборот отрицается таковое. Привилегированное право на это имеют официальные представители государства и ключевых политических сил, которые, например, самим фактом присутствия на открытии мемориала или выступления на историческую тему придают данному месту памяти или высказанным интерпретациям политическую значимость. Точно так же общественные деятели и журналисты могут пытаться придать политическое значение конкретным историческим событиям, местам памяти или интерпретациям. Однако в этом случае мы всегда должны быть осторожны, спрашивая

себя, действительно ли эти попытки влияют на формирование коллективных идентичностей, на политическое взаимодействие и государственную политику.

В контексте мемориальной сферы наиболее очевидными являются примеры, когда памятники в честь советских солдат или военачальников в странах Восточной Европы дискурсивно начинают политизироваться (например, трактоваться как символы «российского империализма» или «тоталитаризма»), что ведёт к требованиям их сноса. Не будет преувеличением сказать, что войны памяти – это то, что создаётся дискурсивно. Официальные структуры подобны царю Мидасу: сам факт прикосновения к истории, артикуляции пусть самых нейтральных событий уже вводит их в политическое пространство. И чем большая значимость придаётся какому-то событию прошлого, тем больше политические оппоненты будут стремиться дезавуировать официальную трактовку.

Возвращаясь к тезису о принципиальной дискурсивности коллективной памяти, мы утверждаем, что весь описанный выше процесс функционирования совместных пространств памяти должен быть выражен в определенных формах. С точки зрения устойчивости мы предполагаем различать *символические жесты* (заявления, выступления, конференции, торжественные церемонии), ограниченные по времени и кругу участников, и *места памяти*, локализованные в пространстве (например, памятники, захоронения, топонимы) или во времени (памятные даты). Очевидно, что символическое значение мест памяти также требует постоянной артикуляции и воспроизводства, в противном случае оно будет утеряно. Подчеркнём, что было бы ошибочным считать, будто совместные пространства памяти являются проявлением единства взглядов: скорее речь идет именно о желании подчёркивать общность и готовность к диалогу.

В контексте российско-болгарских отношений обращение к истории проявляется обычно в двух формах: во-первых, через включение её во внешнеполитический дискурс, в рамках которого происходит перформативное производство внешнеполитической идентичности, во-вторых, через обращение к прошлому во время официальных визитов, когда наиболее отчётливо историческое прошлое позиционируется как квазитрансценденция. В обоих случаях это позволяет выйти за пределы повседневной прагматики и соприкоснуться с неким идеалом, который перформативно призван убедить, что отношения между странами не сводятся только к решению узких прагматических вопросов.

Совместные пространства памяти и национальные исторические нарративы

Историки могли бы перечислить многие страницы российско-болгарских отношений, однако на данный момент наиболее востребованными в политическом отношении являются только две из них: русско-турецкая война 1877-1878 гг. и завершающий этап Великой Отечественной войны. Многие другие события (например, болгарское происхождение митрополита Киприана, русско-турецкие войны 1768-1774 гг. и 1828-1829 гг., работа болгар в Коминтерне, русские

эмигранты, участие болгар в советских космических полётах) практически не артикулируются на политическом уровне и не привлекают широкого общественного внимания. Особняком стоит 24 мая, когда в православном календаре поминаются святые Кирилл и Мефодий. В Болгарии эта дата празднуется как День болгарского образования, культуры и славянской письменности, Кирилл и Мефодий воспринимаются как национальные святые, а создание славянской письменности – как болгарский вклад в мировую культуру. В России же 24 мая с 1990 г. является памятной датой (День славянской письменности), призванной зафиксировать скорее значимость России как центра славянской культуры. Ввиду разницы национальных исторических нарративов 24 мая является общей датой, но не совместным прошлым.

Концентрация на военных событиях объясняется влиянием того символического пространства, которое выстроилось ранее, а также доминированием в обеих странах национально-ориентированного исторического нарратива. Это в определённой степени облегчает разговор о совместном прошлом ввиду сходства структур базовых картин мира [23; 30], однако имеет ряд значимых следствий. Во-первых, совместные пространства памяти могут выстраиваться на основе только тех событий, которые получили определённую значимость в обеих национальных историях, что объясняет селекцию политически пригодного прошлого и ограничение указанными двумя темами. Во-вторых, за пределами внимания оказываются «трудные» страницы, например, Балканские войны 1912-1913 гг. (они воспринимались в Болгарии как продолжение Освободительной войны, а потому отсутствие чёткой позиции у России и ее фактическая поддержка Сербии нанесли удар по русофильским настроениям и вызвали разочарование в действиях русской дипломатии) [15; 17; 18] и участие в военных действиях друг против друга в годы Первой мировой. Эти события не настолько значимы, чтобы начать работу по их преодолению, однако на уровне общественных и интернет-дискуссий они, несомненно, продолжают подпитывать взаимные негативные стереотипы.

В-третьих, если строящееся общеевропейское пространство памяти основано на разделяемых ценностях и общей этической перспективе, то в российско-болгарском контексте утверждение универсальных принципов является проблематичным, поскольку в обеих странах служение своей нации и является главной ценностью. Не будем забывать о доминировании в России этики добродетели (а не этики универсальных принципов, подобных кантовскому категорическому императиву [32, с. 272]), покоящейся на образцах должного поведения, т.е. героях. Эта же логика транслируется и во внешнеполитический дискурс. Неудивительно, что основанием совместных пространств памяти стал образ солдатской крови, пролитой на болгарской земле. Обращение к памяти солдат, которые предстают как жертвы, принесённые во имя свободы болгарского народа, – это и есть «идеальное измерение» российско-болгарских отношений. Достаточно легко выработать общие практики обращения к этой квазитрансценденции в виде

установки памятников, проведения православных церемоний, возложения цветов, однако намного сложнее найти те способы, которые позволяли бы именно интерпретировать этот символ. Образ героев, принесших себя в жертву, является ключевым для формирования национальных сообществ, но при этом оказывается слишком «сильным» для обеспечения устойчивости совместных пространств памяти. Если налаживание сотрудничества сопровождается отсылкой к той роли, которую Россия сыграла в становлении болгарской независимости, то политические противоречия начинают трактоваться как предательство памяти погибших солдат.

Здесь мы выходим на другую отличительную черту, а именно асимметричность. Прежде всего, она проистекает из особенностей национальных исторических нарративов. События 1877-1878 гг. являются частью учреждающего мифа Болгарии, поскольку венчают национально-освободительную борьбу против османского ига. Даже сегодня попытки отдельных учёных дать негативную оценку роли России остаются маргинальными [13]. 3 марта, день подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, остаётся ключевым национальным праздником (таким он был до 1944 г. и с 1990 г.). Особое внимание уделяется августовским боям на Шипке (где вместе с русскими сражались воины из Болгарского ополчения, входившего в состав русской армии), а Самарское знамя (преподнесено 3-й дружине ополчения от горожан Самары) стало государственной святыней. Вторая мировая война знаменует собой рубеж и вступление страны в социалистический период, который в отличие от других стран Восточной Европы не воспринимается сегодня однозначно негативно.

В контексте российского исторического нарратива война 1877-1878 гг. – лишь одно из героических событий. Например, в современных учебниках истории ей не уделяется серьёзного внимания, причём, объём материала даже сократился по сравнению с советским временем [12]. Ещё сложнее обстоят дела с периодом Великой Отечественной войны, поскольку освобождение Болгарии традиционно является лишь частью общего нарратива об освободительной миссии Красной Армии. При этом политический союз Софии с Берлином на общественном уровне трактуется как участие болгар в войне против СССР, чего в действительности не было. В сентябре 1944 г., когда советские войска оказались на границе, в Болгарии произошёл государственный переворот, к власти пришла оппозиция. Формально наши страны находились в состоянии войны только два дня, причём боевых действий не велось. Сформированные после две болгарские армии приняли участие в освобождении Европы, а генерал В. Стойчев стал участником Парада Победы в Москве.

Основные места памяти локализованы именно на территории Болгарии. Здесь находятся порядка 420 памятников и захоронений войны 1877-1878 гг. и 140 – эпохи Второй мировой (не считая могил 1,5 тыс. белоэмигрантов, похороненных на Центральном кладбище в Софии!) [26]. Как минимум 21 село названо в честь русских военных, общественных и государственных деятелей эпохи Ос-

вободительной войны. В России же ключевым местом памяти русско-турецкой кампании является находящаяся в центре Москвы (Ильинский сквер) часовня в честь гренадёр, погибших под Плевной. Именно здесь в последние годы стали проходить памятные мероприятия 3 марта. В 2005 г. в Санкт-Петербурге воссоздали Колонну Славу, которую в 1886 г. установили в честь той победы. Некоторые участники той войны тоже увековечены: прежде всего известен генерал М.Д. Скобелев. Памятники имперского периода были разрушены в советское время, только в 1995 г. появился монумент в Рязани, а в 2014 г. – в Москве. Память командира Болгарского ополчения генерала Н.Г. Столетова увековечена в топонимике Владимира. В Самаре имеются улица Старой Загоры (современное название Ески-Загры) и отдельные панно из мозаики на тему русско-болгарской дружбы. До 2017 г. существовал открытый в 1975 г. кинотеатр «Шипка», судьба которого сейчас находится под вопросом. Кроме того, на болгарские средства в 2007 г. в Холме Новгородской области был установлен бюст майору П.П. Калитину (героически погиб в бою у Ески-Загры), а в 2017 г. – генералу Н.Г. Столетову во Владимирском университете. В обоих случаях памятники ставились на их малой родине. В России эти образы включены в контекст героев воинской славы, а потому связь с Болгарией отступает на второй план.

Асимметрия определяет и особенности использования совместного прошлого как ресурса «мягкой силы». С одной стороны, именно на болгарской территории локализуются основные места памяти, составляя неотъемлемую часть символического пространства страны, что является весомым потенциалом для формирования позитивного образа России в сознании болгар. С другой стороны, проведение различных памятных церемоний (от возложения венков до установки новых монументов) в присутствии российских официальных представителей призвано оказать эмоциональное воздействие перед переговорами. Такое положение складывалось исторически, а потому полагаем возможным кратко очертить историю историко-мемориальных связей России и Болгарии.

История памяти русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Исходной точкой стало увековечение памяти жертв русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в результате которой Болгария в усечённом виде получила независимость. Живая память об этих событиях требовала закрепления, которое происходило в виде обустройства захоронений, создания памятников, включая памятные храмы и часовни. На первом этапе основная роль принадлежала непосредственно русским воинским частям, которые занимались обустройством захоронений своих чинов. В одних случаях ограничивались собственными силами, в других объявляли общероссийские акции по сбору средств. В дальнейшем со стороны болгар обустройством и поддержанием захоронений занималось Министерство общественных сооружений и путей сообщений (на эти цели вносились сумма примерно в 5 тыс. франков). С 1910 г. эти функции переданы Во-

енному министерству, а в военном бюджете средства проходили по статье «военно-исторические музеи» [11, с. 42].

Вскоре после окончания войны российское военное ведомство поставило вопрос об установке 11 типовых памятников на местах наиболее значимых сражений, причем, необязательно окончившихся победой. Тогда же обозначилось и ключевое место памяти – оборона Шипкинского перевала. В сентябре 1879 г. было получено разрешение императора Александра II на сбор средств для возведения храма-памятника и монастыря [5, с. 146; 24]. Однако реализации строительства помешали объединению Княжества Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. и последующее ухудшение отношений, дошедшее до разрыва. В 1888 г. было объявлено о временном прекращении строительных работ. Свернулись и другие проекты. Например, в 1887 г. упомянутая выше памятная часовня в честь гренадёр была освящена в Москве, хотя изначально ее планировалось установить непосредственно на месте боев. Однако несмотря на все это именно в 1888 г. официальным национальным праздником Болгарии стало 3 марта, т.е. день подписания Сан-Стефанского договора, который рассматривался не столько в контексте освободительной миссии России, сколько как символ национального возрождения [4, с. 173].

Ситуация изменилась только после восстановления дипломатических отношений в 1897 г. Активную работу проводил болгарский комитет «Царь Освободитель Александр II», созданный в 1899 г. известным просветителем Стояном Зимовым. В 1900-е гг. были созданы ключевые на данный момент места памяти. В Софии напротив Народного собрания в 1905 г. был установлен памятник Александру II, а ещё годом ранее недалеко от этого места стал строиться величественный храм Св. Александра Невского. Его строительство закончилось в 1912 г., однако освящен он был только 12 лет спустя: вмешались события двух Балканских и Первой мировой войн [16]. На юго-западной окраине Плевена создан мемориальный парк в честь генерала М.Д. Скобелева, а в самом городе появился мавзолей-памятник в виде православного храма в честь погибших русских и румынских солдат. Параллельно вернулись к проекту храма-памятника и монастыря на Шипке. Освещение состоялось в 1902 г. в 25-ю годовщину боёв. В дальнейшем рассматривался вопрос о создании дома инвалидов, однако из-за отсутствия достаточного финансирования и нежелания самих инвалидов переселяться сюда проект так и остался на бумаге, как и идея духовной семинарии. Инвалидный дом здесь был создан позднее, правда, уже для русских эмигрантов.

Кроме того, комитет вернулся к высказанной ещё в начале 1880-х гг. идее музеифицировать те дома, где в годы войны останавливался император Александр II или представители царской фамилии. В 1907 г. состоялось открытие четырёх домов-музеев Александра II (под Плевеном), императора Александра III (с. Бяла), вел.кн. Владимира Александровича (с. Горна Студена) и вел.кн. Николая Николаевича (с. Пордим) [34].

В первое десятилетие XX в. сформировалась «базовая инфраструктура памяти», обозначились её тематические доминанты (не противоречащие в целом объективной значимости боёв), хотя, конечно, существовали серьёзные проблемы с удаленными от населенных пунктов захоронениями русских солдат, которые находились порою в плачевном состоянии. Если в 1878-1886 гг. инициатива в области коммеморации принадлежала царскому правительству, то уже после утраты политического влияния в стране оно потеряло прежний интерес, сосредоточившись на обустройстве монументального храма-усыпальницы в Сан-Стефано, Турция (взорван в 1914 г.). В небольших городах и деревнях десятки памятных знаков появились по инициативе и на средства местных жителей. Однако для самих болгар ввиду решений Берлинского конгресса освободительная война ещё не завершилась, а потому вести ее политическое руководство было готово не только «вопреки» официальной России, но и – если потребуется – против неё, что продемонстрировали события 1912-1918 гг.

После Первой мировой войны коммеморация событий 1877-1878 гг. продолжалась. Так, в 1934 г. на Шипке появился величественный памятник Свободы. Более того, сама Болгария стала одним из центров притяжения русских эмигрантов [25; 28]. Обращение к памяти об этой войне служило задаче поддержания групповой идентичности и повышения социального престижа. Отметим, что ветеранам тех лет болгарское правительство выплачивало специальные пенсии [22]. В сентябре 1944 г., с приходом Красной Армии, события полувековой давности оказались востребованы, чтобы символически подчеркнуть её освободительную миссию, указав на преемственность между «старой» и «новой» Россией. Так, в 1944 г. у входа в храм под Шипкой была установлена памятная доска солдатами 3-го Украинского фронта, в которой в стихотворной форме воздавалась дань памяти героизму русских солдат [5, с. 168]. Весьма известными стали и кадры торжественной церемонии возложения венков к памятнику на Шипке. В одном из документальных фильмов, посвящённых освобождению Болгарии, внимание уделено дожившему до этого дня ветерану Болгарского ополчения, который в старой форме приветствовал красноармейцев².

События сентября 1944 г. стали учредительным мифом социалистической Болгарии, а учитывая тесные политические связи между Москвой и Софией, неудивительно, что роль Красной Армии получила символическое закрепление. Наиболее значимые – памятники Советской армии в Софии (1954 г.) и советскому воину-освободителю в Пловдиве (1957 г.), прозванному «Алёшой» и ставшему одной из ключевых архитектурных доминант города. Отметим, что монументы, связанные с событиями 1877-1878 гг., не были уничтожены, включая памятник Царю-Освободителю. Упомянутые выше дома-музеи были переименованы, а экспозиции перемонтированы, чтобы отражать роль простого солдата и народных масс в тех событиях. В 1950-е гг. памятные места на Шипке были объедине-

² РГАКФД. № 5365. Болгария, 1946 г. Реж. Р. Кацман.

ны в единый мемориальный парк, сюда нередко приезжали различные делегации из СССР. В 1977 г., к 100-летию, в Плевене в Скобелевском парке открылась панорама «Плевенская эпопея – 1877». Попутно отметим, что коммеморации подвергались и другие страницы совместной истории. В 1950 г. город Новградец (до 1934 г. – Козлуджи) переименован в Суворово в честь русского военачальника, одержавшего здесь победу в 1774 г.

Конечно, ввиду тесных политических отношений в социалистический период упомянутые выше места памяти были призваны зафиксировать в том числе и политическую лояльность Болгарии Советскому союзу. Однако сводить мемориальную политику лишь к политической конъюнктуре невозможно, поскольку именно эти войны занимают центральное место в болгарском историческом нарративе. Потому неудивительно, что ноябрьские события 1989 г., сворачивание связей с Россией на протяжении всех 1990-х гг. и активная переориентация на евроатлантические и общеевропейские институты не привели к разрушению созданного мемориального пространства. В сравнении с другими странами Восточной Европы в Болгарии наблюдаются наибольшие симпатии к социалистическому периоду [47]. «Нежная революция» ноября 1989 г. являлась по сути внутрипартийным переворотом, в результате которого глава коммунистической партии Т. Живков оказался смещен, а правящая партия вскоре сменила название (став Болгарской социалистической партией) и продолжила существование на политической арене [3].

Неудивительно, что спустя 20 лет исследователи констатировали, что ноябрьские события не стали новым «учредительным мифом» демократической Болгарии, а интерес к их празднованию в 2009 г. проявили в большой степени представители ЕС, нежели местные политические силы [40, р. 214-215]. Конечно, были сделаны определенные шаги по декоммунизации: в 1990-е гг. только в Софии переименовали более 210 улиц [10, с. 121], самого Т. Живкова привлекли к уголовной ответственности, ликвидировали звание активного борца против фашизма и коммунизма. В 1991-1995 гг. временно действовал т.н. «Закон Панева», запрещавший членам бывшей компартии преподавать в вузах. В 1991 г. разовые компенсации получили узники порядка 100 концлагерей (они существовали в 1944-1962 гг. и через них прошло около 23 тыс. человек). В 2003 г. они стали получать ежемесячные пособия, однако принятие соответствующего закона сопровождалось обширной общественной полемикой относительно его необходимости [43, р. 47]. В некоторых случаях затрагивалась и память о Второй мировой: так, город Тоблухин был обратно переименован в Добрич, а памятник в честь маршала убран с центральной площади. В 2001 г. его вновь установили уже в России, в г. Тулаеве [19]. В 2011 г. в Софии открылся Музей социалистического искусства, в котором собрали 77 монументальных скульптур, ранее убранных с улиц городов (в основном памятники В.И. Ленину, Т. Живкову и другим политическим лидерам).

Экономический спад 1990-х гг. привёл к тому, что общественная полемика о текущем положении оказалась структурирована сравнением с достижениями

социалистического периода, которые в глазах многих предстают более убедительными. Эти настроения приходится учитывать и действующим политикам. В этом плане характерно поведение лидера партии «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) Б. Борисова, который в 2009 г. стал премьер-министром. В торжественной речи победу своей партии на выборах он посвятил памяти дедушки, расстрелянного коммунистами в 1944 г. Однако вскоре, отвечая на вопросы журналистов, он заявил о некорректности сравнений результатов работы его правительства с теми, что были достигнутыми при Т. Живкове: «Даже если бы мы смогли построить один процент от того, что Живков построил для Болгарии, даже если бы мы могли сделать один процент того, что он сделал во время своего правления... это было бы невероятным успехом... Тот факт, что за 20 лет после отстранения его никто не забыл, свидетельствует, что он сделал многое. Последние двадцать лет мы только и делаем, что приватизируем созданное тогда» [40, р. 214-215].

Таким образом, существующий мемориальный ландшафт был создан прежде всего благодаря усилиям болгарской стороны. Сложно найти другое государство, в символическом пространстве которого столь значительное место уделялось бы России, а память о социалистическом прошлом (как в случае с Чехией и Польшей) не являлась бы реальным камнем преткновения. Это коррелирует с наличием достаточно сильных русофильских настроений в болгарском обществе. Так, в начале 2010-х гг. 78% опрошенных называли себя русофилами и только 21% – русофобами, 63% выступали за развитие тесных отношений с Россией. Конечно, это не отменяет наличия различных фобий, дескать, развитие отношения с Россией может оторвать Болгарию от Европы. Характерно, что даже возврат 3 марта оспаривался тогда оппозицией ввиду тесной связи этой даты с Россией [4].

Политизация совместного прошлого: дискурсивный подход

После развала социалистического блока Болгария пережила серьёзный экономический спад, который затронул и российско-болгарские экономические связи, которые начали восстанавливаться только в 2000-е гг. При этом политически Болгария стала с 1990-х гг. все больше ориентироваться на объединённую Европу. Как заметил один болгарский политолог: «Мы выбираем не между Западом и Россией, а между Западом и ничем» [8]. В 2004 г. Болгария вошла в НАТО, а в 2007 г. – в ЕС.

С преодолением мирового финансового кризиса 1997-1998 гг. и избранием В.В. Путина на пост президента началась активизация российско-болгарских отношений. Значение имел и приход в 2001 г. к власти Национального движения Симеона Второго, которое при сохранении интеграции в евро-атлантические структуры как стратегической цели ставило задачу улучшить отношения с Россией [7, с. 92], стимулируемые сотрудничеством в энергетической и военно-технической сферах.

Отталкиваясь от особенностей российского внешнеполитического дискурса [29], мы можем выделить место исторической проблематики: с одной стороны, она не воспринимается со всей серьёзностью (ввиду доминирования реализма), а с другой, обращение к прошлому призвано возвестить о роли России в мире и на европейской арене. История является тем возвышенным, которое придает проводимой внешнеполитической линии идеальное измерение.

Российско-болгарские взаимоотношения отличаются значительным драматизмом, причём в нулевые годы предпринимались попытки со стороны России добавить идеальное основание проводимой политике. В 2003 г. на 125-летие Освобождения пришёл визит В.В. Путина в Болгарию. Обращение к истории имело ярко выраженное эстетическое значение: посещение памятника на Шипке придало символизм деловым переговорам, однако его расшифровка, т.е. облечение в языковую форму, оказалась затрудненной. Так, в интервью Болгарскому национальному телевидению В.В. Путин мимолётом упомянул: «Что касается политического взаимодействия, то здесь сам Бог велел – у нас много совпадающих геополитических интересов. Даже тот факт, что мой визит совпадает со 125-летием освобождения Болгарии от османского ига, уже говорит, наверное, о многом»³.

В январе 2008 г. во время очередного визита В.В. Путина в Болгарию тема общего прошлого на официальном уровне затрагивалась вскользь, а российскую делегацию на торжественных мероприятиях к 130-летию Освобождения представлял глава верхней палаты парламента С.В. Миронов. В опубликованной в болгарских СМИ статье В.В. Путина место для истории нашлось лишь в конце, хотя среди общих страниц прошлого фигурировала не только эпоха болгарского Освобождения, но и «общие духовные и культурные традиции»⁴. В дальнейшем из высокопоставленных российских государственных деятелей к теме общего прошлого обращался министр иностранных дел С.В. Лавров летом 2014 г. Общей исторической памяти в его официальных выступлениях уделялось больше места, при этом произошло и некоторое расширение сферы «актуального прошлого» за счёт митрополита Киприана⁵.

Примерно к концу нулевых годов начинают нарастать негативные тенденции в двусторонних отношениях. На экономические отношения повлиял мировой финансовый кризис, а упомянутый Б. Борисов начал проводить вовсе не

³ Интервью Президента России В.В. Путина Болгарскому национальному телевидению и газете «Труд», Москва, 27 февраля 2003 года // МИД России. Официальный сайт. 01.03.2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5lZsLV5x4R/content/id/530470 (дата обращения 04.06.2018).

⁴ Россия и Болгария: давние традиции дружбы и задачи сегодняшнего дня. Статья опубликована в болгарских СМИ: «ТРУД», «24 ЧАСА», «СТАНДАРТ», «СЕГА», «ДУМА», «РУСИЯ ДНЕС» // Президент России. Официальный сайт. 17.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24775> (дата обращения 04.06.2017).

⁵ Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова болгарскому информационному агентству «Фокус», опубликованное 7 июля 2014 года // МИД России. Официальный сайт. 07.07.2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/bg/-/asset_publisher/10DICiVbPq4q/content/id/678494 (дата обращения 04.06.2017).

дружелюбную политику. При этом произошла интенсификация сотрудничества в рамках НАТО, а санкционная война ещё сильнее ударила по экономическим отношениям [14; 21]. Кроме того, в России раздражение вызывают поставки на Украину вооружений. Впрочем, нельзя не заметить, что в 2017 г. обозначилась положительная динамика в экономических связях, равным образом и премьер Б. Борисов, и президент В. Радев одинаково высказывались за пересмотр анти-российских санкций.

Параллельно в 2010-х гг. на уровне центрального аппарата МИДа наметилась тенденция уделять всё большее внимание историческим событиям. На фоне спада в российско-болгарских отношениях это привело к доминированию негативных аспектов. В частности, резкую реакцию стали вызывать акты вандализма по отношению к памятникам советской армии в Софии (август 2013 г., февраль и сентябрь 2014 г., апрель 2015 г., июнь и октябрь 2017 г.) и в Пловдиве (март 2017 г.). Лейтмотивом заявлений, придающих дополнительную символическую значимость действиям отдельных вандалов, являлось обвинение в забвении подвига советского солдата. В марте 2016 г. отповеди удостоилась статья министра иностранных дел Болгарии Д. Митова, а именно интерпретации, принижающие роль России в освобождении Болгарии и обосновывающие тезис о «советской оккупации» 1944-1947 гг.⁶

Нарастание напряжённости в «мемориальной сфере» привело в 2016-2018 гг. к громким медийным скандалам. Так, в марте 2016 г. ввиду доминирования тезиса о неблагодарности болгар многие российские СМИ и даже политики приняли за правду фейковую новость о том, что на годовщину Освобождения они позвали представителя Турции, а не России. Другой скандал случился в 2017 г., когда во время визита македонского президента Г. Иванова в Москву, пришедшегося на День славянской письменности, В.В. Путин отметил, что славянская письменность пришла с македонской земли. То, что казалось нейтральным заявлением, вызвало резко негативную реакцию болгарской общественности и МИДа.

Подобные конфликты проистекают как из-за разницы доминирующих национальных нарративов, так и столкновения на ценностном уровне, когда обе страны используют прошлое как предмет национальной гордости. Показательный пример произошёл в ноябре 2017 г., когда официальный представитель МИДа М.В. Захарова, комментируя очередной акт вандализма по отношению к памятнику советскому солдату в Софии, заявила, что именно СССР спас болгарских евреев от Холокоста. В контексте болгарского исторического нарратива планировавшиеся депортации в начале 1943 г. были отменены ввиду активной позиции Болгарской православной церкви (БПЦ) и общественности, что сегодня является предметом болгарской национальной гордости [38, р. 113]. В знак признательности в 1996 г. на территории Израиля был открыт специальный ме-

⁶ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 11 марта 2016 года // МИД России. Официальный сайт. 11.032016. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonKJE02Bw/content/id/2140275 (дата обращения 04.06.2018).

мориальный лес в честь болгарского народа, а в начале 2017 г. именно эта страна выдвинула БПЦ на соискание Нобелевской премии мира. Высказывание М.В. Захаровой вызвало скандал, поскольку было расценено болгарской общественностью как покушение на национальную историю. Впрочем, исторически ситуация была несколько сложнее: болгарское правительство выступило соучастником высылки в марте-апреле 1943 г. более 12 тыс. македонских и фракийских евреев в лагерь смерти Треблинка, а собственно болгарские евреи были выселены из столицы и лишены собственности. Их же итоговое спасение было результатом многих причин, среди важнейших – на что указывают и зарубежные историки – победы Красной Армии под Сталинградом и Курском [49].

Другой скандал, сопровождавший празднование 140-летия Освобождения в марте 2018 г., мы интерпретируем как столкновение на трёх уровнях: исторических нарративов, ценностных оснований и прагматических (политических) аспектов. Российскую делегацию возглавлял патриарх Кирилл, который на круглом столе раскритиковал президента В. Радева за размывание роли русской армии в освобождении болгар и выражение благодарности представителям других стран. Ирония заключается в том, что сама речь президента во время торжественного парада в Софии не содержала таких смыслов: в ней центральное место отводилось именно России, цитировались манифест об объявлении войны Александра II и слова Ф.М. Достоевского о народном энтузиазме, и только в самом конце упоминалось, что «на полях брани русско-турецкой освободительной войны погибли воины многих национальностей: русские, румыны, финны, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, сербы и черногорцы»⁷. Заметим, что с исторической точки зрения в приведённом выше перечне только появление литовцев вызывает вопросы, хотя некоторые из них ввиду всеобщей воинской повинности могли быть мобилизованы. Заметим, что 3-й лейб-гвардии Финляндский стрелковый батальон являлся действительно национальной частью, где преимущественно служили финны. Более того, установленный под Плевной памятник в честь погибших здесь стрелков-финнов ещё с социалистических времен является общим местом памяти Болгарии и Финляндии.

Если рассматривать подобные выступления не как попытку рассказать о прошлом, а перформативно выстроить отношение к нему, то в этих словах сложно увидеть умаление роли России. Однако отсылки к роли европейской общественности и выделение представителей тех этнических групп, которые на данный момент образовали независимые государства, определяются политической прагматикой Болгарии как участницы евроинтеграционных процессов. Характерно отсутствие упоминания татар, чеченцев, осетин, ингушей или евреев, которые тоже служили в русской армии и отличились в боях в Болгарии [9]. Само же выступление было направлено на утверждение идеи общеевропейского единства.

⁷ Слово на президента Румен Радев по повод Националният празник на България – Трети март // Президент България. Официальный сайт. 03.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.bg/speeches-and-statements4285/slovo-na-prezidenta-ruven-radev-po-povod-natsionalniya-praznik-na-balgariya-treti-mart.html> (дата обращения: 04.06.2018)

Естественно, ни на прагматическом, ни на ценностных уровнях речь В. Радева не соответствовала ожиданиям российской делегации.

Другое противоречие возникло на уровне исторических нарративов, т.к. в России непринято в истории той войны выделять представителей различных этнических групп. Здесь же мы сталкиваемся с более глубокой проблемой, а именно: как конкретно должны наследоваться достижения имперского периода. В России господствует государственноцентричный взгляд, именно преемственность государственных институтов даёт возможность говорить о «наследовании этой победы» в полном объёме. Однако государства, территории которых тогда входили в состав империи, считают себя также причастными к ней. Мы не ставим под сомнение правомерность последнего подхода, однако полагаем важным отметить, что порою подобная символическая борьба может принимать весьма странные формы. Например, посольство Украины в Болгарии распространило сообщение, в котором обосновывало, что в значительной мере русская императорская армия была украинской по этническому составу⁸.

Разразившийся медийный скандал способствовал актуализации негативных образов друг о друге: в одном случае звучали обвинения в неблагодарности, в другом – в имперском высокомерии⁹. У болгарской общественности раздражение вызвал сам тон патриарха Кирилла. Хотя российскими СМИ его возмущение было подано как ответ на выступление Радева, в действительности ситуация обстояла несколько сложнее. Незадолго до этого глава российской делегации принял участие во встрече с премьер-министром Б. Борисовым, который, судя по видеозаписи, действительно подчеркнул, что лично выразил благодарность за освобождение главам ряда восточноевропейских стран¹⁰. При этом, как обратил внимание на своей странице в «Фейсбуке» болгарист Н.С. Гусев, имела место ошибка перевода. Б. Борисов, говоря о значимости 3 марта, подчеркнул, что в этот день «высказываем почтение ко всем убитым, раненым воинам, которых больше всего было из России», в то время как переводчик опустил последнюю часть фразы про Россию.

Ни посольство, ни российский МИД никак не прокомментировали этот скандал, видимо, не посчитав слова болгарских политиков оскорбительными. Однако полемика явно свидетельствует об отсутствии на общественном уровне общего языка обращения к прошлому. Конечно, существуют общие практики, которые формируют совместные пространства памяти. Патриарх Кирилл во время встречи с прессой по итогам визита подчеркнул, что участие в богослужении непосредственно на Шипке вместе с болгарским патриархом стало для

⁸ Прессообщение за приноса на Украйна и украинците в Освобождението на България // Посольство Украины в республике Болгария. 03.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://bulgaria.mfa.gov.ua/ua/press-center/news/63388-pressobshhenije-za-prinosa-na-ukrajna-i-ukraincite-v-osvobozhdenijeto-na-blgarija> (дата обращения 04.06.2018)

⁹ См. дискуссию с участием российских и болгарских историков на страницах журнала «Историческая экспертиза»: [31].

¹⁰ <https://www.facebook.com/boyko.borisov.7/videos/2135590616668997/> (дата обращения 04.06.2018)

него глубоким духовным опытом¹¹. Однако, как показал ход скандала, камнем преткновения является отсутствие именно общего языка обращения к совместному прошлому, разница в исторических нарративах, а также прагматических и ценностных основаниях.

За пределами внешнеполитического дискурса

За пределами внешнеполитического дискурса остаётся значительная работа в мемориальной сфере, которая ведётся на территории Болгарии. Проводником выступает целая сеть болгарских государственных и общественных организаций. Основная роль принадлежит именно болгарам, поскольку вся существующая символическая инфраструктура поддерживается именно ими. Например, ещё в 2006 г. организация «Болгарское наследие» объявила акцию «Сохрани болгарское» по уходу за памятниками, включая связанные с Россией. В мае 2017 г. под патронатом президента В. Радева был создан Национальный комитет по празднованию 140-летней годовщины освобождения. Активность проявляет Фонд устойчивого развития Болгарии, который также инициировал комплекс мероприятий. Отдельно стоит отметить ежегодные (в августе) масштабные реконструкции боёв на территории мемориального комплекса на Шипке, причём степень вовлечённости российских реконструкторов оставляет желать лучшего. Кроме того, в 2003 г. было создано Национальное движение «Русофилы» Н. Малинова, тесно взаимодействующее с российским посольством в части проведения памятных мероприятий. Отдельно отметим деятельность историков-русистов Софийского университета (Р. Михневу, В. Колева и др.), которые реализуют ряд российско-болгарских семинаров и образовательных программ.

Если в Болгарии ключевую роль играют представители общественности, то со стороны России – официальные представительства: посольство в Болгарии, два генеральных консульства, Российский культурно-информационный центр (РЦИК) в Софии, а также Дом Москвы в Болгарии. Как правило, основная деятельность заключается в присутствии на организуемых болгарями торжествах, а также проведение отдельных культурных мероприятий. В памятном календаре основное внимание уделяется русско-турецкой освободительной (3 марта) и Второй мировой войнам (23 февраля и 9 мая). Так, в 2017 г. к очередной годовщине победы состоялись 32 церемонии возложения цветов к различным захоронениям и монументам, причём в с. Бырдарски Геран специально к этой дате отремонтировали памятник в честь советских летчиков. Среди других дат – 6 июня (день рождения А.С. Пушкина), День Военно-морского флота, приходящийся на последнее воскресенье июля (отмечается возложением венков к памятнику в честь победы Ф.Ф. Ушакова в битве у Калиакры) и 4 октября (день запуска первого в мире спутника), который в 2017 г. отметили открытием тематической выставки.

¹¹ Патриарх Кирилл разочарован размыванием роли России в освобождении Болгарии // ТАСС. 04.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/5006763> (дата обращения 04.06.2018)

140-летие Освободительной войны приняло характер народного праздника, причём сами мероприятия шли фактически весь юбилейный год в разных частях страны. Так, на основе анализа официальной страницы в социальной сети «Фейсбук» российского посольства в Болгарии мы можем говорить, что за период с апреля 2017 г. по конец февраля 2018 гг. официальные представители различного уровня приняли участие примерно в 30 мероприятиях. В их число мы включили и деловые поездки в отдельные города, в рамках которых возлагались цветы к памятникам. Набор других символических жестов, приуроченных к 140-летию, оказался весьма стандартным для российской политики памяти и определялся ориентацией на визуальные образы и игровую форму: выпуск маркированного художественного конверта (совместно с Роспечатью), выставка литографий из личной коллекции посла А.А. Макарова в музее-панораме «Плевенская эпопея», проведение интеллектуальной игры (совместно с Фондом устойчивого развития Болгарии) и международного художественного конкурса «140 лет вместе. Россия – Болгария» (РИА Новости и газета «Стандарт»), гастроли Московского Синодального хора, показ художественного фильма Ю. Коробова «Юлия Вревская», художественно-документальная выставка на информационных витринах посольства России. Отметим, что среди символических жестов доминирование именно участия в церемониях лишним раз подчёркивает восприятие прошлого как квази-трансценденции, публичное обращение к которой самозначимо само по себе.

При этом, несмотря на обилие памятных знаков, постоянно происходит увеличение их числа. Например, к 135-летней годовщине освобождения при поддержке движения «Русофилы» в Софии были открыты памятник Александру II и офицерам П. Черевину, П. Барыш-Тыщенко, а также памятник генералу И.В. Гурко. В г. Стрелче появился монумент в честь полковника Н.А. Тимирязева, который освобождал этот город, а в Казанлыке – памятник генералу М.Д. Скобелеву. В 2015 г. в г. Смолянах местные власти установили памятник П.А. Черевину. К 140-летию юбилею в Софии была открыта памятная доска в честь генерала Н.Г. Столетова (при поддержке «Русофилов»), в г. Нова-Загоре – памятник Освобождению, а в с. Мраморе был отреставрирован памятник капитану А.П. Бураго. Отметим, что война 1877-78 гг. не является единственным историческим событием, увековечение которого происходит в Болгарии. Например, в 2006 г. на мысе Калиакра был создан мемориальный комплекс в честь победы, которую одержал русский флот Ф.Ф. Ушакова в 1791 г. В 2009 г. в Созополе был открыт памятник русским морякам, которые сражались здесь в 1828-1829 гг. В 2014 г. около Шипки появилась мемориальная доска на кладбище русских эмигрантов. В 2017 г. памятная доска в честь А.В. Суворова появилась в Софии.

Со стороны России активность проявляют и российские общественные организации, близкие к государству. Например, в 2017 г. по линии Российского исторического общества были переданы копии некоторых документов по войне 1877-78 гг., а на празднование 140-летнего юбилея вручили копии георгиевских знамен русских полков. Активность проявил Российский институт стратегиче-

ских исследований, а именно его руководитель (до 2017 г.) Л.П. Решетников, по инициативе которого под г. Еленой в марте 2014 г. был открыт мемориальный комплекс «Казачий крест» (поклонный крест и часовня), посвящённый подвигу эскадрона 13-го драгунского Военного Орденового полка.¹²

Степень активности болгарского посольства в Москве, Болгарского культурного центра и других структур на территории России оказалась намного скромнее. Так, за юбилейный период были открыты четыре выставки, которые в разное время экспонировались в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде и Владимире. Причём две из них выставлялись в органах государственной власти, в Государственной думе и Министерстве иностранных дел. В 2018 г. в Третьяковской галерее в рамках открытия выставки В. Верещагина состоялась кинопанорама болгарских исторических фильмов¹³. Кроме того, представители посольства приняли участие в памятных мероприятиях 10 декабря и 3 марта у памятника Плевны.

Поставив перед собою цель изучить функционирование и политизацию пространств совместной памяти России и Болгарии, мы должны констатировать, что в значительной степени символические жесты и места памяти локализованы на болгарской земле, а потому в минимальной степени затрагивают широкие слои российского населения. Поскольку средства массовой информации проявляют особенный интерес именно к скандалам, то в конечном итоге они лишь подпитывают миф о «болгарской неблагодарности». Работа, которая ведётся на местах, остаётся скрытой и недостаточно символически репрезентированной, т.е. неоценённой. Формируемое на этом уровне семиотическое пространство не способствует активации частных инициатив в историко-культурной сфере. Символическую значимость получают действия неизвестных вандалов, но вовсе не общественные проекты, что, конечно, приводило бы к их позитивной политизации.

Создаваемые же пространства совместной памяти за счёт общих практик поклонения, православных церемоний и распространения единых образов (в виде выставок) являются достаточно хрупкими, поскольку вписываются в разные национальные нарративы. Эта сообщество производима перформативно, но с трудом выражаемая дискурсивно. Стремление официальных представителей России через обращение к различным событиям прошлого обозначить свою историческую значимость, возвещать о воинской славе спасительницы, казалось бы, находит встречную готовность признания этого статуса. Однако проблема заключается в том, что политически Болгария идёт именно по общеевропейскому пути, что требует подчёркивания единства судьбы европейских народов. Неудивительно здесь столь трепетное отношение к памяти о спасённых евреях. За

¹² Обзор прессы по казачеству (30.06-16.07) // МИД России. Официальный сайт. 25.07.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/materialy-komissii-po-voprosam-kazac-ih-obshestv/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/676799 (дата обращения 04.06.2017).

¹³ Изложби за войната жънат голям успех в цяла Русия Копирано // Страна. 24.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.standartnews.com/mneniya-intervyuta/izlozhibi_za_voynata_zhanat_golyam_uspeh_v_tsyala_rusiy-a-365375.html (дата обращения 04.06.2017).

«идеальным измерением» российско-болгарских отношений фактически отсутствует общий политический проект. Конечно, нельзя обходить стороной факт существования определённой тенденции, направленной на размывание роли России в истории Болгарии, однако стоит понимать, что она на данный момент не является доминирующей, а различного рода медийные скандалы и проведение слишком жёсткой линии по «отстаиванию достижений прошлого» лишь усиливают её.

Из этой ситуации есть только два выхода. Первый: медийные «войны памяти» будут периодически возникать вновь и вновь до тех пор, пока не появится политическая воля к налаживанию взаимоотношений. Второй: произойдёт трансформация способов обращения к прошлому. Общее прошлое должно быть не просто способом публично что-то засвидетельствовать, но и – прежде всего – предлогом для активизации различного рода сотрудничества. Совместные исследовательские, популяризаторские, туристические, художественные и иные проекты в этом случае подчиняются иной прагматике, а именно формированию сетей доверия, социальных связей (например, между творческим кругами, талантливой молодёжью), которые затем можно было бы использовать для активизации взаимодействия в экономической и политической сферах.

Автор выражает благодарность доктору Р. Михневой (Софийский университет) и к.ист.н. Н.С. Гусеву (Институт славяноведения РАН) за ценные замечания, высказанные во время работы над статьей.

Список литературы:

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Андресон П. Перипетии гегемонии. М.: Институт Гайдара, 2018. 296 с.
3. Баева И. Болгария в 1985–1991 гг. – от самого верного советского сателлита при Тодоре Живкове к повороту на Запад и началу демократии // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т.В. Волокитиной. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 139–164.
4. Баева И. Политическа употреба на руско-турската освободителна война от 1877 – 1878 г. в България след 1989 г. // *Войни. Революции*. Памет. Т. 3 / под ред. Р. Михнева, К. Грозев, М. Фролова. София, Камея Груп, 2017. С. 172–184.
5. Баторевич Н.И., Кожицева Т.Д. Памятники российскому воинству за рубежом (XVIII – начало XX в.). СПб: Дмитрий Булавин, 2011. 336 с.
6. Бурлинова Н., Иванченко В., Грибкова Д. Российская публичная дипломатия в 2017 г. М.: Креативная дипломатия, 2017. 36 с.
7. Валева Т.Э. Новые приоритеты Болгарии // *Современная Европа*. 2003. № 2. С. 87–95.
8. Васильев А. Постсоциалистическая Болгария: два десятилетия преобразований [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 31.01.2012. URL: http://russianscouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/postsotsialisticheskaya-bolgariya-dva-desyatiletija-preobraz/?sphrase_id=143601 (дата обращения: 10.03.2018).
9. Ведерникова Т. Война империи за свободу болгар (о социальном и этноконфессиональном составе российских участников русско-турецкой войны 1877-78 гг.) // *Войни. Революции*. Памет. Т. 3 / Ред. Р. Михнева, К. Грозев, М. Фролова. София, 2017. С. 85–93.
10. Вершинина И.А., Курбанов А.Р. Социально-политические изменения и трансформация городского пространства (на примере столиц Восточной Европы) // *Вестник Москов-*

- ского университета. Серия: социология и политология. 2018. № 1. С. 107-126.
11. Геруа Б.В. Вооруженные силы Болгарии. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1911. 68 с.
 12. Грибан И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в образовательном пространстве России (по материалам школьных учебников по истории) // Войни. Революции. Памет. Т. 3 / Под ред. Р. Михнева, К. Грозев, М. Фролова. София, 2017. С. 185-192.
 13. Гришина Р.П. Заметки об изданиях, посвященных 130-летию русско-турецкой войны и освобождению Болгарии // Славяноведение. 2010. № 3. С. 3-19.
 14. Гулиев И. Дело – труба: Россия на развилке газовых потоков [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам, 16.08.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/delo-trubarossiya-na-razvilke-gazovykh-potokov/> (дата обращения: 10.03.2018).
 15. Гусев Н.С. Образ России и русских в сознании Болгар в период балканских войн 1912-1913 гг. // Дриновский збирник. 2013. № 6. С. 170-179.
 16. Гусев Н.С. По следам русской эмиграции в Софии // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 5. С. 237-240.
 17. Гусев Н.С. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 123–133.
 18. Гусев Н.С. Русский «фронт» борьбы за Македония // Родина. 2014. № 6. С. 82-85.
 19. Иванов И. Западная цивилизация против советской памяти [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2016. 18 февр. URL: <https://topwar.ru/91075-zapadnaya-civilizaciya-protiv-pamyat-sssr.html> (дата обращения: 10.03.2018).
 20. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 192 с.
 21. Катона В. Векские аргументы Пентагона [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2015. 27 июля. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/veskie-argumenty-pentagona/> (дата обращения: 10.03.2018).
 22. Ковалев М.В. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 109-125.
 23. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 255-260.
 24. Коненкова А.К. Храмы-памятники, построенные в память содружества славянских народов в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8 (1). С. 307-313.
 25. Косик В.И. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2008. 236 с.
 26. Малинов Н. О судьбе русских некрополей в Болгарии // Острова нашей памяти. Судьбы русских некрополей на чужбине / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2013. С. 54-57.
 27. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111-121.
 28. Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София: Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.
 29. Морозов В.Е. Россия и Другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛЮ, 2009. 651 с.
 30. Сергеев В.М., Алексеев Е.С. Теория и практика политической коммуникации. М.: МГИМО-Университет, 2010. 125 с.
 31. Страсти по юбилею. 140-летие освобождения Болгарии от османского владычества в российской и болгарской политической риторике // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 100-127.
 32. Хархордин О.А. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
 33. Эрлих С.Е. Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 11-32.
 34. Юренева Т.Ю. Русско-турецкая война 1877-1878 гг.: Болгария, Россия и СССР в поисках музейной версии // Вестник славянских культур. 2016. № 4. С. 21-33.
 35. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.
 36. Bottici Ch., Challand B. Imagining Europe Myth, Memory, and Identity. Cambridge University press, 2013. 200 p.
 37. Büttner, S. Delius A. World Culture in European Memory Politics? New European Memory Agents Between Epistemic Framing and Political

- Agenda Setting // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23. No. 3. Pp. 391-404.
38. Feierstein D. *Genocide as Social Practice*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 288 p.
 39. Fierke K.M. Who is my neighbour? Memories of the Holocaust/al Nakba and a global ethic of care // *European Journal of International Relations*. 2014. Vol. 20 (3). Pp. 787–809.
 40. Ganev V. The Inescapable Past. The Politics of Memory in Post-Communist Bulgaria // *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / Ed. by Bernhard M. and Kubik J. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 214-231.
 41. Greenspan E. A Global Site of Heritage? Constructing Spaces of Memory at the World Trade Center Site // *International Journal of Heritage Studies*. 2005. Vol. 11. No. 5. Pp. 371-384.
 42. Gur-Zé'ev I., Pappé I. Beyond the Destruction of the Other's Collective Memory. Blueprints for a Palestinian/Israeli Dialogue // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20. N. 1. Pp. 93-108.
 43. Kaneva N. Remembering Communist Violence. The Bulgarian Gulag and the conscience of the West // *Journal of Communication Inquiry*. 2007. Vol. 31. No. 1. Pp. 44-61.
 44. Kucia M. The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 1. Pp. 97-119.
 45. Levy D., Sznajder N. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5. No. 1. Pp. 87-106.
 46. Marchard O. *Post-Foundational Political Thought*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 198 p.
 47. Mihelj S. Memory, post-socialism and the media: Nostalgia and beyond // *European Journal of Cultural Studies* 2017. Vol. 20 (3). Pp. 235 –251.
 48. Oates-Indruchová L., Mueller W. From the Iron Curtain to the Schengen Area: Memory Cultures of Bordering Communist and Postcommunist Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2017. Vol. 31. No. 2. Pp. 227 –233.
 49. Ofer, D. Tormented Memories: The Individual and the Collective // *Israel Studies*. 2004. Vol. 9. Is. 3. Pp. 137-156.
 50. Pentzold C. Fixing the floating gap: The online encyclopaedia Wikipedia as a global memory place // *Memory studies*. 2009. Vol 2. No. 2. Pp. 255–272.
 51. Ryan L. Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction // *Journal of Sociology*. 2014. Vol. 50. No. 4. Pp. 501–514.
 52. Stepnisky J. Global Memory and the Rhythm of Life // *Behavioral Scientist*. 2005. Vol. 48 No. 10. Pp. 1383-1402.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – аспирант кафедры политической теории МГИМО МИД России. Москва, проспект Вернадского, 76, Россия, 119454.
E-mail: kap1914@yandex.ru.

RUSSIA AND BULGARIA: FROM «MEMORIAL WARS» TO THE SEARCH FOR COMMON PAST

K.A. Pakhaluk
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203

Moscow State Institute of International Relations (University)

The reference to history in the context of Russia's foreign policy is considered as an appeal to the quasi-transcendence, whereby an ideal dimension is added to the practical (politi-

cal, economic) aspects of international relations. It is noted that only in the 2010s Russian diplomacy began to pay special attention to such «symbolic games», designed to provide the moral basis for foreign policy through reference to the historical role that Russia plays on the international arena. This, in turn, leads to the dominance of performative practices, rather than to the building of dialogue spaces. In practice, the politicization of historical memory is conducted in two ways: inclusion in foreign policy discourse and by various symbolic practices of addressing to the common past during official visits. The author suggests distinguishing actual memory places and symbolic gestures aimed at their actualization. Russian-Bulgarian relations are characterized by asymmetry in the spaces of shared memory, memory places are mainly localized in Bulgaria. We outline main practices of turning places of memory into the common spaces of memory, but interpretations of these symbolic gestures in Russia and Bulgaria are structured by different national historical narratives. The memory of the Russian-Turkish war of 1877-1878 and the liberation of Bulgaria during the WWII are assigned greater importance in Bulgaria than in Russia. This asymmetry leads to the fact that a significant work of the Bulgarian authorities, Bulgarian and Russian public organizations on the arrangement of places of memory and setting up new memorials is invisible in Russia, while Russian foreign policy discourse is dominated by the emphasis on negative aspects (for example, actions of individual vandals to destroy the monument of the Soviet Army in Sofia). This deprives the ongoing work in the field of symbolic support and at the same time forms a myth of «Bulgarian ingratitude». The most striking example is the scandal during the 140-year celebration of the liberation of Bulgaria in March 2018, which is based on a different understanding of how the achievements of the Imperial period should be interpreted today.

Key words: historical memory, discourse analysis, foreign policy identity, foreign policy discourse, cultural policy, public diplomacy, soft power, Russian-Bulgarian relations, Russian-Turkish war of 1877-1878, memorial cooperation.

References

1. Aleksander Dzh. *Smysly sotsial'noi zhizni: Kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology]. Moscow, Praksis Publ., 2013. 640 p. (In Russian)
2. Andreson P. *Peripetii gegemonii* [Perepetitions of hegemony]. Moscow, Institut Gajdara Publ., 2018. 296 p. (In Russian).
3. Baeva I. *Bolgariia v 1985–1991 gg. – ot samogo vernogo sovetского satellita pri Todore Zhivkove k povorotu na Zapad i nachalu demokratii* [Bulgaria in 1985-1991 – from the most faithful satellite under Todorov to the turn to the West and democracy] // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. K iubileiu T.V. Volokitinoi. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2017. Pp. 139-164. (In Russian).
4. Baeva I. *Politicheska upotreba na rusko-turskata osvoboditelna vojna ot 1877 – 1878 g. v B"lgariia sled 1989 g.* [Political interpretation of Russian-Turkish war 1877-78 in Bulgaria in 1989] // *Voini. Revoliutsii. Pamet* [Wars. Revolutions. Memory]. Vol. 3. Ed. by R. Mikhneva, K. Grozev, M. Frolova. Sofia, Kameya Grup Publ., 2017. Pp. 172-184. (In Bulgarian).
5. Batorevich N.I., Kozhitseva T.D. *Pamiatniki rossiiskomu voinstvu za rubezhom* [Monuments to the Russian soldiers abroad]. XVIII – nachalo XX v. St. Petersburg, Dmitrii Bulavin Publ., 2011. 336 p. (In Russian).
6. Burlinova N., Ivanchenko V., Gribkova D. *Rossiiskaia publichnaia diplomatiia v 2017 g.* [Russian public diplomacy in 2017]. Moscow, Kreativnaia diplomatiia Publ., 2017. 36 p. (In Russian).
7. Valeva T.E. *Novye priority Bolgarii* [New priorities of Bulgaria]. *Sovremennaia Evropa*, 2003, no. 2, pp. 87-95 (in Russian).
8. Vasilev A. *Postsocialisticheskaya Bol-*

- gariya: dva desyatiletija preobrazovanij [Postsocialist Bulgaria: 20 years of reforms]. *Rossiiskij sovet po mezhdunarodnym delam*, 31.01.2012. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsotsialisticheskaya-bolgariya-dva-desyatiletija-preobraz/?sphrase_id=143601 (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
9. Vedernikova T. Voina imperii za svobodu bolgar (o sotsial'nom i etnokonfessional'nom sostave rossiiskikh uchastnikov russko-turetskoi voiny 1877-78 gg.) [Imperial war for liberation of Bulgaria]. *Voini. Revoliutsii. Pamet*, 2017, vol. 3, pp. 85-93 (in Russian).
 10. Vershinina I.A., Kurbanov A.R. Sotsial'no-politicheskie izmeneniia i transformatsiia gorodskogo prostranstva (na primere stolits Vostochnoi Evropy) [Social-political developments and transformation of urban space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: sotsiologiya i politologiya*, 2018, no. 1, pp. 107-126 (in Russian).
 11. Gerua B.V. *Vooruzhennyye sily Bolgarii* [Military forces of Bulgaria]. St. Petersburg, Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba Publ., 1911. 68 p. (In Russian).
 12. Griban I. Russko-turetskaia voina 1877-1878 gg. v obrazovatel'nom prostranstve Rossii (po materialam shkol'nykh uchebnikov po istorii) [Russain-Turkish war 1877-1878 in school education in Russia]. *Voini. Revoliutsii. Pamet*, 2017, vol. 3, pp. 185-192 (in Russian).
 13. Grishina R.P. Zametki ob izdaniakh, posviashchennykh 130-letiiu russko-turetskoi voiny i osvobozhdeniiu Bolgarii [Comments on publications to 130-anniversary of Russian-Turkish war and liberation of Bulgaria]. *Slavianovedenie*, 2010, no. 3, pp. 3-19 (in Russian).
 14. Guliev I. Delo – truba: Rossiia na razvilke gazovykh potokov [Russia at the fork in gas flows]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 16.08.2016. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/delo-truba-rossiya-na-razvilke-gazovykh-potokov/> (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
 15. Gusev N.S. Obraz Rossii i russkikh v soznanii Bolgar v period balkanskikh voyn 1912-1913 gg. [The image of Russia and Russians in the minds of Bulgarians during the Balkan wars of 1912-1913]. *Drinovskii zbirnik*, 2013, no. 6, pp. 170-179 (In Russian).
 16. Gusev N.S. Po sledam russkoi emigratsii v Sofii [In the footsteps of the Russian emigration in Sofia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 5, pp. 237-240 (in Russian).
 17. Gusev N.S. Russkie i bolgary posle Balkanskikh voyn: vzaimnoe razocharovanie [Russians and Bulgarians after the Balkan wars: mutual disappointment]. *Slavianskii al'manakh*, 2014, iss. 1-2, pp. 123-133 (in Russian).
 18. Gusev N.S. Russkii «front» bor'by za Makedoniia [Russian “front” for Macedonia]. *Rodina*, 2014, no. 6, pp. 82-85 (in Russian).
 19. Ivanov I. Zapadnaia tsivilizatsiia protiv sovetsskoi pamiati [Western civilization against Russian memory]. *Voennoe obozrenie*, 18.02.2016. Available at: <https://topwar.ru/91075-zapadnaya-civilizatsiya-protiv-pamyat-sssr.html> (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
 20. Kasje S.I. Politicheskaya teologiya i natsion-building: obshie polozheniya, rossiiskij sluchaj [Political theology and nation-building: basics and Russian case]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 196 p. (In Russian)
 21. Katona V. Veskie argumenty Pentagona [Good arguments of Pentagon]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 27.07.2015. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/veskie-argumenty-pentagona/> (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
 22. Kovalev M.V. Russko-turetskaya voina 1877-1878 gg. v istoricheskoi pamyati russkoi emigratsii [Russia-Turkish war 1877-78 in the memory of Russian emigrants]. *Slavyanskij almanah*, 2016, no. 1-2, pp. 109-125 (In Russian).
 23. Koktysh K.E. Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniia sotsial'noi dinamiki [Cognitive integration: modelling social dynamic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, no. 4, pp. 255-260 (in Russian).

24. Konenkova A.K. Hramy-pamyatniki, postroennye v pamyat sodruzhestva slavyanskikh narodov v rusско-tureckoj vojne 1877-1878 gg. [Temples-monuments, built in memory of the commonwealth of the Slavic peoples in the Russian-Turkish war of 1877-1878]. *Slavyanskij mir v tretem tysyacheletii*, 2013, no. 8 (1), pp. 307-313 (in Russian).
25. Kosik V.I. Sofii russkii ugolok. Ocherki so stikhami o russkikh, pokinuvshikh Rossiю posle oktiabr'skoi revoliutsii 1917 goda i posledovavshei za nei grazhdanskoi voiny [Russian area in Sofia. Essays with poems about Russians who left Russia after the October revolution of 1917 and the civil war that followed it]. Moscow, PROBEL-2000 Publ., 2008. 236 p. (In Russian).
26. Malinov N. O sud'be russkikh nekropolei v Bolgarii [About the fate of Russian necropolis in Bulgaria]. *Ostrova nashei pamiati. Sud'by russkikh nekropolei na chuzhbine* [Islands of our memory. The fate of the Russian necropolises in a foreign land]. Ed. by O.V. Petrovskaya. Moscow, RISI Publ., 2013. Pp. 54-57. (In Russian).
27. Miller A.I. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeystvie na evropejskuyu kulturu pamyati [Politics of memory in Postcommunist Europe and its influence on the European culture of memory]. *Politiya*, 2016, no. 1, pp. 111-121 (in Russian).
28. Mikhneva R., Grozev K., Rupcheva G. "Malkata Rusiia" na zh'ltite paveta [Small Russia on yellow cobble]. Sofia, Kameia Grup Publ., 2016. 246 p. (In Russian).
29. Morozov V.E. Rossiia i Drugie. Identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva [Russia and Others. Identity and boundaries of the political community]. Moscow, NLO Publ., 2009. 651 p. (In Russian).
30. Sergeev V.M., Alekseenkova E.S. Teoriia i praktika politicheskoi kommunikatsii [Theory and practice of political communication]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2010. 125 p. (In Russian).
31. Strasti po yubileyu. 140-letie osvobodzheniya Bolgarii ot osmanskogo vladychestva v rossijskoi i bolgarskoi politicheskoi ritorike [Passion on the anniversary. 140th anniversary of the liberation of Bulgaria from Ottoman rule in Russian and Bulgarian political rhetoric]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no. 2, pp. 100-127 (in Russian).
32. Kharkhordin O.A. *Osnovnye poniatiia rossijskoi politiki* [Main concepts of Russian politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 328 p. (In Russian).
33. Erlikh S.E. Global'naiia pamiat' informatsionnogo obshchestva: etika, identichnost', narrativ [Global memory of the information society: ethics, identity, narrative]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2016, no. 3, pp. 11-32 (in Russian).
34. Yureneva T.Yu. Rusско-tureckaya vojna 1877-1878 gg.: Bolgariya, Rossiya i SSSR v poiskah muzejnoj versii [Russian-Turkish war of 1877-78: Bulgaria, Russia and USSR in search of museum version]. *Vestnik slavyanskikh kultur*, 2016, no. 4, pp. 21-33 (in Russian).
35. Iak B. *Natsionalizm i moral'naiia psikhologiya soobshchestva* [Nationalism and the moral psychology of community]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2017. 520 p.
36. Bottici Ch., Challand B. *Imagining Europe Myth, Memory, and Identity*. Cambridge University press, 2013. 200 p.
37. Büttner, S. Delius A. World Culture in European Memory Politics? New European Memory Agents Between Epistemic Framing and Political Agenda Setting. *Journal of Contemporary European Studies*, 2015, vol. 23, no 3, pp. 391-404.
38. Feierstein D. *Genocide as Social Practice*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 288 p.
39. Fierke K.M. Who is my neighbour? Memories of the Holocaust/al Nakba and a global ethic of care // *European Journal of International Relations*, 2014, vol. 20 (3), pp. 787-809.
40. Ganev V. The Inescapable Past. The Politics of Memory in Post-Communist Bulgaria // *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by Bernhard M. and Kubik J. Oxford, Oxford University Press Publ.,

2014. Pp. 214-232.
41. Greenspan E. A Global Site of Heritage? Constructing Spaces of Memory at the World Trade Center Site. *International Journal of Heritage Studies*, 2005, vol. 11, no. 5, pp. 371-384.
 42. Gur-Zé'ev I., Pappé I. Beyond the Destruction of the Other's Collective Memory. Blueprints for a Palestinian/Israeli Dialogue. *Theory, Culture & Society*, 2003, vol. 20, no. 1, pp. 93-108.
 43. Kaneva N. Remembering Communist Violence. The Bulgarian Gulag and the conscience of the West. *Journal of Communication Inquiry*, 2007, vol. 31, no. 1, pp. 44-61.
 44. Kucia M. The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 97-119.
 45. Levy D., Sznajder N. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*, 2002, vol. 5, no. 1, pp. 87-106.
 46. Marchard O. *Post-Foundational Political Thought*. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 2007. 198 p.
 47. Mihelj S. Memory, post-socialism and the media: Nostalgia and beyond. *European Journal of Cultural Studies*, 2017, vol. 20 (3), pp. 235 –251.
 48. Oates-Indruchová L., Mueller W. From the Iron Curtain to the Schengen Area: Memory Cultures of Bordering Communist and Postcommunist Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 227 –233.
 49. Ofer, D. Tormented Memories: The Individual and the Collective. *Israel Studies*, 2004, vol. 9, is. 3, pp. 137-156.
 50. Pentzold C. Fixing the floating gap: The online encyclopaedia Wikipedia as a global memory place. *Memory studies*, 2009, vol 2, no. 2, pp. 255–272.
 51. Ryan L. Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*, 2014, vol. 50, no. 4, pp. 501–514.
 52. Stepnisky J. Global Memory and the Rhythm of Life. *Behavioral Scientist*, 2005, vol. 48, no. 10, pp. 1383-1402.

About the author:

Konstantin A. Pakhaluk – postgraduate student, Department of political science, MGIMO-University. 76 Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454. E-mail: kap1914@yandex.

ОБРАЗ РОССИИ И РОССИЯН В ПОЛЬСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФИЛЬМАХ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ)

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Представленное исследование посвящено отображению России и россиян в польском историческом кино в XX – начале XXI вв. Цель работы заключается в оценке позиционирования России и россиян в польских исторических фильмах. Исследование призвано обогатить представления о политике польских элит по формированию исторической памяти широких масс населения. Материалы статьи могут быть использованы дипломатами, журналистами, представителями международных общественных организаций, специалистами в области патриотического воспитания и организации работы с молодежью.

В ходе сбора и обработки информации использовались методы дескриптивного анализа и экспертного интервью. Исследование показало, что при создании образов России и её жителей в польском историческом кино доминирует тенденция негативного позиционирования, заданная политической конъюнктурой и культурными стереотипами. Для формирования соответствующих образов применялись манипулятивные практики, основанные на обращении к сфере эмоций и использовании символики с архетипным подтекстом. Кинокартины дореволюционного, межвоенного и постсоветского периодов роднит не только содержательная, но и технологическая сторона: в обоих случаях создатели фильмов применяли стратегии создания образов чужого и фантомного врага, демонизации и дегуманизации. Отрицательно позиционировался не только советский режим, но и сама Россия, изображаемая в роли исторического, вечного врага Польши.

Ключевые слова: образ России, образ врага, политика памяти, историческая память, исторические фильмы, Польша, манипулятивные методы.

УДК 327.8

Поступила в редакцию 07.01.2018 г.

Принята к публикации 19.08.2018 г.

Взаимное восприятие русских и поляков представляет собой давний предмет интереса со стороны политологов и культурологов (главным образом, специалистов в области политики исторической памяти). Повышенное внимание к данной теме не в последнюю очередь обусловлено политической конъюнктурой: две страны не раз выступали соперниками на международной арене, и в настоящий момент в отношениях между ними ощущается явная напряжённость. Активное участие политического руководства Польши в событиях на Украине, усиление позиций правых политиков в политическом истеблишменте «Третьей Речи Посполитой», введение санкций и контрсанкций – всё это способствовало существенному охлаждению во взаимоотношениях Москвы и Варшавы [4; 6; 13]. Однако главным фактором, обеспечивающим перманентную актуальность обозначенной темы, выступает запрос властей и экспертных сообществ двух стран на получение полной и достоверной картины восприятия своей страны в политическом истеблишменте и широких слоях населения государства-оппонента. Такие знания необходимы для адекватной оценки и прогнозирования действий зарубежных визави, а также реакции общественности соседней страны на собственные действия.

Объектом исследования выступает образ России в массовой культуре Польши XX – начала XXI вв.; предмет исследования – это имидж России и россиян в польских исторических фильмах указанного периода. Эти хронологические рамки охватывают время существования кино как массового жанра искусства и, что не менее важно, соответствуют глубине актуальной исторической памяти, тесно связанной с существующими в массовом сознании стереотипами.

Цель данного исследования состоит в анализе позиционирования россиян в польских исторических фильмах в обозначенный период. По своей научной значимости исследование призвано обогатить теоретические представления о сущности мемориальной политики и исторической памяти за счёт ввода в оборот новых экспертных мнений и их апробации на рассматриваемом материале. С практической точки зрения изложенный материал может быть использован дипломатами, журналистами, представителями международных общественных организаций.

За последние годы российскими и зарубежными исследователями был создан внушительный корпус научных исследований, посвящённых восприятию России в польском обществе [1; 2; 3; 5; 7; 9; 10; 18]. Однако степень изученности темы отображения России в массовой культуре Польши, в первую очередь в игровом кино, характеризуется фрагментарностью. Исследования по данной теме относительно немногочисленны. В большинстве случаев образ России в польских фильмах не рассматривается в качестве самостоятельного предмета исследования. Тема разрабатывается в рамках изучения более широких или смежных вопросов либо сквозь призму исследования отдельных её аспектов [8; 11; 12; 14; 15; 17]. Это в равной степени касается позиционирования России в рамках исторических кинолент, т.к. их содержание задаёт контуры историче-

ской памяти широких масс и, соответственно, определяет их отношение к другим народам.

С методической точки зрения автор в своей работе применил системный и сравнительный подходы, методы социальной феноменологии, символический интеракционизм, а также интервьюирование экспертов. В рамках проведения экспертных интервью было опрошено десять экспертов – политологов, историков, культурологов, специалистов в области международных отношений, организации работы с молодёжью и патриотического воспитания. Формирование пула экспертов проходило за счёт применения метода «снежного кома». В соответствии с методикой экспертного интервью, материалы опроса экспертов обличены (соответствующие фрагменты текста выделены курсивом). Анонимность экспертов гарантирует откровенность и минимизацию самоцензуры со стороны экспертов.

Результаты опроса экспертов

К моменту появления кинематографа в культуре Польши глубоко укоренилась традиция негативного позиционирования России. Национальная литература, как минимум с эпохи романтизма, не просто изобиловала образами жестоких царских чиновников и офицеров – негатив ассоциировался с самим понятием «русский». Например, А. Мицкевич персонажа одного из своих произведений характеризовал так: «москаль, но добрый человек». Подобная формулировка подразумевает, что вероятнее всего москаль – это «плохой человек».

«Нужно помнить о том, кто формировал польскую культуру начала прошлого века. Это правнуки уланов Понятовского, внуки участников восстания 1831 г. и дети бунтарей 1863 г. Для них Россия была врагом с большой буквы “вэ”».

«Благодаря постоянным конфликтам, полыхавшим, как минимум, с эпохи “войны за польское наследство”, и политике насильственной русификации, польская интеллигенция, как, впрочем, и простой народ, видела в России источник угнетения. Сказывалось, очевидно, и представление о том, что именно Россия в наибольшей степени виновата в ликвидации польской государственности».

Эта традиция, породившая целый ряд стереотипов, получила мощный стимул к развитию в период Первой мировой войны. Начало глобального конфликта спровоцировало всплеск польского национализма, который активно подпитывался официальными властями Германии и Австро-Венгрии. В качестве конкретных примеров произведений культуры соответствующего характера можно назвать немые художественные кинофильмы «Варшавская охранка и её тайны» (1916 г., А. Херц), а также «Царизм и его слуги» (1917 г., А. Херц). Эти фильмы пользовались огромной популярностью у зрителей, закрепляя уже сложившиеся в массовом сознании поляков стереотипы России и русских. Интересно отметить, что в этих кинокартинах впервые начал активно эксплу-

атироваться образ русского, стремящегося заполучить польскую женщину. В фильмах широко использовалась стратегия демонизации врага, подразумевавшая, помимо прочего, внедрение в сознание сценариев инвариантной ситуации насильственных действий «русского»-врага по отношению к поляку-жертве. Последнее подразумевало чёткую логику: если поляк не будет готов силой противодействовать «русскому», то неизбежно станет его жертвой. Сама Россия позиционировалась как своеобразный «антимир», воплощающий отрицание всего европейского (в т.ч. польского).

«Первые польские исторические фильмы представляли собой по большей части продукт военной пропаганды. Это предопределило их содержание: враг, т.е. Россия, был наделён всеми возможными пороками, а Польша представлена в образе жертвы». «Нельзя игнорировать внешние факторы: польское историческое кино зарождалось благодаря деньгам из немецких и австро-венгерских кошельков. Это был высококачественный пропагандистский продукт, который должен был однозначно перетянуть поляков на сторону центральных держав. И в этих целях режиссёры и сценаристы, ничего не стесняясь, играли с чувством национального унижения, вскрывали раны старых обид и выражали это в простых и понятных всем и каждому символах. Особенно любили обращаться к теме поруганной (или почти поруганной) польки». В 1920–1930-е гг. был создан ряд успешно растиражированных фильмов, позиционировавших Россию (как дореволюционного, так и советского периода) как угрозу для национальной безопасности Польши. В частности, в свет вышли экранизации романа С. Жеромского «Верная река» о восстании 1863 г. (1936 г., Л. Бучковский, А. Стерн, С. Жиромский) и «Могила неизвестного солдата» (1927 г., Р. Ордынский, С. Ромин, А. Струг). В «Верной реке» демонизировался образ России императорской, во втором – советской. Аналогичным образом был воплощён на киноэкране роман А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1928 г., Р. Ордынский, Ф. Готель, А. Струг, А. Мицкевич). Во всех названных случаях кинематографисты использовали характерную для создания образа «чужих» тактику дистанцирования: герои чётко делятся на «своих» и «чужих», причём первые обладают исключительно положительными чертами, а вторые – отрицательными. Как следствие, зрители начинали испытывать стойкое отчуждение по отношению к «русским» героям. Также использовался приём обезличивания: связанные с Россией персонажи лишались лично значимых качеств.

«Для польских властей было очень важно представить РСФСР, а затем и СССР в роли центра мирового зла. С этой целью Россию в кино изображали в виде своеобразного “Мордора”, страны, населённой одними негодяями. И эту пропаганду нельзя считать грубой: польские режиссёры умели работать над качественной картинкой, а сценарии кинолент были буквально напицканы стереотипными представлениями, присущими большинству обывателей. Враг всегда представлялся безликой ордой, с представителями которой у поляка не может быть ничего общего. У зрителя даже не могло возникнуть мысли отождествить

себя с русским, увидеть в нём просто человека, одетого в другой мундир. Вопросы о том, кто свой, а кто чужой, у зрителя в принципе не могло возникнуть».

На тему войны 1920 г. польскими кинематографистами был создан ряд кинематографических произведений: «Для тебя, Польша» (1920 г., Э. Берднардчик, М. Йюзефович), «Чудо над Вислой» (1921 г., Р. Болеславский, А. Загурский), «Любовь сквозь огонь и кровь» (1924 г., Я. Кухарский) и пр. В отображении советской стороны эти ленты отличает, во-первых, наличие характерных семитских черт лица у представителей «большевистского руководства»; во-вторых, подчёркнутая жестокость и склонность красноармейцев к злоупотреблению спиртным; в-третьих, акцент на слабости Красной армии. Получила развитие и традиция изобразить стремление русских надругаться над польскими женщинами. Здесь прослеживается определённый символизм: насилие над конкретной женщиной олицетворяет устремления Советской России по отношению к Польше. Авторы фильмов активно использовали стратегию выработки фантомной угрозы. С одной стороны, это осуществлялось путём концентрации символов, семантически связанных понятиями «опасность» и «угроза». С другой стороны, положительные персонажи (поляки) выражали своё отношение к Советской России и её обитателям в форме блоков «вопрос – ответ», имевших скорее риторический характер. За счёт использования данных конструкций негативные стереотипы страны-соседа воспринимались как априорная истина. Использовалась также тактика приближения угрозы к реципиенту-зрителю: моделировалось перемещение «большевиков» во внутренние районы Польши, т.е. в «зону безопасности реципиента».

«Смысл жизни “киношного” большевика сводился к простому набору целей: покорить Польшу, убить её мужчин, изнасиловать женщин, ограбить их дома. Эта подача материала очень напоминает ход, который впоследствии использовал Константин Симонов в стихотворении “Убей фашиста”. У людей, пришедших в кинозал, закономерно возникало ощущение, что условный большевик угрожает и им самим, их семьям. Чтобы закрепить эффект, тезисы преподносились в форме диалога. Повторяя вслед за героями ход их рассуждений, зритель поневоле цементировал в своём сознании пропагандистский посыл авторов».

Обращает на себя внимание то, что тесное сочетание русофобских и анти-советских мотивов в польской пропаганде и политике памяти данного периода даже не пытались завуалировать. Техника работы с массовым сознанием во многом была построена на основе антисемитского символического дискурса. В частности, в визуальных материалах активно обыгрывалось сходство между советскими эмблемами и звездой Давида.

«В период революции и гражданской войны России как внутренние, так и внешние противники большевиков постоянно обращались к еврейской теме в своей пропаганде. Эта тактика, несмотря на её неэтичность, была эффективна: она накладывалась как на широкий набор антисемитских стереотипов, так и на реальный факт активного участия этнических евреев в революционном

движении. За счёт этого кинематографистам удалось использовать глубинные страхи рядовых обывателей».

Отдельно следует выделить серию кинокартин, в которых поднимается тема взаимоотношений представителей российских властей и польских революционеров в XIX в.: «Красоты жизни» (1921 г., Е. Моджелевский, У. Вауэр, С. Жеромский), «Дочь генерала Панкратова» (1934 г., М. Знамеровский, Ю. Лейтес, М. Орлик, Т. Орлик). Создатели фильмов активно эксплуатируют тему перехода этнических русских на сторону поляков. Большинство «перебежчиков» относится к представительницам женского пола, причём в этом случае присутствует двойной выбор – личный (любовная линия) и цивилизационный. Обратим внимание, что подобные альянсы отнюдь не символизировали возможность примирения двух наций. Польская культура межвоенного периода (1918–1939 гг.) была традиционной и патриархальной, и, в соответствии с присущими ей представлениями, женщина символически становилась полькой, утрачивая связи с Россией.

«Русских женщин в польском кино можно было бы назвать исключением из правила. Они, по большей части, показаны вполне человечно и привлекательно. Но имеется один важный момент: все эти “хорошие русские” в итоге переходили на позицию польских патриотов, обрывали связи с родиной».

В послевоенный период представители творческой интеллигенции Польши продемонстрировали устойчивую приверженность прежним культурным паттернам. В частности, в первых версиях сценариев первых фильмов, посвящённых Второй мировой войне («Запрещённые песенки» – 1936 г., Л. Бучковский, Я. Фетке, Л. Старский; «Непокорённый город» – 1950 г. – Е. Зажицкий, Е. Анджеевский, Ч. Милош), роль Красной армии в освобождении Польши вообще не отражалась. Соответствующие коррективы были внесены лишь после вмешательства политического руководства.

В дальнейшем противоречивое восприятие русской/советской стороны в исторической памяти поляков привело к специфическому отражению военных событий в рассчитанных на массовую аудиторию произведениях художественной культуры. Чаще всего бойцы Красной армии выступали в роли объекта спасения или было показано, что без помощи поляков командование советских войск не могло бы добиться успеха. Как бы то ни было, к началу 1960-х гг. уровень негатива в восприятии России и СССР существенно снизился, в том числе благодаря тому, что в кинофильмах широкое освещение получила тема фронтового братства («Где генерал?» – 1963 г., Т. Хмелевский; «Четыре танкиста и собака» – 1966 – 1970 гг., К. Налецкий, А. Чекальский, Я. Пшимановский, С. Воль, М. Пшимановская). Но даже на этом позитивном фоне периодически проскальзывали негативные стереотипы: советские персонажи часто злоупотребляют алкоголем, то и дело создают своими действиями опасные ситуации для поляков.

«В польских послевоенных фильмах сложно найти 100% героя-выходца из СССР. Но это вполне понятно: полякам было достаточно сложно жить с мыслью, что их сначала оккупировали немцы, а затем спасли русские. Кинемато-

графисты не могли переписать историю, но у них была возможность иначе расставить акценты, сделав упор на роли поляков в освобождении собственной страны. Польские режиссёры уподобились де Голлю: их целью стало дать Польше шанс с честью выйти из состояния войны хотя бы в пространстве коллективной памяти».

Позже, в связи с событиями в Чехословакии, а затем – с появлением профсоюза «Солидарность», позиционирование России и СССР в дискурсе польской культуры начало смещаться в сторону негатива. Данный тренд впоследствии закрепила политическая конъюнктура. После смены политического режима в Польше в результате «бархатной революции» 1989 г. перед новой политической элитой страны и встала задача выстроить новую идентичность, которая обеспечила бы легитимацию «Третьей Речи Посполитой». Для этого необходимо было выстроить политическую мифологию, которая подразумевала бы смену ценностных полюсов при оценке событий и деятелей прошлого. И в первую очередь это касалось сферы взаимоотношений Польши и России.

В качестве основы для конструирования новой политической мифологии был выбран ряд травмирующих эпизодов недавнего исторического прошлого, память о которых подкреплена воспоминаниями очевидцев – младших современников этих событий.

Первым элементом этой мифологической цепочки стали события советско-польской войны 1920 г. Наиболее полно соответствующий исторический миф отображён в фильме «Варшавская битва. 1920» (2011, Е. Гоффман, Я. Сокол, рекомендуется к просмотру желающим получить «Карту поляка»). Его авторы создали ряд ярких, эмоционально насыщенных образов-символов, в которых Советская Россия предстаёт «абсолютным врагом» Польши. Например, глубокое воздействие на аудиторию оказал эпизод, в котором красноармеец снимает сапоги со смертельно раненного польского солдата. В том же фильме на вопрос одного из героев к солдатам и офицерам Красной армии, ради чего они пришли в Польшу, те отвечают, что хотят шоколада и «баться» (прямая цитата из фильма). Символичен и образ публично испражняющегося красноармейца рядом с роялем в усадьбе. Политработники прямым текстом обещают бойцам, что в Варшаве их ждёт «много еды и женщин». Наступление Красной армии демонстрируется как воплощение тактики планомерного «заваливания врага трупами». Один из героев киноленты даже шутит по этому поводу, что польская армия победит, лишь бы у неё хватило патронов. Подобная подача материала призвана сформировать у зрителя представление о безразличии советского командования к жизням солдат и создать образ безликой массы красноармейцев, безропотно выполняющей любой приказ. Последнее призвано подпитывать систему представлений об авторитарном характере политической культуры России и присущих ментальности её жителей негативных чертах.

Характерен внешний вид актёров, представляющих красноармейцев: подавляющее большинство их небрежно одеты, небриты, имеют неправильные чер-

ты лица. Последнее резко контрастирует с привлекательным визуальным рядом, показывающим жизнь по другую сторону фронта. Тактика создания контраста, очевидно, помогает зрителю разделить персонажей на «своих» и «чужих». Внешность советских людей соответствует стереотипным представлениям о маргиналах, в силу чего зритель начинает воспринимать их поведение как ожидаемое, естественное, и это углубляет отчуждение целевой аудитории от «чужих».

Эмоциональная насыщенность образов достигалась также за счёт использования сцен насилия красноармейцев над наименее защищёнными членами общества (женщинами, детьми и стариками) и представителями католического клира.

В первом случае у целевой аудитории провоцировались вспышки не только агрессии, но и стыда (архетипы сознания поневоле возлагали часть ответственности на польских мужчин, не сумевших защитить своих близких). Подобный подход к освещению темы способствовал значительному усилению негативного восприятия России, в том числе за счёт того, что идейные предшественники так и не сумели одержать военной победы над СССР. Последнее сформировало своеобразный «запрос на реванш» над Россией, в какой бы форме он ни произошёл.

Во втором случае ресурсом построения модели исторической памяти выступает глубокая религиозность значительного числа поляков, органично сочетавшаяся с отрицательным отношением Ватикана к советскому режиму.

Религиозные сюжеты авторы фильма «Варшавская битва. 1920» использовали для того, чтобы позиционировать противостояние с Россией как «священную войну», в ходе которой РСФСР наделялся inferнальными признаками (не случайно в картину включён эпизод, в котором католический священник с крестом в руках поднимает солдат в атаку на позиции Красной армии).

Вероятнее всего, в данном случае можно говорить о своеобразной культурной преемственности. Использование inferнальных моментов в построенном польской пропагандой образе Советской России уходит корнями, как минимум, к войне 1920 г., когда большевизм визуализировался в виде дракона – символа, отождествляемого в христианской культуре с силами ада. Не случайно на польских пропагандистских плакатах того периода Л.Д. Троцкий изображался теми же приёмами, что и демоны в традиционной христианской иконографии.

«Фильм “Варшавская битва. 1920” изначально создавался как часть национального киноэпоса, т.е. мифический по своему содержанию продукт. Чтобы массы усвоили миф, ему должны быть присущи простота и непротиворечивость. Этот фильм не мог быть воплощён иначе, кроме как в виде череды стереотипов, построенных на использовании политической символики. При его создании использовались классические пропагандистские приёмы (многие клише и решения были позаимствованы даже у довоенных польских авторов). Его не следует рассматривать как картину, авторы которой стремились к исторической достоверности. Относительным минусом картины является чрезмерная накачка негативом антиобраза Красной армии. Создатели фильма вложили в

него столько отрицательных черт, что он едва ли не полностью соответствует архетипу врага».

Видную роль при создании исторической мифологии посткоммунистической Польши сыграла разработка «катынской» тематики, особенно интересной с точки зрения визуализации. Так, обстановка в казармах военнопленных в фильме «Катынь» (2007 г., А. Вайда, П. Новаковски, В. Пасиковский, рекомендуется к просмотру желающим получить «Карту поляка») соответствует «классическому» образу немецкого концентрационного лагеря. Нельзя проигнорировать и то, каким образом в фильме продемонстрированы расстрелы. Процедура отображена в полном соответствии со стереотипами произведений о холокосте, что способствует выработке устойчивого ассоциативного ряда.

«Весьма вероятно, что сходство визуального ряда – результат осознанного выбора режиссёра. В конце концов, польский патриотический дискурс в настоящий момент позиционирует нацистскую Германию и Советский Союз как братьев-близнецов».

«Антиэстетика “Катыни” вызывает ассоциации с целым рядом фильмов, посвящённых теме массовых убийств. “Список Шиндлера”, “Жизнь прекрасна”, “Пианист” – этот список можно продолжать. Не уверен, что господин Вайда осознанно копировал наследие коллег по цеху, но сходство визуализации образов налицо».

Внимание привлекает и то, что в фильме акцентируется внимание на наличии среди красноармейцев и сотрудников НКВД представителей монголоидной расы. Последнее косвенным образом перекликается с широко растиражированными ещё в период Второй мировой и холодной войн стереотипами об СССР как оплоте азиатчины.

Символику фильма «Катынь» характеризует, к примеру, такой эпизод: один из красноармейцев на глазах пленных использует флаг Польши вместо портянки. Публичное оскорбление национального символа выражает оценку создателями киноленты действий Советского Союза.

Привлекает внимание и другая особенность подачи материала в фильме. Солдаты и офицеры Красной армии показаны А. Вайдой максимально безлично, за исключением персонажа А. Гармаша – советского офицера, бескорыстно стремящегося спасти одну из героинь-полек. Последнее подчёркивает исключительность, аномальность такого поведения для представителей советской стороны. Интересно отметить, что появление в картине этого персонажа впоследствии стало поводом для обвинений в адрес А. Вайды в попытке сделать фильм комплементарным для россиян.

«Советская сторона отображена в “Катыни” как представители своеобразного “антимира”. Это было вполне ожидаемо, с учётом того, как позиционируются катынские события в Польше. Но степень демонизации Советов всё же вызывает удивление: в киноленте имеется лишь один “русский” персонаж, вызывающий у зрителя сочувствие. Таким же образом в польском кино обычно показывают нацистов: один-два человека на бессчётные тысячи патологиче-

ских садистов и убийц. Повторюсь, это объяснимо с учётом содержания польской политики памяти, но должны же её архитекторы осознавать, что по факту разжигают ненависть между народами».

Коррекции подверглось и восприятие поляками более поздних событий, в том числе пребывание советских войск на территории Польши в 1944–1945 гг. В посвящённых данной теме кинофильмах: «Цинга» (1992 г., Л. Восевич), «Барышни и вдовы» (1991 г., Я. Заорский, М. Нуровска), «Всё самое важное» (1992 г., Р. Глиньский, Д. Анкиевич, О. Ватова), «Галоп» (1996 г., К. Занусси), «Полковник Квятковский» (1995 г., К. Куц), «Перстенёк с орлом в короне» (1992 г., А. Вайда) солдаты и офицеры Красной армии показаны преимущественно в негативном свете. Их отличает изощрённая жестокость и правовой нигилизм. Например, в «Барышнях и вдовах» советский офицер применяет к одной из главных героинь не только физическое, но и психологическое насилие. В киноленте «Полковник Квятковский» показан массовый грабёж советскими военнослужащими домов мирного населения. Периодически авторы возвращаются к теме надругательства над женщинами, символизирующего в данном контексте политическую судьбу Польши.

Представляется важным, что образ России подавался в массовой культуре негативным образом не только при обращении к событиям советского периода. В 1990–2000-х гг. история взаимоотношений двух народов в XIX в. освещалась с явно выраженным акцентом на тему восстаний 1831 и 1863 гг. Эти события легли в основу фильмов «Барышни и вдовы», «Эскадрон» (1992 г., Ю. Махульский, С. Рембек), «Пан Тадеуш» (1999 г., А. Вайда, Я. Новина-Зажиский, П. Вересняк, рекомендуется к просмотру желающим получить «Карту поляка»), «Провокатор» (1995 г., К. Лэнг, А. Мачеевский).

В первой киноленте история Польши в XIX и XX вв. показана сквозь призму судьбы одной семьи, точнее, женщин этой семьи. Лейтмотивом фильма является непрерывная борьба Польши с Россией. Русские показаны исключительно негативно: они неопытны, склонны к алкоголизму, брутальны (в негативной коннотации этого термина) и склонны к насилию, в том числе – сексуальному. Таким образом, «русские» и «советские» киногерои имеют одинаковые отрицательные черты. Последнее позволяет предположить, что отвращение к Красной армии в массовой культуре Польши объяснялся не столько неприятием коммунизма или отрицательной оценкой роли СССР в событиях Второй мировой войны, сколько общей негативной установкой по отношению к России. Можно было бы допустить, что советское прошлое определило в целом восприятие поляками своего восточного соседа (в данном случае уместна аналогия с восприятием Германии и немцев сугубо сквозь призму нацистского опыта). Однако Россия и её жители позиционировались в том же негативном контексте в польской культуре дореволюционного периода.

«Русские до революции и русские после революции, по большому счёту, изображаются в польском кино единообразно. Это вполне объяснимо, если учесть

исторический контекст. Фильмы о “проклятом царизме” поляки смотрели ещё до того, как Ленин вернулся в Россию из Швейцарии».

В фильме «Эскадрон» авторами предпринята попытка посмотреть на восстание 1863 г. глазами русского офицера, который влюбляется в польскую девушку, но, будучи врагом её страны, не может рассчитывать на взаимность. Главный герой фильма показан весьма положительно: это честный молодой человек, который видит беды поляков, но лишён возможности им помочь по долгу службы. Прочие офицеры императорской армии показаны иначе: это прагматики, которые противятся бессмысленной жестокости командира эскадрона (поляка, сохранившего верность присяге) только в случаях, когда считают его действия вредными для наведения порядка в Царстве Польском. Эти образы представляют собой результат реанимации целого ряда старых стереотипов о русских. Последние показаны в киноленте как «пассивные рабы царя». Они выступают в двух ипостасях: либо это жестокие разрушители, составляющие безликую, враждебную для поляков маргинализованную массу, либо отдельные сочувствующие, которые, впрочем, не делают ничего, чтобы повлиять на ход событий.

При создании образов России и её жителей в польском кинематографе преобладает детерминированная политической конъюнктурой и культурными стереотипами тенденция негативного позиционирования. Для формирования соответствующих имиджей используются манипулятивные практики, основанные на апеллировании к сфере эмоций и использовании символики с архетипным подтекстом. Произведения периода до 1939 г. и постсоветской эпохи не только сходны по содержанию, но и применяют одинаковые стратегии создания образов чужого и фантомного врага, а также демонизации и дегуманизации.

Отрицательным образом позиционируется именно Россия, а не только лишь советский период её истории.

В рамках заданной системы координат общественного сознания власти Польши активно трансформируют идентичность граждан, вымывая из неё элементы «социалистического прошлого», и достаточно эффективно управляют настроениями населения, в особенности для мобилизации общественного мнения. В перспективе укрепление новой идентичности может способствовать росту легитимности существующего политического режима и закрепить геополитический и культурный выбор элит.

Негативное позиционирование России и социалистического прошлого служит задаче делегитимации созданных в прошлом символов, мемориальных комплексов и связанных с ними ритуалов. Последнее может способствовать дальнейшему проведению политики декоммунизации, а также уничтожению остатков прежней политической и исторической мифологии.

В то же время негативное позиционирование России в рамках исторического врага способствует формированию эксклюзивного нарратива о событиях прошлого, что минимизирует возможность выработки консенсуса между пред-

ставителями макросоциальных групп, исторически находившимися в состоянии конфликта между собой. В частности, данная модель интерпретации истории не должна способствовать устранению противоречий между этническими поляками и представителями этнических меньшинств – евреями, белорусами, украинцами.

Также следует помнить о том, что формирование негативного образа России и демонизация коммунизма должны способствовать стигмизации и социальной дисквалификации потомков поляков, сотрудничающих с СССР и политическим руководством социалистической Польши. Преобладание правого, националистического дискурса в рамках нарратива исторических кинокартин может сыграть роль раздражающего фактора, стимулирующего раскол внутри этнических поляков. В случае реализации данного сценария развития событий возможно начало мемориальных войн уже внутри «польского большинства».

Наконец, необходимо помнить о том, что, хотя кино и телевидение в настоящий момент являются основными агентами создания и распространения исторического нарратива, наряду с ними продолжают существовать иные формы бытования исторической памяти: местные легенды, индивидуальная, семейная память и т.д. И в этих источниках представлена в том числе альтернативная концепция видения событий прошлого, зачастую пользующаяся существенным влиянием на локальном уровне [16]. Именно этим, очевидно, объясняются протесты в Жешуве, Гливице и Замосцье против демонтажа мемориалов советским солдатам. По этой причине влияние исторического нарратива игрового кино не стоит абсолютизировать.

Список литературы:

1. Вапилин Е.Г., Мулява О.Д., Аврамюк-Годун А., Витэс Т. Восприятие образов России и Польши студентами университетов // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 113–119.
2. Григорьев А.В. Негативный образ российской власти в польском общественном мнении как фактор существования межэтнической напряжённости в отношениях между россиянами и поляками // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 71–73.
3. Лазари А., Рябов О.В. Образы врага: поляки и русские в сатирической графике межвоенного периода (1918–1939 гг.) // Историк и художник. 2008. № 1–2. С. 68–82.
4. Лисякевич Р. Основные причины обострения отношений между Польшей и Россией // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 99–113.
5. Новаковски А. Образ России в польских авторитетных публицистических еженедельниках «Политика» и «В сети» // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 164–172.
6. Офицеров-Бельский Д.В. Россия и Польша: неизбежное соседство? // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39). С. 18–28.
7. Офицеров-Бельский Д.В. Трансформация образа России в современной польской периодике // Вестник Пермского университета, Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 214–219.
8. Рахаева О.В. Русские мотивы в польском кино // Киноведческие записки, гл. ред.: Н.А. Дымшиц, М.: Эйзенштейн. центр исследований культуры, 2011/2012. С. 222–238.
9. Рябов О.В., Лазари де А. Русские и поляки глазами друг друга: сатирическая графика. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2007. 170 с.
10. Собиянэк К. Образ России и стереотипы её восприятия в Польше (по материалам публикаций Анджея де Лазари) // Политическая

- лингвистика. 2010. № 4. С. 166–170.
11. Федоров А.В. Польский кинематограф в зеркале советской и российской кинокритики // Медиаобразование. 2016. № 2. С. 126-161.
 12. Шатова Е. Н. Польское кино первых послевоенных лет (1944-1956): влияние цензуры на судьбу и содержание кинотекста // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №4. С. 272 – 282.
 13. Яжборовская И.С. Польша 2015-2016 гг. Хроника неавторитарного реванша // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 49-65.
 14. Haltof M. Polish film and the Holocaust: politics and memory. New York and Oxford: Berghahn Books, 2012. 288 p.
 15. Haltof M. The Representation of Stalinism in Polish Cinema // Canadian Slavonic Papers. 2000. Vol. 42. Iss. 1-2. Pp. 47-61.
 16. Hodgkin K., Radstone S. Transforming memory, Contested pasts. The politics of memory. Hodgkin K., Radstone S. (Eds.). London; N. Y.: Routledge, 2003. Pp. 23 – 29.
 17. Kajtoch W. Открытие врага. О некоторых современных польских художественных фильмах, а также о российских и белорусских сериалах, посвященных Второй мировой войне // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. Vol. 6. No. 2. Pp. 225-259.
 18. Zarycki T. Uses of Russia: the role of Russia in the modern Polish national identity // East European Politics and Societies. 2004. Vol. 18. No. 4. Pp. 595–627.

Об авторе:

Сергей Игоревич Белов – к.и.н., ученый секретарь. Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Дирекция). Москва, ул. Братьев Фонченко, д. 10, 121170.
E-mail: belov2006s@yandex.ru.

IMAGE OF RUSSIA AND RUSSIANS IN POLISH HISTORICAL FILMS (ON MATERIALS OF EXPERT INTERVIEWS)

S.I. Belov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-204-218

The Museum of Victory

The presented research is devoted to the mapping of Russia and Russians in the Polish historical cinema in the XX – early XXI centuries. The aim of the work is to assess the positioning of Russia and the Russians in Polish historical films. The study is intended to enrich the concept of the essence of the politics of memory of Poland and the content of the historical memory of its citizens. Article materials can be used for professional needs by diplomats, journalists, representatives of international public organizations, experts in the field of patriotic education and organization of work with young people. During the collection and processing of the identified array of information, methods such as traditional analysis and expert interviews were used. The conducted researches showed that when creating images of Russia and its inhabitants in the Polish historical cinema, the tendency of negative positioning, determined by the political conjuncture and cultural stereotypes, dominated. For the formation of appropriate images, manipulative practices based on appealing to the sphere of emotions and using symbols with archetypal implication were used. The films of the period before 1939 and the post-Soviet era are related not only to the content, but also the

technological side: in both cases, the creators used strategies to create images of someone else's and phantom enemies, demonization and dehumanization. These techniques were used to reflect not only the Soviet period of Russian history, but also the pre-revolutionary era. Accordingly, not only the Soviet regime, but Russia, acting as the historical, eternal enemy of Poland, was positioned in a negative way.

Key words: image of Russia, politics of memory, historical memory, historical films, Poland, manipulative methods.

References

1. Vapilin E.G., Mulyava O.D., Avramyuk-Godun A., Vitas T. *Vospriyatie obrazov Rossii i Pol'shi studentami universitetov* [Perception of images of Russia and Poland by university students]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia – Sociological Studies*, 2015, no. 3, pp. 113–119 (In Russian).
2. Grigoryev A.V. *Negativnyj obraz rossijskoj vlasti v pol'skom obshchestvennom mnenii kak faktor sushchestvovaniya mezhehtnicheskoy napryazhyonnosti v otnosheniyah mezhdru rossiyanami i polyakami* [The Negative Image of Russian Power in Polish Public Opinion as a Factor of Existence of Interethnic Tension in Relations between Russians and Poles]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2015, no. 3, pp. 71–73 (In Russian).
3. Lazari A., Ryabov O.V. *Obrazy vraga: polyaki i russkie v satiricheskoj grafike mezhuvoennogo perioda (1918–1939 gg.)* [Images of the enemy: Poles and Russians in the satirical chart of the interwar period (1918–1939)]. *Istoriik i hudozhnik – The Historian and the Artist*, 2008, no. 1–2, pp. 68–82 (In Russian).
4. Lisiakiewicz R. *Osnovnye prichiny obostreniya otnoshenij mezhdru Pol'shej i Rossiej* [The main reasons for Polish-Russian relations' deterioration]. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*, 2015, no. 6, pp. 99–113 (In Russian).
5. Novakovskiy A. *Obraz Rossii v pol'skih avtoritetnykh publicisticheskikh ezhenedel'nikah «Politika» i «V seti»* [The image of Russia in Polish authoritative journalistic weekly «politics» and «on the net»]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 164–172 (In Russian).
6. Officerov-Belsky D.V. *Rossiya i Pol'sha: neizbezhnoe sosedsstvo?* [Russia and Poland: problems of inevitable coexistence]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 6, pp. 18–28. (In Russian).
7. Officerov-Belsky D.V. *Transformatsiya obraza Rossii v sovremennoj pol'skoj periodike* [Transformation of the image of Russia in modern Polish periodicals]. *Vestnik Permskogo universiteta, Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald, Russian and foreign philology*, 2014, no. 4 (28), pp. 214–219 (In Russian).
8. Rahaeva O.V. *Russkie motivy v pol'skom kino* [Russian motifs in Polish cinema]. *Kinovedcheskie zapiski – Cynological studies scrapbook*. Ed. by N.A. Dymshic. Moscow, Eisenstein Center for Film Culture Studies, 2011/2012. Pp. 222–238 (In Russian).
9. Ryabov O.V., Lazari de A. *Russkie i polyaki glazami drug druga: satiricheskaya grafika* [Russians and Poles through the eyes of each other: satirical graphics]. Ivanovo, Ivanovo State University, 2007. 170 p. (In Russian).
10. Sobiyanek K. *Obraz Rossii i stereotipy eyo vospriyatiya v Pol'she (po materialam publikacij Andzheya de Lazari)* [The image of Russia and the stereotypes of its perception in Poland (based on the materials of Andrzej de Lazari's publications)]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2010, no. 4, pp. 166–170 (In Russian).
11. Fedorov A.V. *Pol'skij kinematograf v zerkale sovetsoj i rossijskoj kinokritiki*

- [Polish cinematography in the mirror of Soviet and Russian film criticism]. *Mediaobrazovanie – Media Education*, 2016, no. 2, pp. 126-161 (In Russian).
12. Shatova E.N. *Pol'skoe kino pervykh poslevoennykh let (1944-1956): vliyaniye cenzury na sud'bu i sodержanie kinoteksta* [Polish cinema of the first post-war years (1944-1956): the influence of censorship on the fate and content of the film text]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2015, no. 4, pp. 272 – 282 (In Russian).
 13. Yazhborovskaya I.S. *Pol'sha 2015-2016 gg. Hronika neoavtoritarnogo revansha* [Poland 2015-2016. Chronicle of Neoauthoritarian Revanche]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political studies*, 2016, no. 5, pp. 49-65 (In Russian).
 14. Haltof M. *Polish film and the Holocaust: politics and memory*. New York and Oxford: Berghahn Books, 2012. 288 p.
 15. Haltof M. The Representation of Stalinism in Polish Cinema. *Canadian Slavonic Papers*, 2000, vol. 42, issue 1-2, pp. 47-61.
 16. Hodgkin K., Radstone S. Transforming memory, *Contested pasts. The politics of memory*. Ed. by Hodgkin K., Radstone S.. London; N. Y.: Routledge, 2003. Pp. 23 – 29.
 17. Kajtoch W. Otkrytie vraga. O nekotorykh sovremennykh pol'skikh hudozhestvennykh fil'mah, a takzhe o rossijskikh i belorusskikh serialah, posvyashchennykh Vtoroj mirovoj vojne [The discovery of the enemy. About some modern Polish feature films, as well as about Russian and Belarusian serials devoted to the Second World War]. *Przeglad Wschodnioeuropejski – East European Review*, 2015, vol. 6, no 2, pp. 225-259 (In Russian).
 18. Zarycki T. Uses of Russia: the role of Russia in the modern Polish national identity. *East European Politics and Societies*, 2004, vol. 18, no. 4, pp. 595–627.

About the author:

Sergey I. Belov – PhD in History Sciency, Scientific Secretary, Museum of Victory. Moscow, Brat'ev Fonchenko street, 10, Russia, 121170. E-mail: belov2006s@yandex.ru.

PRESIDENTIAL-CONGRESSIONAL RELATIONS IN US FOREIGN POLICY DECISION-MAKING: A THEORETICAL TREATISE

Tohid Asadi, Marzieh Javadi Arjmand

University of Tehran

The present paper aims to offer a conceptual exploration of the Presidential-Congressional relations in the US foreign policy decision-making. The US foreign policy decision-making arguably takes place within a functional synthesization of compromised bureaucratic rationality on the one hand, and the ideological, partisan and institutional interests and tendencies of individuals in possession of power on the other. In such a setting, the argument being put forth is that the Presidency is generally situated and equipped reasonably the best to deal with foreign affairs while the gamut of the Congressional authority in foreign policy varies based on the type of decisions made, playing a key role in distribution of resources to achieve particular objectives. In other words, the process of US foreign policy decision-making occasionally lacks the essential structural efficiency to prevent the executive branch from circumventing the Constitution. An executive branch operating in secrecy without legislative accountability is undoubtedly dangerous; therefore, a host of specialized means and preventive measures are required to be taken and practiced in order to avoid such danger and help keep US political structure in checks and balances. Attempt is made to contextualize this argument within a) the domain of decision-making theoretical models presented by G. Allison, and then b) rather practical discussions on requirements of foreign policy proposed by L. Hamilton followed by, c) a brief overview on actual developments affecting power relations in US foreign policy after the Cold War.

Key words: USA, Congress, president, foreign policy, decision-making, theoretical models.

УДК 323.22/.28

Поступила в редакцию 22.06.2018 г.

Принята к публикации 10.08.2018 г.

The US foreign policy, being much complicated by the substantial uncertainty of international dynamics, has been a subject of much debate and investigation from various perspectives [27; 70]. Theoretically influenced by various political concepts such as Hamiltonian Federalism, Jeffersonian Republicanism and Jacksonian and Wilsonian Democracy [63], the processes within which the US foreign policy is developed have been constantly affected by a variety of contextual developments both at home and abroad. Among the most effective factors, if not the most, driving the trajectory of the US foreign policy has been the domestic undercurrents within which power is distributed and decisions are made.

Power relations in the US foreign policy has been addressed from several perspectives by researchers; Day, Bodenheimer and Gould, Lindsay, Pevehouse, Mitchell, Dobson and Marsh, Larson, Meiers, Khan and Sabir to name a few [13; 31; 33; 55; 57; 59-61; 64; 71]. With the judiciary having a peripheral role, formal power in the US foreign policy-making lies mainly within the executive and legislative branches, and accordingly, the distribution of power between the two branches and the nature of their authorities has been among the points at issue in the existing literature.

Shugart divides Presidential powers into two categories of proactive and reactive, defining the former as the «one that lets the President establish a new status quo that differs from legislative preferences, for instance by emitting a decree-law» and the latter as the «authority in the Constitution to react to legislative attempts to change prevailing policy, for instance, by vetoing the bill» [87, p. 4]. He also maintains that in order to «have independent powers to push legislative outcomes proactively beyond what legislators would be able to produce if left to their own devices requires that the executive has independent origins and a fixed term» [87, p. 27]. Schlesinger notes that in the realm of foreign policy, Congress, the courts as well as the press and the citizenry «lack confidence in their own information and judgment» and thus, «the inclination is to let the Presidency have the responsibility and the power» in foreign affairs [83, p. 420]. Meanwhile, scholars such as Hilsman, Dahl and Baldwin hold that rarely does the Congress provide initiatives in the foreign policy [8; 30; 46]. Dahl refers to the widely held statement that the President proposes and the Congress disposes, additionally claiming that «in a very large number of highly important decisions about foreign policy, the Congress does not even have the opportunity to dispose» [30, p. 58]. Along similar lines, Huntington notes that «strategic programs are determined in the executive rather than the Congress» [50, pp. 127-128].

The US President plays highly visible roles in foreign policy-making, leading many observers to believe that Presidential dominance encompasses all aspects of the foreign policy making process [20, p. 329]. The belief in Presidential dominance is shared by scholars such as Hinckley and Weissman who maintain that the Congress is mostly acquiescent to the Presidency on the foreign policy issues and Congressional assertiveness is a myth [47; 96]. For Rockman [79, p. 59], the Constitutional interpretations of Presidential prerogatives and the Presidents' unique ability to act provides the floor for them to take the leadership in foreign policy [79]. This point of view

extends to a level that Wildavsky develops the theory of Dual Presidency, stating that «the United States has one president, but it has two presidencies; one presidency is for domestic affairs, and the other is concerned with defense and foreign policy». Wildavsky bases his theory on the data from 1948 to 1964 which showed that about 70 percent of Presidential initiatives in defense and foreign policy were enacted by the Congress, compared to 40 percent in domestic policy. He further noted that «in the realm of foreign policy there has not been a single major issue on which Presidents, when they were serious and determined, have failed» [97, p. 7]. Wildavsky's claim was, however, called into question by scholars such as Sigelman who analyzed roll call votes on key foreign policy issues from 1957 to 1978 and concluded that most Presidents did not have a freer hand in foreign and defense policy making than domestic policy making [88]. Zeidenstein [100] found a two-presidencies effect on key foreign policy votes in the Senate for Republican Presidents [100], while Fleisher and Bond [40, p. 747] noted that «the two presidencies phenomenon characterizes only Republican administrations» [40]. Schraufnagel and Shellman study of roll-call votes argue that the two-presidencies thesis does not apply to modern era [84].

A number of scholars take a rather middle ground, claiming that Presidential ascendancy in the US foreign policy is situation-specific. Carter, for instance, states that such a dominance is best applied to areas like war making while foreign policy is much more than that [21]. Congressional role in foreign policy-making expands to such arenas as trade, foreign aid, immigration, funds appropriation for foreign and defense policy to name a few. The enumerated powers of Congress, listed in Article 1, Section 8 of the US Constitution give the legislative branch the authority to oversee the executive branch. Thus, the President could not be taken for granted, at least Constitutionally, as the only voice to be heard in foreign policy-making. Though Congress usually tends to yield the relevant powers to the President at times of war or national crisis, the role of the legislative branch in foreign policy-making is not marginal all along. As Lindsay states, «even when Congress delegates authority to executive branch officials it may still structure the decision-making process so that its preferred policies are chosen» [60, p. 282]. Congressional role and influence in the US foreign policy might differ depending on the type of policy and situation. Lindsay divides foreign policy issues into three categories of crisis, strategic, and structural policy, rating Congressional influence to be the weakest in crisis policy and the strongest in structural policy [61]. Thus, when it comes to analyze the legislative-executive relations in foreign policy, the quiddity of policies and decisions are also important in how power is divided between. Furthermore, the Constitution is somewhat vague on the allocation of power in foreign affairs between the legislative and executive branches of government [54]. With their important roles to play in shaping the conduct of US foreign policy, both Congress and the President, according to former Vice President Dick Cheney, «will have to be involved for any major policy to be successful over the long term but this does not mean that all forms of joint participation work equally well». He further pays attention to the «institutional competence of each branch» and «the connection between

institutional competence and constitutional authority», as well as the question of «how has Congress, in an attempt to force joint participation, overstepped the bounds of its competence and authority with harmful effects?» [89].

The process of decision-making in foreign policy takes in differentiated and at the same time, interrelated structures and agencies. The intricacies of this process makes it arduous a task to come up with an inclusive conceptual framework of analysis and explanation. However, synthesization of the mentioned postulates and many others in the literature could provide a cohesive analytical frame for understanding the US foreign policy decision making. The core argument to be developed is that the US foreign policy decision-making is conducted through a consensus-based process among practically effective centers of power. The underlying basis of this process concerns bureaucratic rationality for obtaining compromise on the one hand, and the ideological, partisan and institutional tendencies and interests of individuals in possession of power on the other. In the coming sections attempt is made to contextualize this argument within a) the domain of decision-making theoretical models presented by Allison [2], and then b) rather practical discussions on requirements of foreign policy proposed by Hamilton [45] followed by, c) a brief overview on actual developments affecting power relations in US foreign policy after the Cold War.

Allison's Models of Decision-Making

Explaining incrementalism as the product of standard functioning procedures which mainly determine governmental behavior [3], Allison's organizational process model lends support to the argument that policy planning rests upon an organizational routine behavior which is recurring and, therefore in some measure, predictable. There seems to be, however, less compelling reason for this argument since there are counterexamples of distinguished non-cyclical decisions made in the US foreign policy. In addition, was the decision-making process merely confined to the bureaucracy, the political partisan shifts in power ownership would rarely and limitedly put impact upon the direction of the US foreign policy. Taking a middle-ground position, the argument to be put forward could be that as moving from the grand-strategies to policies, the possibility of precise behavior prediction decreases.

The milieu in which foreign policy decision-making takes place at a formal layer is governed by the number of poles and the distribution of power among them [48-49; 52-53]. Struggle for power, with no doubt, is among the main driving engines of practicing each and every decision in the foreign policy. For that cause, bureaucrats and politicians are simply «seen as motivated by a desire to remain in power». The governmental politics model is heavily influenced by the pluralist conception of power and at the same time, addresses foreign policy from a «personal perspective of the chief decision-makers» [77]. Key individuals in foreign policy decision-making take a great care of their reputation since they are considered personally responsible for the decisions made. In addition, considering policy decisions as the product of bargaining

processes among different actors in pursuit of their interests, the governmental politics model concentrates upon «actual people that make up states and organizations, their personal power, networks, skills of persuasion» [14; 15; 62].

Hudson and Vore's views are grounded on the assumption that organizational process model and bureaucratic politics indicate «how rational foreign policymaking can be upended by the political entities through which decision makers must work» [49, p. 217]. They further propound the notion that for the political entities, their own survival tops their list of priorities. As a partial rebuttal to this view, it could be argued that prioritization is not simply centered on the survival of political entities as there are other top priorities such as national security and organizational interests, preservations of the system, and other objectives linked with national tendencies as well as multinational and international interests [26].

From the bureaucratic prospective, decisions and actions in the US foreign policy are the matter of interactions between and within a set of relevant institutions, influenced by organizational beliefs and a combination of coincidental occurrences [26; 35; 89]. In bureaucratic politics, actors work within the bargaining game to represent organizationally designed set of preferences [77, p. 23]. However, it would be a definite oversimplification to place the policy preferences of the primary political actors on a unidimensional scale. Bodies with a direct and formal layer of involvement in decision-making enjoy an opportunity to put a straight and undeviating impact on the decisions. When it comes to less germane institutions, nonetheless, the scope of direct involvement in and impact upon the foreign policy decisions decreases. The key point of concern is that the bureaucratic involvement in US foreign policy, either directly or not, is typically motivated by interests; thus, it stands to reason, contextually, that the side with extra interest in a given issue rationally gets involved in it all the time.

True, the Congress and President play the main part in setting the foreign policy agenda; yet, daily conduct of foreign policy is vested in bureaucracy. Although a number of US Presidents attempted to exclude bureaucratic impact upon foreign policy decisions, bureaucracy is central, as elucidated by Art, to the forging and wielding of American foreign policy [6]. The significance of bureaucracy doubles seeing that it impacts policy-making at both development and implementation levels. Drezner notes that an increase in shared ideas and understanding of bureaucracies could be achieved through their close interaction. He further asserts that «expanding the range of cases can help to broaden the explanatory power of bureaucratic politics in foreign policy» [35, p. 734]. Compared to players, the bureaucracy is a less recognized, but not less significant, part of foreign policy decision-making process.

As bureaucracy is one leading determinant acting upon foreign policy, so is the ideological tendencies and individualistic interests of the key players. While the former determinant goes through a conventionally organized conduit, the latter would be thought of as «crystallized in policy instruments» [93]. Synthesizing Allison's organizational process and governmental politics models both presented in his seminal work *Essence of Decision*, one might note that decisions in the US foreign policy are

organizational outputs as well as conciliatory resultants of political bargaining and compromise [2; 5; 6; 12; 28; 43]. Accordingly, the abstraction and prediction of the decisions could be probable by means of investigating the standard operating procedures within influential bodies in the context of key players' prevailing ideologies. Indeed, decision-making in the US politics is the matter of both 'how' and 'who'.

In retrospective, it is noticeable that decisions in the US foreign policy arena are made in a consensus under influence of individuals and organizations in possession of power. It goes without saying that the scope of controversy diminishes in cases a collective agreement and united stance exist towards a given decision. Controversy takes place when a conflict of interests comes up, and power happens to be the dividing determinant. Looking from another perspective, Carter refers to studies conducted by Aberbach and Dodd to state that «interbranch conflict owes primarily to transient institutional factors such as the relative level of organizational development within the executive or the rise of individual over collective interests within Congress» [1; 21; 34].

The manner in which ideological tendencies and bureaucratic structures are synthesized could be discussed, first and foremost, with respect to the dynamic and flexible nature of decision-making in the US foreign policy on one hand, and the actual powers of the two branches on the other. This dynamism conveys the impression that the US foreign policy does not conceptually follow constantly prescribable rules and rigidly defined guidelines; instead, it is a context-oriented and case-specific practice predominantly influenced by bureaucratic rationality on one side of the spectrum, and individual bearings on the other.

In terms of procedure, foreign policy is conducted with regard to a wide range of categories such as decision-makers in respect of cognition, emotions, and perceptions, bureaucracy in respect of management styles, group dynamics, and organizational strategies, institutional frameworks in respect of electoral systems and established values, social actors in respect of public opinion, media, interest groups, and epistemic communities, cultural patterns in respect of norms, national roles and identities, strategic and political culture as well as gender and discourse [66]. Furthermore, the circuitously multilateral quiddity of foreign policy makes it impossible to study any pertinent issue out of its situated context; thus, any analysis would be meaningless unless it embraces contextual elements of the international structure. This structure includes structural assumptions, dominant paradigms, regional relations, multilateral organizations and so forth.

An additional key aspect of this synthesization is to recognize the practical meaning of the legal authorities of individuals within bureaucracy, most important of which for the sake of this study, it might be referred to Constitutional powers of the two branches. In black and white, Article I of the US Constitution, Congress is given foreign affairs powers such as «regulate commerce with foreign nations,» «declare war,» «raise and support armies,» «provide and maintain a navy,» and «make rules for the government and regulation of the land and naval forces». And according to Article II, the Presidential power in foreign policy includes making treaties and ap-

pointing diplomats with Senate approval. Practically speaking, however, the executive authority over foreign policy has overshadowed that of the legislative's in the recent decades thanks to two set of causes; first, the appropriate capabilities of the executive branch for shaping and conducting foreign policy, and second, the global developments that resulted in accumulation of foreign policy powers for President at the expense of Congress.

These two set of causes would be discussed in the coming sections, however, it is also in respect of institutional forbearance that the aforementioned synthesization could be elucidated. Defined as «the action of restraining from exercising a legal right», the concept of institutional forbearance could be employed to compile Congressional behavior in the US foreign policy; however, when it comes the executive branch, the opposite of forbearance, meaning the use of institutional prerogatives in an unrestrained way, is frequently the case. Levitsky and Ziblatt employ Tushnet's concept of 'constitutional hardball' to theoretically elaborate on the opposite of forbearance; «playing by the rules but pushing against their bounds and playing for keeps. It is a form of institutional combat aimed at permanently defeating one's partisan rivals—and not caring whether the democratic game continues» [58, p. 109]. In respect of this elaboration, an investigation into the positional potentialities of the President could depict why the executive branch is rather dominant in the US foreign policy.

Hamilton and Requirements of Foreign Policy

Advocates of strong Presidential role in foreign policy hold the position that secrecy, firm leadership, and a national rather than a parochial perspective are the necessities of a successful foreign policy, and with that said, it would be only the President who enjoys a position to provide these attributes [7; 91]. Former Representative Lee H. Hamilton discusses the reason why the US Congress is not as powerful as the Presidency in foreign policy and particularly in diplomacy. Hamilton's explanations on the requirements of foreign policy, which is raised in his article *Congress and the Presidency in American Foreign Policy* could be visually categorized through the following radial cluster layout [45] (Figure 1).

The inherent advantages of the Presidency, rulings of the Supreme Court, and the nature of Congress all could partly rationalize why rarely does the Congress happen to defeat the President on foreign policy; yet, the difficulty Congress confronts in legislating foreign policy, as Lindsay notes, cannot be laid totally at the feet of the other two branches of government. Foreign policy demands an irreducible minimum of duplicitous scheming as well as secrecy in negotiation and swiftness in decision-making, and the Congress, as a public, deliberative body moves slowly, therefore, cannot fulfill such kinds of demands [39; 45; 56; 60]. In short, the «Congress acts slowly but issues can change rapidly» in the realm of foreign policy [59; 60]. Congressional action does not enjoy sufficient flexibility, tact and nuance that is desperately needed in foreign policy. As Hamilton notes, «We say yes or no to legislation. We approve or we reject aid to

a given country. We grant aid or we take it away» [56, p. 501]. In numerous cases, it has been a difficulty with legislative on foreign policy to combine policy direction by Congress with a desirable flexibility [9].

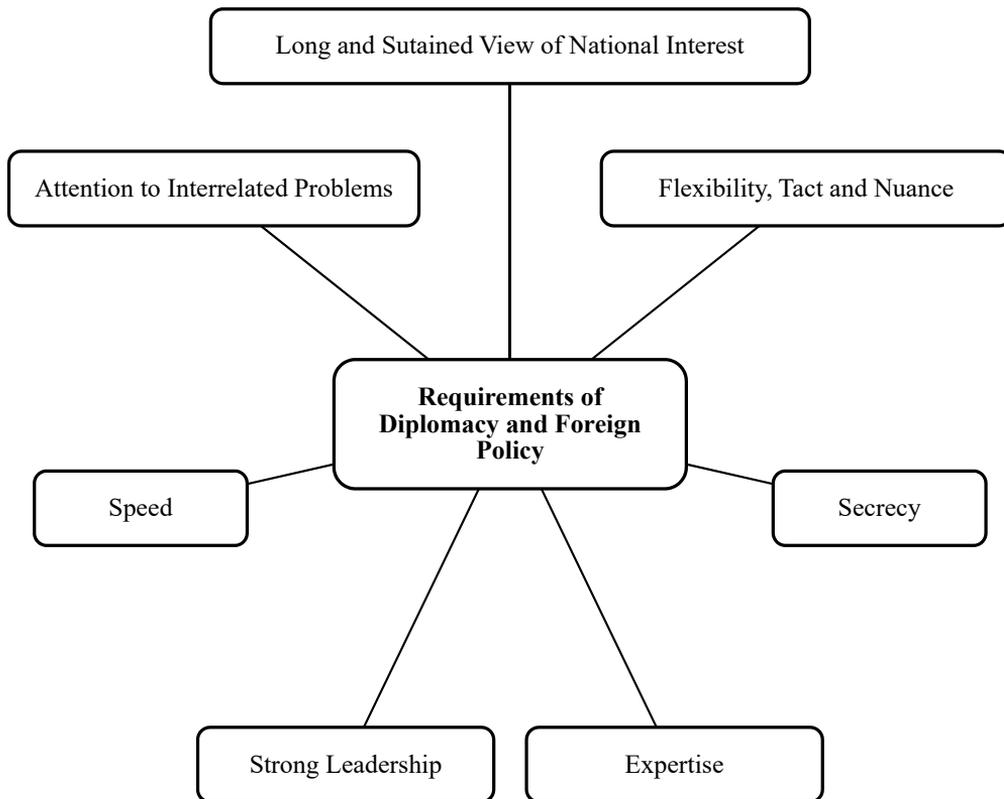

Figure 1. Requirements of Diplomacy and Foreign Policy

Diplomacy and foreign policy, on the one hand, are arenas where secrecy, although not in all cases, is critically important and on the other hand, the Congress is likely to leak sensitive matters [45; 56]. Arguments justifying the dominant role of the executive sphere are typically based on the need for secrecy, speed and flexibility in foreign policy, reflecting an underlying assumption that national security is at stake [90]. The necessity of secrecy in foreign policy, according to Kristol, goes against the grain of Congress as a public branch of government [56]. Gibbs discusses three theories advanced to put forth explanation for the need for secrecy in the realm of foreign policy and international relations, pointing out that government secrecy is possibly 1) designed to protect sensitive information from external enemies (External Threat approach), 2) a relatively unsystematic process that results from the collectively irrational features in any government bureaucracy (Bureaucratic Politics), 3) used by the officials of a government to mislead the populations of their own countries (Internal Threat approach) [44]. By and large, access to secret information is undoubtedly of utmost importance in making foreign policy decisions [41].

While government by consent of the governed requires disclosures, many aspects of national security policy require secrecy [75]. Furthermore, making foreign policy, in a general sense, entails an impoverished understanding of long-term national interests; yet, the Congress is, in Hamilton's words, «influenced by short term interest and often has its eye too much on the coming election» [37; 45]. To this, he adds that diplomacy requires sustained interest; whilst the approach of the Congress towards foreign policy is eclectic and sporadic, usually concentrating upon the immediate hot spots in the world. In fact, partisan and institutional divisions mean that lacking consensus, Congress will not be able to act at its best in foreign policy.

Additionally, Spanier and Noguee's argument in favor of Hamilton runs in two general ground as follows: first, «national security necessitates a foreign policy that is adaptable and capable of rapid and, if necessary, strong action in order to operate in an anarchic international environment», and secondly, «the difficulty of Congress to develop a coherent and flexible foreign policy» [91, p. 199]. Foreign policy is indeed an arena in which decisions are made with multi-dimensional attitude and based upon a clearly defined set of principles. And in such an arena, major inconsistencies could possibly arise damaging the long-term national interests. As Destler mentions, broad policies should shape day-to-day practice of foreign policy; therefore, an intricate formal system of policy planning and operational co-ordination sounds utterly needed [32, p. 50]. The issue could be best summed up in Kissinger's words, who states «the Congress can set broad guidelines and decide basic policies. But the Congress does not have the organization, the information or the responsibility for deciding the tactical questions that arise daily in the conduct of our foreign relations, or for executing a coherent, consistent, comprehensive policy. The President has this responsibility and must be permitted to exercise it on behalf of the entire nation» [91, p. 199].

«Diplomacy requires expertise, but Congress is often ignorant of foreign affairs; it changes its membership frequently and is overburdened with a very heavy schedule» [45; p. 501]. Fulbright recognizes Presidential power as the source of an effective foreign policy under the current US political system, advocating the view that the conduct of foreign policy necessitates an infusion of rigorous professionalism [42]. Furthermore, Destler [32] lays great emphasis upon the significance of having professional personnel in foreign affairs assignments and that «as many high-level posts as possible should be filled from the career service» [32, p. 50].

Foreign policy deals with human behaviors and reactions in the complex system of international environment which contains threats, challenges, and opportunities of any kind [25]. The very complex nature of foreign policy necessitates informational input as well as expertise during the agenda-setting, decision-making, and eventually implementation phases [36; 98]. Another indispensable factor through the process of successful decision making in foreign policy is to pay attention to the interrelated nature of issues and problems. Formulating foreign policy, as Realists argue, requires complicated trade-offs and sophisticated reasoning that the public might lack [41].

Nevertheless the Congress «tends to focus on narrow problems and often sees broad problems from the perspective of a narrow interest» [45, p. 501].

Diplomacy requires strong leadership. Power in the US Congress is diffused which hinders quick and effective reactions on many issues. The fragmentation existing in the US politics and the diffusion of public authority are observable in a decentralized Congress which, as Spanier and Nogee maintain, cannot provide the strong leadership required for making decisions in foreign policy [91]. In Reagan's words, public trust is «what gives a President his powers of leadership and his personal strength» [76]. In such a milieu, the predominance of Presidential leadership, according to Fulbright, supersedes «the most logical and ingenious administrative and organizational schemes». He further asserts that «the essence of our «policy-making machinery» and of the «decision-making process» -concepts of current vogue in the academic world- is the President himself who is neither a machine nor a process, but a living human being whose effectiveness is principally a function of his own knowledge, wisdom, vision, and authority» [42, p. 2].

Even though the US Constitution grants the Congress a particular set of authorities over foreign policy, and even though Congressional reactive role to executive initiative cannot be ignored «with the attendant stress on the lobbyist and anticipatory functions that it performs in the policy process» [6, p. 469-470], it is mostly the executive branch that enjoys the upper hand in driving the process of decision making in the US foreign policy [11; 18; 51; 71]. In their book *The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics*, Schubert, Dye, and Zeigler note that the US Presidents have expanded on their modest Constitutional powers to dominate American foreign policy making, further asserting that «although nations may also watch the words and actions of the Congress, the President's statements are generally taken to represent the official position of the official position of the US government. Most importantly, Presidents have come to dominate US foreign policy as a by-product of their role as Commander-in-Chief of the armed forces. Military force is the ultimate diplomatic language» [85, p. 223].

Towards Presidency: US Foreign Policy in Post-World War II

Despite the conventional view of Presidential dominance over foreign policy, US Presidents have not always been able to pursue their foreign policy agenda. The first serious Congressional challenge to the Presidential foreign policy prerogative was the Senate rejection of President Wilson's Versailles Treaty in 1920. In the 1930s a strong Congress continued to inhibit Presidential initiatives in foreign policy preventing the US from playing a helpful role in Europe that many observers believe could have thwarted World War II [94]. After the attack on Pearl Harbor and US entry into World War II, however, the President and Congress agreed over the direction of foreign policy. Congressional acquiescence to the executive continued throughout the World War II and the later, Cold War. At times of war and national emergencies, the President as

the Commander in Chief faces less challenges and the power tends to flow toward the executive as Congress usually supports President's foreign policy decisions [80]. This was the case at the time of World War II and the Cold War. The rise of the Cold War specifically led to the existence of a policy consensus among the US foreign policy decision-makers and Congress was «generally deferent to the executive leadership on foreign policy issues from 1947 to 1968» [86, p. 152]. Presidents were exceptionally powerful political actors during the 1950s and 1960s, the height of the Cold War, and the foreign policy bureaucracy «expanded and became an important tool for implementing the president's containment policies» [80, pp. 31-32].

In spite of several Congressional powers in the arena of foreign policy, a growing trend of broadly interpreting the executive authority dates back to the beginning of the Cold War which placed the President at the heart of foreign policy decisions [23]. The particular issues comprising legislative-executive contestation may have changed in and after the Cold War era; yet, they remain, as Wittkopf and McCormic state, focused upon the broader question of the Presidential prerogative powers [99]. Rosner recognizes the emergence of a new Congressional assertiveness which could be fundamentally due to the reason that the balance of power, and the institutional and partisan relationships between the two branches of government were profoundly altered by end of the Cold War [81].

«Research in American political development indicates that since the twentieth century it is the President, not Congress, who has the advantage in capturing the public's attention» [17, p. 13]. As Lindsey states, the public fear of a nuclear combat in respect of the military equipment at the hands of the Soviet Union paved the way for Americans and their representatives in the Congress to put faith in broad executive authority at the international level [60]. The President dominated foreign policy with the ability to gain Congressional support due to strategic concerns of the Cold War environment, information advantages, and greater institutional powers and personal investment [74]. It is as a matter of fact that during the Cold War, key members of Congress did not strategize parallel to Presidential leadership; rather, «they compete with the President to exercise leadership over strategy» [92, p. 243]. In this period, the US Congress did have a role to play in the foreign policy; nonetheless, the role was less than dealing with tactical considerations [82].

The Vietnam War was another key event. The contradictions between elite political and economic instrumental rationalities and interests resulted in legitimation problems and loss of trust to the American system [29]. «Several arguments have been advanced in support of the President's authority to continue use of the Armed Forces in Vietnam without a Congressional declaration of war as provided by the Constitution» [95, p. 1]. In such a situation, Congress could, for example, attempt to prevent repetition of the secret bombings and invasions in the War by mandating that the President should have immediately kept the designated committees of the Congress informed about the presence of any American troops on or over foreign territory in the absence of a war declaration [67]. Carson's investigations indicate that although

the decline of President Nixon's authority also coincided with the beginnings of the decline of power of Southern Democrats in Congress, the Southern Congressional hawks advocated fighting a war without limits for a total victory when America became involved in Vietnam [19].

The Cold War placed foreign policy above adversarial politics which resulted in swifter and more decisive foreign policy-making by the Presidency and a generally complacent and compliant Congress up to the time of Vietnam War [33]. With the Cold War having posed a permanent threat to US national security, the era of Vietnam War led to accumulation of Presidential power in a manner never seen before. In the context of the War, as Neureiter notes, the Formosa Resolution, the Cuba Resolution, and the Berlin Resolution are of particular prominence, inasmuch as they endowed the President with greater war powers and weakened the role of the Congress within the US political system [68]. As Porter notes, President Eisenhower certainly knew that there was virtually no possibility of Congressional approval of unilateral intervention, since his Secretary of State John Foster Dulles had already informed the National Security Council that it would be impossible to get Congressional authorization in Indochina. However, the President was not «committed to do anything in the event of a subversive war in South Vietnam» [73, p. 85]. A major area where Congressional intervention contributed to foreign policy disasters was, according to John G. Tower the series of anti-war amendments in the early 1970s aiming at forcing the executive into early withdrawal from Southeast Asia and cutting off American aid to Vietnam, Laos and Cambodia. The result was, the former Congressman further notes, that the administration «lost both credibility and flexibility in the peace negotiations» [94, p. 237].

Obviously, the executive authority over the US foreign policy has never been absolute and the conventional view of Presidential dominance has been challenged more often than not in the post-Cold War era. The 1970s marked the beginning of Congressional resurgence in foreign policy due to events such as the Vietnam War and the Watergate scandal which undermined the Cold War consensus and induced members of Congress to take a more active role in foreign policy-making [20, p. 330]. The release of Pentagon Papers in 1971 showed that the Johnson administration had lied, not only to the public but also to the Congress and perhaps this was the starting point of Congressional reappearance in foreign policy-making resulting in the passage of the War Powers Act of 1973 [4]. The Watergate scandal and later on the Iran-Contra Affair led to more Congressional oversight of the executive branch, in consequence of which the view of Congress yielding its power in foreign policy to the Presidency partially lost the favor among the researchers. Scholars such as Ripley and Lindsay maintained that due to the resurgence of congressional activism in foreign policy, efforts to understand the process of foreign policy-making in the US without considering the role of Congress were futile [78]. Kissinger's observation after the Vietnam War alludes to the importance of Congress in foreign policymaking, as he states that «the executive accepts that the Congress must have both the sense and the reality of participation: foreign policy must be a share enterprise» [38]. Regardless of this acceptance, the Con-

gress, playing a reactive role in foreign policy most of the time, would rather have kept the status quo of the actual relations between the executive and legislative branch, in which the former usually overpowers the latter in the general run of events.

The decisions in the US foreign policy are made within a bureaucratic system, containing an amalgamation of various bodies, organizations and institutions. This bureaucratic arrangement, however, is extensively influenced by the weight of players of higher positions so much so that, in some occasions, such players might make decisions in an either partial or even utter contrast with the bureaucratic compromise. Hence, the power distribution in the existing structure of the US foreign policy decision-making cannot be analytically investigated through a pure bureaucratic reading. Decision-making in the US politics, and particularly in foreign policy, is a consensus-based process among the practically effective centers of power. The argument, in other words, is that US foreign policy decision-making arguably takes place within a functional synthesization of 1) compromised bureaucratic rationality, and 2) the ideological, partisan and institutional interests and tendencies of individuals in possession of power. Therefore, structure-agency dialectic sensibly sounds a fitting conceptual approach to examine US foreign policy, seeing that the decisions made are generally developed through consensus-based interactional dynamics between the players and bureaucracy in formal and informal layers. In sum, an improved understanding of US foreign policy necessitates an in-depth study of both structural roles, and the playing individuals; however, it is generally the context that determines the extent to which each agent can overcome the structure.

It goes without saying that the relative influence of each power center has changed over the time, developing a natural ebb-and-flow of competitive power in US foreign policy decision-making [10]. However, the President is conventionally taken for granted for being the most leading official player in shaping the direction of the US foreign policy. Simultaneously, the daily conduct of US foreign policy is vested in bureaucracy. Compared to the executive branch, the decentralized and competitive nature of power hinders a comprehensive implementation of authority in the Congress. This study is not the first to figure out that the executive branch, regardless of all the existing bureaucracy, enjoys a competitive advantage over the legislative in making foreign policy decisions; however, a further important point to be taken into account is the manner in which, and the purpose for which this advantage works. In plain English, it could be claimed that based upon the requirements for conducting diplomacy and foreign policy presented by Hamilton, the Presidency is generally situated and equipped reasonably the best to deal with foreign affairs while the gamut of the Congressional role and authority in foreign policy varies based on the type of decisions made. For instance, the President usually has the upper hand in making crisis policy such as the times of war and national crisis.

From time to time, the Congress has been able to exert its influence over the US foreign relations to the extent of directing the executive policies. Congressional influence is supposed to be at its height when making structural policies inasmuch as

the Congress enjoys the power of the purse, deciding how resources are distributed to achieve particular foreign policy objectives. In retrospective, nonetheless, even the power of the purse did not turn out to be of benefit for the Congress to implement this supposed authority in the occasions like Iran-Contra Affair. In other words, the process of US foreign policy decision-making occasionally lacks the essential structural efficiency to prevent the executive branch from circumventing the Constitution. An executive branch operating in secrecy without legislative accountability is undoubtedly dangerous; therefore, a host of specialized means and preventive measures are required to be taken and practiced in order to avoid such danger and help keep US political structure in checks and balances. Very much in line with what Noorbaloochi states, historical incidents such as the Iran-Contra Affair further confirms the fact that centralized decision-making procedures result in detrimental policies [69]. Making foreign policy is commonly considered as a 'shared enterprise' of the executive and legislative branches, though the two are not asserted to be the sole decision-makers.

References:

1. Aberbach J.D. *Keeping a Watchful Eye: The Politics of Congressional Oversight*. Washington, D.C., The Brookings Institution Publ., 1990. 288 p.
2. Allison G.T. *Essence of decision*. Boston, Little, Brown 536 Publ., 1971. 338 p.
3. Anderson P.A. Justifications and precedents as constraints in foreign policy decision-making. *American Journal of Political Science*, 1981, vol. 25, no. 4, pp. 738-761.
4. Apple Jr. R.W. 25 Years Later; Lessons From the Pentagon Papers. *New York Times*, 23.06.1996.
5. Arin K.Y. *Think Tanks, the Brain Trusts of US Foreign Policy*. Springer Fachmedien Wiesbaden Publ., 2014. 95 p. DOI: 10.1007/978-3-658-02935-7
6. Art R.J. Bureaucratic politics and American foreign policy: A critique. *Policy Sciences*, 1973, vol. 4, no. 4, pp. 467-490.
7. Bailey C.J. President Reagan, the U.S. Senate, and American Foreign Policy, 1981-1986. *Journal of American Studies*, 1987, vol. 21, no. 2, pp. 167-181.
8. Baldwin D.A. Congressional initiative in foreign policy. *The Journal of Politics*, 1966, vol. 28, no. 4, pp. 754-773. DOI: 10.2307/2127673
9. Balmer T.A. The Use of Conditions in Foreign Relations Legislation. *Denver Journal of International Law and Policy*, 1977, vol. 7, pp. 197-238.
10. Beck C. Bureau of intelligence and research and Washington politics: Master Thesis. University of Georgia, 2005. 101 p.
11. Beehner L. Do Democratic Candidates Suffer 'Audience Costs'? *Josef Korbel Journal of Advanced International Studies*, 2011, no. 3, pp. 59-76.
12. Bendor J. & Hammond T.H. Rethinking Allison's models. *American Political Science Review*, 1992, vol. 86, no. 2, pp. 301-322.
13. Bodenheimer T. & Gould R. *Rollback! right-wing power in US foreign policy*. Boston, South End Press Publ., 1989. 296 p.
14. Van Bouwel J. Explanatory Strategies Beyond the Individualism/Holism Debate. *Rethinking the Individualism-Holism Debate*. Ed. by Zahle J., Collin F. Springer International Publishing Cham, 2014. Pp. 153-175.
15. Brazeal G. Bureaucracy and the US Response to Mass Atrocity. *National Security & Armed Conflict Law Review*, 2011, no. 57, pp. 57-71.
16. Caddel J. *Domestic Political Institutions in US Foreign Policy Decision*: Doctoral Dissertation. St. Louis, Washington University Publ., 2013. 138 p.
17. Canes-Wrone B. *Who leads whom?: Presidents, Policy, and the Public: Studies in Communication, Media, and Public Opinion*. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 2006. 192 p.
18. Cardaras M. *Fear, Power, and Politics: The Recipe for War in Iraq after 9/11*. Lexington Books Publ., 2013. 270 p.
19. Carson M.D. *Beyond the Solid South: Southern Members of Congress and the Vietnam War*: Doctoral Dissertation. M. A., University of New Orleans Publ., 2003. 493 p.
20. Carter J.J. Interbranch Conflict and the Early

- Evolution of Covert Action as a Presidential Tool of Foreign Policy. *Southeastern Political Review*, 2000, no. 28, iss. 4, pp. 599-629. DOI: 10.1111/j.1747-1346.2000.tb00792.x
21. Carter R.G. Congressional Foreign Policy Behavior: Persistent Patterns of the Postwar Period. *Presidential Studies Quarterly*, 1986, vol. 16, no. 2, pp. 329-359.
 22. Carter R.G. Congress and the Post-Cold War U.S. Foreign Policy. *After the end: making U.S. foreign policy in the post-cold war world* / Ed. by J.M. Scott. London, Duke University Press Publ., 1998. Pp. 108-137.
 23. Caulfield G.W. *Player Two Has Entered the Game: The Role of Congress in the Formation of American Foreign Policy during the Presidency of George W. Bush*. State University of New York, 2010. 64 p.
 24. Cheney D. Congressional overreaching in foreign policy, 1989. *Foreign policy and the Constitution* / Ed. by R.A. Goldwin and R.A. Licht. Washington, D.C.: AEI Press, 1990. Pp. 119-120.
 25. Chittick W.O. & Freyberg-Inan A. Chiefly for fear, next for honour, and lastly for profit: an analysis of foreign policy motivation in the Peloponnesian War. *Review of International Studies*, 2001, vol. 27, iss. 1, pp. 69-90. DOI: 10.1017/S0260210500010706Pub
 26. Clapp P., Halperin M. & Kanter A. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, Brookings Institution Press Publ., 2006. 400 p.
 27. Clementi M. & Pisciotta B. Introduction: US Foreign Policy in Front of Global Uncertainty and Regional Fragmentation. *US Foreign Policy in a Challenging World*. Cham, Springer Publ., 2018. Pp. 1-14.
 28. Cohen B.J. International debt and linkage strategies: some foreign-policy implications for the United States. *International Organization*, 1985, vol. 39, no. 4, pp. 699-727.
 29. Cunningham K. A Critical Theory of the "Rationality" of US Foreign Policy: The Case of the American War in Vietnam. *New Political Science*, 2002, vol. 24, iss. 4, pp. 509-523.
 30. Dahl R.A. *Congress and American Foreign Policy*. New York, W.W. Norton Publ., 1964. 305 p.
 31. Day C.L. *US Foreign Policy Issue-Areas: Presidential-Congressional Interaction*: Master Thesis. New Orleans: University of New Orleans, 1980.
 32. Destler I.M. *Presidents, bureaucrats and foreign policy: The politics of organizational reform*. Princeton University Press Publ., 1974. 367 p.
 33. Dobson A. & Marsh S. *US foreign policy since 1945*. Routledge Publ., 2007. 158 p.
 34. Dodd L.C. Congress and the Quest for Power. *Congress Reconsidered*. Ed. by L. C. Dodd & B. I. Oppenheimer. New York, Praeger Publ., 1977. Pp. 269-307.
 35. Drezner D.W. Ideas, bureaucratic politics, and the crafting of foreign policy. *American Journal of Political Science*, 2000, vol. 44, no. 4, pp. 733-749.
 36. Epstein D. & O'Halloran S. *Delegating powers: A transaction cost politics approach to policy making under separate powers*. Cambridge University Press Publ., 1999. 340 p.
 37. Evans A. Organizing for British national strategy. *International Affairs*, 2014, vol. 90, iss. 3, pp. 509-524. DOI: 10.1111/1468-2346.12124
 38. Fisher L. Foreign Policy Powers of the President and Congress. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1988, vol. 499, pp. 148-159.
 39. Fisher L. The Law: Scholarly Support for Presidential Wars. *Presidential Studies Quarterly*, 2005. Vol. 35. Iss. 3. Pp. 590-607.
 40. Fleisher R. & Bond J.R. Are there two presidencies? Yes, but only for Republicans. *The Journal of Politics*, 1988, vol. 50, no. 3, pp. 747-767.
 41. Foyle D.C. *Counting the public in: Presidents, public opinion, and foreign policy*. Columbia University Press. 1999. 379 p.
 42. Fulbright J.W. American Foreign Policy in the 20th Century Under an 18th-Century Constitution. *Cornell Law Quarterly*, 1961, vol. 47, iss. 1, pp. 1-13.
 43. Gibbings T., Hurley D. & Moore S. Interagency Operations Centers: An Opportunity We Can't Ignore. *Parameters*, 1999, vol. 28, no. 4, pp. 99-112.
 44. Gibbs D.N. Secrecy and international relations. *Journal of Peace Research*, 1995, vol. 32. Iss. 2, pp. 213-228. DOI: 10.1177/0022343395032002007
 45. Hamilton L.H. Congress and the Presidency in American Foreign Policy. *Presidential Studies Quarterly*, 1988, no. 18, pp. 507-511.
 46. Hilsman R. Congressional-Executive Relations and the Foreign Policy Consensus. *American Political Science Review*, 1958, no. 52, pp. 725-744.
 47. Hinckley B. *Less than meets the eye: Foreign policy making and the myth of the assertive Congress*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 259 p.
 48. Hudson V.M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations. *Foreign Policy Analysis*, 2005, vol. 1, iss. 1, pp. 1-30. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2005.00001.x
 49. Hudson V.M. & Vore C.S. Foreign policy analysis yesterday, today, and tomorrow. *Mershon International Studies Review*, 1995, vol. 39, no. 2,

- pp. 209-238.
50. Huntington S. *The common defense: Strategic programs in national politics*. New York, Columbia University Press Publ., 1961. 512 p.
 51. Javadi Arjmand M. The Role of Congress in US Foreign Policy toward Iran: Analysis of Congressional Sanctions. *Iranian Review of Foreign Affairs*, 2014, vol. 5, no. 2, pp. 29-57.
 52. Kaplan M. *System and Process in International Politics*. New York, Wiley Publ., 1957. 258 p.
 53. Kaplan M. Variants on Six Models of the International System. *International Politics and Foreign Policy*. Ed. by J. N. Rosenau. Glencoe, Free Press Publ., 1972, pp. 291-303.
 54. Keynes E. *Undeclared war: twilight zone of constitutional power*. Penn State Press Publ.. 2010. 260 p.
 55. Khan Z.A. & Sabir M. President Vs Congress in US Foreign Policy: Cooperation or Confrontation. *Journal of Political Studies*, 2013, vol. 20, no. 1, pp. 143-158.
 56. Kristol I. The inexorable rise of the executive. *Wall Street Journal*, 1974, p. 12.
 57. Larson D.L. The Constitution and U.S. Foreign Policy: The President, the Congress, and the People. *Fletcher Forum of World Affairs*, 2008, pp. 143-159.
 58. Levitsky S. & Ziblatt D. *How democracies die*. New York, Crown Publ., 2018. 320 p.
 59. Lindsay J.M. Congress and foreign policy: Why the Hill matters. *Political Science Quarterly*, 1992, vol. 107, no. 4, pp. 607-628.
 60. Lindsay J.M. *Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore, John Hopkins University Press Publ., 1994. 280 p.
 61. Lindsay J.M. Congress, foreign policy, and the new institutionalism. *International Studies Quarterly*, 1994, vol. 38, no 2, pp. 281-304.
 62. Luzzi S. Driving forces and patterns of water policy making in Egypt. *Water Policy*, 2010, vol. 12, iss. 1, pp. 92-113. DOI: 10.2166/wp.2009.052
 63. Meagher T.M. *Defining U.S. Strategic Resourcing Culture. Financing Armed Conflict*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2017, pp. 1-48.
 64. Meiers F.-J. The Return of the Imperial Presidency? The President, Congress, and US Foreign Policy after 11 September 2001. *American Studies*, 2010, vol. 55, no. 2, pp. 249-286.
 65. Mitchell D. Centralizing Advisory Systems: Presidential Influence and the US Foreign Policy Decision-Making Process. *Foreign Policy Analysis*, 2005, vol. 1, iss. 2, pp. 181-206. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2005.00009.x
 66. Morin J.-F. & Paquin J. *Foreign Policy Analysis: A Toolbox*. Springer Publ., 2018. 359 p. DOI: 10.1007/978-3-319-61003-0
 67. Nesson C. R. Aspects of the Executive's Power over National Security Matters: Secrecy Classification and Foreign Intelligence Wiretaps. *Indiana Law Journal*, 1973, vol. 49. iss. 3, pp. 399-421.
 68. Neureiter M. *How did the powers of the US President and the US Congress, as well as their relation, change during the Vietnam War?* Essay. Munich, GRIN Verlag, 2010. 4 p.
 69. Noorbaloochi S. The Limits of Executive Authority to Preempt Contrary State Laws in Foreign Affairs after *Medellin v. Texas*. *American University Law Review*, 2015, vol. 64, iss. 3, pp. 687-687.
 70. Oueslati S. US foreign policy and the complex factors in the decision-making process. *Society*, 2014, vol. 51, iss. 5, pp. 472-481.
 71. Petras J. & Morley M. *Empire or republic?: American global power and domestic decay*. Routledge Publ.. 2012. 224 p.
 72. Pevehouse J. Congress, the Presidency, and US Foreign Policy. Congress & the Presidency: A *Journal of Capital Studies*, 2001, vol. 28, iss. 1, pp. 94-100.
 73. Porter G. *Perils of Dominance: Imbalance of Power and the Road to War in Vietnam*. University of California Press Publ., 2005. 421 p.
 74. Prins B.C. & Marshall B.W. Congressional support of the president: A comparison of foreign, defense, and domestic policy decision making during and after the Cold War. *Presidential Studies Quarterly*, 2001, vol. 31, no. 4, pp. 660-678.
 75. Ransom H.H. Secret Intelligence Agencies and Congress. *Society*, 1975, no. 5, pp. 33-38.
 76. Reagan R. Address to the Nation on the Iran Arms and Contra Aid Controversy and Administration Goals, 12.08.1987.
 77. Redd S.B. & Mintz A. Policy Perspectives on National Security and Foreign Policy Decision Making. *Policy Studies Journal*, 2013, vol. 41, iss. 51, pp. S11-S37. DOI: 10.1111/psj.12010
 78. Ripley R.B. & Lindsay J.M. *Foreign and defense policy in congress: An overview and preview. Congress Resurgent: Foreign and Defense Policy on Capitol Hill*. Ed. by R. B. Ripley & J. M. Lindsay. Ann Arbor, University of Michigan Publ., 1993. Pp. 3-14.
 79. Rockman B.A. *Presidents, Opinion, and Institutional Leadership. The New Politics of American Foreign Policy*. Ed. by D. A. Deese. New York, St. Martin's Press Publ., 1994. Pp. 59-74.
 80. Rosati J. & Twing S. *The Presidency and U.S. Foreign Policy after the Cold War. After the End: Making U.S. Foreign Policy in the Post-Cold War*

- World. Ed. by J. M. Scott. London, Duke University Press Publ., 1998. Pp. 29-56.
81. Rosner J.D. *The new tug-of-war: Congress, the executive branch, and national security*. Washington, Carnegie Endowment for International Peace Publ., 1995. 120 p.
 82. Rourke J.T. Congress and the Cold War. *World Affairs*, 1977, no. 7, pp. 259-277.
 83. Schlesinger A.M. *The Imperial Presidency*. Houghton Mifflin Harcourt Publ., 2004. 624 p.
 84. Schraufnagel S. & Shellman S.M. The Two Presidencies, 1984-98: A Replication and Extension. *Presidential Studies Quarterly*, 2001, vol. 31, iss. 4, pp. 699-707. DOI: 10.1111/j.0000-0000.2001.00194.x
 85. Schubert L., Dye T. & Zeigler H. *The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics*. Wadsworth, Cengage Learning Publ., 2015. 432 p.
 86. Scott J.M. & Carter R.G. Acting on the Hill: Congressional Assertiveness in U.S. Foreign Policy. *Congress & the Presidency*, 2002, vol. 29, iss. 2, pp. 151-169. DOI: 10.1080/07343460209507732
 87. Shugart M.S. The inverse relationship between party strength and executive strength: a theory of politicians' constitutional choices. *British Journal of Political Science*, 1998, vol. 28, no. 1, pp. 1-29.
 88. Sigelman L. A Reassessment of the Two Presidencies Thesis. *The Journal of Politics*, 1979, vol. 41, no. 4, pp. 1195-1205.
 89. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, 1955, vol. 69, no. 1, pp. 99-118.
 90. Slaughter A.-M. International law in a world of liberal states. *European Journal of International Law*, 1995, no. 6, pp. 503-538.
 91. Spanier J. & Noguee J. (eds). *Congress, the Presidency and American Foreign Policy*. New York, Pergamon Publ., 1981. 244 p. DOI: 10.1016/C2013-0-03348-8
 92. Stockton P. Beyond Micromanagement: Congressional Budgeting for a Post-Cold War Military. *Political Science Quarterly*, 1995, vol. 110, no. 2, pp. 233-259. DOI: 10.2307/2152361
 93. Sylvan D. & Majeski S. Ideology and Intervention. *49th Annual Convention of the International Studies Association*, San Francisco, 26-29.03.2008. 15 p.
 94. Tower J.G. Congress Versus the President: The Formulation and Implementation of American Foreign Policy. *Foreign Affairs*, 1981, vol. 60, no. 2, pp. 229-246. DOI: 10.2307/20041078.
 95. Van Alstyne W. Congress, the President, and the Power to Declare War: A Requiem for Vietnam. *University of Pennsylvania Law Review*, 1972, vol. 121, no. 1, pp. 1-28.
 96. Weissman S.R. *A culture of deference: Congress's failure of leadership in foreign policy*. New York, Basic Books Publ., 1995. 272 p.
 97. Wildavsky A. The Two Presidencies: Presidential power is greatest when directing military and foreign policy. *Society*, 1966, no. 6, pp. 7-14.
 98. Wilga M. & Karolewski I.P. *New Approaches to EU Foreign Policy*. New York, Routledge Publ., 2014. 282 p.
 99. Wittkopf E.R. & McCormick J.M. Congress, the President, and the End of the Cold War Has Anything Changed? *Journal of Conflict Resolution*, 1998, vol. 42, no. 4, pp. 440-466.
 100. Zeidenstein H.G. The Two Presidencies Thesis Is Alive and Well and Has Been Living in the U.S. Senate since 1973. *Presidential Studies Quarterly*, 1981, vol. 11, no. 4, pp. 511-525.

About the authors:

Tohid Asadi – PhD student in American Studies, Faculty of World Studies, University of Tehran. 16th Azar St., Enghelab Sq., Tehran, Iran. E-mail: Email: T.Asadi@ut.ac.ir.

Marzieh Javadi Arjmand – PhD in American Studies, Faculty of World Studies, University of Tehran. 16th Azar St., Enghelab Sq., Tehran, Iran. E-mail:mz.javadi@ut.ac.ir.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ И КОНГРЕССОМ В СФЕРЕ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В США: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тохид Асади, Марзих Джавади Арджманд
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-219-240

Тегеранский университет

Цель данной статьи – предложить концептуальные рамки анализа отношений президента и Конгресса США в сфере принятия внешнеполитических решений. Формирование внешней политики США происходит, по всей видимости, при столкновении двух сил – рациональной бюрократической логики компромиссов и уступок, а также идеологических, партийных, институциональных и личных интересов лиц, принимающих решения. С учётом этого авторы приходят к выводу, что институт президентства, как правило, способен более оптимально работать на внешнеполитическом направлении, в то время как границы полномочий Конгресса в этой сфере подвижны, зависят от типа принимаемых решений и особенно чётко проявляются при распределении ресурсов для ведения внешней политики. В статье делается попытка вписать данный тезис в теоретический контекст моделей принятия решений Г. Аллисона, моделей практических ожиданий от внешней политики Л. Гамильтона, а также в контекст трансформации взаимоотношений Конгресса и президента США после холодной войны.

Ключевые слова: США, Конгресс, президент, внешняя политика, принятие решений, теоретические модели.

Список литературы:

- Aberbach J.D. Keeping a Watchful Eye: The Politics of Congressional Oversight. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1990. 288 p.
- Allison G.T. Essence of decision. Boston: Little, Brown 536, 1971. 338 p.
- Anderson P.A. Justifications and precedents as constraints in foreign policy decision-making // American Journal of Political Science. 1981. Vol. 25. No. 4. Pp. 738-761.
- Apple Jr. R.W. 25 Years Later; Lessons From the Pentagon Papers // New York Times, 23.06.1996.
- Arin K.Y. Think Tanks, the Brain Trusts of US Foreign Policy. s.l.: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2014. 95 p. DOI: 10.1007/978-3-658-02935-7
- Art R.J. Bureaucratic politics and American foreign policy: A critique // Policy Sciences. 1973. Vol. 4. No. 4. Pp. 467-490.
- Bailey C.J. President Reagan, the U.S. Senate, and American Foreign Policy, 1981-1986 // Journal of American Studies. 1987. Vol. 21. No. 2. Pp. 167-181.
- Baldwin D.A. Congressional initiative in foreign policy // The Journal of Politics.

1966. Vol. 28. No. 4. Pp. 754-773. DOI: 10.2307/2127673
9. Balmer T.A. The Use of Conditions in Foreign Relations Legislation // *Denver Journal of International Law and Policy*. 1977. Vol. 7. Pp. 197-238.
 10. Beck C. Bureau of intelligence and research and Washington politics: Master Thesis. s.l.:University of Georgia, 2005. 101 p.
 11. Beehner L. Do Democratic Candidates Suffer 'Audience Costs'? // *Josef Korbel Journal of Advanced International Studies*. 2011. No. 3. Pp. 59-76.
 12. Bendor J. & Hammond T.H. Rethinking Allison's models // *American Political Science Review*. 1992. Vol. 86. No. 2. Pp. 301-322.
 13. Bodenheimer T. & Gould R. Rollback!: right-wing power in US foreign policy. Boston: South End Press, 1989. 296 p.
 14. Van Bouwel J. Explanatory Strategies Beyond the Individualism/Holism Debate // *Rethinking the Individualism-Holism Debate*. Ed. by Zahle J, Collin F. Springer International Publishing Cham, 2014. Pp. 153-175.
 15. Brazeal G. Bureaucracy and the US Response to Mass Atrocity // *National Security & Armed Conflict Law Review*. 2011. No. 57. Pp. 57-71.
 16. Caddel J. Domestic Political Institutions in US Foreign Policy Decision (Doctoral Dissertation). St. Louis: Washington University, 2013. 138 p.
 17. Canes-Wrone B. Who leads whom?: Presidents, Policy, and the Public (Studies in Communication, Media, and Public Opinion). Chicago: The University of Chicago Press, 2006. 192 p.
 18. Cardaras M. Fear, Power, and Politics: The Recipe for War in Iraq after 9/11. Lexington Books, 2013. 270 p.
 19. Carson M.D. Beyond the Solid South: Southern Members of Congress and the Vietnam War (Doctoral Dissertation). M.A.:University of New Orleans, 2003. 493 p.
 20. Carter J.J. Interbranch Conflict and the Early Evolution of Covert Action as a Presidential Tool of Foreign Policy // *Southeastern Political Review*. 2000. No. 28. Iss. 4. Pp. 599-629. DOI: 10.1111/j.1747-1346.2000.tb00792.x
 21. Carter R.G. Congressional Foreign Policy Behavior: Persistent Patterns of the Postwar Period // *Presidential Studies Quarterly*. 1986. Vol. 16. No. 2. Pp. 329-359.
 22. Carter R.G. Congress and the Post-Cold War U.S. Foreign Policy // *After the end: making U.S. foreign policy in the post-cold war world* / Ed. by J. M. Scott. London: Duke University Press, 1998. Pp. 108-137.
 23. Caulfield G.W. Player Two Has Entered the Game: The Role of Congress in the Formation of American Foreign Policy during the Presidency of George W. Bush. State University of New York, 2010. 64 p.
 24. Cheney D. Congressional overreaching in foreign policy, 1989 // *Foreign policy and the Constitution* / Ed. by R.A. Goldwin and R.A. Licht. Washington, D.C.: AEI Press, 1990. Pp. 119-120.
 25. Chittick W.O. & Freyberg-Inan A. Chiefly for fear, next for honour, and lastly for profit: an analysis of foreign policy motivation in the Peloponnesian War // *Review of International Studies*. 2001. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 69-90. DOI: 10.1017/S0260210500010706Pub
 26. Clapp P, Halperin M. & Kanter A. Bureaucratic Politics and Foreign Policy. Washington: Brookings Institution Press, 2006. 400 p.
 27. Clementi M. & Pisciotta B. Introduction: US Foreign Policy in Front of Global Uncertainty and Regional Fragmentation // *US Foreign Policy in a Challenging World*. Cham: Springer, 2018. Pp. 1-14.
 28. Cohen B.J. International debt and linkage strategies: some foreign-policy implications for the United States // *International Organization*. 1985. Vol. 39. No. 4. Pp. 699-727.
 29. Cunningham K. A Critical Theory of the "Rationality" of US Foreign Policy: The Case of the American War in Vietnam // *New Political Science*. 2002. Vol. 24. Iss. 4. Pp. 509-523.
 30. Dahl R.A. Congress and American Foreign Policy. New York: W.W. Norton, 1964. 305 p.

31. Day C.L. US Foreign Policy Issue-Areas: Presidential-Congressional Interaction: Master Thesis. New Orleans: University of New Orleans, 1980.
32. Destler I.M. Presidents, bureaucrats and foreign policy: The politics of organizational reform. Princeton University Press, 1974. 367 p.
33. Dobson A. & Marsh S. US foreign policy since 1945. Routledge, 2007. 158 p.
34. Dodd L.C. Congress and the Quest for Power // Congress Reconsidered. Ed. by L. C. Dodd & B. I. Oppenheimer. New York: Praeger, 1977. Pp. 269-307.
35. Drezner D.W. Ideas, bureaucratic politics, and the crafting of foreign policy // American Journal of Political Science. 2000. Vol. 44. No. 4. Pp. 733-749.
36. Epstein D. & O'Halloran S. Delegating powers: A transaction cost politics approach to policy making under separate powers. Cambridge University Press, 1999. 340 p.
37. Evans A. Organizing for British national strategy // International Affairs. 2014. Vol. 90. Iss. 3. Pp. 509-524. DOI: 10.1111/1468-2346.12124
38. Fisher L. Foreign Policy Powers of the President and Congress // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1988. Vol. 499. Pp. 148-159.
39. Fisher L. The Law: Scholarly Support for Presidential Wars // Presidential Studies Quarterly. 2005. Vol. 35. Iss. 3. Pp. 590-607.
40. Fleisher R. & Bond J.R. Are there two presidencies? Yes, but only for Republicans // The Journal of Politics. 1988. Vol. 50. No. 3. Pp. 747-767.
41. Foyle D.C. Counting the public in: Presidents, public opinion, and foreign policy. Columbia University Press. 1999. 379 p.
42. Fulbright J.W. American Foreign Policy in the 20th Century Under an 18th-Century Constitution // Cornell Law Quarterly. 1961. Vol. 47. Iss. 1. Pp. 1-13.
43. Gibbings T., Hurley D. & Moore S. Interagency Operations Centers: An Opportunity We Can't Ignore // Parameters. 1999. Vol. 28. No. 4. Pp. 99-112.
44. Gibbs D.N. Secrecy and international relations // Journal of Peace Research. 1995. Vol. 32. Iss. 2. Pp. 213-228. DOI: 10.1177/0022343395032002007
45. Hamilton L.H. Congress and the Presidency in American Foreign Policy // Presidential Studies Quarterly, 1988. No. 18. Pp. 507-511.
46. Hilsman R. Congressional-Executive Relations and the Foreign Policy Consensus // American Political Science Review. 1958. No. 52. Pp. 725-744.
47. Hinckley B. Less than meets the eye: Foreign policy making and the myth of the assertive Congress. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 259 p.
48. Hudson V.M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. 2005. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1-30. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2005.00001.x
49. Hudson V.M. & Vore C.S. Foreign policy analysis yesterday, today, and tomorrow // Mershon International Studies Review. 1995. Vol. 39. No. 2. Pp. 209-238.
50. Huntington S. The common defense: Strategic programs in national politics. New York: Columbia University Press, 1961. 512 p.
51. Javadi Arjmand M. The Role of Congress in US Foreign Policy toward Iran: Analysis of Congressional Sanctions // Iranian Review of Foreign Affairs. 2014. Vol. 5. No. 2. Pp. 29-57.
52. Kaplan M. System and Process in International Politics. New York: Wiley, 1957. 258 p.
53. Kaplan M. Variants on Six Models of the International System // International Politics and Foreign Policy. Ed. by J. N. Rosenau. Glencoe: Free Press, 1972. Pp. 291-303.
54. Keynes E. Undeclared war: twilight zone of constitutional power. Penn State Press. 2010. 260 p.
55. Khan Z.A. & Sabir M. President Vs Congress in US Foreign Policy: Cooperation or Confrontation // Journal of Political Studies. 2013. Vol. 20. No. 1. Pp. 143-158.
56. Kristol I. The inexorable rise of the executive // Wall Street Journal. 1974. P. 12.
57. Larson D.L. The Constitution and U.S.

- Foreign Policy: The President, the Congress, and the People. Fletcher Forum of World Affairs, 2008. Pp. 143-159.
58. Levitsky S. & Ziblatt D. How democracies die. New York: Crown, 2018. 320 p.
59. Lindsay J.M. Congress and foreign policy: Why the Hill matters // Political Science Quarterly. 1992. Vol. 107. No. 4. Pp. 607-628.
60. Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994. 280 p.
61. Lindsay J.M. Congress, foreign policy, and the new institutionalism // International Studies Quarterly. 1994. Vol. 38, No. 2. Pp. 281-304.
62. Luzi S. Driving forces and patterns of water policy making in Egypt // Water Policy. 2010. Vol. 12. Iss. 1. Pp. 92-113. DOI: 10.2166/wp.2009.052
63. Meagher T.M. Defining U.S. Strategic Resourcing Culture // Financing Armed Conflict. New York: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 1-48.
64. Meiers F.-J. The Return of the Imperial Presidency? The President, Congress, and US Foreign Policy after 11 September 2001 // American Studies. 2010. Vol. 55. No. 2. Pp. 249-286.
65. Mitchell D. Centralizing Advisory Systems: Presidential Influence and the US Foreign Policy Decision-Making Process // Foreign Policy Analysis. 2005. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 181-206. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2005.00009.x
66. Morin J.-F. & Paquin J. Foreign Policy Analysis: A Toolbox. Springer, 2018. 359 p. DOI: 10.1007/978-3-319-61003-0
67. Nesson C. R. Aspects of the Executive's Power over National Security Matters: Secrecy Classification and Foreign Intelligence Wiretaps // Indiana Law Journal. 1973. Vol. 49. Iss. 3. Pp. 399-421.
68. Neureiter M. How did the powers of the US President and the US Congress, as well as their relation, change during the Vietnam War? Essay. Munich, GRIN Verlag, 2010. 4 p.
69. Noorbaloochi S. The Limits of Executive Authority to Preempt Contrary State Laws in Foreign Affairs after *Medellín v. Texas* // American University Law Review. 2015. Vol. 64. Iss. 3. Pp. 687-687.
70. Oueslati S. US foreign policy and the complex factors in the decision-making process // Society. 2014. Vol. 51. Iss. 5. Pp. 472-481.
71. Petras J. & Morley M. Empire or republic?: American global power and domestic decay. Routledge. 2012. 224 p.
72. Pevehouse J. Congress, the Presidency, and US Foreign Policy // Congress & the Presidency: A Journal of Capital Studies. 2001. Vol. 28. Iss. 1. Pp. 94-100.
73. Porter G. Perils of Dominance: Imbalance of Power and the Road to War in Vietnam. University of California Press, 2005. 421 p.
74. Prins B.C. & Marshall B.W. Congressional support of the president: A comparison of foreign, defense, and domestic policy decision making during and after the Cold War // Presidential Studies Quarterly. 2001. Vol. 31. No. 4. Pp. 660-678.
75. Ransom H.H. Secret Intelligence Agencies and Congress // Society. 1975. No. 5. Pp. 33-38.
76. Reagan R. Address to the Nation on the Iran Arms and Contra Aid Controversy and Administration Goals. 12.08.1987.
77. Redd S.B. & Mintz A. Policy Perspectives on National Security and Foreign Policy Decision Making // Policy Studies Journal. 2013. Vol. 41. Iss. 51. Pp. S11-S37. DOI: 10.1111/psj.12010
78. Ripley R.B. & Lindsay J.M. Foreign and defense policy in congress: An overview and preview // Congress Resurgent: Foreign and Defense Policy on Capitol Hill. Ed. by R. B. Ripley & J. M. Lindsay. Ann Arbor: University of Michigan, 1993. Pp. 3-14.
79. Rockman B.A. Presidents, Opinion, and Institutional Leadership // The New Politics of American Foreign Policy. Ed. by D. A. Deese. New York: St. Martin's Press, 1994. Pp. 59-74.
80. Rosati J. & Twing S. The Presidency and U.S. Foreign Policy after the Cold War // After the End: Making U.S. Foreign Policy in the Post-Cold War World. Ed. by J. M. Scott. London: Duke University Press, 1998. Pp. 29-56.
81. Rosner J.D. The new tug-of-war: Congress, the executive branch, and national

- security. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1995. 120 p.
82. Rourke J.T. Congress and the Cold War // *World Affairs*. 1977. No. 7. Pp. 259-277.
 83. Schlesinger A.M. *The Imperial Presidency*. Houghton Mifflin Harcourt, 2004. 624 p.
 84. Schraufnagel S. & Shellman S.M. The Two Presidencies, 1984-98: A Replication and Extension // *Presidential Studies Quarterly*, 2001. Vol. 31. Iss. 4. |Pp. 699-707. DOI: 10.1111/j.0000-0000.2001.00194.x
 85. Schubert L., Dye T. & Zeigler H. *The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics*. Wadsworth: Cengage Learning, 2015. 432 p.
 86. Scott J.M. & Carter R.G. Acting on the Hill: Congressional Assertiveness in U.S. Foreign Policy // *Congress & the Presidency*. 2002. Vol. 29. Iss. 2. Pp. 151-169. DOI: 10.1080/07343460209507732
 87. Shugart M.S. The inverse relationship between party strength and executive strength: a theory of politicians' constitutional choices. *British Journal of Political Science*. 1998. Vol. 28. No. 1. Pp. 1-29.
 88. Sigelman L. A Reassessment of the Two Presidencies Thesis // *The Journal of Politics*. 1979. Vol. 41, No. 4. Pp. 1195-1205.
 89. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*, 1955. Vol. 69. No. 1. Pp. 99-118.
 90. Slaughter A.-M. International law in a world of liberal states // *European Journal of International Law*. 1995. No. 6. Pp. 503-538.
 91. Congress, the Presidency and American Foreign Policy. Ed. by Spanier J. & Noguee J. New York: Pergamon, 1981. 244 p. DOI: 10.1016/C2013-0-03348-8
 92. Stockton P. Beyond Micromanagement: Congressional Budgeting for a Post-Cold War Military. *Political Science Quarterly*. 1995. Vol. 110. No. 2. Pp. 233-259. DOI: 10.2307/2152361
 93. Sylvan D. & Majeski S. Ideology and Intervention // 49th Annual Convention of the International Studies Association, San Francisco, 26-29.03.2008. 15 p.
 94. Tower J.G. Congress Versus the President: The Formulation and Implementation of American Foreign Policy // *Foreign Affairs*. 1981. Vol. 60. No. 2. Pp. 229-246. DOI: 10.2307/20041078.
 95. Van Alstyne W. Congress, the President, and the Power to Declare War: A Requiem for Vietnam // *University of Pennsylvania Law Review*. 1972. Vol. 121. No. 1. Pp. 1-28.
 96. Weissman S.R. A culture of deference: Congress's failure of leadership in foreign policy. New York: Basic Books, 1995. 272 p.
 97. Wildavsky A. The Two Presidencies: Presidential power is greatest when directing military and foreign policy // *Society*. 1966. No. 6. Pp. 7-14.
 98. Wilga M. & Karolewski I.P. *New Approaches to EU Foreign Policy*. New York: Routledge. 2014. 282 p.
 99. Wittkopf E.R. & McCormick J.M. Congress, the President, and the End of the Cold War Has Anything Changed? // *Journal of Conflict Resolution*. 1998. Vol. 42. No. 4. Pp. 440-466.
 100. Zeidenstein H.G. The Two Presidencies Thesis Is Alive and Well and Has Been Living in the U.S. Senate since 1973 // *Presidential Studies Quarterly*. 1981. Vol. 11. No. 4. Pp. 511-525.

Об авторах:

Тоhid Асади – аспирант Факультета глобальных исследований Тегеранского университета. 16th Azar St., Enghelab Sq., Tehran, Iran. Email: T.Asadi@ut.ac.ir.

Марзих Джавади Арджманд – PhD, преподаватель Факультета глобальных исследований Тегеранского университета. 16th Azar St., Enghelab Sq., Tehran, Iran. E-mail: mz.javadi@ut.ac.ir. Email: mz.javadi@ut.ac.ir.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА США В КОРЕЙСКУЮ ВОЙНУ. ОПЫТ КРИЗИСНОГО РЕАГИРОВАНИЯ

В.Т. Юнгблюд, Д.А. Садаков

Вятский государственный университет

Статья посвящена истории вмешательства США в Корейскую войну 1950–1953 гг. Действия американской дипломатии рассматриваются в качестве прообраза подхода Вашингтона к организации дипломатического обеспечения своего вмешательства в локальные конфликты.

Источниковую базу исследования образуют опубликованные и неопубликованные документы дипломатических ведомств СССР и США, рассекреченные материалы ЦРУ, воспоминания и мемуары ряда ключевых действующих лиц.

Инструментом легитимизации вмешательства США в корейский конфликт послужили резолюции Совета Безопасности ООН, принятые в условиях бойкота заседаний советским представителем. Позднейшая история локальных конфликтов показала, что американцы способны организовать свои военные интервенции пользуясь любыми, в том числе откровенно слабыми предложениями.

В первые дни Корейской войны американская дипломатия предприняла усилия по легитимизации вмешательства США, а также содействовала локализации конфликта, изолированию театра военных действий и нейтрализации политических оппонентов Вашингтона, занималась поиском партнёров и союзников для формирования международной коалиции и координацией помощи сателлиту – Республике Корея. Все эти функции выполняются Госдепартаментом и разведывательными органами США при обеспечении вооружённых вмешательств в конфликты и сегодня.

Реакция Вашингтона на ситуацию в Корее иллюстрирует и другую сохраняющую актуальность черту внешней политики США – отказ от сделок с нарушителями установленного США миропорядка даже в первоначально неблагоприятных военных и политических условиях. Вашингтон не отказывался от ведения переговоров о перемирии, но даже в условиях катастрофических поражений южнокорейской армии соглашался вести мирный диалог только после восстановления status quo.

Ключевые слова: США, Корейская война, локальный конфликт, ООН, СССР, КНР, Трумэн, Ачесон, Кеннан.

УДК 327.82, 327.56

Поступила в редакцию 02.08.2018 г.

Принята к публикации 15.08.2018 г.

В современном мире распространённым явлением стало вмешательство в локальные вооружённые конфликты великих держав, и, прежде всего единственной сверхдержавы – США [12; 16]. Специфика локальных конфликтов как перекрёстка интересов различных региональных и глобальных субъектов международных отношений подразумевает активную роль дипломатов в обеспечении успеха военного вмешательства.

Современные технологии интервенции США в локальные конфликты формировались с учётом богатого практического опыта вмешательства в войны по всему миру после 1950 г. Одной из первых в этом ряду стала Корейская война 1950–1953 гг. Уже в первые дни после её начала проявились некоторые ключевые элементы подхода Вашингтона к участию в региональных конфликтах, сохраняющие актуальность до настоящего времени.

Во многих трудах отечественных и зарубежных исследователей [1–8; 11–15; 19–29] рассматривалось начало Корейской войны, в т.ч. вопросы об ответственности за переход конфликта в горячую фазу и о легитимности действий США после нападения КНДР на Республику Корея. Воссоздана хронология действий Вашингтона.

На наш взгляд, сохраняет актуальность изучение истории первых дней конфликта в качестве прообраза общего подхода США к организации дипломатического обеспечения своего вмешательства в политические процессы отдельно взятого региона мира. Расширившаяся в последние годы источниковая база, включающая в себя рассекреченные документы Госдепартамента, ЦРУ и Совета по национальной безопасности США, позволяет детально исследовать эту проблему. Актуальность темы нашего исследования усиливает современная политическая ситуация вокруг Корейского полуострова [12].

Утром 25 июня 1950 г. около 6:00 по местному времени Корейская народная армия перешла 38-ю параллель и начала наступление на юг. Тлевший после образования двух независимых корейских государств конфликт вступил в горячую фазу. В 10 часов утра посол США в Республике Корея Дж. Маччио передал в Вашингтон телеграмму с информацией о вторжении¹. К 22 часам по вашигтонскому времени чиновники администрации США были проинформированы о событиях. Хотя попытки прояснить ситуацию в Корее успеха не принесли, у американцев не было сомнений в том, что речь идёт о полномасштабном наступлении Корейской народной армии на юг².

В Госдепартаменте на срочном совещании по этому вопросу присутствовали главы ключевых отделов дипломатического ведомства. Изначально базовым безальтернативным сценарием действий стала передача вопроса на рассмотрение в Совет Безопасности ООН. В принятии такого решения не меньшую роль, чем новости, играли соображения, касавшиеся общественного мнения. В Госдепартаменте рассудили, что сообщение об экстренном созыве Совбеза долж-

¹ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1950. Vol. VII. P. 125.

² Ibid. P. 149.

но появиться в утренних газетах одновременно с информацией о наступлении КНДР. С санкции находившегося в отпуске президента Г. Трумэна госсекретарь Д. Ачесон спешно утвердил это решение непосредственно перед подачей новостей в прессу³.

Затем член делегации Соединённых Штатов в ООН Э. Гросс уведомил Генерального секретаря Т.Х. Ли о начале боевых действий в Корее и предложил провести совещание Совета Безопасности⁴.

Генсек незамедлительно выпустил специальное заявление, подтверждавшее, что боевые действия начали северяне, и призвавшее Совет Безопасности к мерам по восстановлению мира⁵.

Несмотря на внезапность нападения, действия США не были спонтанными. Их готовность вмешаться в конфликт была обусловлена положением Республики Корея в тихоокеанской системе безопасности Соединённых Штатов, определённым после начала вывода с территории полуострова американских войск в 1948–1949 гг. Поддерживая Корею, Вашингтон стремился снизить свои затраты и минимизировать риск втягивания в вооружённый конфликт. Поэтому в первое время после нападения южным корейцам оставалось уповать на собственные силы, а также на помощь ООН [25].

Выбор ООН в качестве номинально руководящей силы по урегулированию конфликта был обусловлен целым набором факторов. Во-первых, в главе VII Устава ООН оговорён порядок действий в случае нарушения мира и проявления агрессии, определены полномочия Совета Безопасности по этим вопросам.

Другим фактором было доминирование США в ООН. Американцы могли рассчитывать на большинство голосов и на Генеральной Ассамблее, и в Совете Безопасности. Хотя влияние США в последнем ограничивалось советским правом вето, советники Трумэна советологи Дж. Кеннан и Ч. Болен [17, с. 10; 18] были уверены, что советская бюрократия не способна принимать быстрые решения и представитель СССР не явится на заседание Совбеза⁶. В противном случае представитель США в ООН затребовал бы созыва специальной сессии Генассамблеи [3, с. 84], которая, как ожидалось, с готовностью проштампует любое американское решение.

Представляет интерес, что на совещании 26 июня 1950 г. по поводу внесения в Совбез резолюции по корейскому вопросу американский президент заметил, что даже предпочёл бы, чтобы Советский Союз воспользовался правом вето⁷. Вполне вероятно, что советское вето не остановило бы действий США по поддержке режима Ли Сын Мана, однако попытки СССР дипломатически прикрыть северокорейское вторжение могли быть использованы в антисоветской пропаганде.

³ Ibid. P. 128.

⁴ Ibid. P. 131.

⁵ Ibid. P. 146.

⁶ Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. Norton, 1969. P. 408.

⁷ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 181.

Свою роль сыграли обстоятельства исторического характера: нельзя забывать, что ООН использовалась американцами для легитимизации Республики Корея в период её создания, результаты деятельности комиссии ООН по Корею были утверждены Генеральной Ассамблеей, а действовавшее на Юге правительство было названо единственным законным на полуострове⁸.

Наконец, роль ООН в процессе легитимизации решения о вмешательстве в корейские дела была связана с тем, что действия КНДР формально не вели к активации каких-либо обязательств США по отношению к Республике Корея, и Трумэну был нужен формальный повод обойти отсутствие согласия Конгресса на участие в боевых действиях [8, с. 101].

Работа по проведению через Совбез нужной США резолюции началась в Нью-Йорке утром 25 июня. Внесённый американцами на обсуждение проект документа имел выраженную антисеверокорейскую окраску. В нём было декларировано, что наступление Корейской народной армии (КНА) представляет собой «непровоцированный акт агрессии»⁹. По итогам обсуждения большинством голосов (девять «за» при воздержавшемся представителе Югославии и в отсутствие представителя СССР) была принята резолюция Совета Безопасности ООН № 82 от 25 июня 1950 г., в которой изначальные формулировки были несколько смягчены¹⁰ и отмечался факт вооружённого нападения КНДР. Совбез призвал власти Северной Кореи отвести войска за 38-ю параллель, а страны-члены ООН отказаться от содействия режиму Ким Ир Сена¹¹. Альтернативный предложенный Югославией проект резолюции с выражением обеспокоенности ситуацией и обращением к Северной Корею представить объяснение Совбезу был отклонён, причём представители Египта, Индии и Норвегии при голосовании воздержались¹².

Резолюция №82 позволила американцам заложить платформу для дальнейшей легитимизации своих действий в ООН. КНДР официально была названа инициатором боевых действий, а её союзники автоматически становились нарушителями международного права.

Важно отметить, что избранная США тактика имела и оборотную сторону. Американцы поставили себя в зависимость от членов ООН, а её механизмы работали медленно, что вело к задержкам в придании законности мерам, принятым США¹³.

Разрабатывая стратегию вмешательства в корейский кризис, американцы исходили из своего видения потенциальных опасностей от действий коммунистов (и в первую очередь СССР) на международной арене. В Вашингтоне

⁸ Ibid. P. 139.

⁹ Acheson D. Op. cit. P. 404.

¹⁰ Gross E. United Nations Oral History Project. 12.04.1990. P. 6. [Электронный документ]. URL: <http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/89614/Gross12Apr90TRANS.pdf?sequence=3&isAllowed=y>. (Дата обращения: 05.07.2018)

¹¹ S/RES/82. Протест против агрессии, которой подверглась Корейская Республика 25.06.1950. [Электронный документ]. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1950.shtml> (Дата обращения: 05.07.2018).

¹² FRUS. 1950. Vol. VII. P. 156.

¹³ Ibid. P. 160.

не сомневались, что за северокорейской атакой стоит Советский Союз, управлявший КНДР как марионеткой¹⁴. В отчёте информационно-исследовательского управления Госдепартамента от 25 июня 1950 г. отмечалось, что «решение Кремля прибегнуть к открытым агрессивным действиям в Корее вписывается в процесс повышения воинственности советской политики в последние восемь месяцев»¹⁵ и, вероятно, связано с пересмотром советской стратегии на Дальнем Востоке. Таким образом, нападение на Южную Корею не преследует локальные цели, а представляет собой реакцию на действия США в отношении Японии и стран Юго-Восточной Азии. Из этого не следовало превращение ситуации на Корейском полуострове в *casus belli* против СССР¹⁶. Американские военные, в частности генерал О. Брэдли и адмирал Ф. Шерман, как и американский посол в СССР адмирал А. Кирк, были убеждены в том, что СССР не готов к большой войне и не желает её¹⁷.

Американцы не были уверены и в том, что СССР уведомил о своих планах по Корее китайских коммунистов. Победа коммунистов в Корее препятствовала бы захвату Тайваня Мао Цзе Дуном, поскольку США предприняли бы упреждающие меры. Если же нападение на Республику Корея согласовано с китайцами, Вашингтон делал вывод, что корейский кризис используется как проверка потенциальной реакции США на предстоящее в ближайшем будущем вторжение на Тайвань¹⁸.

Посольство Соединённых Штатов в Москве сразу предприняло попытку прозондировать советскую позицию. 26 июня, следуя инструкциям из Вашингтона, американские дипломаты попытались получить у министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского заверения «в том, что СССР не признаёт за собой ответственности за это неспровоцированное и ничем не оправданное нападение», и что советское правительство «употребит своё влияние в отношении северокорейских властей с тем, чтобы они немедленно отвели свои вторгнувшиеся силы»¹⁹. Однако Вышинский и все его заместители оказались недоступны для общения²⁰.

Кирк (с ним соглашался Болен²¹) рекомендовал отложить прямые контакты с Москвой, ограничившись принятыми в рамках ООН рутинными процедурами уведомления о событиях. При необходимости можно было потребовать от СССР сотрудничества по вопросу о Корее. Малоперспективные на первый взгляд, эти действия подготовили бы почву для того, чтобы Москва могла сохранить лицо, отступая из полуострова после эффективных контрмер США²².

¹⁴ Acheson D. Op. cit. P. 405; FRUS. 1950. Vol. VII. P. 149.

¹⁵ Ibid. P. 149-153.

¹⁶ Acheson D. Op. cit. P. 405.

¹⁷ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 158, 169.

¹⁸ Ibid. P. 149-153.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 110.

²⁰ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 148.

²¹ Ibid. P. 174.

²² Ibid. P. 170.

27 июня состоялся продолжительный разговор о ситуации в Корее между Э. Гроссом, Т. Ли и представителем СССР в ООН Я.А. Маликом. Последний ограничился заявлениями об ответном характере действий КНДР и незаконности решений Совбеза, принятых в отсутствие представителей СССР и КНР²³. Генеральный секретарь ООН пригласил советского представителя на заседание Совбеза, намеченное на тот же день (при этом у Гросса «возникло сильное желание дать Ли тумака» [6, с. 182]). Малик отказался.

Спустя два дня заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в официальной обстановке зачитал представителям американского посольства ноту, в которой повторялись тезисы об ответственности южан за развязывание боевых действий на полуострове и незаконности решений Совбеза до тех пор, пока в его работе участвует гоминдановский представитель. Советский дипломат подчеркнул, что завершившийся задолго до начала войны вывод советских войск с территории полуострова убедительно демонстрирует твёрдую приверженность СССР принципу невмешательства во внутренние дела других государств²⁴. Эта позиция была обнародована 28 и 30 июня в газете «Правда», на страницах которой американцев сразу начали обвинять в незаконной агрессии против Коре́йской народно-демократической республики²⁵.

С точки зрения посольства США в Москве, заявления СССР означали, что Москва продолжит выжидательную тактику и будет сохранять видимость нейтралитета²⁶. Советологи ЦРУ также пришли к выводу, что эти заявления не выходят за рамки обычной риторики Москвы²⁷. Оценку действий СССР в первые дни конфликта подытожил меморандум Совета по национальной безопасности США СНБ-73 от 1 июля 1950 г., в котором утверждалось, что Кремль не пойдёт на прямое военное вмешательство в корейский конфликт, чтобы не рисковать началом новой мировой войны, но будет поддерживать любые действия коммунистов по всему миру, дискредитирующие политику США (в особенности в Азии) и зондировать твёрдость позиций США в других чувствительных точках, прежде всего в Германии и Австрии²⁸. Признавалось, что нападение советской армии на позиции американских войск в этих странах возможно только в случае твёрдого намерения Кремля развязать новую мировую войну²⁹. Не фиксировали американцы и каких-либо военных приготовлений СССР в Западной Европе³⁰.

²³ Ibid. P. 209; Korean War CIA FOIA Release. Daily Intelligence Reports. 28.06.1950. [Электронный документ]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/DailyReports/1950-06-28.pdf>. (Дата обращения: 05.07.2018)

²⁴ Советско-американские отношения: 1949-1952. М., 2006. С. 217-218.

²⁵ Правда. 28.06.1950. С. 1; там же. 30.06.1950. С. 2.

²⁶ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 253.

²⁷ Korean War CIA FOIA Release. FBI Reports. 29.06.1950. [Электронный документ]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/FBIS/1950-06-29.pdf>. P. 2. (Дата обращения: 05.07.2018)

²⁸ The Position and Actions of the United States With Respect to Possible Further Soviet Moves in the Light of the Korean Situation // Digital national security archive. [Электронный документ]. URL: <https://search.proquest.com/docview/1679066602>, после регистрации. P. 5 (Дата обращения: 05.07.2018); FRUS. 1950. Vol. I. P. 333.

²⁹ The Position and Actions of the United States With Respect to Possible Further Soviet Moves in the Light of the Korean Situation. P. 12-13.

³⁰ Korean War CIA FOIA Release. Daily Intelligence Reports. 28.06.1950. [Электронный документ]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/DailyReports/1950-06-28.pdf>. P. 2. (Дата обращения: 05.07.2018)

Напротив, аналитики ЦРУ ожидали интенсификации советской пропаганды в поддержку мира – Кремль мог попытаться снять с себя ответственность за нападение на Южную Корею в глазах мирового сообщества³¹.

Этот подход отразился в одобренной Трумэном директиве государственного секретаря Д. Ачесона американской делегации в ООН от 3 июля, где признавалось нежелательным предъявлять обвинения или оказывать иные формы давления на Кремль³². Госдепартаменту даже пришлось осаживать некоторых генералов, в частности командующего ВВС США на Дальнем Востоке Дж. Стрейтмейера, предлагавшего организовать высотные разведывательные полёты над Далянем, Порт-Артуром, Владивостоком, Сахалином и Курилами³³.

Без учёта военного потенциала СССР силы США на Дальнем Востоке оценивались как весьма существенные. На первом же совещании по Корее у президента министр ВВС Т. Финлеттер рекомендовал наделить генерала Д. Макартура (главнокомандующий союзными оккупационными войсками в Японии) полномочиями действовать за рамками простого обеспечения эвакуации американских граждан с территории полуострова³⁴.

Потенциальную угрозу операциям США в Корее представляли дислоцированные на Дальнем Востоке советские вооружённые силы, в особенности части ВВС и ВМФ. Наличие баз в Приморье и в Китае делало возможным применение в Корее советской авиации. 25 июня в Вашингтоне обсудили потенциальную возможность нейтрализовать точки базирования советских ВВС в регионе. По мнению начальника штаба военно-воздушных сил США генерала Х. Ванденберга, быстро эту задачу можно было решить только с помощью атомного оружия. По итогам совещания Трумэн поручил командованию ВВС подготовить планы уничтожения советских военно-воздушных баз в Восточной Азии³⁵.

Американцы увязывали с корейским кризисом проблему Тайваня. Генерал Макартур сравнивал остров с непотопляемым авианосцем, который, оказавшись под контролем китайских коммунистов, идеально впишется в советскую наступательную стратегию³⁶. Сразу после начала войны президент Южной Кореи Ли Сын Ман обратился к Вашингтону с просьбой защитить остров от вторжения с континента, чтобы «какое-то время ... видеть китайских коммунистов занятыми»³⁷.

На заседании Совета по национальной безопасности Дж. Кеннан обратил внимание, что нота от 29 июня опровергала прямое участие Москвы в корейских событиях, но стремление СССР столкнуться США со своими сателлитами остаётся неизменным. Он охарактеризовал реакцию китайских коммунистов на

³¹ International organizations division weekly summary no. 26 for week ending 4 July 1950 // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room. General CIA records. [Электронный документ]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-01617a004900010090-8>. P. 3-4. (Дата обращения: 05.07.2018)

³² FRUS. 1950. Vol. VII. P. 297.

³³ Ibid. P. 317.

³⁴ Ibid. P. 159-160.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 162.

³⁷ Ibid. P. 131

американские меры как враждебную и провокационную, тем самым подтверждая свою намерение напасть на Тайвань³⁸.

Инициатором мер на тайваньском направлении стал Ачесон, 25 июня предложивший ввести седьмой флот США в Тайваньский пролив для защиты острова. Одновременно должны были прекратиться и гомиьдановские операции против континентального Китая. Трумэн поддержал оба предложения. Для американцев стратегическая значимость Тайваня была столь велика, что в начале Корейской войны рассматривался вариант отстранения Чан Кайши от власти и передачи острова во владение Японии (фактически под командование Маккартура). Стоит отметить, что стратегия изолирования корейского конфликта касалась не только Тайваня. По оценкам ЦРУ, возможными направлениями экспансии коммунистов были Гонконг, Макао, Бирма и Индокитай. С точки зрения американской разведки, КНР обладала возможностями одновременно развернуть в этих районах потенциально успешные операции³⁹. В этой связи Ачесон предлагал расширить программу помощи (в том числе и военной) Филиппинам и странам Индокитая⁴⁰.

Меры США в первые дни корейского кризиса были направлены преимущественно на изоляцию данного театра военных действий от вмешательства извне и нивелирование потенциальных возможностей выхода конфликта за пределы региона.

Тем временем военная ситуация развивалась. Подготовленные в первые часы после начала конфликта публичные заявления о том, что южнокорейская армия сохраняет управляемость и организованно отступает от 38-ой параллели⁴¹ сразу дополнились сообщениями посольства США об острой потребности в поставках боеприпасов из США (имевшийся арсенал оценивался как достаточный на 10 дней активных боевых действий)⁴². Критическую важность авторы этих сообщений придавали перехвату у КНА превосходства в воздухе, что было невозможно без непосредственного участия ВВС США в конфликте⁴³. К 27 июня оптимизм посольства почти иссяк, и перспективы повышения боеспособности южнокорейской армии увязывались уже исключительно с эффективностью американской материальной и воздушной поддержки⁴⁴. Анализируя ситуацию, советник госсекретаря Дж. Даллес в те дни писал, что в том случае, если южнокорейцы не смогут сдержать атаку с севера, в бой придётся ввести американские войска⁴⁵.

³⁸ Ibid. Vol. I. P. 327.

³⁹ The The Korean Situation: Soviet Intentions and Capabilities // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room. U.S. intelligence and China: collection, analysis, and covert action. [Электронный документ] URL:https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0001117598.pdf. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁴⁰ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 158; 180.

⁴¹ Ibid. P. 129; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 38.

⁴² FRUS. 1950. Vol. VII. P. 129; 149.

⁴³ Ibid. P. 133

⁴⁴ Ibid. P. 211

⁴⁵ Truman H. Memoirs By Harry S. Truman. Volume Two Years Of Trial And Hope. N.Y., 1956. P. 336.

Первые меры помощи южным корейцам были приняты уже 25 июня. С одобрения президента Трумэна генерал Макартур организовал поставку на полуостров военного снаряжения, боеприпасов и вооружения (в первую очередь противотанковых средств – корейцы ранее обращали внимание США на недостаточную эффективность имевшихся в наличии 57-мм противотанковых пушек М1⁴⁶). В Японии были подготовлены к отправке истребители F-51, ожидалось прибытие корейских лётчиков, которые бы перелетели на них в Корею⁴⁷.

Активную деятельность вдоль линии фронта развернули ЦРУ и подразделения армии США, занимавшиеся ведением психологической войны – распространением листовок, пропагандистским радиовещанием, трансляцией через громкоговорители. Такие меры доказали свою эффективность в ходе боевых действий на Тихом океане в годы Второй мировой войны⁴⁸. Для повышения эффективности своей работы пропагандистам потребовалась помощь специалистов по Корее из Госдепартамента⁴⁹.

Отдельной проблемой стало положение сотрудников американской миссии в Корее и членов их семей. Первоначально Маччио предлагал собрать в посольстве всех американских служащих, дипломатических и военных, и после того как КНА займёт Сеул потребовать для них дипломатического иммунитета. Но большинство дипломатов и военных советников отвергли эту идею. В отсутствие указаний из Вашингтона началась эвакуация жён и детей сотрудников посольства, а также части служащих-женщин [28, p. 121]. 26 июня Ачесон телеграфировал в посольство, что Госдепартамент ценит готовность Маччио и его подчинённых остаться в Сеуле, однако не считает целесообразным, чтобы граждане США добровольно стали заложниками, а потому предлагает эвакуироваться на юг, пока сохраняется такая возможность⁵⁰. Большинство американцев направились в Японию утром 26 июня по местному времени⁵¹.

С санкции президента безопасность эвакуации обеспечивали ВВС США. Лётчики имели разрешение при необходимости открывать огонь на поражение⁵². 26 июня Вашингтон получил сообщение о первом сбитом истребителе ВВС КНДР. В тот же день по инициативе Ачесона на совещании у президента было принято решение оказать южнокорейской армии полномасштабную поддержку с воздуха к югу от 38-ой параллели, дабы дать Югу возможность перегруппировать силы⁵³.

⁴⁶ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 142.

⁴⁷ Ibid. P. 158.

⁴⁸ Psychological Warfare in Korea // The Public Opinion Quarterly. 1951. Vol. 15, No. 1. P. 65-66.

⁴⁹ Informal minutes of meeting of, interdepartmental foreign information organization, and consultants. June 28, 1950 // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room. General CIA Records. [Электронный документ]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-01065a000500120013-6>. P. 1. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁵⁰ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 178.

⁵¹ Ibid. P. 154.

⁵² Ibid. P. 160.

⁵³ Ibid. P. 179.

Остро встал вопрос о задачах, которые после начала боевых действий должны выполнять члены группы американских военных советников. Довоенные инструкции не содержали конкретных указаний на этот счёт. Рассматривались альтернативные варианты: участие в боях либо роль консультантов. Допускалась вероятность полной эвакуации группы с территории полуострова. Начальник штаба группы полковник У. Райт, на момент начала боевых действий находившийся в отпуске в Токио, распорядился начать приготовления к отступлению на юг [28, р. 121–122]. Однако вслед за принятием решения об оказании помощи Республике Корея американским военным советникам на полуострове было дано указание тесно взаимодействовать с корейской армией, по крайней мере до тех пор, пока ситуация на полуострове не станет безнадёжной⁵⁴.

Как отмечает Б. Камингс, принятые 25-26 июня по инициативе Ачесона меры предопределили участие сухопутных войск США в войне [19, р. 11]. Они были легитимизированы американцами через Совет Безопасности *post factum*: 27 июня 1950 г. представитель США внёс на рассмотрение Совбеза проект резолюции о дальнейших действиях Объединённых Наций в Корею в связи с тем, что, как сообщало посольство США в Москве, КНДР не собирается подчиняться требованиям резолюции № 82 и прекращать свою агрессию в отношении Юга⁵⁵. Новый документ Совета Безопасности должен был констатировать этот статус и определить полномочия членов ООН по вмешательству в конфликт. На заседании Совбеза эту позицию подкрепляли доклады Комиссии ООН по Корею, которая, основываясь на данных наблюдения за ситуацией на 38-ой параллели, характеризовала северокорейское вторжение как хорошо спланированную полномасштабную операцию, а размещение южнокорейской армии перед 25 июня как сугубо оборонительное⁵⁶.

Новая резолюция Совбеза была принята 27 июня семью голосами против одного (Югославия) и целиком основывалась на американском проекте, к которому даже не было предложено поправок. Представители Египта и Индии при голосовании воздержались, а советский представитель продолжал бойкот. В документе повторялся призыв к КНДР отвести войска за 38-ю параллель, а странам-членам ООН рекомендовалось предоставить Республике Корея «ту помощь, которая может оказаться необходимой для восстановления мира»⁵⁷. Как отмечали аналитики ЦРУ, принятием этой резолюции ООН впервые продемонстрировала свою способность принимать быстрые и решительные меры по обеспечению мира и безопасности без участия СССР⁵⁸.

⁵⁴ Ibid. P. 156.

⁵⁵ Ibid. P. 199.

⁵⁶ United States policy in the Korean war. Wash., 1950. P. 21-22.

⁵⁷ S/RES/83 (1950) 27 июня. Протест против агрессии, которой подверглась Корейская Республика. [Электронный документ]. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1950.shtml>. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁵⁸ International organizations division weekly summary no. 25 for the week ending 27 June 1950 the international week // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room. General CIA Records. [Электронный документ]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79-01090a000100030003-5>. P. 1. (Дата обращения: 05.07.2018)

Эта резолюция представила США и их союзникам законное основание для помощи режиму Ли Сын Мана. В тот же день в своём обращении к нации президент Трумэн сообщил, что в ответ на призыв Совета Безопасности ООН он отдал приказ ВВС и ВМФ США оказать поддержку южнокорейским войскам. Он объявил также о решении обеспечить безопасность Тайваня силами американского седьмого флота и оказать военную помощь Филиппинам и французским властям в Индокитае⁵⁹. Как отмечает Ю.В. Ванин, это заявление раскрывало не планы, а то, что уже было сделано американцами на корейском направлении [3, с. 94–95]. В Конгрессе обращение было встречено аплодисментами⁶⁰. Однако в США существовало и иное мнение. В частности, сенатор Р. Тафт выпустил заявление, в котором характеризовал принятые меры как «узурпацию президентом права применять вооружённые силы»⁶¹, поскольку действия президента *de facto* означали войну с правительством Северной Кореи, войну без консультации с Конгрессом и без одобрения Конгресса. Трумэну пришлось разъяснить, что США не находятся в состоянии войны, а предпринятые действия представляют ответ на нападение КНДР⁶².

Ситуация на фронте между тем стремительно менялась. 29 июня генерал Дж. Чёрч, направленный в Корею Макартуром, сообщил, что *status quo* на полуострове не может быть восстановлен без вмешательства американских войск⁶³. 30 июня в сводке ЦРУ о положении дел в Корее сообщалось: «Южнокорейские войска деморализованы и отступают по малейшему поводу. Они не желают сражаться и военная полиция насильно возвращает их на фронт»⁶⁴. Маччио дополнил эту картину известием о том, что южнокорейское правительство находится в состоянии, близком к панике⁶⁵.

В тот же день Макартур прибыл в Корею. В отчёте по итогам своей поездки генерал раскритиковал уровень боеготовности и оснащённости южнокорейской армии, охарактеризовав её как предназначенную для подавления внутренних беспорядков и неготовую к ведению противотанковой и противовоздушной обороны. Отдельно досталось её командованию, которое не удалось ни подготовить оборонительные позиции в глубине, ни организовать линии снабжения, ни уничтожить запасы, чтобы они не попали в руки противника. Дальнейшее продвижение КНА на юг несло смертельную опасность для южно-

⁵⁹ Truman H. Statement by the President on the Situation in Korea. June 27, 1950 // The American Presidency Project. [Электронный документ]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=13538>. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 167.

⁶¹ The papers of Robert A Taft. Vol. IV. 1949-1953. Kent, 1997. P. 169; Taylor J. Politics on a Human Scale: The American Tradition of Decentralism. N.Y., 2013. P. 218; «Capitol Report» No. 60, Featuring Senator Robert F. [Электронный документ]. Taft. June 29, 1950 // Primary sources. Workshop in American history. URL: <https://www.learner.org/workshops/primarysources/coldwar/docs/taft.html>. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1268. Л. 158, 170.

⁶³ Acheson D. Op. cit. P. 411.

⁶⁴ Korean military situation at 12:00 noon on 30 June 1950 // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room. General CIA Records. [Электронный документ]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00457r005200130005-9>. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁶⁵ Korean War CIA FOIA Release. Daily Intelligence Reports. 30.06.1950. [Электронный документ]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/DailyReports/1950-06-30b.pdf>. (Дата обращения: 05.07.2018)

корейского режима. Макартур считал единственным способом спасти положение задействовать в Корее сухопутные войска США⁶⁶. Характерно, что до поездки на полуостров американский генерал в приватном общении писал, что любой выступающий за схватку с коммунистами в материковой Азии «должен обратиться к психиатру» [11, с. 85].

Спустя сутки после получения этого отчёта, консультаций с сотрудниками своей администрации и членами Конгресса президент Трумэн принял решение удовлетворить запрос Макарута об использовании в Корее наземных сил⁶⁷. Американская авиация получила разрешение атаковать цели к северу от 38-ой параллели⁶⁸, а флоту был дан приказ организовать блокаду всего корейского побережья⁶⁹, которая распространялась и на советские суда. В сообщениях о блокаде американцы предупреждали, что будут топить любые подводные лодки, представляющие угрозу флоту ООН⁷⁰. В советском ответе на ноту о блокаде было заявлено о её незаконности, несовместимости с принципами ООН, причём ответственность за ущерб интересам СССР в связи с блокадой Кореи возлагалась на США⁷¹.

Принятые Вашингтоном меры тактического и стратегического характера были призваны стабилизировать положение в Корее. Однако изоляции театра военных действий и помощи южнокорейской армии оказалось недостаточно для того, чтобы гарантировать решение корейского кризиса в выгодном Вашингтону ключе. Поэтому американцы продолжили избранный в конце 1947 г. после провала диалога с СССР курс на интернационализацию корейского вопроса, сразу после начала конфликта приступив к созданию международной коалиции под эгидой ООН. Как отмечал в своих мемуарах Ачесон, в Вашингтоне понимали, что только американская интервенция может остановить продвижение коммунистов. Войска других стран не были необходимы с военной точки зрения, но могли оказаться полезными политически и психологически⁷². Самим фактом присоединения к международной коалиции её участники подписывались и под большинством принимаемых США решений.

Важным инструментом американской политики конструирования международной коалиции стали двусторонние контакты американских дипломатов на уровне послов и представителей в ООН. Как и ожидалось, проамериканская позиция стала доминировать в ООН с самого начала. В частных беседах с американским послом премьер-министр Франции Ж. Бидо сравнивал политику СССР в Корее с тактикой Гитлера в 1938-1939 гг., а генеральный секретарь фран-

⁶⁶ Encyclopedia of the Korean War: A Political, Social, and Military History. Vol. III. Santa-Barbara, 2002. P. 872-873.

⁶⁷ Первое значимое сражение между войсками США и КНДР, битва за Осан, состоялась 5-6 июня 1950 г. и закончилась победой КНА.

⁶⁸ К тому времени ВВС США уже наносили удары по аэродромам в районе Пхеньяна.

⁶⁹ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 257.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1269. Л. 45.

⁷¹ Там же. Л. 154.

⁷² Acheson D. Op. cit. P. 405.

цузского МИД А. Пароди выражал надежду на то, что американцы не бросят Корею и направят туда свои войска⁷³. Особую позицию заняла Великобритания, направив свои военные подразделения в распоряжение американцев практически сразу после принятия резолюции от 27 июня⁷⁴. Премьер-министр К. Эттли, выступая перед Палатой общин 6 июля 1950 г., заявил: «Я думаю, весь мир обязан правительству США за его быстрые действия, и правительство Его Величества решило столь же быстро поддержать его действия»⁷⁵. Поддержав действия Вашингтона, британский МИД одновременно рекомендовал сохранить Москве путь к отступлению⁷⁶.

Позиция Нидерландов заключалась в том, что США не должны допустить падения Южной Кореи под натиском коммунистов, поскольку это имело бы катастрофические последствия для Азии в целом и Юго-Восточной Азии в особенности⁷⁷. Представитель Австралии в ООН в разговоре с американским коллегой допускал возможность участия своей страны в силовом урегулировании корейского кризиса⁷⁸.

Максимальную готовность к участию коалиции проявили власти Китайской республики, предложив направить в Корею экспедиционный корпус численностью около 33 тыс. чел., оснащённый лучшим на Тайване вооружением⁷⁹. Первоначально Трумэн был склонен принять это предложение⁸⁰, однако его остановил Ачесон, опасавшийся, что такой шаг может спровоцировать интервенцию КНР в Корею или на Тайвань, к тому же гоминдановские войска не будут эффективны против корейской бронетехники⁸¹. Не желая ставить Тайвань под угрозу вторжения коммунистов⁸², американцы ограничились выражением благодарности за предложение⁸³.

Отдельно стоит упомянуть о роли Генерального секретаря ООН Т. Ли. Он считал, что победа северокорейской агрессии станет концом для всей Организации Объединённых Наций, которая повторит судьбу Лиги Наций⁸⁴. С точки зрения американцев, своей твёрдой поддержкой действий ООН Ли полностью развеял имевшиеся у Вашингтона подозрения в своей просоветской ориентации⁸⁵.

На этом фоне документальное оформление интернационализации корейского конфликта заняло чуть больше недели, пока делегации стран-членов Совбеза получали инструкции от своих правительств⁸⁶.

⁷³ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 175-176.

⁷⁴ Acheson D. Op. cit. P. 416

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1270. Л. 46.

⁷⁶ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 187.

⁷⁷ Ibid. P. 185.

⁷⁸ Ibid. P. 190.

⁷⁹ Ibid. P. 262-263.

⁸⁰ Truman H. Memoirs. P. 342.

⁸¹ Acheson D. Op. cit. P. 412.

⁸² FRUS. 1950. Vol. VII. P. 285.

⁸³ Ibid. P. 277.

⁸⁴ United Nations Oral History Project. Ernest Gross. P. 4.

⁸⁵ International organizations division weekly summary no. 26 for week ending 4 July 1950. P. 2.

⁸⁶ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 292.

Первый вариант резолюции Совбеза 3 июля подготовил заместитель начальника отдела ООН Государственного департамента Д. Вайнхаус. Предлагалось объединить присланные в помощь Южной Корее контингенты стран-членов ООН под единым (американским) командованием и создать при Совбезе специальный комитет, который бы принимал предложения помощи южнокорейцам и давал рекомендации Совбезу по вопросам практической реализации его резолюций⁸⁷.

На вопросе о роли комитета следует остановиться подробнее. В изначальном проекте она сводилась к формальной видимости существования органа коллегиального контроля над оказанием помощи Корее, а реальные функции ограничивались регистрацией предложений помощи и информированием заинтересованных сторон.

Дабы повысить вероятность беспрепятственного утверждения проекта, советник делегации США в ООН по вопросам работы Совета Безопасности Ч. Нойес предложил расширить полномочия комитета. Комитет должен был заниматься координацией действий по оказанию помощи и разработкой рекомендаций по экономической поддержке южнокорейского режима. Также на временной основе к работе комитета предлагалось привлечь представителей оказывающих помощь Корее государств (для обсуждения вопросов, затрагивающих их интересы), а также самих южных корейцев⁸⁸. Такие предложения должны были убедить членов Совбеза в целесообразности создания комитета, а также повысить уровень их участия в корейских делах. При этом комитет не получал полномочий на принятие стратегических решений - они полностью отдавались на откуп американскому командованию.

Свои замечания к проекту предложил Т. Ли, рекомендовавший включить в состав комитета представителей США, Великобритании, Франции, Индии и Норвегии, а также вызвавшийся докладывать от имени данного органа⁸⁹.

Ачесон считал нежелательным вводить какие бы то ни было ограничения полномочий США в Корее. С его точки зрения, создание комитета могло быть целесообразным только в том случае, если бы пришлось блокировать принятие нежелательных поправок к тексту резолюции⁹⁰. Следуя рекомендациям госсекретаря, представитель США в ООН У. Остин сумел заручиться поддержкой Великобритании и Франции⁹¹, и пункт о создании комитета в окончательный вариант документа не попал.

Опять же по предложению сотрудников американской миссии в ООН в проект резолюции был включён пункт, по которому объединённое командование в Корее наделялось правом использовать флаг Организации Объединённых Наций⁹².

⁸⁷ Ibid. P. 291.

⁸⁸ Ibid. Pp. 293-294.

⁸⁹ Ibid. P. 300.

⁹⁰ Ibid. P. 299.

⁹¹ Ibid. Pp. 306-307.

⁹² Ibid. Pp. 293-294.

Разрабатывая резолюцию, американцы проводили согласования с союзниками и одновременно стремились нейтрализовать любую оппозицию своим действиям в Совете Безопасности. Повод для беспокойства вызывало поведение делегаций Югославии, Египта и Индии, которые 25–27 июня не проголосовали за американские проекты резолюций. Признавая право членов ООН на свободное голосование по любому вопросу, американцы считали, что отсутствие единодушия в Совбезе снижает эффективность предпринимаемых мер и действия этих государств не следует оставлять без внимания⁹³.

В этой связи после голосования по резолюции № 82 26 июня 1950 г. посол Югославии В. Попович был вызван для разъяснений в Государственный департамент. Югославский дипломат сослался на то, что КНДР, в отличие от Республики Корея, была официально признана его страной, а о положении на полуострове не хватает информации. Послу указали, что с точки зрения США создание прецедента принятия Советом Безопасности эффективных мер противодействия внешней агрессии против независимых государств отвечает интересам Югославии, и американцы надеются, что следующая резолюция по корейскому вопросу будет принята Совбезом единогласно⁹⁴. В диалоге с югославами Вашингтон быстро перешёл к косвенным угрозам: в тот же день американский посол А. Беблер довёл до сведения югославского руководства, что США могут разочароваться в политике Белграда из-за его нежелания сотрудничать по корейскому вопросу, и остаётся лишь надеяться, что Югославия не пожалеет о занятой ей позиции⁹⁵. ЦРУ располагало сведениями о передислокации советских войск в направлении югославской границы, хотя масштаб передислокации считался недостаточным для начала военной операции⁹⁶. В ходе обсуждения корейского вопроса в СНБ именно Югославия рассматривалась в качестве страны, по которой с наибольшей вероятностью СССР нанесёт следующий удар, поскольку на Балканах Москва могла воспользоваться помощью Болгарии, то есть, как и в Корею, действовать не своими руками⁹⁷.

Судя по всему, подобные опасения разделяли и сами югославы. Председатель правительства И. Броз Тито лично встретился с американским послом, чтобы разъяснить позицию Югославии по корейскому вопросу. Он заявил о солидарности с остальными членами ООН в осуждении агрессии КНДР и объяснил действия представителя Югославии в Совбезе стремлением продемонстрировать независимость своей страны от великих держав. Позиция СФРЮ не мешала принятию Совбезом нужных решений, однако позволяла избежать обвинений в том, что Югославия стала инструментом агрессии западных держав против социалистических стран в случае, если Москва решит предпринять про-

⁹³ Ibid. P. 270.

⁹⁴ Ibid. P. 178.

⁹⁵ Ibid. P. 184.

⁹⁶ Korean War CIA FOIA Release. Daily Intelligence Reports. 27.06.1950. [Электронный документ]. URL:<http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/DailyReports/1950-06-27a.pdf>. P. 2. (Дата обращения: 05.07.2018)

⁹⁷ FRUS. 1950. Vol. I. P. 326.

тив неё агрессивные действия. Американцев эти объяснения вполне удовлетворили⁹⁸. Открытых заявлений о поддержке Белградом действий США в Корее в Вашингтоне решили не требовать⁹⁹. Но инициативу проявили сами югославы, выпустив в начале июля официальный пресс-релиз в поддержку действий ООН в Корее¹⁰⁰.

Позицию Египта, воздержавшегося при голосовании по корейским резолюциям, американцы связывали с палестинским вопросом, отсутствием поддержки США при голосовании в ООН по важным для египтян темам, а также с нежеланием давать повод для отсрочки эвакуации с египетской территории британских войск и для критики в свой адрес со стороны других арабских государств¹⁰¹. Американцы считали, что позиция Египта в Совбезе будет спроецирована на все остальные арабские государства¹⁰², а в Москве она была воспринята как нежелание уступать давлению США¹⁰³. Американцы отказались от мысли усилить давление из опасения, что в ответ Египет только ужесточит свою позицию. Но они использовали влияние занявшего проамериканскую позицию Пакистана для того, чтобы привлечь на свою сторону исламские государства-члены ООН¹⁰⁴. Представитель Пакистана в ООН охарактеризовал действия Египта как «глупые и нелогичные». Министры иностранных дел Сирии и Ливана, будучи в Вашингтоне, в частном порядке также осудили позицию египтян¹⁰⁵.

Делегация Индии с самого начала заняла независимую позицию по корейскому вопросу. Индийцы стремились играть роль посредника между СССР и США и способствовать урегулированию конфликта [11, с. 96–97]¹⁰⁶. Индийская пресса помещала критические материалы о действиях обеих сторон конфликта, который оценивался как внутреннее дело Кореи¹⁰⁷. Официальный Нью-Дели поддержал усилия США по пресечению агрессии КНДР, но выступил резко против выхода конфликта за пределы полуострова, увязывания корейской проблематики с проблемами Тайваня и Индокитая, участия в боевых действиях войск гоминдановского Китая¹⁰⁸. Всё это обусловило позицию Индии при голосовании 25 и 27 июня. Индия планировала воздержаться и при голосовании по готовящейся резолюции Совбеза, однако накануне генеральный секретарь министерства иностранных дел Дж. Баджпай уверил американского посла в том, что Индия полностью поддерживает действия ООН, но не желает голосовать,

⁹⁸ Ibid. Vol. VII. P. 216.

⁹⁹ Ibid. P. 280; Korean War CIA FOIA Release. Daily Intelligence Reports. 29.06.1950. [Электронный документ]. URL:<http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/DailyReports/1950-06-29.pdf>. P. 1-2. (Дата обращения: 05.07.2018)

¹⁰⁰ International organizations division weekly summary no. 26 for week ending 4 July 1950. P. 2.

¹⁰¹ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 233.

¹⁰² Ibid. P. 270.

¹⁰³ Ibid. P. 222.

¹⁰⁴ Ibid. P. 274-275.

¹⁰⁵ International organizations division weekly summary no. 26 for week ending 4 July 1950. P. 2.

¹⁰⁶ См. также: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1269. Л. 20.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1267. Л. 121.

¹⁰⁸ FRUS. 1950. Vol. VII. P. 231, 275.

поскольку не отправляет свои войска на Корейский полуостров¹⁰⁹. Американцы высоко ценили поддержку действий ООН в Корее Индией, поскольку она была крупнейшим некоммунистическим государством Азии и её позиция подрывала тезис советской пропаганды о том, что ООН служит интересам западных империалистов¹¹⁰.

Итогом усилий американцев стала резолюция Совета Безопасности ООН № 84 от 7 июля 1950 г., в которой членам ООН, готовым предоставить помощь Южной Корее, была высказана рекомендация «направить её в распоряжение объединенного командования, назначенного Соединёнными Штатами Америки» и получавшего право по своему усмотрению использовать флаг ООН. Семь членов Совбеза проголосовали за американский проект резолюции, воздержались представители Египта, Индии и Югославии¹¹¹. 8 июля 1950 г. Трумэн официально назначил генерала Макартура командующим войсками ООН в Корее. Как отмечали аналитики ЦРУ, благодаря дипломатическим усилиям действия США в Корее стали не односторонней военной интервенцией, а коллективным международным действием по поддержанию закона и порядка¹¹².

Уникальной вехой в истории назвал вмешательство коалиции под эгидой ООН на стороне одного из участников военных действий историк М. Гастингс, подчеркнув, что оно стало возможным в условиях советского бойкота заседаний Совбеза ООН [22, р. 55–56]. Как бы то ни было, резолюции Совета Безопасности служили для американцев всего лишь удобным инструментом легитимизации своего вмешательства. История локальных конфликтов XX– начала XXI в. показала, что американцы способны организовывать военные интервенции, пользуясь любыми, в том числе откровенно слабыми предложениями.

Реакция Вашингтона на ситуацию в Корее иллюстрирует и другую важную черту внешней политики США, сохраняющую актуальность по сей день – отказ от любых сделок с нарушителями установленного США миропорядка даже в первоначально неблагоприятных военных и политических условиях. В своих мемуарах Трумэн вспоминал, что американская администрация не рассматривала возможность отступления из Кореи. Корейский кризис преподносился Вашингтоном как логичное продолжение усилий по созданию системы международной безопасности после завершения Второй мировой войны. Американцы предприняли все действия, которые сочли необходимыми для того, чтобы направить события по нужному сценарию¹¹³. Как указывал Ачесон в одобренном президентом ответе на англо-индийские мирные инициативы, Вашингтон не отказывается от переговоров о перемирии, но согласен на диалог только после прекращения агрессии и восстановления status quo. Затем, в отсутствие внеш-

¹⁰⁹ Ibid. P. 324.

¹¹⁰ International organizations division weekly summary no. 26 for week ending 4 July 1950. P. 2.

¹¹¹ S/RES/84 (1950). 7 июля. Протест против агрессии, которой подверглась Корейская Республика. [Электронный документ]. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1950.shtml>. (Дата обращения: 05.07.2018)

¹¹² International organizations division weekly summary no. 26 for week ending 4 July 1950. P. 3.

¹¹³ Truman H. Memoirs. P. 334.

него принуждения или шантажа, могло начаться обсуждение спорных вопросов¹¹⁴. Это заявление было сделано в первые дни конфликта на фоне катастрофических поражений южнокорейской армии.

В первые дни Корейской войны наряду с легитимизацией своего вмешательства американская дипломатия способствовала локализации конфликта, изолированию театра военных действий, нейтрализации политических оппонентов на международной арене, занималась поиском партнёров и союзников для формирования международной коалиции, а также координировала оказание помощи пострадавшему сателлиту – Республике Корея. Все эти функции выполняются Госдепартаментом и разведывательными органами США при обеспечении вооружённых вмешательств в конфликты в различных регионах мира и сегодня. Корейский сценарий кризисного реагирования американской дипломатии – это урок истории, который, безусловно, необходимо учитывать при анализе современных и будущих военных интервенций Соединённых Штатов.

Список литературы:

1. Асмолов К.В. Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 131-158.
2. Ванин Ю. В. История Кореи. Избранные статьи. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 828 с.
3. Ванин Ю. В. Корейская война и ООН. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. 286 с.
4. Володин Д. Роль Кореи в политике США (1945-1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 125-133.
5. Воронцов А.В., Шэн Жихуа. Белые пятна в истории корейской войны // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 28-32.
6. Гайдук И.В. В лабиринтах Холодной войны - СССР и США в ООН 1945-1965 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 340 с.
7. Ледовский А.М. Из Архива Президента РФ. Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950-1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. №56. С. 78-113.
8. Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005. 544 с.
9. Самохин А. А. Военное вмешательство как фактор международных отношений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4 (167). С. 46-50.
10. Славинский Б.Н. Корейская война 1950–1953 гг.: современное переосмысление // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 80-90.
11. Стьюк У. Корейская война. М.: АСТ, 2002. 732 с.
12. Толорая Г.Д. Россия и проблемы корейского полуострова на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 82–91.
13. Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 541 с.
14. Торкунов А.В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: Новый взгляд. М.: Анкил, 1995. 255 с.
15. Хо Чжон Хо, Кан Сок Хи, Пак Тхэ Хо. Империалисты США развязали войну в Корею. Пхеньян, Издательство литературы на иностранных языках, 1978. 296 с.
16. Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис, методы дестабилизации «неудобных» государств и провоцирование «управляемого хаоса» // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3(42). С. 43–50.
17. Юнгблюд В. Т. Джордж Ф. Кеннан об устойчивых факторах советской внешней политики (1931-1941 гг.) // Россия и Америка в XXI в. 2007. № 1. С. 10.

¹¹⁴ Acheson D. Op. cit. P. 418.

18. Юнгблюд В. Т. «Длинная телеграмма» Дж. Ф. Кеннана и изменение внешнеполитического курса США в 1946 г. // Международный отношения в XX в. Выпуск 2. Киров, 2009. С. 165–184.
19. Cumings B. Korean war. A history. N.Y., Modern Library Chronicles, 2011. 320 p.
20. Cumings B. The Origins of the Korean war. In 2 vols. Princeton University Press, 1981. 608 p.
21. Dingman R. Atomic Diplomacy during the Korean War // International Security. 1988-1989. Vol. 13. No. 3. Pp. 50–91.
22. Hastings M. The Korean war. N.Y.: Simon & Schuster, 1988. 389 p.
23. Hong Kyu Park. American-Korean relations 1945-1953: A Study in United States Diplomacy. Ph. D. Dissertation. Denton, North Texas State University, 1981. 582 p.
24. Ki-baik Lee, Ki-baek Yi. A New History of Korea. London, Cambridge University Press, 1984. 518 p.
25. Matray J. Dean Acheson's Press Club Speech Reexamined // The Journal of Conflict Studies. 2002. Vol. 22. № 1. Pp. 28–55.
26. Matray J. Test Case of Containment // Child of the Conflict. The Korean-American Relationship 1943–1953. Seattle, University of Washington Press, 1983. Pp. 101-138.
27. Matray J. The Reluctant Crusade: American Foreign Policy in Korea, 1941–1950. Honolulu, Univ. of Hawaii Press, 1985. 368 p.
28. Sawyer R. Military advisors in Korea: KMAG in Peace and War. Washington, Center of Military history, 1962. 216 p.
29. Weathersby K. The Korean War Revisited // The Wilson Quarterly. 1999. Vol. 23. No. 3. Pp. 91-95.

Об авторах:

Валерий Теодорович Юнгблюд – д.и.н., профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru.

Денис Андреевич Садаков – к.и.н., ассистент кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: rstk2005@gmail.com.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ № 17-01-00330.

DIPLOMATIC SUPPORT OF US INVOLVMENT IN THE KOREAN WAR JUNE 25 – JULY 6 1950: CRISIS RESPONSE EXPERIENCE

V. Yungblud, D. Sadakov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261

Vyatka State University

The article is about the history of US involvement in the Korean War (1950–1953) in the middle of summer 1950. This problem is considered as a prototype of Washington's general approach to the organization of diplomatic support for its intervention in local conflicts. Research is based on published and unpublished documents of the diplomatic departments of the USSR and the USA, declassified CIA materials and memoirs of direct participants of the events.

A convenient instrument for legitimizing US interference in the conflict was the UN Security Council. Washington's actions were justified by its resolutions adopted thanks to a boycott of the UN SC by the Soviet representative. At the same time, the history of local conflicts of the 20th and 21st centuries show that the US can use other rather weak excuses for military interventions.

Along with legitimization of intervention, in the early days of the Korean War, American diplomacy worked on localization of the conflict, isolation of the theater of war, formed an UN based international coalition to participate in war, neutralized Washington's political opponents in the international arena, and coordinated assistance to Republic of Korea. The US State Department and intelligence agencies usually perform these functions in support of armed interventions in conflicts in various regions of the world today.

The content of Washington's reaction to the situation in Korea illustrates another important feature of US foreign policy, which still remains relevant today – the rejection of any deals with violators of the US-established world order, even in the initially unfavorable military and political conditions. Washington did not refuse to negotiate a truce, but even in the conditions of catastrophic defeats of the South Korean army, a peace dialogue could be started only after the restoration of the status quo.

Key words: USA, Korean War, Local Conflict, UN, USSR, PRC, Truman, Acheson, Kennan.

References

1. Asmolv K.V. Ob «otvetstvennosti vneshnikh sil» za nachalo Koreiskoi voiny [On the “responsibility of external forces” for the outbreak of the Korean War]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2010, no. 3, pp. 131-158. (In Russian).
2. Vanin Iu. V. *Istoriia Korei. Izbrannye stat'i* [History of Korea. Selected papers]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2016. 828 p. (In Russian).
3. Vanin Iu. V. *Koreiskaia voina i OON* [Korean war and UN]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2006. 286 p. (In Russian).
4. Volodin D. Rol' Korei v politike SShA (1945-1953 gg.) [Korea's role in US policy]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2003, no. 6, pp. 125-133. (In Russian).
5. Vorontsov A.V., Shen Zhikhua. Belye piatna v istorii koreiskoi voiny [White spots in the history of the Korean War]. *Aziia i Afrika segodnia*, 1997, no. 12, pp. 28-32. (In Russian).
6. Gaiduk I.V. *V labirintakh Kholodnoi voiny – SSSR i SShA v OON 1945-1965 gg.* [In the labyrinths of the Cold War – the USSR and the United States in the UN 1945-1965.]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2012. 340 p. (In Russian).
7. Ledovskii A.M. Iz Arkhiva Prezidenta RF. Stalin, Mao Tszedun i Koreiskaia voina 1950-1953 godov [From the Archive of the President of the Russian Federation. Stalin, Mao Zedong and the Korean War of 1950-1953]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2005, no. 56, pp. 78-113. (In Russian).
8. Popov I. M., Lavrenov S. Ia., Bogdanov V. N. *Koreia v ogne voiny* [Korea in flames of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2005. 544 p. (In Russian).
9. Samokhin A. A. Voennoe vmeshatel'stvo kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii [Military intervention as factor of international relations]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 1: Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia*, 2015, no. 4 (167), pp. 46-50. (In Russian).
10. Slavinskii B.N. Koreiskaia voina 1950–1953 gg.: sovremennoe pereosmyslenie [Korean war 1950–1953. Modern rethinking]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1991, no. 2, pp. 80-90. (In Russian).
11. Stueck W. *The Korean War*, Princeton University Press, 1995. 496 p. (Russ. ed.: Stueck W. *Koreiskaia voina*. Moscow, AST Publ., 2002. 732 p.).
12. Toloraia G. D. Rossiia i problemy koreiskogo poluoostrova na sovremen-

- nom etape [Russia and countries of the Korean peninsula]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014. № 4 (37). Pp. 82–91. (In Russian).
13. Torkunov A. V., Denisov V. I., Li V. F. *Koreiskii poluostrov: metamorfozy poslevoennoi istorii* [Korean peninsula: metamorphoses of postwar history]. Moscow, Olma Media Group Publ., 2008. 541 p. (In Russian).
 14. Torkunov A.V., Ufimtsev E. P. *Koreiskaia problema: Novyi vzgliad* [Korean problem: new look]. Moscow, Ankil Publ., 1995. 255 p. (In Russian).
 15. Jong Ho Ho. *The US imperialists started the Korean war*. Pyongyang, Korea, Foreign Languages Pub., 1993. 250 p. (Russ. ed.: Kho Chzhon Kho, Kan Sok Khi, Pak Tkhe Kho *Imperialisty SShA razviazali voinu v Koree*. Pkhen'ian, 1978. 296 p.).
 16. Khodynskaia-Golenishcheva M. S. *Siriskii krizis, metody destabilizatsii «neugodnykh» gosudarstv i provotsirovanie «upravliaemogo khaosa»* [Syrian crisis in the context of emerging multipolar international order]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2015, no. 3(42), pp. 43–50. (In Russian).
 17. Yungblud V. T. *Dzhordzh F. Kennan ob ustoychivyykh faktorakh sovetskoi vneshnei politiki (1931-1941 gg.)* [George Kennan about stable factors of Soviet foreign policy (1931–1941)]. *Rossia i Amerika v XXI v*, 2007, no. 1, pp. 10. (In Russian).
 18. Yungbud V. T. «Dlinnaia telegramma» Dzh. F. Kennana i izmenenie vneshnepoliticheskogo kursa SShA v 1946 g. [«Long telegram» of G. F. Kennan and changing of US foreign policy course in 1946]. *Mezhdunarodnyi otnosheniia v XX v.*, 2009, iss. 2, pp. 165–184. (In Russian).
 19. Cumings B. *Korean war. A history*. New York, Modern Library Chronicles Publ., 2011. 320 p.
 20. Cumings B. *The Origins of the Korean war* in 2 vols. Princeton University Press Publ., 1981. 608 p.
 21. Dingman R. Atomic Diplomacy during the Korean War. *International Security*. 1988-1989, vol. 13, no. 3, pp. 50–91.
 22. Hastings M. *The Korean war*. New York, Simon & Schuster, 1988. 389 p.
 23. Hong Kyu Park. *American-Korean relations 1945-1953: A Study in United States Diplomacy*. Ph. D. Dissertation. Denton, 1981. 582 p.
 24. Ki-baik Lee, Ki-baek Yi. *A New History of Korea*. London, Cambridge University Press, 1984. 518 p.
 25. Matray J. Dean Acheson's Press Club Speech Reexamined. *The Journal of Conflict Studies*, 2002, vol. 22, no. 1, pp. 28–55.
 26. Matray J. Test Case of Containment. Child of the Conflict. *The Korean-American Relationship 1943–1953*. Seattle, University of Washington Press, 1983. Pp. 101-138.
 27. Matray J. *The Reluctant Crusade: American Foreign Policy in Korea, 1941–1950*. Honolulu, University of Hawaii Press, 1985. 368 p.
 28. Sawyer R. *Military advisors in Korea: KMAG in Peace and War*. Washington, Center of Military history, 1962. 216 p.
 29. Weathersby K. The Korean War Revisited. *The Wilson Quarterly*, 1999, vol. 23, no. 3, pp. 91-95.

About the authors:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str, 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: yungblud@vyatsu.ru.

Denis A. Sadakov – PhD in Historical Sciences, Assistant of the Department of General History and Political Sciences of Vyatka State University. Moskovskaya str, 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: rstk2005@gmail.com.

The article is written with the financial support of Russian Humanitarian Science Foundation, project № 17-01-00330.

РОССИЯ И США: ДОЛГОСРОЧНАЯ КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ?

А.Р. Борисова

НИИ мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Рецензия на коллективную монографию *Russia and the United States in the evolving world order* под редакцией А.В. Торкунова, Н. Нунан, Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет, 2018. 414 с.

«Россия и США в формирующемся миропорядке» – само по себе название этого англоязычного труда заставляет читателя с первой минуты задумываться о дискуссии, ведущейся в экспертной среде относительно «нового», «трансформирующегося», «эволюционирующего» миропорядка, и даже, как пишут некоторые исследователи, «беспорядка». Авторы пытаются ответить, пожалуй, на самый главный вопрос современных международных отношений – каким станет мир в ближайшие десятилетия. По чьим правилам придётся играть странам после того, как США потеряют возможность осуществлять политику, построенную на принципах однополярности? Случится ли вообще этот «отход», или Вашингтон продолжит борьбу за мировую гегемонию? В каких отношениях он будет состоять со своим главным экономическим и стратегическим конкурентом – Китаем, и какое воздействие последний окажет на весь Азиатско-Тихоокеанский регион? Где место России в этой трансформирующейся расстановке сил, и как сделать наше положение наиболее выгодным, задать правильный вектор развития, как внутри страны, так и в её отношениях с партнёрами?

Ключевые слова: российско-американские отношения, мировой порядок, региональная безопасность, ядерная безопасность, космические исследования, энергетическая безопасность АТР, Китай, Крым, постсоветское пространство.

Книга состоит из 11 глав, написанных коллективом выдающихся российских и американских экспертов, и демонстрирует грани развития научной школы МГИМО разных поколений, а также позволяет при анализе острых политических тем сравнить точки зрения отечественных и западных учёных.

Поступила в редакцию 25.06.2018 г.

Принята к публикации 03.08.2018 г.

Так, в первой и второй главах читатель знакомится с эволюцией российско-американских отношений новейшего времени. Текст позволяет составить собственное представление о том, как любят говорить – американские коллеги, «как мы здесь оказались»¹. В первой главе её автор – известный российский политолог-американист Т.А. Шаклеина обращается к структурному реализму и другим традиционным научным течениям, пытаясь ответить на вопрос, виновна ли Россия в тех грехах, в которых её обвиняют.

Автор второй главы, заслуженный профессор Аугсбургского университета Н. Нунан, рассматривает отношения двух стран в традиционной американской «линейной» схеме развития: начиная с Революции 1917 г. и заканчивая сегодняшним днём в привязке к правлению американских президентов. Несмотря на то, что оба автора опираются на исторические факты, картина получается разная. И в этом заключается одна из главных ценностей книги: она позволяет читателю сформировать собственное объективное мнение в отрыве от идеологических позиций и пропаганды, которая, как в годы холодной войны, сегодня стала преобладать в медийном пространстве двух стран и всё больше проникать в публикации научно-экспертного сообщества.

Третья глава, написанная заслуженным профессором МГИМО А.Д. Богатуровым, тоже обращена к современному миропорядку. Она предлагает читателю подумать над неуместностью разделения на «чёрное и белое» не только как аналитической парадигмы, но и как о пути к неконфронтационному существованию различных политических систем и держав в международных отношениях. Профессор Богатуров пишет о том, что такой подход способен породить две различных модели внешней политики государств-лидеров: ту, которая, чтобы выжить, должна поглотить и трансформировать под себя другие системы, и другую, которая частично трансформируется изнутри, но допускает мирное сосуществование с чуждыми ей системами. Автор описывает спиралевидную модель эволюции, как бы противопоставляя её идеям предыдущей главы, где линейный американский подход не оставляет России шансов на самобытность, говоря: «либо ты разовьёшься и примешь нашу идеологию, либо погибнешь». Выходя за рамки американского и традиционного отечественного системного подхода, автор противопоставляет глобализацию и мироцелостность, рассматривая в этой связи феномен России.

Четвёртая глава освещает новые вызовы и возможности для России в АТР. Её автор, академик А.В. Торкунов, анализирует предпосылки глобального тренда, направленного на «разворот в Азию», сложности военного, технического, экономического сотрудничества с Китаем, а также мотивы политики стран Запада в отношении выхода российских поставщиков на рынок восточного соседа. Автор сравнивает интеграционные процессы в АТР с предвоенной Европой XX в., и предсказывает возрастающую нестабильность в регионе, свя-

¹ How did we get here

занную сегодня с нежеланием США позволить Китаю выступать структурным организатором Азиатско-Тихоокеанского региона.

Организации постсоветского пространства посвящена пятая глава книги. А шестая – отдельно истории Республики Крым. Обе главы ценны не просто анализом текущей ситуации в контексте пристального внимания к ним со стороны западных стран, но и ретроспективой развития регионов, без которой понять историю формирования цивилизационного кода было бы невозможно. Сплетение вопросов региональной безопасности, разработки углеводородов, миграции, национальной идентичности, разного уровня жизни и экономического развития заставляют страны постсоветского пространства либо дистанцироваться, либо искать более тесных связей с Москвой, пишут доцент МГИМО И.С. Болгова и проректор А.А. Байков. Авторы характеризуют вопросы безопасности, как «негативно стабильные». Ту же картину сегодня представляет собой «замороженный» кейс вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Т.В. Вакулова, профессор СевГУ, даёт глубокий и совершенно необходимый англоговорящему читателю анализ истории Крымского полуострова, а также фактологический обзор событий 2014 г. В том числе автор разделяет вопросы присоединения Крыма и украинский кризис как таковой, а также поднимает актуальную проблему самоопределения народов и его правовое оформление в мировой практике.

Совместно доцент МГУ А.В. Фененко и проректор МГИМО А.А. Байков описали риски и возможности для сотрудничества России и США в открытом космосе как одной из немногих реальных сфер, оставшихся после начала проведения санкционной политики Вашингтона в отношении Москвы. Благодаря фундаментальному сравнительному анализу накопленного потенциала двух стран, авторы седьмой главы выявили максимально перспективные сферы взаимодействия: пилотируемое освоение космоса, программы по освоению Луны, по изучению «газовых гигантов» и планеты Венера.

Восьмая глава, написанная доцентом МГИМО, известным американистом И.А. Истоминым, повествует об эволюции стратегической стабильности, постепенно превращающейся в США из основной угрозы в ещё один вопрос двусторонней повестки в отношениях с Россией. Чтобы объяснить возрастающую зависимость некогда самостоятельного вопроса ядерной безопасности от ухудшения отношений между Москвой и Вашингтоном, автор анализирует широкий пласт источников и литературы – от теоретических концепций до официальных документов. И приходит к закономерному выводу, что ценность стратегической стабильности между двумя государствами менялась десятилетиями, видимое же обесценивание понимания угрозы возникло в Вашингтоне после окончания холодной войны, в то время как в Москве стратегический паритет в ракетно-ядерной сфере по-прежнему рассматривается как гарантия против возможного чрезмерного возвышения США. Само по себе снижение роли стратегической стабильности не влечёт за собой катастрофических последствий, уточняет ав-

тор. Однако затрудняет практику «увязки» другой двусторонней повестки с традиционной тематикой контроля над вооружениями.

Девятая глава снова отправляет читателя в АТР. Её автор, руководитель центра в ИВИ РАН И.Р. Томберг, исследует новую энергетическую политику Китая и возможности для России в контексте разногласий Пекина и Вашингтона во взгляде на мировой порядок. Автор подчёркивает, что от того, кого Китай выберет себе в партнёры, будет зависеть расстановка сил в мире.

Извечный вопрос американского мессианства в контексте столкновения с идеологией Советской России разбирает в десятой главе американский профессор А. Федяшин. Взяв за отправную точку «Апрельские тезисы» В.И. Ленина и Послание Конгрессу США В. Вильсона 1917 г., автор следит за взаимным восприятием в обществах двух стран, ролью идеологий, формированием национальных идентичностей и другими параллелями, доказывая, пожалуй, одну из краеугольных гипотез в изучении российско-американских отношений: наши две страны потому и соперничают, что очень похожи. Сегодня постзападный мир стремится к постидеологии, а США, выбрав Д. Трампа своим президентом, окончательно склонились в пользу национализма, отринув мессианство, пишет автор. Следовательно, новая холодная война – лишь очередной кризис мирового порядка, в котором родился реализм, основанный на суверенитете и идеологическом плюрализме.

Заключительная глава книги посвящена возможному улаживанию системного кризиса в российско-американских отношениях. Её автор, Т.А. Шаклеина, говоря о глобальных, региональных, национальных интересах двух стран, замечает их фундаментальные различия, как в объёме, так и в содержании. И что особенно важно и может быть извлечено только из личного опыта переговорного процесса с американскими коллегами, взаимная интерпретация интересов Москвы и Вашингтона почти никогда не совпадает с реальностью, так же как понимание вызовов и угроз для двух стран. Но всё равно, пишет автор, российско-американские отношения являются ключевым аспектом для будущего развития мира и вероятно дальше будут существовать в той же логике, что и последние 85 лет – соперничество, ограниченная вовлечённость и снова оппозиция. Во всяком случае пока не наступит осознание, что это не Россия угрожает США, а искажённое восприятие современных и будущих угроз в Вашингтоне.

Основная научная ценность монографии состоит в полярности мнений её авторов при сохранении единства концепции и логики структуры книги. Здесь читатель может найти и изоляционизм, к которому якобы стремятся в Вашингтоне, и обвинения в усилении гегемонии Соединённых Штатов в мире. Книга показывает американское видение украинского и сирийского кризисов, знакомое многим из иностранных публикаций, и тут же предлагает взгляд с российской стороны.

В ходе знакомства читателя с американским пониманием логики исторического процесса, авторам в то же время удаётся заронить в его сознание со-

мнение: а вдруг существуют и другие пути развития цивилизаций? Даже глядя на Китай, не получается прийти к однозначному ответу, в чём же заключается политика Поднебесной, и как изменится энергетическая, экономическая, продовольственная, финансовая картина мира, какое место в ней займут Россия, США, страны постсоветского пространства и их партнёры.

При этом, «русоцентричность» авторов отдельных глав, избранная, вероятно, в пику американскому подходу, основанному на практически полном отрицании роли современной России в организации мирового порядка, иногда кажется чрезмерной.

Есть и специфика американского восприятия международной реальности, которая обращает на себя внимание. Так, например, во второй главе читатель сталкивается с нестандартным для отечественного учёного подходом к интерпретации исторических событий. Исходя из логики повествования, представляется, что Советский Союз спровоцировал Запад, начав блокаду Берлина, на создание западного немецкого государства, а вовсе не денежная реформа 1948 г., план Маршалла и создание Бизонии и Тризонии подорвала веру Москвы в союзников и заключенные ранее соглашения. Этот пример, однако, является одновременно и ценностью монографии в силу объективного плюрализма точек зрения.

Актуальность затронутых в книге проблем подтверждают параллельные исследования специалистов-международников. Так, в ИМЭМО им. Примакова были опубликованы фундаментальные работы «Россия в полицентричном мире» 2011 г. [2] и «Глобальная перестройка» 2014 г. [1], которые перекликаются с темой монографии. Есть интересные работы и у зарубежных авторов. Помимо внушительного корпуса уже проработанной авторами литературы, можно выделить книги «Мировая неразбериха: американская внешняя политика и кризис прежнего порядка» 2017 г. [3], президента Совета по международным отношениям Р. Хааса, «Россия и Новый мировой беспорядок» Б. Ло 2015 г. [5]. Небезынтересным может показаться проблематика технологического развития и связанных с ним вероятных тектонических социальных сдвигов, раскрытая в книге американского учёного китайского происхождения Ли Кай Фу «Великие державы искусственного интеллекта: Китай, Силиконовая долина и Новый мировой порядок» 2018 г. [4].

При этом следует отметить, что монография «Россия и США в формирующемся миропорядке» содержит ряд имеющих принципиальное значение выводов и оценок, написана высококлассным английским языком, понятна и проста в прочтении и понимании. Она, безусловно, является ценным вкладом в изучение и прогнозирование процесса формирования международных отношений.

Книга, вне всякого сомнения, представит интерес для специалистов, и широкого круга читателей. Однако основное её предназначение, как представляется, заключается в знакомстве англоязычной аудитории с рядом традиционных и современных проблем российско-американских отношений. Ввиду нехватки

отечественных исследований на иностранных языках, книга выполняет важную функцию балансировки в подаче материала неподготовленному молодому эксперту. Это именно то, чего не хватает современным западным студентам, которые много читают, но не склонны к самостоятельному анализу.

Список литературы

1. Глобальная перестройка / Отв. ред.: А.А.Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Весь мир, 2014. 528 с.
2. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., Весь Мир, 2011. 580 с.
3. Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press. 2017. 352 p.
4. Kai-Fu L. AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. Houghton Mifflin Harcourt, 2018. 272 p.
5. Lo B. Russia and the New World Disorder. Brookings Institute Press. 2015. 370 p.

Об авторе:

Александра Романовна Борисова – к.п.н., н.с. Сектора внешней и внутренней политики США, ЦСАИ, ИМЭМО РАН. 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: a-borisova@imemo.ru.

RUSSIA AND THE UNITED STATES: LONG-TERM CONFRONTATION OR NEW RULES OF THE GAME?

A.R. Borisova
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-262-268

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Book review: A. Torkunov, N. Noonan, T. Shakleina: Russia and the United States in the evolving world order. Moscow MGIMO-University 2018. 414 p.

The title of this English-language book «Russia and the United States in the evolving world order» makes a reader think about the expert discussion on the «new», «transforming», «evolving» world order, and even as some researchers propose «disorder». The authors try to answer, perhaps, the most important question of the current international relations: what the world will look like tomorrow.

Key words: Russian-American relations, world order, regional stability, nuclear security, outer space research, energy security, Asia-Pacific region, China, Crimea, Post-Soviet states.

References

1. Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) *Global'naya perestroika* [Global restructuring]. Moscow: Ves' mir Publ. 2014. 528 p. (In Russian).

2. Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) *Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in the polycentric world]. Moscow: Ves' mir Publ., 2011. 580 p. (In Russian).
3. Haass R. *A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. Penguin Press. 2017. 352 p.
4. Kai-Fu L. *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. Houghton Mifflin Harcourt, 2018. 272 p.
5. Lo B. *Russia and the New World Disorder*. Brookings Institute Press. 2015. 370 p.

About the author:

Alexandra R. Borisova – PhD in Political Science, Research Fellow in the Center for North American Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) Russian Academy of Sciences. Russia. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997. E-mail: a-borisova@imemo.ru.

РАКУРСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

С.М. Хенкин

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Рецензия на книгу: Идентичность: Личность, общество, политика / Под редакцией члена-корреспондента РАН И.С. Семеновко. Энциклопедическое издание. М.: «Весь мир», 2017. 992 с.

Энциклопедическое издание представляет собой фундаментальный труд, посвященный изучению современного научного дискурса по проблеме идентичности и практики использования этой категории как способа объяснения социальной реальности. Авторы рассматривают проблематику идентичности в самых разных ракурсах – ее концепт, основные разновидности и измерения, методологические подходы и методы изучения, научные портреты авторов, в разное время занимавшихся ее изучением. В написании энциклопедического издания участвовали десятки ведущих ученых из академических институтов и университетских центров России.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, дискурс идентичности, измерения идентичности, глобализация, социальные трансформации.

Качественные и противоречивые сдвиги во многих странах современного мира, связанные с глобализацией и локализацией, массовизацией и одновременно атомизацией общества, значительным увеличением структур и институтов ставят вопрос о необходимости глубокого осмысления субъективной составляющей происходящих перемен. Устоявшиеся категории сознания, менталитета, самоопределения зачастую уже не могут объяснить многомерность социальных трансформаций в их субъективном измерении. В повестке дня оказался поиск научной дефиниции, оптимальной для адекватного отражения разворачивающихся процессов. Такой категорией стала идентичность, прочно закрепившаяся в современном политическом лексиконе и общественном сознании. Самоидентификация в ее разных измерениях – национальном, гражданском, идейно-политическом, цивилизационном, религиозном играет очень значимую роль в жизни людей.

Поступила в редакцию 31.03.2018 г.

Принята к публикации 25.05.2018 г.

Рецензируемое энциклопедическое издание представляет собой объемное (в книге 992 страницы!) фундаментальное исследование, посвященное изучению различных аспектов идентичности. В центре внимания авторов – анализ современного научного дискурса по проблеме идентичности и практики использования этой категории как способа объяснения социальной реальности. В семи разделах работы представлены концепт идентичности и методологические подходы и методы ее изучения; социально-политические изменения и их влияние на динамику идентичности; основные разновидности идентичности и траектории их трансформации в современном мире; основные понятия, используемые в научном дискурсе, в концептуализации значимых для формирования идентичности социальных и политических практик; научные портреты исследователей, в разное время занимавшихся изучением идентичности; «работа» концепта идентичности в прикладном политическом анализе; когнитивная карта понятий, используемых в современном научном дискурсе по проблемам идентичности.

В подготовке издания участвовали десятки ведущих ученых из академических институтов и университетских центров России. Костяк авторского коллектива составили ученые из Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Автор идеи, инициатор и координатор работы – руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН И.С. Семененко.

Реализации масштабного проекта предшествовала большая подготовительная работа. У ее истоков стояли исследования по массовому сознанию, которые велись в ИМЭМО с 1970-х гг. под руководством Г.Г. Дилигенского (1930-2002), крупного российского ученого, создавшего отечественную школу социально-политической психологии и давшего импульс исследованию идентичности как категории политического анализа. Рецензируемое издание продолжает целый ряд предыдущих публикаций его участников, в частности, два коллективных труда, вызвавших большой интерес в российском научном сообществе [2]. Заметим, что в последнее десятилетие в России заложена традиция изучения идентичности. Ученых, занимающихся этой проблематикой, объединяет Сеть по исследованию идентичности¹ – открытый информационно-аналитический ресурс, инициированный участниками рассматриваемой работы, а также исследовательский комитет Российской ассоциации политической науки по проблемам идентичности.

Концепт идентичности органично вписался в междисциплинарный контекст анализа процессов современного мирового развития. Он используется историками, социологами, антропологами, этнологами, культурологами,

¹ Сайт Экспертной сети по исследованию идентичности [Электронный ресурс] URL: <http://identityworld.ru> (дата обращения: 03.05.2018 г.)

лингвистами. Во всех этих сферах научного знания категория идентичности позволяет изучать механизмы отражения индивидуального сознания в коллективных представлениях и практических действиях. В политической науке концепт идентичности расширяет предметное поле исследований, соединяя индивидуальный и надиндивидуальный срезы сознания и поведения на уровне социальных групп и сообществ разной конфигурации – от профессиональных до национально-государственных (с. 23). Исследуя концепт идентичности в ее индивидуальном измерении, авторы обращают внимание на ее внутреннюю смысловую многомерность, «парадокс», заключающийся в том, что она может пониматься как тождественность (соотнесенность с кем-то и чем-то) и отличия от «других», и в то же время как «самость» («кто я»).

В наше время, когда прежняя парадигма общественного развития оказалась во многом исчерпанной, и мир подошел к рубежу перестройки фундаментальных основ правопорядка, проблема идентичности приобрела особую актуальность. Авторы многих глав констатируют кризис идентичности, распад прежней традиционной целостности позиционирования человека в окружающем мире. В.В. Лапкин обращает внимание на то, что происходит снижение интенсивности самоидентификации индивидов со своими традиционными большими сообществами (от государства до конфессии или структур родства), формируется запрос на иные ролевые паттерны (с. 91). Развивая эту мысль, Н.Н. Федотова замечает, что информационные технологии глобализировали мир и создали новые идентичности, в том числе и в виртуальном пространстве, которые отличаются от коллективных идентичностей, создававшихся в эпоху модерна и связаны с национальным государством (с. 290). В.С. Мартыянов добавляет к сказанному, что ныне переживают кризис классические формы институционализации классовых интересов граждан, такие, как партии и профсоюзы. На смену консолидации классового и профессионального характера приходит сплочение на иной основе – этнонациональной, расовой, языковой, религиозной (с. 307-308).

Динамичные и радикальные социальные перемены преобразуют всю совокупность идентификационных ориентиров. В сложносоставном урбанизированном обществе, характеризующемся фрагментацией и даже атомизацией, стремительно возрастает многообразие функций и ролей индивида. Если традиционные общества характеризовались устойчивым образом жизни, неизменностью социальных ролей и передачей идентичности из поколения в поколение, то современному человеку присуща множественность идентичностей, их многоуровневый и многосоставной характер. При этом формирующий идентичность процесс идентификации представляет собой небесконфликтное взаимодействие множественных идентичностей, когда то одна, то другая из координат индивида или группы выходит на передний план. Речь идет о целом ряде взаимодействий: между субъектом и объектом самоидентификации (группой, сообществом), между субъектом и Другим (объектом размежевания и противоположения), между множественными идентичностями субъекта, между вче-

рашной и сегодняшней идентичностью, между индивидуальной и коллективной идентичностью (с. 42).

Идентичность становится «гибридной, множественной, смешанной, плавающей» (с. 307). Яркий пример тому - сдвиги в социальной структуре общества, в которой исчезает средний класс – опора прежнего миропорядка. На смену ему приходит прекариат, социальный слой людей, основными характеристиками которого являются неопределенность положения, необходимость браться за любую работу, отсутствие устойчивых социальных связей и связанные со всем этим неудовлетворенность и озлобление (с. 116). По оценке известного британского социолога З. Баумана, автора работы «Индивидуализированное общество», попытки добиться устойчивой идентичности являются сегодня утопическими [1, с. 113-118]. Иными словами, неустойчивая идентичность превратилась в норму жизни современных обществ.

Все субъекты идентичности – и отдельный индивид, и ее коллективные носители – общество, этнос, народ, страна и т.д. находятся в процессе непрерывной реидентификации. Два полюса этой реидентификации – стабильность и нестабильность. По существу, идентичность включается в процесс нелинейного развития современного мира и оказывается сама подвержена воздействию фактора нелинейности (с. 287).

Ключевая роль в формировании политики идентичности принадлежит государству, которое задает общие ориентиры развития политического сообщества и общие представления о нем. В осуществлении этой политики участвуют также представители политической элиты и «публичные интеллектуалы» – авторитетные университетские профессора, представители экспертных структур, журналисты. В ее поле вовлечены религиозные организации различного толка и организации гражданского общества (последние предлагают альтернативные модели самоидентификации). В информационном обществе формируются также транснациональные идентичности – процесс, в котором участвуют представители бизнес-сообщества (с. 652).

Политика идентичности проводится на разных уровнях управления – национальном, региональном, локальном. Осуществляя ее, государство использует символическую политику (ее исследует О.Ю. Малинова), политику языка (Н.М. Мухарьямов) и политику исторической памяти (И.В. Самаркина, В.И. Пантин). Символическая политика рассматривается в работе как публичная деятельность, связанная «с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» (с. 658); языковая политика приобретает «определяющее значение при формировании соответствующих структур восприятия и объяснения тождества и различий» (с. 677); политика памяти включает интерпретацию исторических событий, их оценку и разработку «стратегии формирования представлений об исторической роли данного народа, нации или социальной группы» (с. 671).

Можно согласиться с И.С. Семененко, отмечающей, что политика идентичности в определенном объеме выполняет функции политической идеологии в ее «мягком варианте», предусматривающем для граждан возможности альтернативного выбора политических предпочтений». Эта политика может ориентироваться как на поддержание различий, так и на укрепление надгрупповых солидарностей (с. 651).

Политические элиты используют идентичность в качестве инструмента нациестроительства. И здесь огромное значение приобретает феномен Другого – группы, внешней по отношению к Я, в сопоставлении с которой происходит идентификация. «Другой» становится катализатором в преодолении внутреннего конфликта идентичностей и в формировании общей национальной идентичности (например, в свое время великие европейские державы – для Швейцарии, Германия – для Франции, Австрия – для Италии). В формировании чувства общности велика и роль символов – от флагов и государственных гимнов до литературных произведений, от территорий, имеющих историческое значение, до памятников и национальных героев (с. 184).

Интересен раздел работы, посвященный цивилизационным и политико-культурным ракурсам идентичности. Цивилизационная идентичность – одно из фундаментальных слагаемых данного феномена. Эта идентичность представляет собой один из наиболее постоянных, многовековых способов отнесения себя к какой – либо человеческой общности. Цивилизационные структуры намного прочнее, чем политические и идеологические системы. Цивилизационная устойчивость проявляется как посредством объективных форм, так и с помощью определенных поведенческих и психологических стереотипов, коллективных представлений общества. Переплетаясь с религиозной идентичностью, цивилизационная идентичность включает, в отличие от последней, не только традиции и обычаи, но также светские культурные нормы. Поэтому она присуща также неверующим людям (с.144). В современном мире цивилизационная идентичность играет очень важную роль в возникновении этносоциальных и политических конфликтов, подтверждая ряд положений концепции «столкновения цивилизаций» известного американского ученого С. Хантингтона [3].

Авторы энциклопедического издания исследуют пути формирования и основные слагаемые российской (К.Г. Холодковский, С.П. Перегудов), европейской (Ю.Г. Чернышов), североамериканской (Е.В. Морозова), ибероамериканской (И.Л. Прохоренко), китайской (А.В. Виноградов), индийской (А.Г. Володин), мусульманской (И.В. Кудряшова), афро-христианской и афро-исламской (Л.А. Андреева) политических идентичностей. При этом идентичность в современном политико-государственном значении этого понятия они трактуют как «комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов и их сообществ» с определенным политическим сообществом и его гражданами (с. 156). Отдельно рассма-

тривается космополитическая идентичность, интерпретируемая как «представление человека о себе как о гражданине мира» (Л.А. Фадеева, с. 250).

Несомненная заслуга авторов – создание словарного раздела, в котором систематизированы и проанализированы базовые категории, используемые в научном дискурсе по проблематике идентичности (индивидуальная идентичность, коллективные и групповые идентичности, социальная идентичность, сообщество, аскриптивные и приобретенные идентичности). При этом ученые (авторы соответствующих разделов А.Н. Кимберг, Е.О. Труфанова, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, Л.А. Фадеева, П.В. Панов, О.В. Попова) не только четко формулируют и разъясняют понятия, обстоятельно представляют порой разные их интерпретации, но и вводят в научный оборот целый ряд новых категорий. Таково, например, понятие «онтологическая идентичность» – самый глубокий слой личностной идентичности, базовая интуиция (и даже в какой-то мере осмысление) своего внутреннего единства «с бытием, с миром, со святыней», которая в разных исторических ситуациях и у разных людей может проявляться по-разному – от латентной (а нередко размытой и даже деградировавшей), до жертвенной и альтруистической (Е.Б. Рашковский, с.339). К числу новых можно отнести и категорию «макрополитическая идентичность», обозначающую «всю совокупность различных способов идентификации с сообществом, которое ассоциируется с современным государством». Это понятие шире, чем термин «политическая идентичность», поскольку указывает на идентификацию с более широким сообществом, солидарность поверх границ, определяющихся политическими и идеологическими предпочтениями (О.Ю. Малинова, с.369).

В словарный раздел издания органично вписывается и исключительно широкий спектр измерений идентичности: социокультурное, политическое, национальное и этнополитическое, пространственное и территориальное, социально-стратификационное и ролевое. Все эти измерения идентичности рассматриваются авторами как важные ресурсы общественного развития. При анализе их раскрывается содержание соответствующих понятий, роль их носителей, приводятся существующие в научной литературе точки зрения.

Сюда же включен анализ дискурсов идентичности, их идейно-политические ориентиры, ценности и смыслы. Большое внимание при этом уделяется ценностно-политическим проектам формирования идентичности – широкомасштабным идеологическим стратегиям, которые формулируются политической властью от имени больших социально-политических общностей и ставят целью легитимизировать проводимый курс и конкретные политические решения (с.593, Д.Б. Казаринова). В ряду исследуемых авторами дискурсов – патриотизм (А.Л. Бардин), популизм (Г.И. Вайнштейн), фундаментализм (И.В. Кудряшова), энвайронментализм и экологическая идентичность (Е.В. Саворская), коммуитаризм (К.А. Сулимов), а также альтернативные политические дискурсы, ориентирующиеся на то, чтобы найти новые формы сочетания тенденций индивидуализации сознания с потребностью в социальной интеграции («третий путь»,

альтерглобализм/антиглобализм, «пиратское движение») (Н.В. Работяжев, Т.Л. Ровинская).

Словарный раздел дополняет когнитивная карта понятий, использующихся в современном научном дискурсе по проблемам идентичности. Авторы очерчивают контуры поля идентитарных исследований, включив в карту понятий совокупность терминов, характеризующих составляющие и проекции идентичности, а также категорий, раскрывающих ориентиры и векторы ее трансформации, субъекты и контексты этих трансформаций.

Отдельный раздел работы посвящен научным портретам исследователей, которые занимались и занимаются сейчас изучением идентичности. Список персоналий библиографического словаря включает 42 авторов, как зарубежных (например, Дж. Локк, З. Бауман, У. Бек, Э. Геллнер, М. Кастельс, Э. Фромм, С. Хантингтон), так и российских (М. Бахтин, Л. Выготский, Г. Дилигенский, И. Кон, Ю. Левада и другие ученые).

Безусловно, рецензируемое издание «не закрывает» изучение проблематики идентичности. В современном бурно развивающемся и стремительно меняющемся мире исследование субъективной составляющей политики будет продолжаться, а список соответствующих дефиниций пополняться и уточняться. В целом же перед нами труд, который, структурируя научный дискурс и формируя повестку дня исследований идентичности в политической науке, одновременно позволяет лучше понять процессы формирования современной сложной социальной реальности. Энциклопедическое издание относится к числу тех, без опоры на которые невозможно себе представить дальнейшие исследования в области идентичности.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т.2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Отв. ред. И.С. Семенов. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 471 с.
3. Huntington S. P. The clash of civilizations? // Foreign affairs. 1993. Pp. 22-49.

Об авторе:

Сергей Маркович Хенкин – д.и.н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: sergkhenkin@mail.ru.

IDENTITY PERSPECTIVES

S.M. Khenkin

DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-269-276

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Book Review. Identity. Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir Publishers, 2017. 992 p. (In Russian)

The Encyclopedic Edition represents a seminal volume devoted to the research of the present-day scientific discourse on the problems of identity and the practical application of this category to explanation of social reality. The authors view the problems of identity from various perspectives, focusing on the conceptual meaning, main types and dimensions, methodological approaches and research methods, portraits of scholars studying identity at different times. Dozens of leading scholars from academic institutions and university centers of Russia contributed to the publication.

Key words: identity, self-identification, identity discourse, identity measurement, globalization, social transformation

References

1. Bauman Z. *Individualized society*. Moscow: Logos, 2002. 390 p. (In Russian).
2. *Political identity and identity policy* [Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti]. In two volumes. Vol.2 : Identity and socio-political changes in the 21st century [Identichnost' i sotsial'no-politicheskiye izmeneniya v XXI veke]. Ed. by Semenenko. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2012. 471 p.
3. Huntington S. P. The clash of civilizations? *Foreign affairs*. 1993, pp. 22-49.

About the author:

Sergey M. Khenkin – Ph.D (history), professor of Comparative politics department. MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: sergkhenkin@mail.ru.